

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А. М. Сэндзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С. М. Севярын

Міжнародны савет:
Антон Мірановіч (Польшча)
Марк Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б. В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:
А. М. Вабішчэвіч
(адказны рэдактар)
В. Ф. Байнёў
Т. А. Гарупа
А. А. Гужалоўскі
Т. І. Доўнар
А. І. Забейварота
У. В. Здановіч
У. Л. Ключня
У. У. Лосеў
Б. М. Ляпешка
А. А. Савіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 года

Серыя 2

ГІСТОРЫЯ ЭКАНОМІКА ПРАВА

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 1 / 2020

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 30.01.2020 № 22
(са змяненнямі, унесенымі загадам ВАК ад 09.03.2020 № 62)
часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта»
Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права» ўключаны
ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Вабищевич А. Н. Рубельский православный приход на Столинщине (1920-е гг. – начало XXI в.)	5
Бурик Е. А. Развитие внешних контактов Брестской области с зарубежными странами во второй половине 1950-х – конце 1970-х гг.	18
Сушко В. В. Возникновение и основные формы деятельности церкви евангельских христиан-баптистов на белорусских землях	27
Башков А. А. Практическое применение результатов археологических исследований в реставрационном деле на памятниках резиденциональной архитектуры XVIII–XIX вв. на Брестчине	33
Карпович О. В. События восстания 1863 г. в Пинском уезде	46
Чайкин С. Н. Обеспечение порядка отбывания тюремного заключения на белорусских землях во второй четверти XIX в. – 1870-х гг.	57
Ши Вэй. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций – помощник в реализации инициативы «Пояс и Путь»	64
Лаўрэнка Л. В. Стацыянарны гандаль на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг.	69
Буйновский А. С. Владислав Конопчинский и его оценка причин падения Речи Посполитой	78
Шевелев Д. Л. «Историописание снизу»: палестинский исторический нарратив и доктрина «Народного сопротивления»	84

ЭКАНОМІКА

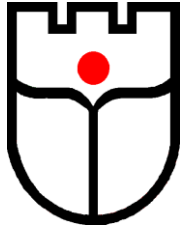
Конончук В. В. Моделирование урожайности зерновых культур в условиях проявления агроэкологических рисков	90
Костенко Н. В., Хомюк Л. Ю. Внешнеэкономическая политика Республики Беларусь в рамках ЕАЭС	96
Прыгун И. В., Романович С. П. Методологические основы и этапы развития стратегического планирования в Республике Беларусь	106
Кобринская О. Г. Модели стресс-тестирования и факторы влияния	115

ПРАВА

Береговцова Д. С. Закрепление презумпции несогласия на забор органов и тканей при посмертном донорстве в законодательстве зарубежных государств (на примере США)	121
Храмов С. М., Сильченко Т. В. Проблемные аспекты осуществления последующего этапа расследования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних	126
Иванчина О. Н. Коррелянты преступности: сущность, подходы и результаты исследований	135
Гончаров В. В. Институционализация форм прямой демократии в законодательстве Российской Федерации: конституционно-правовой анализ современных проблем и перспектив их разрешения	146
Резюк В. И. Структура и содержание криминологической характеристики отдельного вида преступности: концептуальные подходы определения и унификация	153
Становая О. В. Сравнительный анализ концессионного соглашения и договора подряда по законодательству Республики Беларусь	159
Цюга С. А. Избиратели, кандидаты на выборные должности и их доверенные лица как основные участники избирательного процесса	166
Дутко А. А. Понятие и признаки юридических конструкций как средств законотворческой техники ...	175
Бильдейко А. А. Административная ответственность за нарушения законодательства о закупках при строительстве: пути законодательного совершенствования	182
Журова М. А. Механизм расследования коррупционного правонарушения в теннисе	192

РЭЦЭНЗІІ

Мірановіч А. Гістарыяграфічны погляд на Заходнюю Беларусь у складзе міжваеннай Польшчы	198
---	-----

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
A. N. Sender

Deputy editor-in-chief:
S. M. Sevyaryn

International Board:
Anton Miranovich (Poland)
Mark Pilkington (France)
Stanislav Rudolf (Poland)
B. V. Salikhau (Russia)

Editorial Board:
A. M. Vabishchevich
(managing editor)
V. F. Bajnyou
T. A. Garupa
A. A. Guzhalouski
T. I. Dounar
A. I. Zabeivarota
V. V. Zdanovich
V. L. Klunia
V. V. Loseu
B. M. Lyapeshka
A. A. Savich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
21, Kosmonavtov Boulevard
tel.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued twice a year

Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 1 / 2020

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 nr 94 as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 30, 2020 nr 22 (with the amendments made by the orders of Supreme Certification Commission from March, 09, 2020 nr 62) the journal «Vesnik of Brest University. Series 2. History. Economics. Law» has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in historical, economic and law sciences

INDEX

HISTORY

Vabishchevich A. N. The Orthodox Parish in the Village of Rubel in the Stolin Region (1920s – Early 21st Century)	5
Burik E. A. The Development of External Contacts of the Brest Region with Foreign Countries in the Second Half of the 1950s – Late 1970s	18
Sushko V. V. Origin and Main Forms of Activity of the Evangelical Christian Baptist Church in the Belarusian Lands	27
Bashkov A. A. Practical Application of Results of Archaeological Researches in Restoration on the Monuments of Residential Architecture XVIII–XIX Centuries in Brest Region	33
Karpovich O. V. Events of 1863 Uprising in Pinsk County	46
Chaikin S. N. The Maintaining Order of Prison Sentence on Belarusian Lands in Second Quarter of the XIX Century – 1870s	57
Shi Wei. Asian Infrastructure Investment Bank – Assistant in to the Implementation of the «Belt and Road» Initiative	64
Laureyanka L. V. Stationary Trade on the Territory of Western Belarus in 1921–1939	69
Buinovski A. S. Vladislav Konopczynski and his Assessment of the Reasons for the Fall of the Polish-Lithuanian Commonwealth	78
Sheveliov D. L. A «History from Below»: The Palestinian Historical Narrative and the Doctrine of the «Popular Resistance»	84

ECONOMICS

Kononchuk V. V. Modeling of Grain Crops Yield in Conditions of Agroecological Risks	90
Kostenko N. V., Khomyuk L. Yu. Foreign Economic Policy of the Republic of Belarus within the EAEU	96
Pryhun I. V., Romanovich S. P. Methodological Bases and Stages of Strategic Planning Development in the Republic of Belarus	106
Kobrynskaya O. G. Stress Models – Testing and Influence Factors	115

LAW

Berahautsova D. S. Consolidation of the Presumption of Disagreement on the Removal of Organs and Tissues during Post-Mortem Donation in the Legislation of Foreign Countries (on the Example of the USA)	121
Chramov S. M., Silchenko T. V. Problem Aspects of Implementation of the Next Stage of the Investigation of Forced Actions of Sexual Character Performed against Minors	126
Ivanchina O. N. Crime Correlants: Essence, Approaches and Results of Research	135
Goncharov V. V. Institutionalization of Forms of Direct Democracy in the Legislation of the Russian Federation: Constitutional and Legal Analysis of Modern Problems and Prospects for their Resolution	146
Rezyuk V. I. Structure and Content of the Type of Criminality: Conceptual Approaches of Definition and Unification	153
Stanovaya O. V. Comparative Analysis of Concession Agreement and Contract of Employment under the Legislation of the Republic of Belarus	159
Tsjuga S. A. Voters, Candidates for Elective Offices and Their Proxies as the Main Participants in the Electoral Process	166
Dutko A. A. Concept and Signs of Legal Constructions as a Means of Law-Making Techniques	175
Bildeiko A. A. Administrative Responsibility for Offences of Procurement Law in Construction: Ways of Legislative Improvement	182
Zhurava M. A. Anti-Corruption Mechanism in Tennis	192

REVIEWS

Miranovich A. Historiographical View of Western Belarus as Part of Interwar Poland	198
---	-----

ГІСТОРЫЯ

УДК 271.2(091)+94(476)

А. Н. Вабищевич

*д-р ист. наук, проф., зав. каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: vabischev@rambler.ru*

РУБЕЛЬСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД НА СТОЛИНЩИНЕ (1920-е гг. – НАЧАЛО XXI в.)

Проанализированы материальное положение священников, церковнослужителей и прихожан, доходы и расходы Свято-Михайловской Рубельской церкви, социально-демографическая ситуация в приходе, уровень религиозности; отражены значимые события в жизни местного населения в 1920–1930-е гг. Раскрыта церковно-приходская жизнь в сложных условиях атеистической политики Советского государства в 1940–1980-е гг., выявлена устойчивая приверженность жителей к религиозным ценностям и традициям, показано современное состояние прихода. Впервые введен в научный оборот целый ряд источников из архивных фондов, осуществлен анализ церковно-приходской летописи Рубельской церкви.

Введение

Статья посвящена истории Свято-Михайловского Рубельского православного прихода в 1920-е гг. – начале XXI в., куда входили деревни Рубель и Хотомель (Столинский р-н Брестской обл.), и является продолжением публикации автора по истории прихода в конце XVIII – начале XX в. [1].

Объективные исследования противоречивого характера религиозной жизни Беларуси, эволюции государственно-церковных отношений (особенно советского периода) стали проводиться в исторической науке лишь на современном этапе ее развития. Однако история церковных приходов (как крупных, так и мелких) еще не стала предметом отдельного изучения, а это может быть чрезвычайно важным в контексте востребованных микроисторических исследований, посвященных отдельным регионам и населенным пунктам, анализу повседневной жизни, ментальности их жителей в прошлом. Особенно важно изучение и сохранение этого ценного массива отечественного историко-культурного и духовного наследия в связи с проведением в Республике Беларусь в 2018–2020 гг. Года малой родины.

Целью статьи является исследование церковно-приходской жизни Рубельского Свято-Михайловского православного прихода (Столинский р-н) – одного из самых многочисленных не только в Брестской области, но и в Беларуси. Хронология исследования охватывает западнобелорусский период (1921–1939 гг.), период нацистской германской оккупации (1941–1944 гг.), советский период (1939–1941, 1944–1991 гг.) и современность (с 1991 г. до настоящего времени).

Для достижения поставленной цели определены задачи:

- 1) ввести в научный оборот комплекс выявленных источников по истории Рубельского православного прихода, особенно архивных документов;
- 2) охарактеризовать материальное состояние причта, прихожан, морально-нравственный уровень, религиозность населения; раскрыть социально-демографическую ситуацию; показать меры по сохранению приходского храма и храмовой территории; выделить важные события в истории прихода;
- 3) проанализировать церковно-приходскую летопись Рубельской Свято-Михайловской церкви, выявить количественные и качественные показатели для реконструкции повседневной жизни прихожан в 1920–1930-е гг.;

4) раскрыть характер приходской жизни во время Великой Отечественной войны и в послевоенные десятилетия (1940–1980-е гг.), определить факторы самосохранения в условиях антирелигиозной советской политики, показать процесс современного церковного возрождения.

Рубельский приход в 1920–1930-е гг. Церковная летопись

После Рижского мирного договора 1921 г. д. Рубель до сентября 1939 г. входила в состав Польского государства и относилась к Хорской гмине Столинского повета Полесского воеводства. Это был крупный сельский населенный пункт: в 1921 г. там насчитывалось 457 жилых строений, где проживало 2 858 человек. Конфессиональный состав населения был следующим: православных – 2 504 (87,6 %), иудеев – 349 (12,2 %), католиков – 5 (0,2 %) [2, с. 35]. Деревня Хотомель, относившаяся к Столинской гмине, оставалась в составе Рубельского православного прихода; там было 99 хозяйств, 86 домов, проживал 591 человек [3, л. 3; 4, л. 2]. Рубельский приход входил в Давид-Городокское благочиние Полесской епархии с центром в Пинске.

В приходе по-прежнему основной была Рубельская Свято-Михайловская церковь, построенная в 1796 г. С 1918 г. ее настоятелем был священник Сергей Мартинович Лавровский. После него в 1919–1931 гг. настоятелем являлся Иоанн Рожанович, 1871 г. рождения, уроженец местечка Ишкольд Новогрудского уезда. После окончания Минской духовной семинарии он служил в разных храмах Туркестанской и Ташкентской епархий. При И. Рожановиче в 1928 г. для Рубельской церкви был отлит колокол. Кроме настоятеля пожертвования для изготовления колокола (о чем свидетельствует надпись на нем) внесли псаломщик Николай Пыжевич, церковный староста Каленик Стреха, местные жители Степан Огиевич, Петр Апанович, Григорий Волочкович.

После И. Рожановича, которого перевели в Николаевскую церковь местечка Городная Столинского повета, настоятелем Рубельской церкви в 1931–1945 гг. был Алексей Семенович Задерковский, выпускник Виленской духовной семинарии. Согласно отчетной ведомости прихода за 1932 г., кроме 30-летнего настоятеля среди церковнослужителей был псаломщик Николай Пыжевич (43 года). При церкви был хор, куда входило 30 человек во главе с Адамом Липским. Основными храмовыми праздниками были Собор Архистратига Михаила (8 ноября; 21 ноября по новому стилю), 3-й день Святой Троицы и Воздвижение. Всего в 1932 г. на территории прихода (в двух деревнях) проживало 4 166 человек (в 1934 г. – 4 227 человек), из них православных – соответственно 3 802 (3 876), католиков – 18 (25), иудеев – 340 (313), протестантов («сектантов») – 6 (13). В 1934 г. было совершено 190 крещений, 37 браков, 94 погребения; в двух начальных школах числилось 707 детей, среди которых 680 православных, 8 католиков, 19 – других исповеданий. Для учащихся в неделю преподавалось 15 уроков Закона Божьего [5, л. 8].

Псаломщик Н. Пыжевич был из династии церковнослужителей Рубельского прихода. Его дед Дмитрий Гаврилович Пыжевич был дьяконом, а отец Захарий Дмитриевич Пыжевич – псаломщиком-дьяконом. Еще 19 июля 1921 г. Яков Шеметилло, благочинный, в своем отзыве епископу Пинскому и Новогрудскому Пантелеимону дал положительную характеристику Н. Пыжевичу: «Николай Захарьев Пыжевич, сын псаломщика-диакона Рубельской церкви Мозырского уезда Захарии Димитриева Пыжевича, родился 1889 г. 30-го октября (на основании церковной метрики [6, л. 140об.–141] нами уточнена дата рождения – 26 октября 1889 г. – А. В.). Получив домашнее воспитание, он в 1899 г. поступил для получения образования в Пинское духовное училище. В 1902 г. он вследствие бедного положения своих родителей, воспитывающих в том же училище еще двух своих сыновей, выбыл из означенного училища со второго класса... В 1909 г. выдержал при Пинском духовном училище экзамен на звание учителя цер-

ковно-приходской школы, с какового времени и состоял учителем церковно-приходских школ... По мобилизации в 1914 г. был принят в ряды армии и был зачислен в число рядовых. За честное и усердное отношение к военному делу награжден в 1916 г. серебрянной медалью на Станиславской ленте и Георгиевской медалью. По выходе из военной службы он опять предался учительству при Блеховском министерском начальном училище Мозырского у.[езда]» [7, л. 4–4об.].

В личном письме епископу Пинскому и Полесскому Александру (Иноземцеву) 4 августа 1924 г. З. Д. Пыжевич просил отпустить его за штат по возрасту (63 года) и из-за обострения отношений с настоятелем церкви, а вместо него назначить псаломщиком сына Николая. «Прослужил я на настоящем приходе псаломщиком 41 год и за время всей службы никогда не был замечен ни в чем предосудительном. За свою трезвую жизнь был уважаем о[тцами] настоятелями и прихожанами, а в 1918 году по представлению о. благочинного был награжден за усердную службу саном дьякона» [7, л. 18]. Вскоре в том же 1924 г. Н. Пыжевич стал псаломщиком в Рубельском приходе, особенно зарекомендовал себя при настоятеле А. Задерковском. Представляя в 1934 г. Н. Пыжевича к посвящению в дьяконы, благочинный, протоиерей А. Беляев называл его умным, моральным, хорошим христианином, принимающим активное участие в общественной работе. «С большой энергией и умилением учит детей чтению на славянском языке, организовал совершенный церковный хор из школьной детворы, который меня попросту впечатлил во время богослужения на Святую Троицу в Рубле» [7, л. 22–22об.]. После сдачи квалификационного экзамена на священника в 1938 г. Н. Пыжевич был назначен настоятелем Свято-Николаевской церкви в Старом Селе Столинского повета (теперь Ракитновский р-н Ровенской обл. Украины). Во время Великой Отечественной войны вместе с семьей оказывал помощь партизанам, погиб от рук оккупантов во время карательной операции.

Весьма ценным источником по изучаемой теме является приходская летопись Рубельской Свято-Михайловской церкви. В современных исследованиях российских и белорусских авторов (Ю. Лабынцева, Л. Щавинской, С. Добренького, В. Черепицы, В. Кулаженко, Л. Кулаженко, Р. Чуля и др.) уже неоднократно подчеркивалась значимость церковно-приходских летописей в изучении не только конфессиональных проблем, но и региональной истории [8–9; 10, с. 344–357; 11–13]. Начатое примерно в 1860-е гг. церковное летописание в Западной Беларуси продолжалось в период между Первой и Второй мировыми войнами, а в некоторых приходах – и во время Второй мировой войны, и в послевоенные десятилетия (1940–1980-е гг.).

Рубельская церковно-приходская летопись начала вестись с 1877 г. Однако после этого года записи в летописи вообще не производились и возобновлены только в 1927 г. В ее историческом разделе имеются скудные сведения о прошлом прихода (точное время его возникновения не указано), дана краткая его характеристика на 1876 г., указан состав причта, перечислены настоятели Свято-Михайловской церкви [14, л. 2–3]. Повременный раздел (основной) включал записи, которые вносились священником по годам (преимущественно в конце года или в начале следующего) и, как правило, заверялись благочинным. Наиболее пространными были записи, сделанные священником А. Задерковским – вплоть до начала Великой Отечественной войны. В летописи по годам излагалась информация в рамках структурных частей (I–V) или сплошным текстом о культурных постройках, причте, религиозно-нравственном состоянии в приходе, социально-экономической ситуации (урожайности, доходности и др.), важнейших событиях в жизни прихода, стихийных бедствиях, чрезвычайных происшествиях, приводились сведения о количестве родившихся, умерших и бракосочетавшихся (таблица 1). Как показал анализ летописи, изложение материала не ограничилось лишь местной проблематикой – имели

место также описания разных фактов, размышления священника о событиях, происходивших как в Польше, так и за ее пределами.

Таблица 1. – Сведения о родившихся, умерших и бракосочетавшихся в Рубельском приходе в 1927–1928, 1930–1938 гг.

Год	Родились			Количество бракосочетаний	Умерли		
	мальчики	девочки	всего		мужчины	женщины	всего
1927	119	94	213	48	47	41	88
1928	90	109	199	46	43	42	85
1930	118	116	234	39	43	37	80
1931	73	102	175	29	36	50	86
1932	102	103	205	23	50	44	94
1933	74	97	171	42	45	45	90
1934	–*	–	193	37	–	–	94
1935	–	–	177	47	–	–	74
1936	–	–	176	38	–	–	98
1937	107	101	208	42	30	27	57
1938	–	–	225	21	–	–	75

Примечание – * – Сведения в летописи отсутствуют.

Составлено по: [14, л. 3об., 5, боб., 10, 12, 13, 14, 16, 17об., 19об.].

Состояние Рубельского прихода после своего предшественника А. Задерковский оценивал отрицательно: «оказался запущенным», где «сильно пала нравственность и ослабела религиозность», было неудовлетворительным финансовое состояние, а церковь и «все причтовые постройки требуют неотложного и капитального ремонта». Тяжелое положение местных крестьян, которые потерпели от неурожая, осложняло проблему приходских доходов. Первоначально настоятель дал весьма нелицеприятную и резкую оценку прихожанам (как оказалось впоследствии, необоснованную): «в большинстве своем грубы и непочтительны к своему пастырю... скупы и неотзывчивы к его нуждам» [14, л. 5]. Прибывшего в Рубель священника тогда выручил местный кредитный кооператив «Кассы Стефчика», который предоставил ему необходимые средства.

Как отмечено в летописи, мировой экономической кризис 1929–1933 гг. имел разорительные последствия для жителей прихода, которые занимались растениеводством и животноводством. Произошло резкое падение закупочных цен на сельхозпродукцию: например, на крупный рогатый скот (коровы) – с 120–150 до 20–30 злотых. Ситуация обострялась тяжелым налоговым бременем. Люди оказались в бедственном положении: «не найдете у крестьянина даже 1 злотаго», «по селам ходят в большом количестве нищие», «в государстве масса безработных». Согласно А. Задерковскому, во время кризиса сохраняли материальный достаток польские чиновники, а также евреи («живут лучше и, одалживая крестьянину деньги на %, закабаляют его») [14, л. 6]. Для помощи безработным причт Рубельской церкви ежемесячно предоставлял по 1,5 пуда ржи и картофеля.

В условиях экономического кризиса усиливались религиозная индифферентность, атеизм, аморальность и преступность. В размышлениях священника присутствуют апокалиптические настроения, призыв к духовенству о «пробуждении»: «все человечество ныне движется по наклонной к пропасти», «положение во всем свете стало очень тяжелым и напряженным», «приходит на мысль возможность печального конца... мировой катастрофы со всеми последствиями: революциями, государственными потрясениями и торжеством коммунизма и безбожия», «и страшно становится за человечество и его судьбу» [14, л. боб.]. Особенно его волновали события в СССР («пример

России да будет нам наукой») и в Испании, где в 1931 г. началась революция и к власти пришли республиканцы.

В летописи нашли отражение события, связанные с чудодейственным каменным крестом у кладбища д. Хотомель. От него исцелилась одна из слепых крестьянок (уроженка д. Рубель Анастасия Резанович). На том месте прихожане воздвигли деревянную часовню Воздвижения Св. Креста. На третий день Троицы 1932 г. – 8 (21) июня – после литургии был совершен крестный ход от Рубельской церкви к этому кресту (около 3 км) с участием местного причта и священников соседних приходов. В процессии участвовали до 10 тыс. верующих, в т. ч. из окрестных деревень [14, л. 8]. Описание знаменательного торжества нашло отражение в документах Полесской епархии, его истории [15, л. 62; 16, с. 103].

На страницах летописи содержатся описания стихийных бедствий, пожаров. Особое внимание уделено большому пожару в д. Рубель 23 сентября 1932 г. Отмечено, что в результате пожара было уничтожено около 300 жилых и 800 хозяйственных («холодных») построек, а общие убытки составили приблизительно 800–900 тыс. злотых [14, л. 8об.]. Пожар начался в юго-восточном конце деревни – на «Машляках», из-за сильного ветра «огонь распространялся с ураганной быстротой». Как отмечено в летописи, «горели сразу обе стороны гл. улицы села, берег и за ручьем» [14, л. 9]. Церковь уцелела, но сгорели причтовые строения и другое имущество. Среди потерь были также 6 школьных зданий, еврейское учебное заведение, народный дом, 2 ветряные мельницы и др., погиб ребенок.

Огромные потери от пожара подтверждены и в отчете благочинного, протоиерея М. Шолковича за 1932 г.: «Следует упомянуть о великом несчастье – пожаре, постигшем 23 сентября село Рубель и истребившем почти 3/4 домов и холодных построек этого селения со всем имуществом. Пожар был настолько силен и охватывал пламенем строения так быстро, что нечего было думать о сохранении имущества, а только была забота, как бы спасти людей, в особенности детей. Сгорели на речке даже паром и лодки, бывшие на воде. Этот пожар нанес жителям с. Рубля неисчислимы потери и убытки. Чтобы вернуть им прежнее благосостояние, придется работать целые десятки лет, не покладая рук. В особенности бедственное положение причта Рубельской церкви, можно сказать, оставшегося в одной рубашке, так как сгорело все имущество и все постройки дотла. Если же сильно пострадали 3/4 населения прихода, то это, без сомнения, отразится на доходности церкви и причта. Последнему нужна была своевременная помощь, но, кажется, таковой духовенство Рубельской церкви не получило и до сего времени» [15, л. 63–64]. Полесская духовная консистория обращалась к священно- и церковнослужителям с просьбой о помощи причту Рубельского прихода: пожертвовать каждым соответственно по 1,5 и 0,5 злотых. Духовные власти освободили от выплаты налогов и сборов Рубельскую церковь на 6 месяцев, а причта – на 1 год.

Полученные до Пасхи 1933 г. страховые выплаты пошли на восстановление сгоревших строений. Уже к осени 1933 г. погорельцы возвели дома и хозяйственные постройки. Были построены новые здания и для причта: дом, сарай, гумно для священника, дом, сарай, амбар, погреб для псаломщика. Давид-городокский ординат К. Радзивил пожертвовал на эти нужды 70 м³ лесоматериалов [14, л. 11–11об.]. Окончательно восстановленные причтовые строения были освящены на Воздвижение Креста Господня 14 (27) сентября 1934 г.

Очередной пожар произошел в Рубле (в конце «Шляхта») 8 июля 1936 г., который уничтожил 72 жилых дома и более 150 хозяйственных построек (к зиме удалось восстановить около половины из них). 8 июля 1938 г. опять был крупный пожар около церкви: сгорело до 40 домов и более 60 хозяйственных строений [14, л. 15 об., 18 об.].

Неоднократно приход терпел от наводнений, которые негативно влияли на урожайность сельскохозяйственных культур, ограничивали кормовую базу. В ходе наводнения в апреле 1932 г. были затоплены поля и луга со стороны реки Горынь и часть д. Рубель. После летнего паводка 1933 г. было собрано не более 35–40 % урожая. «Из-за отсутствия сена все сбывают скот и на вырученные деньги покупают хлеб и крупу» [14, л. 11]. Хотя 1934 г. был урожайным, но материальное положение прихожан оставалось тяжелым: многие задолжали местной сберегательной кассе и поветовому сеймику. Падение приходских доходов было также связано с переселением после пожара 1932 г. до 150 человек в другие деревни и на хутора [14, л. 12].

Материальное положение крестьян начало улучшаться в 1935–36 гг., когда урожайность была выше средней. «Сему способствуют высокие цены на сельскохозяйственные продукты и рогатый скот, годовлей которого прихожане охотно занимаются, благодаря наличию множества заливных лугов и сенокосов над Горынью и ее притоками» [14, л. 15 об.]. На вырученные деньги крестьяне стали активно покупать земельные участки. Сообщалось, что в 1937 г. несколько семей из д. Рубель эмигрировали «в поисках счастья» в Парагвай и Аргентину, некоторые жители переселялись на хутора Столинского повета. Тогда из Рубля выехало 60 человек, из Хотомля – 9 человек. «Уехавшие на хутора, устроились хорошо, а в Южной Америке пока что всем туда уехавшим живется неважно. Земля, купленная там ими, под лесом и требует тяжелого труда – корчевания... и климат слишком жаркий с трудом переносится» [14, л. 17 об.]. В 1938 г. одна семья вернулась из Аргентины. Накануне Второй мировой войны «многие из рубельцев, даже небогатые, сумели купить в Бережном (соседняя деревня. – А. В.) несколько десятков гектаров очень хорошей земли». «Лучше из прихожан живут хотомельцы: благодаря хуторам, они сделались прямо таки зажиточными» [14, л. 20].

В летописи изложены сведения о ремонте Свято-Михайловской церкви и храмовых строений. Осенью 1936 г. были покрыты жестью церковь и колокольня – израсходовано соответственно 100 и 30 пудов жести, а на ремонт было затрачено 2 747,36 злотых, из которых только 2,9 % составляли церковные средства, а остальные – из попечительского фонда (пожертвования прихожан, от самообложения – по 1 злотому от хозяйства). Однако настоятель проявлял недовольство, т. к. к началу 1937 г. еще 2/5 крестьянских хозяйств не уплатили необходимую сумму [14, л. 14 об.]. Для проведения капитального ремонта в 1937 г. был создан общественный приходской комитет по строительству. Вся территория прихода была разбита на 14 отдельных районов, куда направлялись волонтеры, сборщики средств. В зависимости от состоятельности хозяйств была произведена раскладка самообложения (до 6 злотых и выше). «Прихожане к делу ремонта отнеслись в большинстве своем очень внимательно и с охотой внесли наложенные на них суммы», – сообщал священник [14, л. 17]. Многие работали на стройке бесплатно. Только на ремонт фундамента израсходовано 5 тыс. штук кирпича, 150 пудов извести и 15 пудов цемента. Строительными работами занимался подрядчик из Давид-Городка Дионисий Ясковец, каменщик Трофим Басовец. На капитальный ремонт поступило 3 960 злотых, а было израсходовано 4 080 злотых. Недостающую сумму (120 злотых) одолжили [14, л. 16 об.]. После ремонта церковь была освящена на Воздвижение Креста Господнего 1938 г. с участием духовенства и делегации от епископа. В 1938 г. продолжалось благоустройство храма, в 1939 г. была завершена покраска внутри церкви. На Пасху 1939 г. за успешное завершение ремонта настоятель А. Задерковский был награжден епископом золотым наперсным крестом.

В летописи зафиксированы личные пожертвования прихожан: иконы, церковная утварь, приобретенные строительные материалы и др. Например, в 1935 г. Григорий Пашкевич приобрел пару больших холщовых хоругвей за 62 злотых, в 1936 г. прихожане пожертвовали большую икону Св. Троицы. Накануне сентября 1939 г. была зака-

зана в Почаевской Лавре через странствующего богомольца Емельяна Лыча икона Архистратига Михаила, однако «ввиду прихода большевиков» была доставлена в приход только в начале осени 1941 г. [14, л. 13об., 15, 20–20об.].

Также в летописи дана характеристика морали, нравственных устоев, религиозности прихожан. «Храм во время утреннего и дневного богослужения всегда переполнен, как в воскресенье, так особенно в дни великих праздников», «долг исповеди и Св. таинство Причастия исполняется почти всеми прихожанами» [14, л. 15, 17]. В приходе действовали взрослый и детский хоры, миссионерский религиозно-просветительский кружок, на собраниях которого после богослужений проводились беседы, песнопения.

Отмечались, однако, и факты хулиганства, драк, сквернословия, внебрачного сожительства, краж, незаконной вырубki и охоты и др. Священник проявлял обеспокоенность религиозным воспитанием молодежи, хотя в школе изучался Закон Божий. «Дети школьного возраста, кроме тех, которые участвуют в церковном чтении и пении, слабо посещают богослужения. Отчасти причиной сему служит маловместимость приходского храма» [14, л. 15]. Незначительная часть жителей переходила к баптистам («сектантам»).

Хотя составители летописи старались придерживаться аполитичности, однако в рассматриваемом документе нашло отражение обострение межконфессиональных отношений в Польском государстве. Показана очередная волна ревиндикации на Холмщине и Подлясье в 1938 г., проводившаяся католической церковью при поддержке польских властей и армии, которая сопровождалась массовым насилием, арестами и высылками православного духовенства. «Было за лето разобрано и уничтожено около 140 церквей» [14, л. 18об.] (согласно А. Мироновичу, в 1937–39 гг. на Люблинщине, Холмщине и Подлясье было уничтожено 127 православных церквей [17, с. 95, 228]). В знак несогласия с этим повсеместно в православных церквях 1–3 августа 1938 г. был пост, читались молитвы. Изданное обращение митрополита Дионисия и собора епископов было конфисковано, но в Рубельском приходе его успели объявить и раздать для чтения. «Польский народ и власть вместо укрепления государства и консолидации народов производят политику разделения и насилия над совестью» [14, л. 18об.].

В летописи внешнеполитическая ситуация конца 1930-х гг. в Европе и мире названа беспокойной и напряженной. Отмечены агрессивные действия Японии, Италии, нацистской Германии, установление диктаторского режима Ф. Франко в Испании. Негативно оценено Мюнхенское соглашение 1938 г. и последующая оккупация Чехословакии в марте 1939 г. Указывалось, что в расчленении Чехословакии «помогают немцам венгры, взявшие себе территории за оба раза (в том числе и Прикарпатскую Русь), а также в 1938 г. помогли недаленовидные поляки, захватив себе часть т. наз. Śląsk Zaolzański от Чехословакии» [14, л. 20]. Перечислены все основные внешнеполитические события весны – лета 1939 г. (территориальные претензии Германии на Гданьск и польское Поморье, безуспешные советско-англо-французские переговоры, советско-германский договор о ненападении), дается хроника оборонительной войны Польши в сентябре 1939 г., положившей начало Второй мировой войны.

Состояние Рубельского прихода в 1940–1980-е гг. Современный период

С 1939 г. деревни Рубель (как центр сельсовета) и Хотомель находились в границах Давид-Городокского (с 1961 г. Столинского) района Пинской (с 1954 г. Брестской) области БССР. Во время нацистской германской оккупации (1941–1944) Столинщина входила в состав генерального округа «Волынь-Подолье» рейхскомиссариата «Украина». Рубельский приход оказался в провозглашенной в 1942 г. Украинской автокефальной православной церкви. В церковно-приходской летописи содержатся лишь скудные сведения о наиболее значимых происшествиях, в частности о расстреле группы

местных евреев в августе 1941 г., угоне населения на принудительные работы в Германию в октябре 1942 г. и апреле – мае 1943 г., сожжении оккупантами в мае – июне 1944 г. деревень Рубель (730 домов) и Хотомель (134 двора) за связь с партизанами [14, л. 21]. В Рубле погибли 122 мирных жителя, уцелела только церковь с колокольней и один дом. 9 мая 1945 г. возле церкви был организован крестный ход.

Сразу после окончания войны группа прихожан направила епископу Пинскому и Брестскому Онисифору прошение о назначении им священника. «В настоящее время, ввиду того, что немецкие фашисты уничтожили обе деревни, входящие в состав нашего прихода, дотла, не осталось в них ничего, кроме здания церкви. А священник наш за неимением квартиры, а также и средств к жизни, основался и остался на другом приходе (в Лядце), приход наш временно был присоединен к другому – Лядецкому». Активисты обещали построить дом и причтовые здания, материально содержать священника. А. Задерковский из-за плохого состояния здоровья просил прислать в приход другого священнослужителя [18, л. 1–1об., 2]. Рубельская православная община была официально зарегистрирована 20 июля 1945 г. Настоятелем стал Владимир Андреевич Пилинога (1945–1946), при котором для священника был построен дом и сарай.

В послевоенное время усилиями местных жителей была возрождена д. Рубель, которая стала центром созданного в 1948 г. колхоза «Знамя коммунизма». Она превратилась в одно из самых крупных сельских поселений в Беларуси: в 1959 г. здесь проживали 4 668 человек, в 1970 г. – 5 565 человек, в 1979 г. – 5 403 человека [19].

В послевоенные десятилетия Рубельская Свято-Михайловская церковь не прекращала своей деятельности, несмотря на усиливающуюся атеистическую политику Советского государства и попытки местных властей по ее закрытию. В 1952–1989 гг. приход, куда по-прежнему входили деревни Рубель и Хотомель, находился в составе Минско-Белорусской епархии, единственной сохранившейся в БССР. Настоятелями храма были священники Александр Захарович Лецко (1946–1962), Гавриил Лыбка (1963–1967), Федор Брезовский (1967–1974), Василий Чикида (1974–1977), Леонтий Павлович Пешко (1977–1981), Алексей Михлюк (1981–1994). Священнику оказывали помощь церковный совет, ревизионная комиссия, актив («двадцатка»).

Уровень религиозности местного населения продолжал оставаться высоким. «Крещение младенцев исполняют, у исповеди бывают и у св. Причащения большинство бывают, совершаются браки и погребения», – отмечалось в церковном отчете за 1953 г. [18, л. 4–7]. Однако доходы церкви были скромными, они зависели от поступлений за выполнение треб. В 1950-е гг. в церкви был произведен ремонт. По традиции местные жители в воскресенье, в двенадцатые, великие и многие средние, малые православные праздники, на престольный праздник («на Михайло») отдыхали, стремились посещать церковные богослужения, нередко брали с собой детей.

Во время хрущевской «оттепели» в СССР были развернуты крупномасштабные антирелигиозные гонения. С 1961 г. были разграничены обязанности клира и исполнительных органов. Настоятели храмов были отстранены от участия в хозяйственно-финансовой деятельности общин, это было возложено на их исполнительные органы – церковные советы, куда включались и неверующие. Такое положение духовенства, фактически отлученного от управления приходами, сохранялось до 1988 г. [20, с. 274]. Советские и партийные органы стремились закрыть Рубельскую церковь, но прихожане ее защищали. Не разрешалось носить хоругви, звонить в колокола. На заседании исполкома Рубельского сельсовета 27 июля 1964 г. было принято решение о срочном освобождении священником Гавриилом Лыбка жилого дома. Дом был переведен на баланс сельсовета, чтобы провести там капитальный ремонт и передать в пользование ветеринарному участку [21, л. 49]. Однако прихожане не позволили выселить священника.

В средствах массовой информации проводилась массированная пропагандистская кампания по дискредитации религии и священнослужителей. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. на страницах Давид-городокской районной газеты появилось много антирелигиозных материалов (статей, бесед, интервью, рецензий и др.) [22, с. 333–334].

Антирелигиозная пропаганда не принесла ожидаемых властями результатов. Об этом свидетельствует протокол пленума Столинского райкома партии от 27 августа 1965 г. (тогда в Столинском районе действовали 19 православных церквей, 7 общин евангельских христиан-баптистов, 1 община адвентистов седьмого дня). Отмечалось, что Православная церковь «имеет еще сильную материальную поддержку части населения», что сохраняется «высокий процент обрядности» [23, л. 76].

Религиозные обряды (крещение детей и др.) исполняли как простые граждане, так и коммунисты, представители интеллигенции, местные активисты. В противовес христианским праздникам внедрялись советские обряды и обычаи. На местах уничтожались придорожные, поклонные кресты – «пережитки старины далекой, пугала средневековья» [23, л. 87–88]. На партсобрании в колхозе «Знамя коммунизма» 13 сентября 1965 г. отмечалось: «У нас в д. Рубель религиозные взгляды очень живучи... Религиозная работа пока не прекращается. Кресты не все спилены... Школа плохо воспитывает детей в духе научного мировоззрения... Если какой религиозный праздник, то начальство первые показывает пример. Хорошо одеваются, выходят на улицу и не работают в рабочее время. Кроме этого, кто крестит детей, коммунисты и начальство прежде всего, учителя держат иконы, некоторые... Все коммунисты и атеисты должны ликвидировать иконы...» [24, л. 18–19об.].

На пленуме Столинского райкома партии 18 марта 1970 г. религиозная ситуация признана «довольно сложной»: в Столинском районе насчитывалось 18 церквей, 7 общин евангельских христиан-баптистов, одна община адвентистов седьмого дня, а также три незарегистрированные группы пятидесятников. Констатировалось, что «в районе еще высокая религиозная обрядность, не снижаются доходы духовенства» [25, л. 9]. Это подтверждают данные таблицы 2.

Таблица 2. – Состояние религиозной обрядности и доходов в православных церквях Столинского района в 1966–1969 гг.

	1966 г.	1967 г.	1968 г.	Январь – июнь 1969 г.
Крещение, % новорожденных	70	72,4	68,8	73,1
Венчание, % зарегистрированных браков	16,3	16,3	13,9	15,3
Отпевание, % умерших	58,7	69,2	68,5	66,2
Доходы, руб.	38 266	46 154	47 417	30 859

Примечание – Составлено по: [25, л. 10].

На пленуме Столинского райкома 18 марта 1970 г. за плохое атеистическое воспитание молодежи были подвергнуты критике райком комсомола, а также комсомольские организации ряда колхозов. На партсобрании в д. Рубель 25 мая 1970 г. при обсуждении решений пленума райкома «об улучшении атеистической работы среди населения» констатировалось, что «дети дошкольного и школьного возраста еще попадают в церковь и в другие сборища верующих» [26, л. 59]. На одном из партсобраний колхоза «Знамя коммунизма» в 1975 г. отмечалось, что «из числа молодежи есть лица, которые посещают церковь и крестят своих детей в церкви». Чтобы не допустить молодежь в церковь, были разработаны «контрмеры»: «Исполкому Рубельского сельского Совета проводить торжественные регистрации браков и вести неустанную работу, чтобы уменьшить коли-

чество молодых людей, венчающихся в церкви... Комитету комсомола организовать и провести вечер молодежи в СДК 3 мая 1975 года с целью отвлечения молодежи от посещения церкви в пасхальную ночь... Организовать дежурство актива 3 мая 1975 года по улицам деревни с целью недопущения посещения несовершеннолетними церкви (партбюро, дирекции школ)» [27, л. 40, 42, 44].

Несмотря на атеистическую работу, к началу 1980-х гг. уровень церковной обрядности в Столинском районе оставался высоким. По состоянию на 1 января 1980 г. 51,8 % новорожденных были крещены в православных церквях (показатель по Брестской области – 31,1 %), 71,8 % умерших погребены по церковному обряду (по Брестской области – 55,4 %). Среди зарегистрированных браков 11,6 % венчались (по Брестской области – 3,8 % [28, л. 100, 104]. В то время в Столинском районе действовали 16 православных церквей, 8 общин ЕХБ, община адвентистов седьмого дня в д. Федоры, а также незарегистрированные две общины пятидесятников в деревнях Белоуша, Крушин и одна община адвентистов седьмого дня в д. Овсемирово [28, л. 104]. Отметив неудовлетворительную деятельность партийных организаций в Столинском районе по проведению атеистического воспитания, бюро ЦК КПБ 7 января 1983 г. в очередной раз определило меры по дальнейшему укреплению антирелигиозной деятельности [20, с. 299–300].

На партсобрании колхоза «Знамя коммунизма» 19 сентября 1980 г. подтверждалось, что «религиозная обстановка на территории колхоза продолжает оставаться сложной, а степень религиозности населения высокой». В отношении растущей общины ЕХБ предусматривалось не допускать пополнения ее за счет молодежи [29, л. 50–51]. 29 февраля 1988 г. партком того же колхоза настаивал «усилить контроль и разъяснительную работу при венчании членов ВЛКСМ и крещении ребенка», «глубже вникать в работу секты ЕХБ, вести работу с колеблющейся молодежью» [30, л. 107]. Несмотря на масштабную атеистическую работу, среди населения Столинского района (и на территории Рубельского прихода) наблюдался высокий уровень религиозности в пределах Брестской области и БССР. Духовенство и верующие бережно сохраняли христианские и народные традиции [31, с. 19].

В конце 1980-х гг. в СССР начался процесс возрождения церковной жизни. На Архиерейском соборе Русской Православной Церкви 9–11 октября 1989 г. было принято решение об образовании Белорусского экзархата Московского патриархата, утверждено решение Священного синода об образовании епархий. С этого времени Рубельский приход вошел в состав Пинской (теперь Пинской и Лунинецкой) епархии. В д. Хотомель начал действовать самостоятельный приход, в 2002 г. там построен и освящен новый храм Воздвижения Креста Господня.

Из-за малой вместимости Рубельской Свято-Михайловской церкви прихожане в 1990–1991 гг. сначала ходатайствовали о возведении пристройки к церкви, а потом добились разрешения на строительство новой церкви. Ее возведением занимался священник Алексей Михлюк. Помощь оказывал местный колхоз, прихожане жертвовали деньги и добровольно работали на стройке. Иконостас изготовил Анатолий Шикунец, библейские сюжеты расписал Федор Мальцевич. 9 июня 1993 г. епископ Пинский и Лунинецкий Стефан освятил церковь Нерукотворенного образа Христа Спасителя [32, с. 1]. Завершением строительства новой церкви, благоустройством храмовой территории занимался протоиерей Петр Липский, который 24 марта 1994 г. стал настоятелем Рубельского прихода. При церкви с 2000 г. действует воскресная школа для детей. Весной 2020 г. настоятелем назначен протоиерей Владимир Никончук.

Подрастающее поколение принимает активное участие в жизни прихода. Подростки прислуживают священнику, участвуют в церковном хоре. Воцерковленные молодые люди, уроженцы Рубельского прихода, с 1990-х гг. поступают в Витебское духовное училище, Минские духовные семинарию и академию, другие православные учебные

заведения. В 2011 г. только в Белорусской Православной Церкви священно- и церковнослужителями с традиционными для д. Рубель фамилиями были более 140 человек: 41 в Пинской епархии, 30 в Витебской, 18 в Минской, 17 в Брестской, 13 в Полоцкой [подсчитано по: 33]. Согласно неполным сведениям, более 200 рубельских прихожан с конца 1980-х гг. стали священно- и церковнослужителями в Беларуси, России, Украине и других странах. На наш взгляд, такой феномен объясняется не столько социально-демографическим фактором (д. Рубель по-прежнему является одним из самых крупных населенных пунктов: в 2020 г. насчитывается 1 249 домовладений с 3 179 постоянными жителями), сколько влиянием непрерывной церковно-приходской жизни, устойчивой приверженностью православным традициям. В знак благодарности малой Родине священники, уроженцы Рубельского прихода, пожертвовали средства на изготовление и установку в 2019 г. возле Свято-Михайловской церкви памятника Михаилу Архангелу.

Заключение

На протяжении всего исследуемого периода Рубельская Свято-Михайловская церковь не переставала функционировать. Священно- и церковнослужители продолжали заниматься богослужебной практикой, социально-культурной деятельностью, морально-нравственным воспитанием. Настоятелями храма были Сергей Мартинович Лавровский (1918), Иоанн Рожанович (1919–1931), Алексей Семенович Задерковский (1931–1945), Владимир Андреевич Пилинога (1945–1946), Александр Захарович Лецко (1946–1962), Гавриил Лыбка (1963–1967), Федор Брезовский (1967–1974), Василий Чикида (1974–1977), Леонтий Пешко (1977–1981), Алексей Михлюк (1981–1994), Петр Антонович Липский (1994–2020), Владимир Никончук (с 2020).

Анализ церковной летописи Рубельской Свято-Михайловской церкви позволил выявить ценный эмпирический материал для осуществления реконструкции повседневной жизни причта и прихожан, их менталитета, особенно в 1927–1939 гг. В ней изложены сведения о духовенстве, церковнослужителях, их взаимоотношениях с мирянами, польскими властями, содержатся данные о проводимых ремонтах и благоустройстве, доходах и расходах церкви, пожертвованиях, статистике по рождаемости, смертности, бракосочетании, дана характеристика морально-нравственного облика, религиозности прихожан, указаны самые значительные события (храмовые праздники, поклонение чудодейственному кресту, пожары, наводнения и другие природные бедствия, чрезвычайные происшествия), характер погоды, урожайность, цены на продукты питания, факты о переселении, эмиграции и др.

Рубельская церковь чудом уцелела во время большого пожара 1932 г. и в 1945 г., когда нацистские оккупанты при отступлении сожгли Рубель. Сложной была ситуация у приходского причта в 1950–1980-е гг., в условиях антирелигиозной политики Советского государства. Однако уровень религиозности населения оставался высоким, прихожане не позволили закрыть Свято-Михайловскую церковь. В ходе проведенного исследования выявлена устойчивая приверженность жителей к религиозным ценностям и традициям, что позволило им построить и открыть в 1993 г. второй (новый) храм – церковь Нерукотворенного образа Христа Спасителя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вабищевич, А. Н. Рубельский православный приход на Столинщине (конец XVIII – начало XX в.) / А. Н. Вабищевич // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2018. – № 1. – С. 17–27.
2. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. VIII. Województwo Poleskie. – Warszawa : Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1924.

3. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 2030. Оп. 1. Д. 94.
4. ГАБр. – Ф. 2030. Оп. 1. Д. 102.
5. ГАБр. – Ф. 2059. Оп. 1. Д. 2926.
6. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 136. Оп. 24. Д. 67.
7. ГАБр. – Ф. 2059. Оп. 5. Д. 305.
8. Лабынцев, Ю. Церковное летописание во II Речи Посполитой (по материалам культурологической экспедиции 1996 г.) / Ю. Лабынцев, Л. Щавинская // *Białoruskie zeszyty historyczne*. – Białystok, 1998. – № 10. – S. 31–40.
9. Добренький, С. И. Церковно-приходские летописи как исторический источник (середина XIX – начало XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / С. И. Добренький. – М., 2006. – 26 с.
10. Черепица, В. Н. Очерки истории православной церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней) : в 2 ч. / В. Н. Черепица. – Гродно : ГрГУ, 2005. – Ч. 2. – 439 с.
11. Кулажанка, У. Г. Царкоўныя летапісы другой паловы XIX–XX ст. як крыніцы па гісторыі населеных пунктаў Беларусі / У. Г. Кулажанка // *Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа : зб. навук. арт. / рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.]*. – Гродна : ГрДУ, 2008. – С. 18–23.
12. Кулажанка, У. Царкоўныя летапісы XIX–XX стагоддзяў як крыніцы па мясцовай гісторыі / У. Кулажанка, Л. Кулажанка // *Бельскі гостінец*. – 2016. – № 2. – С. 113–119.
13. Чуль, Р. В. Православное церковно-приходское летописание в Беларуси в 90-е гг. XX в. / Р. В. Чуль // *Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права*. – 2014. – № 1. – С. 97–103.
14. Летопись Рубельской Свято-Михайловской церкви : рукопись.
15. ГАБр. – Ф. 2059. Оп. 1. Д. 2908.
16. Костюк, В. История Полесской епархии (1922–1944 гг.) / В. Костюк. – Брест : Обл. тип., 1999. – 149 с.
17. Mironowicz, A. *Cerkiew prawosławna w II Rzeczypospolitej* / A. Mironowicz. – Białystok, 2018. – 256 s.
18. Архив Минской епархии. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 996.
19. Вабішчэвіч, А. Рубель / А. Вабішчэвіч // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т.* – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1993–2003. – Т. 6, кн. 1. – 2001. – С. 124.
20. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 339 с.
21. Зональный государственный архив в г. Пинске. – Ф. 936. Оп. 1. Д. 102.
22. Вабішчэвіч, А. М. Рэгіянальны перыядычны друк Берасцейшчыны ў 1945–1960-я гг. (на прыкладзе Давыд-Гарадоцкай раённай газеты) / А. М. Вабішчэвіч // *Берасцейскія кнігазборы: праблемы і перспектывы даследавання : матэрыялы і даклады IV Міжнар. навук.-практ. канф., Брэст, 22–25 мая 2018 г.* / пад агул. рэд. А. М. Вабішчэвіча. – Брэст, 2019. – С. 324–335.
23. ГАБр. – Ф. 2228-п. Оп. 1. Д. 268.
24. ГАБр. – Ф. 2228-п. Оп. 1. Д. 1323.
25. ГАБр. – Ф. 2228-п. Оп. 1. Д. 344.
26. ГАБр. – Ф. 2228-п. Оп. 56. Д. 1330.
27. ГАБр. – Ф. 2228-п. Оп. 56. Д. 1335.
28. ГАБр. – Ф. 2228-п. Оп. 1. Д. 508.
29. ГАБр. – Ф. 2228-п. Оп. 56. Д. 1340.
30. ГАБр. – Ф. 2228-п. Оп. 56. Д. 1354.

31. Вабищевич, А. Н. Атеистическая работа и состояние религиозной жизни в Столинском районе во второй половине 1950-х – 80-х гг. (по материалам Государственного архива Брестской области) / А. Н. Вабищевич // Религиозно-нравственное воспитание детей дошкольного и школьного возраста : сб. материалов регион. науч. конф., Брест, 24 нояб. 2017 г. / под ред. А. Н. Вабищевича. – Брест : БрГУ, 2018. – С. 8–20.

32. Навіны Палесся. – 1993. – 12 чэрв.

33. Приходы и монастыри Белорусской Православной Церкви : справочник / сост. Л. Е. Кулаженко, Т. А. Матрунчик. – Минск : Приход Свято-Петро-Павлов. собора, 2011. – 336 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.03.2020

Vabishchevich A. N. The Orthodox Parish in the Village of Rubel in the Stolin Region (1920s – Early 21th Century)

The article is devoted to the history of the Orthodox parish in the village of Rubel in the Stolin district of the 1920s – beginning of the XXI century. The annals of the Rubel St. Michael's Church are analyzed. The material situation of the clergy and parishioners, the income and expenses of the church, the socio-demographic situation, the level of religiosity were studied, the most significant events from the life of the local population in the 1920–1930s are shown. The parish life is revealed in the conditions of the atheistic policy of the Soviet state in the 1940–1980s, the current state of the parish is shown. A sustained commitment by residents to religious values and traditions was established.

УДК 327(476.7):327(1-87)«950/70»

Е. А. Бурик

*канд. ист. наук, декан исторического факультета
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: burik-@mail.ru*

РАЗВИТИЕ ВНЕШНИХ КОНТАКТОВ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – КОНЦЕ 1970-х гг.

Отмечено, что основными партнерами Брестчины стали страны, входившие в Совет Экономической Взаимопомощи и Организацию Варшавского договора: Польша, Чехословакия, Болгария, ГДР. Основной целью межрегиональных контактов было укрепление дружбы между народами и обмен опытом в различных сферах: в промышленности, сельском хозяйстве, образовании, сфере услуг. Определены основные формы сотрудничества: обмен делегациями, художественными коллективами, взаимные официальные визиты и переписка, частные поездки. Акцентировано внимание на том, что межрегиональное сотрудничество способствовало развитию международных связей БССР и улучшало имидж страны.

Введение

Вторая половина 1950-х гг. ознаменовалась существенными общественно-политическими изменениями в Белорусской Советской Социалистической Республике, вызванными XX съездом КПСС. В условиях продолжавшейся «холодной войны» в советском государстве происходило смягчение политического режима и частичная демократизация, изменилось отношение руководства страны к международным контактам. Одной из важнейших политических задач СССР и БССР стало развитие межрегионального сотрудничества с иностранными государствами. Брестская область занимала особое положение, так как являлась приграничным регионом советского государства. Специфика такого положения заключалась в том, что здесь необходимо было сосредоточить внимание на обеспечении мер безопасности региона, защите границы, проведении особой идеологической работы среди населения, нейтрализовав попытки Запада дестабилизировать ситуацию. Жители приграничья чаще контактировали с заграницей, чем население других регионов страны, не только считались «проводниками» советской культуры, но и активно «впитывали» зарубежные ценности.

Основные направления и формы межгосударственных связей БССР с зарубежными странами в послевоенный период представлены в исследованиях В. Г. Шадурского, А. Ф. Великого, Ю. Вашкевича, Л. П. Мирочицкого, которые изучали в основном двусторонние отношения со странами Центрально-Восточной и Западной Европы. Формы межрегионального сотрудничества Беларуси с зарубежными странами в советский период нуждаются в отдельном исследовании.

Цель статьи – охарактеризовать направления, формы и особенности межрегиональных контактов Брестчины с зарубежными странами во второй половине 50-х – конце 70-х гг. XX в.

Межрегиональное сотрудничество Брестской области с зарубежными странами

Межрегиональное сотрудничество Брестской области осуществлялось по разным направлениям: в экономике, политике, культуре, образовании и науке, спорте и туризме, охране окружающей среды. Контакты с зарубежными странами осуществлялись под строгим контролем партийных органов и при их участии. Партийные органы власти определяли направления, формы и содержание зарубежных связей, осуществляли информационную и консультационную поддержку участникам внешних связей, координировали различные проекты. Вместе с тем достаточно остро стояла проблема улучшения между-

народного имиджа страны и пропаганды преимуществ советского образа жизни. Так как Брест являлся визитной карточкой и «западными воротами» СССР, перед партийным руководством стояла задача держать на достойном уровне социально-экономическое, культурное положение города, воспитывать надежных граждан. В постановлении ЦК КП(б)Б «О политической и идеологической работе КП(б) Белоруссии среди интеллигенции» (1947) отмечалось, что в результате неудовлетворительной постановки партийно-политической работы часть интеллигенции, особенно в западных областях, слабо разбирается в политике партии, не понимает своей роли в Советском государстве, что является одной из причин ее недостаточного участия в общественно-политической жизни, в коммунистическом воспитании молодежи. Тогда был намечен целый ряд мероприятий по воспитанию интеллигенции в духе советского патриотизма. Так, в 1951–1952 гг. через систему партийного просвещения в Брестской области повысили свою политическую грамотность 10 472 человека [1, с. 203]. Таким образом, была усилена пропагандистская составляющая идеологической сферы, а также укрепилась цензура. В область через границу проникали зарубежные газеты (например, «Закарпатская Русь», издававшаяся в Канаде, «Вестник» – в США), в которых имелись статьи антисоветского характера, а также литература религиозного и другого содержания. Так, в 1959 г. на контрольно-пропускном пункте в Бресте было задержано 258 книг и 744 открытки религиозного содержания, 31 буржуазная газета и 395 порнографических снимков [2, с. 66]. Как правило, перевозчиками таких материалов были советские военнослужащие, возвращавшиеся из зарубежных социалистических стран.

С началом периода оттепели Брестчина почувствовала на себе заметные изменения в общественной сфере, либерализацию в развитии внешних связей: стали учащаться взаимные визиты, обмен официальными делегациями, а также возросло количество туристических и частных поездок. Безусловно, все контакты с иностранными представителями строго контролировались парторганизациями и соответствующими силовыми структурами.

На пленуме Брестского обкома КПБ 27 декабря 1956 г. отмечалось, что за последние 2–3 недели в области побывало до 7 тысяч иностранцев [1, с. 207]. Приоритетным направлением сотрудничества Брестской области стали связи с соседней Польской Народной Республикой, в частности с сопредельными Люблинским и Бялоподляским воеводствами. Несмотря на жесткий контроль, приезжие иностранцы распространяли свои идеи, стиль мышления, заводили «идеологически не выдержанные» разговоры. Например, брестчанам советовали: «Мы у себя колхозы разогнали, и вы разгоняйте их у себя»; «У нас в школах разрешили преподавать закон божий. Добивайтесь этого у себя» [1, с. 207]. Такие факты вызывали настороженность со стороны партийно-государственных органов, которые опасались чрезмерного расширения контактов и общения людей. В то же время пребывавшая 29 апреля – 3 мая 1958 г. в Люблинском воеводстве брестская партийно-советская делегация также отмечала некоторые негативные моменты: «Однако ВК ПОРП, на наш взгляд, не ведет решительной борьбы за коллективизацию сельского хозяйства, активно не воздействует на вопросы хозяйственного строительства. Некоторое влияние, особенно в деревне, имеет партия “Стронництво Людове”, которая на словах ведет политическую коллективизацию деревни, а на деле – тормозит ее»; «Есть правое течение, которое по существу выступает против строительства социализма в ПНР»; «Совершенно недостаточно ведется антирелигиозная работа... В гор. Люблине имеется Католический университет. В школах ведется предмет религии» [3, л. 23, 26]. В целях пресечения антисоциалистического влияния со стороны ближайших соседей некоторые партийные работники предлагали «установить такой порядок въезда в СССР, который бы исключил возможность въезда в СССР граждан Польши, пребывание кото-

рых не содействует укреплению польско-советской дружбы» [2, с. 59], а также на местах усилить антирелигиозную пропаганду.

Несмотря на наличие таких фактов, во второй половине 1950-х – 1960-е гг. был накоплен позитивный опыт сотрудничества Брестчины с зарубежными странами, однако преимущественно это были контакты со странами социалистического лагеря. 30 июня 1956 г. было подписано Соглашение о двусторонних культурных взаимосвязях между ПНР и СССР, которое значительно активизировало контакты сопредельных территорий БССР и Польши. Ежегодно бюро Брестского обкома КПБ утверждало план приграничных связей между Брестской областью и Люблинским воеводством. Как правило, основными формами взаимодействия стали обмены делегациями работников промышленных и сельскохозяйственных предприятий, учреждений образования, внешняя торговля, бартерные операции, международные выставки, социалистические соревнования между предприятиями, передача оборудования в аренду, освещение в печати опыта иностранных партнеров в различных сферах деятельности, спортивные мероприятия и совместные празднования знаменательных дат. Массовыми праздниками, демонстрирующими советско-польскую дружбу, были совместные митинги трудящихся Брестчины и Люблинского воеводства в честь 1 мая, 9 мая и 22 июня, традиционным также стало проведение Дней Люблина, Дней Бяло-Подляски в Бресте. Например, для участия в первомайских торжествах 1–2 мая 1957 г. в Брест были приглашены представители Люблинского воеводства: три человека из Лунинского повета и два из Бялоподляского повета [4, л. 63; 5, л. 151]. Активно к участию в подобных мероприятиях привлекалась молодежь сопредельных государств, что способствовало воспитанию чувств интернационального единства среди населения сопредельных территорий. В мае 1967 г. состоялась мотоэстафета советской и польской молодежи, маршрут которой проходил по местам боев Советской Армии и партизан Брестской области и Люблинского воеводства с немецко-фашистскими захватчиками. Эстафета завершилась 9 мая многотысячным митингом дружбы польской и советской молодежи на территории Брестской крепости. Несмотря на то, что таких примеров было множество, на заседаниях обкомов, собраниях первичных партийных организаций регулярно обсуждались вопросы укрепления интернациональной связи с народами стран социалистического содружества. Так, 13 марта 1972 г. на заседании Брестского обкома КПБ был рассмотрен вопрос «Об итогах работы по осуществлению дружественных связей между Брестской областью и Люблинским воеводством ПНР в 1971 г.» и принято следующее постановление: «Считать важнейшей задачей в работе по осуществлению пограничных связей с Люблинским воеводством ПНР дальнейшее развитие и укрепление братской нерушимой дружбы между советским и польским народами, интернациональное воспитание трудящихся» [1, с. 337].

Одной из характерных черт сотрудничества Брестской области и Люблинского воеводства стало тесное взаимодействие СМИ. Журналисты проводили большую работу по пропаганде советско-польской дружбы, обменивались опытом профессиональной работы, организовывали совместные семинары. Так, наиболее дружеские связи сложились между редакциями газет «Заря», люблинской газеты «Штандар Люду» и «Курьер Любельски», а с 1979 г. и с редакцией газеты «Слово Подлясья» [6, л. 7]. Редакции обменивались газетными полосами, тематическими подборками. На страницах областной газеты «Заря» под рубриками «Интернационализм – наше знамя», «У наших польских соседей», «Мы живем на границе» публиковались материалы, освещавшие жизнь польского народа, трудящихся Люблинского и Бялоподляского воеводств, ход соревнований между советскими и польскими железнодорожниками, фабрики верхнего трикотажа и фабрики «Любгаль» и др. Ежегодно на страницах газеты «Заря» размещалось до 70–80 материалов о советско-польской дружбе. Большой популярностью среди населения приграничных территорий пользовался советско-польский конкурс детского

рисунка, а также конкурс для взрослых «В одном строю к единой цели». Победителя конкурса награждали поездкой к соседям. Секретарь бюро Брестской областной журналистской организации Елена Шилова в 1973 г. за лучшую статью, посвященную дружбе и сотрудничеству БССР и ПНР, была награждена бесплатной туристской поездкой в Польшу. Приз также был вручен корреспонденту Всесоюзного радио в Брестской области А. М. Гурецкому, который подготовил и передал по радио 17 репортажей с границы дружбы [7, л. 15].

Для создания положительного имиджа пограничного региона среди иностранных туристов местными властями проводился ряд мероприятий по благоустройству Бреста (постоянные ремонтные работы на территории вокзала, обновление мебели в гостиницах и ресторанах), библиотеки систематически пополнялись иностранной литературой, в свободной продаже имелись советские и зарубежные периодические издания, для обеспечения иностранных туристов выделялись новые автобусы с микрофонами, выделялись дополнительно рабочие для оказания услуг по обслуживанию автомашин иностранных туристов, налажен выпуск новых сувениров, отображающих город, Брестскую крепость и национальный характер Беларуси, обновлялись указатели на русском и иностранных языках и многое другое. Кроме этого, предусматривались мероприятия по улучшению качества услуг, например, для повышения культуры обслуживания иностранных туристов в железнодорожных ресторанах организовывались трехгодичные курсы по изучению немецкого и английского языков, а во всех ресторанах и магазинах, обслуживающих иностранных туристов, среди работников организовывались кружки по повышению профессионального мастерства и политических знаний [8, л. 23–26].

Особое внимание местными органами власти уделялось благоустройству территории вдоль трассы Брест – Москва, а также принимались меры по наведению культурного и санитарного порядка в местах общественного питания, на автозаправках, в магазинах. Так, в постановлении Бюро Брестского обкома КПБ № 7/10 от 8 апреля 1958 г. «Об организации культурной связи между Брестской областью и Люблинским воеводством Польской Народной Республики, встреч и проводов иностранных делегаций, следующих в СССР через Брестскую область» предписывалось в двухмесячный срок сселить хутора, расположенные вблизи магистрали Брест – Москва, обеспечить меню на английском, французском и немецком языках в ресторанах Брестского и Барановичского вокзалов, а также по автотрассе в Ивацевичах, расширить ассортимент и улучшить качество изготавливаемых блюд. Директора Брестского горпромторга и управляющего Облавтосервисом обязали обеспечить бесперебойную работу заправочных бензоколонок в Ивацевичах и на ул. Московской г. Бреста, снабдив их горючими и маслами, годными для заправки автомашин иностранных марок, а ювелирторгу предписывалось продавать драгоценности за валюту [3, л. 33; 9, л. 77]. Отдельно бюро Брестского обкома утвердило список объектов, намечаемых для посещения иностранными делегациями, куда вошли как промышленные и сельскохозяйственные предприятия, так и учреждения культуры и образования.

Жители Брестчины также имели возможность посетить за границу по приглашениям, выехать на отдых и лечение в другие страны. Однако существовала сложная система разрешения выезда за границу, предполагавшая персональный подбор, утверждение на комиссии кандидатов для поездок в различных инстанциях, проверку органов КГБ. Так, в состав комиссии, созданной в соответствии с постановлением Секретариата ЦК КПСС от 29.08.1967 «Положение о комиссии по выездам за границу при обкоме, крайкоме партии, ЦК Компартии союзной республики», вошли И. М. Бут-Гусаим, секретарь областного комитета КПБ (председатель комиссии); П. И. Пронин, заведующий отделом торгово-финансовых органов областного комитета КПБ (заместитель председателя); А. А. Штатъ, заместитель заведующего отделом торгово-финансовых органов

областного комитета КПБ (секретарь); члены комиссии: С. А. Митин, начальник управления КГБ по Брестской области, М. И. Делец, председатель областного совета профсоюзов, А. В. Рак, заведующий отделом школ обкома КПБ.

Эта комиссия в 1967 г. провела 18 заседаний, на которых рассмотрено 1 069 дел выезжавших по туристическим путевкам в страны социалистического лагеря: 456 – в Польскую Народную Республику; 46 – в Чехословацкую Советскую Социалистическую Республику; 31 – в Германскую Демократическую Республику и Чехословацкую Советскую Социалистическую Республику; 228 – в Болгарскую Народную Республику; 37 – в Польскую Народную Республику и Чехословацкую Советскую Социалистическую Республику; 13 – в Германскую Демократическую Республику и Венгерскую Народную Республику; 2 – в Румынскую Советскую Социалистическую Республику; 35 – в Польскую Народную Республику и Германскую Демократическую Республику. 89 человек получили право многократных выездов в ПНР и ГДР сроком от 1 до 2 лет. Также комиссией было рекомендовано для выезда на работу в иностранные государства 53 человека, двоим было отказано. По линии областного совета профсоюзов по туристическим путевкам выезжало 469 человек, обкома ЛКСМБ – 336, других ведомств и организаций – 51 человек. В соответствии с планом пограничных дружественных связей Брестской области с Люблинским воеводством ПНР в Люблинское воеводство выезжали 264 человека [10, л. 110–111].

Следует отметить, что наиболее серьезные требования предъявлялись к лицам, следующим за границу в служебных целях, по возвращении из поездки они должны были предоставлять обкому КПБ развернутые отчеты. Руководители ведомств, учреждений и предприятий, направляющих делегации за границу, должны были подбирать в состав делегации достойных людей, «гордо носящих звание гражданина Советского Союза» [3, л. 32]. Наиболее популярными у брестчан направлениями выезда стали страны социалистического лагеря: Польша, Болгария, Чехословакия, ГДР.

Обмен опытом в области промышленности, сельского хозяйства и сфере услуг

Отдельным направлением сотрудничества Брестчины с зарубежными странами являлась взаимосвязь работников промышленной сферы, сельского хозяйства, сферы услуг. Наиболее эффективной формой такого сотрудничества стал обмен производственным опытом. Об этом свидетельствует визит делегации брестских промышленников в Чехословакию 17 июля – 19 августа 1956 г. с целью ознакомления с предприятиями по производству товаров широкого потребления. В ходе визита был взят на вооружение опыт чехословацких партнеров, в частности, белорусским производителям было предложено следующее: внедрить чехословацкие образцы мебели и технологию изготовления; разработать мероприятия по уменьшению административно-управленческого персонала на предприятиях; дать больше прав директорам предприятий в части заключения договоров; на предприятиях организовать постоянные выставки образцов выпускаемой продукции; в ряде городов в некоторых столовых и ресторанах организовать обслуживание по типу чехословацкого и даже организовать производство ремонта обуви по методу Пражского завода по починке обуви [11, л. 26, 50–53].

Брестчина также регулярно принимала иностранных гостей и делилась своим опытом: в приграничье стали популярными так называемые «автобусы дружбы», которыми обменивались работники сельского хозяйства, а также системы образования. 9–14 августа 1958 г. Брест принимал делегацию работников сельскохозяйственных кооперативов Люблинского воеводства ПНР в количестве 5 человек, которые ознакомились с работой в колхозах «Победа» Кобринского района и «Искра» Пружанского района [12, л. 88–89], в августе 1960 г. – делегацию работников строительных организаций и мелиоративных работников Люблинского воеводства [13, л. 163–164]. Делегация

ции ознакомились с опытом работы предприятий г. Бреста, побывали на Жабинковском сахарном заводе, посетили пионерский лагерь строителей «Сосновый бор», Березовскую ГРЭС; в г. Барановичи ознакомились с проектом хлопчатобумажного комбината и швейной фабрикой. Работники мелиорации посетили Дрогичинскую и Березовскую РТМС, Припятский УОС, а также Коссовскую опытную болотную станцию.

В соответствии с Планом приграничных связей между Брестской областью и Люблинским воеводством ежегодно предусматривался взаимный обмен делегациями из приграничных районов и поватов для ознакомления с колхозным производством и сельскохозяйственными мероприятиями. Так, в 1962 г. состоялся обмен делегациями сельхозкооперативов Бялоподляского повата и делегации работников сельского хозяйства Высоковского района; делегации сельхозкооперативов Влодавского повата и делегации работников Брестского района; делегации сельхозкооперативов Луковского повата и делегации работников Каменецкого района [13, л. 24, 129]. Делегация промышленников Брестской области во время пребывания в 1970 г. в Люблинском воеводстве обратила внимание на отдельные приспособления и приемы отделки мебели, которые значительно повышают производительность труда. В итоге этот опыт был внедрен на Коссовском мебельном объединении, а также по польским проектам построено несколько многоэтажных домов в Бресте.

Как правило, польских специалистов особенно интересовали вопросы планировки и застройки сельских населенных пунктов в Брестской области. Они применили этот опыт в своем воеводстве и использовали брестские советские типовые проекты для сельского строительства. Вместе с тем для лучшего изучения работы и заимствования новых технологий практиковался обмен работниками. Так, в 1973 г. несколько дней польские специалисты работали на Брестской трикотажной фабрике, а главный инженер брестской фабрики Н. А. Широнова и инженер-рационализатор В. А. Валентей изучали работу кругловязальных машин «Одзи» в Люблинском воеводстве [7, л. 8–9].

Кроме этого, достаточно плодотворно взаимодействовали сотрудники Брестского отделения железной дороги и, с польской стороны, Малашевичского железнодорожного отделения. Так, по инициативе обеих сторон была установлена материальная ответственность за выполнение графика движения поездов, плана передачи грузов, своевременный вывоз поездов и грузов. В результате улучшился график передачи поездов на участке Брест – Малашевичи с 80 до 90 %, ликвидированы потери от простоя вагонов с экспортными грузами, в два раза увеличилась передача импортных грузов. Брестские железнодорожники переняли у поляков погрузчики грузоподъемностью 1,5 т с двигателями внутреннего сгорания, а польские – устройства для закрывания люков вагонов и траверсу (приспособление для перегрузки автобусов ЛАЗ), внедрили на Малашевичском отделении порядок вождения поездов без главных кондукторов по опыту брестчан.

Не менее важным являлся обмен опытом и в сфере предоставляемых услуг: гостиничный комплекс, общественное питание и торговля, химчистки и прачечные. Так, 3–5 августа 1973 г. Брест посетила кубинская делегация, в состав которой входили заведующий отделом сферы потребления и услуг ЦК Компартии Кубы Кристоаль Рамос и два сотрудника отдела Бруно Мачадо и Рудольф Пуентес [14, л. 19, 31]. Кубинские гости познакомились с организацией работы столовой в Мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой», а также на электромеханическом заводе, деятельностью магазина «1 000 мелочей» и продовольственного магазина № 30, а также услугами фабрики срочной химчистки и стирки белья.

Новой формой межрегиональных связей Брестской области и Люблинского воеводства в 1970-е гг. стал обмен студенческими строительными отрядами. В 1973 г. брестский студенческий отряд «Дружба» участвовал в строительстве жилого комплекса в Люблине, а польский строительный отряд «Пшиязнь» строил школу в д. Гневчицы

Ивановского района. Студенты брестского стройотряда выполнили все предусмотренные работы раньше срока и, как было отмечено, качественно. В состав строительного отряда входила агитбригада, состоявшая из лекторов, владевших польским языком, вокально-инструментальный ансамбль «Колокол», танцевальная группа. Так, за время работы студенты прочитали 10 лекций, дали 10 концертов, провели 5 вечеров отдыха, 12 спортивных товарищеских встреч с польскими коллегами [7, л. 13]. Такая форма сотрудничества, а также совместные симпозиумы, вечера отдыха, обмен пионерскими и харцеровскими организациями способствовали укреплению связей между молодежью в сопредельных странах, и в частности упрочили контакты Брестского инженерно-строительного института и Университета имени М. Склодовской-Кюри.

В 1970-е гг. расширяется сотрудничество Брестчины с ГДР, Кубой, Вьетнамом [15, л. 87, 122], зарождается сотрудничество с Финляндией. Особенно тесные связи сложились между г. Барановичи и г. Хейнола, когда в 1978 г. был заключен договор о побратимстве и было образовано Барановичское городское отделение общества «СССР – Финляндия» [16, л. 9]. Главными направлениями взаимодействия стали организация для населения городов-побратимов лекций и докладов о советско-финских отношениях, развитии культуры и экономики Финляндии, БССР, обмен делегациями, проведение заочных спортивных соревнований. В средних школах г. Барановичи проводились конкурсы сочинений на тему «Наш северный сосед Финляндия». В газете «Знамя коммунизма» регулярно публиковался материал о культурных связях породненных городов. Так, на протяжении 1979–1980 гг. газета 29 раз помещала заметки, зарисовки, снимки о дружбе советского и вьетнамского народов [16, л. 11]. Положительную роль в укреплении дружбы между городами сыграл обмен выставками детского рисунка: 67 рисунков школьников г. Хейнола были выставлены в учебных заведениях г. Барановичи, а 98 рисунков детей из г. Барановичи – в школах и других учреждениях г. Хейнола.

Следует отметить, что большое влияние на развитие дружественных связей с иностранными государствами оказывало создание в регионах областных и городских обществ дружбы с разными странами. В Брестской области действовало более 30 отделений общества советской дружбы с различными странами. Например, активную деятельность в Бресте проводили общества «СССР – Польша», «СССР – Канада», «СССР – ГДР», «СССР – Финляндия», «СССР – Вьетнам», «СССР – Куба», в Барановичах – «СССР – Финляндия», «СССР – Франция», «СССР – Австрия». В октябре 1978 г. было создано Брестское городское отделение советского общества «СССР – ГДР» (на Брестском электроламповом заводе) [17, л. 13], в 1979 г. – отделение общества «СССР – Вьетнам».

Контакты со странами Западной Европы носили фрагментарный характер: официальная переписка, направление приветственных писем и поздравительных телеграмм; также функционировали так называемые «поезда Мира». В данный период сближала страны противодействующих блоков именно пацифистская тематика, стремление к миротворческой миссии. Так, 1 июня 1958 г. в Бресте встречали «поезд Мира», следовавший из Австрии в СССР. Как правило, такое действо носило торжественный характер: привокзальная площадь украшалась государственной символикой обеих сторон, вывешивались плакаты с лозунгами на тему «Борьба за мир» на немецком и русском языках. Для организации дружеской, теплой встречи приглашали до 500 человек из числа рабочих, интеллигенции и учащейся молодежи, с приветственным словом выступали председатель Брестского городского Совета депутатов, затем представители рабочих и интеллигенции, также предусматривалась концертная программа, вручали цветы пассажирам «поездов Мира» [5, л. 240–241].

Часто Брестчину посещали иностранные делегации в рамках проведения Дней культуры той или иной страны в БССР, которые стали проводиться практически еже-

годно с 1962 г. Одним из масштабных мероприятий такого типа стали Дни французской культуры, которые проходили в Беларуси в декабре 1967 г. 9–10 декабря 1967 г. Брест непосредственно принимал французскую делегацию, которая познакомилась с городом и его культурными достопримечательностями, посетила Барановичский хлопчатобумажный комбинат, совхоз «Мухавец». В средней школе № 15 г. Бреста, в которой с 1962 г. углубленно изучался французский язык, состоялась встреча французов с учащимися и учителями, организована фотовыставка про Францию [18, л. 38–40]. На мероприятиях и в учебных заведениях читали лекции о Франции, в газете «Заря» был опубликован цикл статей про дружбу советского и французского народов, а также транслировали телепередачи о культуре, совместной борьбе против фашизма. Такой визит имел широкий общественный резонанс и способствовал зарождению двусторонних связей, благодаря деятельности брестского отделения общества «СССР – Франция».

Заключение

Таким образом, во второй половине 1950-х гг. были созданы благоприятные условия для расширения внешнеполитических контактов БССР, что обусловило широкий приток иностранцев в страну, выезд советских граждан за рубеж, устанавливались прямые контакты между предприятиями и учреждениями. Для создания благоприятного имиджа страны проводились мероприятия по благоустройству пограничных территорий. Особое место в этой связи отводилось г. Бресту, который стал «западными воротами» СССР: зарубежные гости, следуя в Москву, обязательно знакомились с Брестчиной. Здесь завязывались контакты, которые продолжали развитие на межгосударственном уровне, а также происходило знакомство с западными формами культуры и быта.

География внешнеполитических связей Брестской области на протяжении второй половины 1950-х – 1970-х гг. постепенно расширялась. Однако сотрудничество преимущественно ограничивалось социалистическими странами, входящими в СЭВ и ОВД: Польша, Чехословакия, ГДР, Болгария, Куба. Формы, содержание зарубежных контактов определялись партийными органами и строго ими регламентировались. Другими сдерживающими факторами развития внешних контактов стали отсутствие права у местных органов власти самостоятельно заключать договоры и выбирать зарубежных партнеров, недостаток финансовых средств, слабое знание иностранных языков, чрезмерно идеологизированный характер взаимоотношений в области культуры.

Наиболее тесно развивались отношения в рамках приграничных связей Брестской области и сопредельных Люблинского и Бялоподляского воеводств. Между ними осуществлялся обмен делегациями трудящихся, «автобусами дружбы», ансамблями художественной самодеятельности, спортивными коллективами, строительными отрядами. Ежегодно проводились массово-политические мероприятия, посвященные национальным праздникам и юбилеям ПНР и БССР. В целом развитие прямых связей между организациями, предприятиями содействовало обмену опытом и внедрению на производстве наиболее эффективных методик и повышению качества услуг.

Безусловно, межрегиональное сотрудничество способствовало развитию международных связей БССР и улучшало имидж страны. Основной целью межрегиональных контактов стало укрепление дружбы между народами и обмен опытом в различных сферах: промышленности, сельского хозяйства, образования, сферы услуг. Основными сферами сотрудничества стали общественно-политическая, экономическая и культурная области, расширялись контакты между населением стран. Внешние связи, установившиеся в то время, стали базой для дальнейшего развития сотрудничества Брестской области с зарубежными странами и реализуются в настоящее время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Очерки истории Брестской областной партийной организации / Я. Я. Алексейчик, Б. И. Камейша, В. П. Самович ; под общ. ред. В. А. Бобкова. – Минск : Беларусь, 1989. – 448 с.
2. Шадурский, В. Г. Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945–1990-е гг.) / В. Г. Шадурский. – Минск: БГУ, 2000. – 285 с.
3. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 15. Д. 88. Л. 23, 26, 32–33.
4. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 14. Д. 32. Л. 63.
5. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 15. Д. 37. Л. 151, 240–241.
6. ГАБр. – Ф. 464. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.
7. ГАБр. – Ф. 464. Оп. 1. Д. 2. Л. 8–9, 13, 15.
8. ГАБр. – Ф. 783. Оп. 3. Д. 612. Л. 23–26.
9. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 27. Д. 35. Л. 77.
10. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 23. Д. 40. Л. 110–111.
11. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 13. Д. 62. Л. 26, 50–53.
12. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 15. Д. 61. Л. 88–89.
13. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 17. Д. 46. Л. 24, 129, 163, 164.
14. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 40. Д. 80. Л. 19, 31.
15. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 43. Д. 39. Л. 87, 122.
16. ГАБр. – Ф. 464. Оп. 1. Д. 10. Л. 9, 11.
17. ГАБр. – Ф. 464. Оп. 1. Д. 41. Л. 13.
18. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 22. Д. 52. Л. 38–40.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.03.2020

Burik E. A. The Development of External Contacts of the Brest Region with Foreign Countries in the Second Half of the 1950s – Late 1970s

The foreign policy contacts of the Brest region with foreign countries in the second half of the 1950s – the end of the 1970s are considered. It is noted that the countries of the socialist bloc became the main partners of the Brest region – Poland, Czechoslovakia, Bulgaria, GDR. The main goal of interregional contacts was to strengthen friendship between peoples and the exchange of experience in various fields: industry, agriculture, education, services. The main forms of cooperation are defined – the exchange of delegations, art groups, mutual official visits and correspondence, private trips. The attention is focused on the fact that inter-regional cooperation contributed to the development of international relations of the BSSR and improved the country's image.

УДК 322(476)(09)

В. В. Сушко

*канд. ист. наук, доц. каф. гуманитарных наук,
нач. отдела воспитательной работы с молодежью
Брестского государственного технического университета
e-mail: ex.roljanova.s@mail.ru*

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЦЕРКВИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ
НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ**

Церковные организации евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) начали распространяться на белорусских землях в конце XIX – начале XX в. Сформировавшиеся в среде традиционного протестантизма религиозные организации ЕХБ увеличивали сферу своего влияния в различных регионах Восточной Европы. Наиболее активно религиозные объединения баптистов возникали в годы Первой мировой войны в зоне немецкой оккупации, так как источником их влияния была просветительская, миссионерская деятельность части кайзеровских военнослужащих. Позже религиозные общины баптистов активно распространялись на белорусских землях и формировались преимущественно в небольших городах и сельской местности. Являясь строго иерархичными образованиями с разработанной вероучительной системой, руководители которых не стремились к оформлению официального статуса религиозных общин и групп, церкви ЕХБ находились в оппозиции государственно-религиозным доктринам, существовавшим в обществе.

Введение

Во второй половине XIX века в Беларуси формируется несколько направлений евангелистских церквей: баптизм, пятидесятничество, адвентизм и др. Одними из самых распространенных религиозных организаций на территории белорусских земель стали евангельские христиане-баптисты и христиане веры евангельской, которые создавались в первую очередь в приграничных регионах (современной Брестской, Гомельской, Могилевской областях, позже в центральной части – Минском регионе). Одной из особенностей укоренения религиозных организаций евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) в Беларуси было то, что они осуществляли деятельность на территории, где преобладающими являлись православная и римско-католическая церкви. Это объясняло настороженное отношение к баптистам со стороны как царского правительства Российской империи, так и священнослужителей традиционных конфессий.

В период существования советской державы государственно-религиозные отношения основывались на принципах формирования атеистического общества, свободного от религии, что стало одной из причин противоречивых взаимоотношений с властными структурами.

Цель статьи – обобщение особенностей возникновения, распространения и осуществления религиозной деятельности евангельских христиан-баптистов на территории Беларуси в период последней четверти XIX – 1985 г. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- 1) проанализировать процесс и специфику распространения религиозных организаций ЕХБ на белорусских землях;
- 2) охарактеризовать отличительные черты структуры, догматических установок, миссионерской деятельности церкви евангельских христиан-баптистов;
- 3) рассмотреть взаимоотношения религиозных общин и групп ЕХБ с властными государственными структурами в условиях советского религиозного законодательства.

Путь становления одной из крупнейших деноминаций – евангельских христиан-баптистов – достаточно сложен и противоречив. Баптизм возник в Англии в начале XVII в. как одно из направлений по освобождению англиканской церкви от влияния католицизма, ответвление так называемого пуританизма. Согласно учению Т. Мюнцера, необходимо было в новом религиозном направлении отказаться от многих вероучительных положений традиционного христианства: крещения младенцев, традиционного брака и т. д. Вероучение евангельских христиан-баптистов достаточно быстро распространилось в Западной Европе, обретая новых последователей.

В 1880-х гг. баптистские группы возникают на белорусских землях, первоначально в Рогачевском повете Могилевской губернии. В 1882 г. последователи баптизма были выявлены в г. Чечерске Гомельского повета. Уже в начале XX в. общины баптистов существовали в Двинском, Люцинском, Дриссенском уездах [4, с. 107]. Причины распространения баптизма в Беларуси можно выявить несколько: 1) переселение белорусских крестьян-бедняков в Россию и на юг Украины и принятие там водного крещения; 2) миграция белорусов и знакомство за границей с новым религиозным учением в странах Западной Европы и США; 3) переселение верующих баптистов из центральных регионов Польши на юг Беларуси. Следует отметить, что после ратификации указа о веротерпимости в Российской империи в 1905 г. деятельность представителей различных конфессий империи оживилась, что вызвало недовольство в среде православного населения и клира.

В Витебске в 1914 г. под руководством Г. Шенгарда была основана община евангельских христиан и баптистов. Проводимая им работа позволила популяризировать новое религиозное направление: был создан хор, регулярно проводились молитвенные собрания в частном доме организатора и т. п. В то же время в городе действовала религиозная организация «Синий крест», в которую входили православные, лютеране, католики [4, с. 193]. Однако под влиянием разногласий и высылки Г. Шенгарда в Архангельскую губернию в 1920 г. группа распалась на две – ЕХБ и евангельских христиан. Общину ЕХБ возглавил М. Евдокимов, присланный Московским союзом. На Витебщине 1920-е гг. были насыщены в плане развития евангелизации: в 1922 г. был образован губернский евангельский союз, в 1924 г. проведены курсы регентов.

В 1918 г. официальный статус получила группа баптистов в г. Могилеве, а в течение 1922–1924 гг. в регионе было образовано более пяти общин. Подобное лояльное отношение со стороны советской власти объяснялось тем, что верующие баптисты рассматривались как потенциальные лица для разведывательной работы и шпионажа в пользу СССР. Причиной этой позиции руководящих органов было то, что координирующие религиозные центры евангельских христиан-баптистов находились на территории США и Великобритании, верующие и пасторы активно взаимодействовали с зарубежными единоверцами.

Отличительной чертой представителей баптизма было то, что они не ставили себе целью противостоять принципам организации и идеологическим установкам советского общества, а, наоборот, приспосабливались к его новым условиям. В этом и заключается основная причина относительно устойчивого дальнейшего существования данной деноминации в СССР, и БССР в частности.

На западе Беларуси основателем протестантизма стал А. Кирцун. После возвращения из Сибири на родину в местечке Зельва (Гродненщина) он образовал религиозную общину. По его инициативе были созданы общины баптистов в Волковыске, Лиде, Гродно. В 1922 г. был построен молитвенный дом в г. Гродно. На Брестчине в 1922 г. благодаря деятельности Л. Декуть-Малея была основана группа ЕХБ, налажена ее активная деятельность, организованы регентские и библейские курсы.

В 1925 г. после распада Союза евангельских христиан и баптистов Польши в Западной Беларуси начали отдельно действовать Союз баптистов, Союз евангельских

христиан и Союз церквей Христовых. При этом они были достаточно обеспечены материально; в 1937 г. Союз баптистов насчитывал 85 церквей и 275 филиалов, где было 13 800 верующих [4, с. 213].

Однако баптизм, который развивался в большинстве регионов бывшей империи, претерпевал изменения в отношении правящей власти. Большинство идеологов баптизма (П. В. Павлов, М. Д. Тимошенко, П. Винс) выступали за лояльное отношение к большевистской власти, хотя нередко призывали к открытому противостоянию. В отличие от христиан веры евангельской (пятидесятников) баптисты осуществляли религиозную деятельность в соответствии с советским законодательством, иницируя официальную регистрацию общин и групп, пресекая на локальном уровне частные молитвенные собрания, которые некоторые верующие осуществляли частным образом.

Во время Великой Отечественной войны достаточно сложным и неоднозначным было положение баптистской деноминации. Немецкое командование поддерживало инициативу возрождения деятельности евангелистских церквей, создавая в обществе противоречия. После окончания Великой Отечественной войны в жизни религиозных организаций наступил период противостояния органам советской власти. Начиная с середины 1940-х гг. религиозные организации евангельских христиан-баптистов возобновляют свою активную деятельность, что вызвало настороженность со стороны комитетов по делам религиозных культов. На местах продолжалась практика по строгому учету числа общин и количества верующих в них. Таким образом, только на территории Брестской области было зарегистрировано на 1 января 1947 г. 44 группы евангельских христиан-баптистов [2, л. 55].

Важным событием для общин и групп баптистов стало их объединение во Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) вместе с организациями ХВЕ. Однако такая инициатива, которая была юридически оформлена 29 августа 1945 г., послужила отправной точкой в конфликтных отношениях между представителями неопротестантизма: баптистами и пятидесятниками. Несмотря на внешнюю схожесть этих деноминаций, существенные различия в области вероучения, обрядности, организационной структуры не могли сплотить в единый союз верующих.

Если рассматривать социальный состав групп баптистов, то большинство их (около 80 %) составляли женщины, молодежь и пенсионеры. Поэтому властями на разных уровнях разрабатывались программы по улучшению воспитательной работы в учреждениях образования, организации досуга населения, привлечению молодежи в кружки самодеятельности и к общественным работам.

В середине 1950-х – начале 1960-х гг. наступление на деятельность религиозных организаций продолжилось, но и сама религиозная жизнь не утрачивала актуальности среди населения. Однако, несмотря на негативное отношение властей к представителям баптизма, лидеры и руководители ВСЕХБ предпочитали не допускать конфликтных ситуаций с властными структурами, даже когда нарушения прав верующих со стороны официальных органов были очевидны [6]. Тем не менее частью верующих-баптистов была организована инициативная группа, которая нашла своих приверженцев, в первую очередь в среде оппозиционеров, которые в большинстве ее поддержали и не признали руководящую роль ВСЕХБ. В 1962 г. инициативная группа была изменена на Оргкомитет, куда вошли все представители от областей. В 1965 г. Оргкомитет был переименован в Совет церквей евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ), который впоследствии явился мощной структурой верующих [3].

Принятые в первой половине 1960-х гг. поправки к существующему законодательству усиливали атеистическую пропаганду, предоставляли неограниченные права официальным органам власти в «борьбе» с антисоветскими «элементами». Как правило, в среде объединений баптистов к ответственности привлекались «раскольники» за нару-

шение законодательства о культах, распространение религиозной литературы, сотрудничество с зарубежными единоверцами.

Ежегодно число баптистских общин пополнялось за счет молодежи. Так, в 1975 г. численность групп возросла на 296 человек, а в 1978 г. – на 485 [4, с. 313]. При этом обозначилась тенденция к увеличению численности верующих и количества общин в западных областях Беларуси. Уполномоченный по делам религиозных культов БССР А. Залесский инициировал работу по улучшению качества и содержания воспитательной работы среди верующих, атеистического просвещения, организации досуга граждан организациями культуры. Следует отметить, что общины ЕХБ пополняли свои ряды не только за счет молодежи из протестантских семей, но и за счет православных и католических верующих. Постепенно увеличивалось число официально зарегистрированных общин: со 143 в 1970 г. до 217 в 1985 г.

К середине 1980-х гг. наметилась тенденция к улучшению религиозной жизни и деятельности объединений евангельских христиан-баптистов. Дальнейшая либерализация общества позволила определить позитивные изменения в государственно-религиозной сфере, в частности во взаимоотношениях верующих баптистов и властных структур.

Догматические установки, религиозное учение евангельских христиан-баптистов основываются на ключевых моментах традиционного протестантизма. Основным источником знания, как и большинство протестантских направлений, евангельские христиане-баптисты считают Священное Писание. Они отвергают церковь как институт посредничества между людьми и Богом, церковные молитвы и ритуалы, иконы, почитание изображения креста. Христианские святые также не находят почитания в среде баптистов, а культ Богородицы вовсе не отражен в каких-либо обрядах. При этом женщина в баптизме не лишена права служения и может даже, исходя из своих исключительных особенностей, иметь священнический сан.

Отличительной чертой баптизма является крещение в совершеннолетнем возрасте, когда считается, что человек подходит к этому ритуалу, осознавая всю серьезность происходящего. Однако приобщение к религии начинается в раннем детстве в семьях верующих. Вторым важным обрядом в баптизме является хлебопреломление. Действие происходит во время молитвенного собрания, где этот обряд символизируется с причащением. К нему допускаются только действительные члены общины, принявшие водное крещение.

Проповедники баптизма исходят из того, что единственно верным источником знания может быть Библия, которую необходимо «охранять» от ересей и возникающих толкований в христианстве в целом. Центральным в учении баптизма является догмат о спасительной миссии Иисуса Христа. Так как человек сам по себе существо греховное и, как следствие, не способное к достижению справедливости, спасению и моральному самосовершенствованию, только Бог и Святой Дух могут его возродить свыше.

Евангельские христиане-баптисты считают свою церковь «избранной», где верующие являются «детьми божьими». Церковь как главная организационная структура деноминации подразделяется на виды: вселенская, поместная, домашняя. Таким образом, люди, призванные Богом для спасения, составляют невидимую вселенскую церковь, т. е. «собрание искупленных», из всех народов, из всех поместных церквей (общин и групп) и домашних церквей как на земле, так и во Вселенной [5].

Особая роль отведена домашней церкви, так как именно в ее среде формируются основополагающие вероучительные установки всех членов семьи: мужа, жены и детей. Домашняя церковь является «малой общиной», которая образует оптимальные условия для религиозного воспитания, привития семейных ценностей, опыта социального служения и т. д.

Поместная церковь выполняет роль организации, которая объединяет верующих определенной местности и существует в виде общин и групп. Во главе их находится

пресвитер, в обязанности которого входит административное управление объединением верующих. При этом в определенном районе есть так называемый старший пресвитер, который имеет право осуществлять рукоположение других пресвитеров и соблюдает общий порядок в деятельности групп. При каждой общине есть должности дьяконов и проповедников, которые оказывают помощь пресвитеру в руководстве общиной и помогают ему в решении важных вопросов. Главным руководящим органом верующих является Совет евангельских христиан-баптистов [1].

В общинах евангельских христиан-баптистов уделяется особое внимание детям и молодежи в вопросах воспитания и организации их досуга. Повсеместно создаются летние лагеря, где пребывание концентрируется на изучении основ религиозного учения, стимулирования их способностей и талантов, общего физического развития. Отличительной чертой баптизма, которая им часто инкриминируется как пропаганда собственной веры, является организация всевозможных групп по интересам: музыкальные коллективы, вечера встреч пожилых людей, кружки шитья и т. д. При этом сами верующие активно принимают участие в подобных объединениях.

Богослужения, как правило, осуществляются 2–3 раза в неделю, на них обязаны присутствовать все члены общины. Важным в среде верующих считается соблюдение норм морали и благочестивое поведение. Как правило, баптисты являются добросовестными работниками, в какой бы сфере они не были заняты, непримиримо относятся к спиртным напиткам и табаку. Девушкам и женщинам рекомендуется исключить из гардероба «мужские» элементы одежды, не злоупотреблять косметикой, а то и вовсе отказаться от нее.

Для популяризации вероучения, приобщения новых адептов баптистские проповедники создают художественные произведения, где раскрывают особенности догматики, обрядности баптистской церкви. Для привлечения потенциальных последователей идеологии баптизма используют современные средства массовой информации: телевидение, радиоклассы, периодическую печать, интернет-ресурсы и т. д.

Важное место в объединениях баптистов занимают так называемые «приближенные», которые являются приверженцами вероучения и проходят подготовительный этап по принятию водного крещения и становятся спустя некоторое время членами общин. Это, как правило, люди, которые ранее не имели к баптизму отношения или исповедовали иное религиозное вероучение.

Большое значение в среде евангельских христиан-баптистов имеют различные формы и виды служений: молодежное, социальное, просветительское и т. д. При этом все многообразие видов является не только одной из основ религиозной деятельности как таковой, но и специфическим способом привлечения новых верующих в общины. Чаще всего в результате реализации служений общины и группы баптистов пополняются за счет людей, которые ранее вели асоциальный образ жизни (лица, злоупотреблявшие алкоголем, наркозависимые, бывшие заключенные и т. д.).

Церковь евангельских христиан-баптистов является одним из многочисленных религиозных образований из числа евангелистических деноминаций на территории белорусских земель: так на 1 января 1955 г. число общин составляло 155, а в 1985 г. оно увеличилось до 217. Общины и группы баптистов – это строго организованные религиозные структуры, которые ориентированы на увеличение численности своих последователей и масштабное распространение вероучения, осуществление активной миссионерской, проповеднической и социальной работы.

Заключение

Религиозные организации евангельских христиан-баптистов, сформировавшиеся в среде традиционного протестантизма, начинают распространяться в Беларуси массово

в период Первой мировой войны, преимущественно в юго-западных, юго-восточных и центральных регионах, на приграничных территориях.

Особенности религиозной практики, активная миссионерская деятельность, взаимодействие с зарубежными единоверцами, отказ от полного соблюдения советского религиозного законодательства обусловили противостояние властных структур и религиозных организаций евангельских христиан-баптистов вплоть до второй половины 1980-х гг. Однако в период 1920–1930-х гг. советское правительство лояльно относилось к религиозной деятельности баптистов, так как предполагало использование верующих в разведывательной работе, учитывая их связи с зарубежными религиозными центрами. Законодательная система советского государства в области свободы совести не могла в полной мере обеспечить соблюдение прав верующих, потому что многие статьи соответствующих документов противоречили осуществляемой религиозной практике представителей баптизма. Это обстоятельство стало одной из причин трудностей во взаимоотношениях с властными структурами.

Общины и группы евангельских христиан-баптистов представляют собой строгие иерархичные образования, где разработаны соответствующие кодексы поведения верующих. Для верующих баптистов характерна высокая степень консолидации приверженцев вероучения, традиции семейного религиозного воспитания, наличие тесных взаимосвязей между членами религиозных объединений и с иностранными единоверцами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бентон, Д. Большая мечта для маленькой церкви: как выжить и преуспеть небольшой общине : пер. с англ. / Д. Бентон. – Минск : Позитив-центр, 2011. – 174 с.
2. План-отчет уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области 1947 г. // Государственный архив Брестской области. – Ф. 1339. Оп. 1. Д. 1.
3. Гартфельд, Г. Научное исследование контекстуализации богословских доктрин в жизни церковью ЕХБ под руководством ВСЕХБ в бывшем Советском Союзе / Г. Гартфельд. – Черкассы : Стефанус, 1995. – 90 с.
4. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.] ; пад рэд. У. І. Навіцкага. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
5. Плешко, П. Т. Духовное руководство для христиан евангельского исповедания : в 3 т. / П. Т. Плешко. – СПб. : Христиан. о-во «Библия для всех», 1994. – Т. 1. – 368 с.
6. Сушко, В. В. Неопротестантские организации в Беларуси: нормативно-правовой аспект взаимоотношений с государством (вторая половина 1980-х – начало 2000-х гг.) / В. В. Сушко // Науч. тр. РИВШ. Истор. и психол.-пед. науки. – 2010. – Вып. 10, ч. 1. – С. 192–198.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.03.2020

Sushko V. V. Origin and Main Forms of Activity of the Evangelical Christian Baptist Church in the Belarusian Lands

Evangelical Christian Baptist Church Organizations (ECB) began to spread to the Belarusian lands in the late 19th and early 20th centuries. The religious organizations of the ECB, formed within the traditional Protestantism, expanded their sphere of influence in various regions of Eastern Europe. The most active religious associations of Baptists arose during the First World War in the German occupation zone, as their source of influence was the educational, missionary activities of a part of the Kaiser soldiers. Later, Baptist religious communities were actively spread in Belarusian lands and formed mainly in small towns and rural areas. As strictly hierarchical entities with a developed belief-based system, whose leaders did not seek to formalize the status of religious communities and groups, ECB churches were opposed to the state-religious doctrines that existed in society.

УДК 902.2:378(476.7)

А. А. Башков

*канд. ист. наук, доц., доц. каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: bashkow@mail.ru*

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕСТАВРАЦИОННОМ ДЕЛЕ НА ПАМЯТНИКАХ РЕЗИДЕНЦИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ XVIII–XIX ВВ. НА БРЕСТЧИНЕ

Представленный материал является результатом проведенных автором за последние десятилетия археологических исследований на реставрируемых резиденциях в Ружанах, Скоках, Коссово. Особое внимание уделено тесному сотрудничеству архитекторов-реставраторов и археологов в деле воссоздания утраченных памятников архитектуры, а также малых архитектурных форм.

Введение

Архитектурное наследие Брестской области не оставляет равнодушными ни гостей, ни жителей нашего региона. Общественный и научный интерес к памятникам усадебной и резиденционной архитектуры эпохи Нового времени неуклонно растет, появляется желание осмыслить историческое прошлое, прикоснуться к материализованной истории своего народа. Об этом свидетельствует ряд специализированных работ белорусских и польских исследователей, посвященных изучению архитектурных памятников Беларуси, и в частности Брестчины, как неотъемлемой части европейского культурного наследия [14–24]. Сегодня, отойдя от классовых стереотипов, мы не противопоставляем культуру и историю разных социальных слоев белорусского общества, будь то шляхтич, представитель духовенства, мещанин или крестьянин. Древнебелорусское общество периода Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и Российской империи, стратифицированное вследствие объективных социально-экономических и политических причин, творило многогранную, богатую, пеструю, но в то же время единую белорусскую культуру. Когда же мы говорим об элитарной культуре, т. е. культуре шляхетской, безусловно, ярчайшие следы ее материального воплощения надо искать при изучении родовых усадеб и резиденций древнебелорусской шляхты.

В последние десятилетия на Брестчине проводятся реставрационные и восстановительные работы на ряде памятников усадебной и резиденционной архитектуры, которые внесены в Государственный список историко-культурных ценностей. Ведущей проектно-реставрационной организацией является «Белреставрация» и ее филиалы «Брестреставрация» и «Брестреставрацияпроект». Начиная подготовку проектной документации, архитекторы-реставраторы в первую очередь сталкиваются с проблемой сохранности памятника (частично или полностью утраченные архитектурные объекты и их детали, изменение ландшафта), а также с необходимостью проведения комплексных научных исследований по интересующему объекту. Для воссоздания визуальной картины объективного прошлого архитектурного объекта архитекторы должны прибегнуть к исследованиям археологов, которые могут обнаружить, зафиксировать, изучить и реконструировать «поглощенные» культурным слоем сооружения, их фрагменты и детали, а также артефакты, связанные археологическим контекстом с изучаемым памятником. Таким образом, археологические исследования являются неотъемлемой частью реставрационно-восстановительных работ, причем как на начальном их этапе, так и в ходе их поэтапного проведения. Результаты такого сотрудничества воплощаются в реальные архитектурные объекты и комплексы, которые в свою

очередь включаются в общественно-культурную, просветительскую, образовательную и туристическую сферы.

Целью представленной работы является рассмотрение положительных и отрицательных примеров практического использования результатов археологических исследований шляхетских резиденций XVIII–XIX вв. на территории Брестчины в реставрации и восстановлении этих памятников.

Начав с изучения памятников оборонительного и культового зодчества, разработав основы методики архитектурно-археологических исследований, белорусские археологи постепенно перешли от изучения отдельных сооружений для нужд реставрации к комплексному и масштабному изучению целых архитектурных ансамблей. Сегодня наработан обширный археологический материал, связанный с системным и комплексным изучением шляхетских резиденционных комплексов Брестчины эпохи позднего Средневековья и Нового времени [13]. С 2008 по 2019 г. включительно археологические исследования проводились автором на архитектурных объектах ряда шляхетских резиденций Брестчины: в Ружанах, Скоках, Коссово.

В результате было исследовано на территории Ружанской резиденции 247,2 м² (раскопки) и 90 м² (археологические надзоры), Скоковской – 248 м² (раскопки), Коссовской – 454 м² (раскопки). Кроме того, археологический надзор проведен при освобождении внутреннего пространства центрального корпуса и восточного флигеля в Коссовском дворце, а также при прокладке коммуникаций на прилегающей территории с восточной, северной и западной сторон. В общей сложности в Коссово археологический надзор проведен на площади около 2 000 м².

Отметим важнейшие результаты археологических исследований на территории и архитектурных объектах изученных резиденций и рассмотрим примеры их практического применения.

В Ружанах изучены внутренние пространства западного и восточного флигелей Сапеговской резиденции XVIII в., прилегающих к въездным воротам, а также южная часть восточного (театрального) корпуса, где некогда размещался театр [2; 5–7]. В результате определены этапы реконструкции западного флигеля, выделено четыре строительных яруса самого флигеля и обнаружены остатки сооружения XVII в. под ныне существующим зданием флигеля.

Полученные сведения о сохранности и конструктивных особенностях поперечных стен западного флигеля въездных ворот позволили использовать их в строительных работах по восстановлению данного сооружения. Согласно комплекту проектной документации по объекту «Дворцово-парковый ансамбль в г. п. Ружаны. 1-я очередь. Западный флигель. Реставрация (корректировка)» (360-08-2-АС1. – Стадия С. – Л. 3–5), валунные фундаменты на известковом растворе шириной до 1 м были, к сожалению, демонтированы при возведении монолитных бетонных внутренних перегородок западного флигеля. Информацией о сохранности и использовании аналогичных фундаментов в восточном флигеле мы не располагаем ввиду проведения этих работ в начале 90-х гг. XX в. и утраты соответствующей документации при ликвидации Белорусского реставрационно-проектного института.

Особо отметим обнаруженные нами остатки каменно-кирпичного сооружения, которые фиксируются в раскопе 1 западного флигеля (раскопки 2011 г.) в пластах 3, 4 и частично 5 [2]. В квадратах 3 и 4 имеется фрагмент кирпичного фундамента и угольная прослойка, в квадратах 5–8 и 19 – фрагмент каменной вымостки, каменный фундамент, кирпичный пол, угольная прослойка. Размеры использованных в данной конструкции кирпичей 28 × 15 × 7 см. Гибель этого строения наверняка надо связывать с междоусобной магнатской войной конца XVII в. После разрушения здания территория была снивели-

рована под постройку въездных ворот с флигелями резиденционного комплекса Александра Сапеги в 70-х гг. XVIII в. Позднее, в первой половине XX в. на эти конструкции были поставлены печи для обжига печных изразцов, т. к. внутреннее помещение флигеля было приспособлено для производственных мастерских, функционировавших тут до 60-х гг. XX в. Таким образом, в 2011 г. при изучении западного флигеля въездных ворот были обнаружены и зафиксированы сохранность и глубина залегания сооружений, относящихся к первоначальной резиденции Сапег, т. е. до строительства архитектурного ансамбля по проекту Я. С. Беккера во второй половине XVIII в.

На стадии разработки проекта реставрации и адаптации западного флигеля под музейное помещение (научный руководитель В. Н. Казаков) было принято решение о консервации фрагментов открытого сооружения первоначальной резиденции XVII в. в раскопе 1 (квадрат 7 и 8) и экспонировании его в будущем экспозиционном зале. Было разработано конструктивное и архитектурное решение, впоследствии успешно реализованное. Согласно проектной документации по объекту «Дворцово-парковый ансамбль в г. п. Ружаны. 1-я очередь. Западный флигель. Реставрация (корректировка)» (Экспозиционный приямок. – 360-08-2-АС. – Стадия С. – Л. 1–3), предусматривалось возведение прямоугольного бетонного колодца (экспозиционный приямок) со стеклянным покрытием, который ограждал вскрытую конструкцию от прилегающего культурного пласта с севера и песчаной подпольной засыпки с востока, юга и запада. При изготовлении подпорных бетонных стенок приямка предусматривалась: закладка в продольные стенки квадратных в сечении стальных труб; заварка их торцов стальной сеткой; окраса данной конструкции в черный цвет. После устройства подпорных стенок камни и кирпичи экспонируемой конструкции XVII в. были очищены механическим путем от пыли и грязи, а подпорные стенки были двукратно выкрашены высококачественной силиконовой краской для внутренних работ. Далее был произведен монтаж подсветки для более яркой визуализации экспонируемых конструкций. На заключительном этапе экспозиционный приямок был закрыт закаленным стеклом (ТРИПЛЕКС), а по углам сооруженного приямка монтировались вентиляционные решетки.

После введения в эксплуатацию западного флигеля как составляющей части музейного комплекса фрагменты обнаруженного сооружения первоначальной резиденции Сапег XVII в. экспонируются в первом зале при входе и отражены в структуре тематической экскурсии.

В ходе исследований 2011 г. в южной части театрального корпуса Ружанской резиденции было зафиксировано основание северной стены театрального помещения и каменно-кирпичная конструкция, которая являлась важнейшим конструктивным элементом внутритеатрального интерьера, призванным «нести» балочные перекрытия крыши и деревянные конструкции театральных лож [2]. Она представляет собой девять квадратных кирпичных баз под колонны со сторонами в 90 см. Все базы колонн соединены кирпичной стеной. Кирпичные базы колонн и соединяющая их кирпичная стена находятся на едином фундаменте – подковообразном монолите из мелких и средних размеров камней, соединенных плотным известковым раствором. Выяснилось, что вся конструкция вскрытого фрагмента колоннады помещена в песчаную подушку. Высота монолитного фундамента, на котором возведены базы колонн, – 130 см.

Материал шурфа 3 (раскопки 2011 г.) подтвердил наличие каменно-кирпичной конструкции на противоположном краю уже известной колоннады [2]. Это сооружение из кирпичей на каменно-известняковом монолите. Сооружение представляет собой остатки театральной лоджии, ограниченной с северной и южной сторон кирпичной стеной. Пол лоджии выложен кирпичом и находится на глубине 109 см от условного нуля. Площадь лоджии составляет 15,75 м². С юга к лоджии примыкает кирпичная

вымостка, вероятно основание печи. Западная часть всей вскрытой конструкции сильно повреждена, однако просматриваются остатки баз под колонны.

Обнаруженные конструкции были также обследованы и обмерены специалистами проектной организации «Брестреставрацияпроект». Полученные результаты легли в основу предварительных работ над проектом реставрации и восстановления театрального комплекса. По согласованию с реставраторами предусматривались дальнейшие работы по вскрытию внутреннего пространства театра (и опорной колоннады в частности). Однако из-за отсутствия финансирования работы были перенесены на неопределенный срок, а вскрытая конструкция колоннады была засыпана песком с целью временной консервации.

В ходе археологического исследования 2013 г. резиденции Немцевичей второй половины XVIII в. в д. Скоки Брестского р-на были найдены и изучены остатки западного флигеля, уничтоженного в 60-е гг. XX в. Всего было вскрыто 248 м² и собрана археологическая коллекция из 178 артефактов, датируемая XVII – первой половиной XX в. [12].

В результате работ зафиксированы особенности и сохранность внутренних конструкций данного сооружения, среди которых фиксируются печи. Обнаружены каменно-кирпичные, хорошо сохранившиеся фундаменты, каменно-кирпичные перегородки, каменные и кирпичные вымостки и полы. Установлены объективные размеры всего западного флигеля – 8,4 × 32,4 м.

В ходе анализа обнаруженных конструкций мы предположили три этапа внутренней перепланировки здания. Вскрытые конструкции секторов 1 и 3 показали на имевшую место внутреннюю реконструкцию внутренних помещений флигеля, исходя из изменений его функционального назначения. Имеются следы четырех половых покрытий: деревянного (первоначальное), каменного (уложенного в первой половине XX в.), кирпичного (уложенного в 40–50-е гг. XX в.), бетонного (уложенного в 50–60-е гг. XX в.).

Кроме того, были открыты и зафиксированы соединительные узлы внешних стен флигеля с усадебным ограждением (северо-восточный угол здания) и кирпичной пристройкой со стороны двorca (южная стена флигеля).

Весь комплекс собранных материалов давал прекрасную эмпирическую базу для подготовки архитектурного проекта по воссозданию утраченного флигеля резиденции Немцевичей: были установлены объективные размеры здания, этапы его реконструкции и перепланировки, конструктивные особенности, сохранность конструкций, элементы внутреннего декора. Идею его воссоздания высказал научный руководитель объекта В. Н. Казаков. Рассматривался также вариант консервации вскрытых остатков здания с последующим их благоустройством и экспонированием. Однако ни одна из высказанных идей не нашла поддержки со стороны районных властей, выступавших заказчиком по данному объекту. Со ссылкой на отсутствие финансовых средств работы по археологическому изучению западного флигеля резиденции Немцевичей были приостановлены, а идеи о консервации и восстановлении данного сооружения однозначно отвергнуты.

Таким образом, западный флигель вскрыт и изучен лишь на 60 %. Только дальнейшие археологические исследования объекта позволят проектировщикам начать полноценную работу по подготовке проектной документации с целью возможного восстановления западного флигеля как неотъемлемой составляющей единого архитектурного комплекса XVIII в. – резиденции Немцевичей.

В 2008 г. начались реставрационные работы восточного флигеля с последующим восстановлением центрального корпуса и западного флигеля дворца Пусловских в г. Коссово Ивацевичского р-на [1; 3]. Это обусловило актуальные цели археологических исследований этого года, согласованные с проектировщиками и реставраторами, –

сбор археологического материала в ходе выноса грунта и мусора из внутренних помещений восточного флигеля и центрального корпуса.

При разборке завалов были обнаружены некоторые конструктивные особенности внутренних помещений дворца. В северо-западной части восточного флигеля в ходе освобождения внутреннего пространства от завалов было обнаружено небольшое полуподвальное помещение. После полной очистки стало возможным определить его функциональное назначение: это топочная. В кирпичной основе имелось арочное углубление высотой 1 280 см, шириной 1 270 см, глубиной 480 см. В углублении имелось крестообразное отверстие непосредственно для закладки дров высотой 980 см и шириной 780 см (с учетом разрушений). Небольшая топка, выложенная из кирпича, имела выход в сложную систему кирпичных каналов (дымоходов), проходящих по периметру флигельных помещений на первом этаже. Неширокие, до 50 см, каналы, выложенные из кирпича, проводили теплый воздух по периметру всех помещений данного флигеля, подогревая пол, отапливая тем самым помещения [1; 3].

Сохранность обнаруженной конструкции и специфика ее функционального назначения повлияли на решение научного руководителя объекта В. Н. Козакова о подготовке проекта консервации и экспонирования ее в восточном флигеле дворца, приспособляемом под гостиницу. Комплект проектной документации по объекту «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец. 2-я очередь. Внесение изменений № 2» (288.2-05-2-АР. – Блок 2. – Стадия С. – Л. 52) отражает ряд мероприятий по обустройству экспозиционного приямка под стеклянным покрытием с использованием новейших технических и строительных средств и материалов. Эксплуатация этого помещения общей площадью в 22,2 м², как и лестницы в топочную, по проекту не предусмотрены. Помещение не будет отапливаться и вентилироваться, однако будет подсвечиваться. При ремонте существующей исторической кладки стен обязательным условием является сохранение «руинированности», т. е. сохранение объективных повреждений, которые не влияют на эксплуатационные характеристики конструкций. В ходе отделочных работ первоначально будет проведена очистка лицевой поверхности кирпича вручную щетками от грязи, биоразрушителей (плесень и водоросли) и элементов разрушенного и поврежденного строительного материала. При очистке обязательным является максимальное сохранение лицевого слоя («спека») кирпича. Затем предусмотрена расчистка швов в кирпичной кладке от слабого раствора на среднюю глубину 10 мм. Глубина может варьироваться в зависимости от объективной сохранности раствора. Затем будет проведено восстановление швов известковым 15 %-м составом. Затем поверхность стен и лестницы обрабатывается специальным материалом *Impragnierung BFA* (арт. 0673). Состав не смывается водой, что будет препятствовать дальнейшему увлажнению стен. Раствор наносят кистью для уничтожения мицелий (грибниц). После выдержки около 6 часов поверхность будет обработана повторно. Раствор не смывается для сохранения его в качестве биоцидного основания и грунтового покрытия. Расход вещества предусмотрен 0,4 л/м². Для окончательного укрепления поверхности планируется применить камнеукрепитель на основе кремниевой кислоты *Remmers KSE 100* в сочетании с *Remmers KSE 300* без содержания растворителей. Камнеукрепитель будут наносить методом обливания поверхности в три рабочих захода: первая (1 л/м²) и вторая (0,5 л/м²) операция с *KSE 100*, третья – (0,5 л/м²) *KSE 300*. В результате в течение 4 недель образуется вязущий аморфный силикатный гель, который образует однородное и эффективное защитное покрытие кирпичной поверхности будущего экспонируемого помещения «топочной». Оно также будет накрыто стеклянным полом, металлический каркас которого будет крепиться к кирпичным стенкам приямка при помощи распорных анкеров по типу *HIL TI HIT-IM12*. Анкера будут устанавливаться в заранее просверленные отверстия диаметром 18 мм и глубиной 105 мм.

Всего планируется использовать 24 анкера. Перед установкой поверхность металлического каркаса будет очищена от продуктов коррозии и двукратно окрашена пентафталевой эмалью ПФ-115 ГОСТ 6465-76 по гранту ГФ-021 ГОСТ 25129-82. Общая толщина покрасочного покрытия составит 80 мкм. Уголки каркаса предусмотрено крепить распорными анкерами М10 × 100, по три штуки на уголок. Стекланный пол предполагает расчетную нагрузку 500 кг/м². Прямоок планируется закрыть люком *Лп-1* (288.2-05-2-АС). Для доступа обслуживания предусматривается использование металлической лестницы-стремянки.

В результате в восточном крыле Коссовского дворца в коридоре будущего гостиничного блока посетители и проживающие смогут увидеть оригинальную конструкцию, служившую ранее основой отопительной системы всего дворцового флигеля.

Дальнейшие археологические работы были сконцентрированы на поиске и изучении сооружений, входивших в дворцово-парковый комплекс и сведения о которых сохранились благодаря документальным, картографическим и фотоматериалам, а также устному нарративу местных жителей. В результате на прилегающей к дворцу территории, а также на территории бывшего парка были обнаружены и исследованы остатки восточных, западных и южных ворот, а также следы легкой архитектурной конструкции, возведенный на искусственной возвышенности прямоугольной формы на юго-запад от дворца, которая могла служить оранжереей, беседкой и т. п.

В 2010 г. был заложен раскоп 1 на юго-восток от восточного флигеля дворца в 6,15 м от его юго-восточной башенки общей площадью 100 м² [8]. Он ориентирован строго параллельно зданию дворца. Раскоп имеет неправильную форму в связи с тем, что точное месторасположение и размеры восточных ворот были неизвестны. В нашем распоряжении имелась фотография начала XX в. с изображением ворот и примыкающей к ним с двух сторон каменно-кирпичным ограждением. Таким образом, нам приходилось «нащупывать» остатки сооружения, расширяя раскоп в соответствии с открываемыми конструкциями.

В ходе выборки уже первого пласта начали открываться сохранившиеся каменно-кирпичные конструкции въездных ворот и прилегающих к ним сооружений. Непосредственно несущие конструкции ворот с парными основаниями пилястр (выполнявших функцию контрфорсов) с каждой из сторон открыты в восточной части раскопа. Каменный фундамент на известняковом растворе залегал на глубину 120 см. В основание стен были также заложены валуны до 70 см в диаметре. Края стен, прилегающие к проезду, имеют фигурные выступы в плане для декоративного решения вертикальных конструкций. Проезд шириной 3,72 м имел каменно-галечное основание с глиняной утрамбовкой. От ворот в обе стороны отходят каменно-кирпичные конструкции ограды шириной 76 см.

На юго-западе фундамент ограды использован для строительства одной из стен кирпичного сооружения – гаража, возведенного в период 30-х гг. XX в. Сооружение в плане криволинейной формы шириной 5 м, длиной 6,6 м, поставлено на каменно-цементный фундамент глубиной 80 см. Стены и пол выложены кирпичом в смешанной технике. Посередине пола открыта смотровая яма для технического обслуживания автомобилей шириной 60 см, длиной 170 см и глубиной 100 см. Пол ямы утрамбован с использованием цементного раствора. Пол здания частично разрушен, возможно, взрывами гранат или мин, т. к. повреждения имеют вид воронок.

Специфика кладки и конструктивного решения наводит на мысль о разрушении ворот в начале XX в. (вероятнее всего, в Первую мировую войну) и возведении рядом гаража с использованием имеющихся фундаментов и строительного материала ворот в межвоенный период. Данное сооружение, в свою очередь, было разрушено, вероятно, одновременно с дворцом в 1944 г.

В 2011 г. был заложен раскоп 2 площадью в 36 м², который располагался на юго-запад от западного флигеля дворца, в 4,43 м от его юго-западной башенки [9]. Он ориентирован строго параллельно зданию дворца и располагался своей большей частью на месте насыпной гравийной дороги. Раскоп имел правильную прямоугольную форму.

В ходе выборки уже первого пласта начали открываться сохранившиеся каменно-кирпичные несущие конструкции въездных ворот с парными основаниями пилястр (контрфорсами) с каждой из сторон. В результате зондажа у южного контрфорса выяснилось, что каменный фундамент на известняковом растворе залегал на глубину до 110 см. В основание стен были заложены валуны до 70 см в диаметре. Края стен, прилегающие к проезду, имели фигурные выступы в плане для декоративного решения вертикальных конструкций, однако они не сохранились. Проезд имел ширину 3,72 м с каменно-галечным основанием и глиняной утрамбовкой. От ворот в обе стороны отходят каменно-кирпичные конструкции – ограда. На северо-восток и на юго-запад каменный фундамент ограды шириной 76 см уходил за пределы раскопа. Данное сооружение, вероятно, также было разрушено одновременно с дворцом в 1944 г.

Таким образом, особое внимание архитекторов-реставраторов привлекли остатки восточных и западных ворот с примыкающей к ним оградой, которые являлись неотъемлемой частью архитектурного комплекса, замыкая пространство южного двора перед дворцом с востока и запада. Эти сооружения были внесены в общий проект по реставрации дворцово-паркового комплекса Пусловских, и началась разработка проектной документации по воссозданию каменно-кирпичного ограждения с въездными воротами на основе собранного археологического и документального материалов. В результате на основе подготовленного проекта двое ворот возведены в комплексе с оградой. Исчерпывающую информацию о механизме и этапах воссоздания данных архитектурных сооружений дают документы: комплект проектной документации по объекту «Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Восточные ворота» (288-05-3 АР. – Стадия С. – Л. 7, 10); комплект проектной документации по объекту «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Восточные ворота» (22-12/2-АС1. – Стадия С. – Л. 3–5); комплект проектной документации по объекту «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Западные ворота» (22-12/2-АС1. – Стадия С. – Л. 3–6).

Каменно-кирпичные ограждения с юго-восточной и с северо-западной сторон с идентичными воротами регулировали (и будут регулировать) въезд на территорию дворца со стороны г. Коссово (с юго-восточной) и д. Милейки (с северо-западной). Участки каменных ограждений с воротами воссозданы в 2018–2019 гг. из кирпича на бутовом фундаменте в неоготической стилистике на основании фотоматериалов и полученного археологического материала. Уличный и дворовой фасады ворот идентичны. Ворота представляют собой компактный прямоугольный объем с более высокой центральной частью, декорированной двумя симметричными нишами с небольшими аркатурами внутри. Под декоративными нишами располагаются углубленные готические четырехлистники (квадрифолии). Общая длина сооружения 11,135 м, высота (от уровня въездного покрытия) 7,645 м, толщина 0,82 м.

Проезд шириной 3,72 м и высотой 4,78 м выполнен в виде стрельчатой арки с декоративным обрамлением. Арочный проезд фланкирован узкими трехгранными достаточно массивными пилястрами шириной 7,55 м и высотой 5,01 м, выполняющими функцию контрфорсов. Они поделены валиком на две неравные части – большую верхнюю и меньшую нижнюю. На обеих частях пилястр расположены прямоугольные филенки. В свою очередь, пилястры увенчаны невысокими остроконечными завершениями в форме крестоподобных фиал, что придает им внешнюю схожесть с пилонами. Верх постройки венчает карниз. Ворота накрыты трехчастной двускатной жестяной крышей.

К воротам (восточным и западным) примыкает воссозданное кирпичное ограждение на бутовом фундаменте шириной 0,7 м, разбитое на равные отдели, разделенные квадратными в плане столбами. Высота ограждения 4,355 м от уровня въездного покрытия. Верхняя кромка стены увенчана карнизом, а само ограждение, включая столбы, имеет двускатное жестяное покрытие.

Остатки фундамента, пристроенного к восточным воротам гаража, согласно проекту, демонтированы, а затем воссозданы из крупного бута на цементно-песчаном растворе *M100F100*. Внутри очерченного периметра гаража запроектирована кирпичная «сторожка» размером 2,61 × 1,96 м с дверным проемом и одним стрельчатым окном.

Возведение ворот, согласно комплекту проектной документации по объекту «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Восточные ворота» (22-12/2-АС1. – Стадия С. – Л. 3-1), произведено на оригинальных фундаментах после соответствующих мероприятий по их укреплению и гидроизоляции. В соответствии с проектом кирпичная кладка стен и пола вскрытого гаража у восточных ворот разбиралась. Кирпич предусматривалось использовать при восстановлении фундаментов и основной конструкции. Вскрытые фундаменты ворот очищались от слабого материала (фрагменты кирпича и бута). Затем на очищенные боковые поверхности фундамента в предварительно высверленные отверстия на полимерно-цементный раствор *M100* закреплялись по вертикали и горизонтали в шахматном порядке Г-образные анкера *A-1*. К выпускам анкеров при помощи вязальной проволоки крепилась металлическая сетка. После этого по периметру конструкции выставлялась опалубка и производилось бетонирование (бетон *C16/20F75*). Средняя толщина бетонирования составила 20 см. Ремонт фундаментов осуществлялся поэтапно: сначала с одной стороны, затем с другой. Цокольные уступы арочной части ворот из кирпича демонтировались и воссоздавались из бетона *C25/30F150*. В некоторых критических местах кирпичная кладка выше уровня земли демонтировалась и восстанавливалась из бута на цементно-песчаном растворе *M100F100*. При устройстве бутовых фундаментов бетонная смесь расстилалась горизонтальными слоями толщиной до 250 мм с последующим втапливанием в каждый слой бутовых камней с зазорами между ними не менее 40–50 мм. Фундамент под пилястрами ворот был усилен бетоном *C16/20F75*. Два верхних ряда сохранившегося пилястра был демонтирован, а затем восстановлен из оригинального кирпича. Примыкающие к воротам фундаменты ограждения были демонтированы и воссозданы на армированном сеткой бетонном (бетон *C16/20F75*) фундаменте ниже дневной поверхности и бутовом фундаменте на цементно-песчаном растворе *M100F100*. В местах стыковки новых и старых фундаментов предусмотрена установка металлических штырей, которые вставлялись в раствор между буютом. После завершения работ по обустройству фундаментов предусмотрена горизонтальная гидроизоляция на битумно-полимерной мастике. Затем на данном фундаменте возводились кирпичные стены ворот, предусмотренные проектом. Работы по ремонту фундаментов восточных и западных ворот проводились по идентичной схеме.

Поиск южных ворот Коссовской резиденции в 2012 и 2013 гг. дал весьма скромные результаты [10; 11]. Используя компьютерную технику, мы совместили имеющийся план первой половины XX в. со спутниковым снимком, максимально калибруя масштаб. Это позволило нам определить наиболее перспективную территорию поиска на южной окраине лесного массива примерно в 280 м (225°) от центрального входа во дворец. Однако мы допускали, что план был составлен со значительными масштабными погрешностями. В связи с этим нами была выбрана методика закладки разведочных траншей, чтобы увеличить шансы обнаружения искомого сооружения. Были заложены две траншеи крест-накрест, что позволило исследовать площадь в 33 м². Собранная информация позволяет нам с высокой долей вероятности соотнести обнаруженные остатки каменно-

кирпичного сооружения с некогда существовавшими южными (главными) воротами дворцово-паркового комплекса Пусловских. Однако приходится констатировать практически полное их уничтожение в послевоенные годы. По словам местных жителей, данное сооружение было целенаправленно разобрано на стройматериал для строительства военных объектов.

В 2013 г. также была изучена возвышенность правильной прямоугольной формы в 110 м (227°) на юг от западного флигеля дворца, вглубь бывшего паркового массива [11]. В ходе подготовки проектной документации и концепции благоустройства прилегающей к дворцу территории рассматриваются различные варианты адаптации данного земляного сооружения. Условно она названа проектировщиками «оранжерея». Обследование возвышенности показало, что это искусственная насыпь прямоугольной формы размером 16 × 42 м, ориентирована с севера на юг (с отклонением в 45°). Высота насыпи с северной стороны достигает 0,2 м, с юга – 1,2 м. Нами была выбрана методика закладки разведочных траншей, чтобы увеличить шансы обнаружения возможных сооружений и фиксации особенностей стратиграфических напластований. Разведочные траншеи были заложены в северной и южной частях площадки. Общая площадь траншей составила 57 м². В результате собранная информация позволила нам утверждать, что изучаемая возвышенность имеет искусственное происхождение, а на площадке песчаной насыпи обнаружены остатки прямоугольного каменно-кирпичного сооружения размером 12 × 34 м, смещенного к северной стороне насыпи. По периметру сооружения зафиксирована утрамбованная мелко битым кирпичом вымостка шириной до 4 м. Во внутреннем пространстве сооружения имелись кирпичные колонны на каменных базах. Приходится констатировать практически полное уничтожение этого сооружения в период Первой мировой войны, так как на плане 30-х гг. XX в. оно уже не обозначено. Однако воспоминания местных жителей указывают на существование примерно в этом месте в конце 30-х гг. XX в. деревянных казарм, которые были впоследствии уничтожены.

Таким образом, два обнаруженных в 2013 г. объекта – южные ворота и «оранжерея» – внесены в общий проект по реставрации и восстановлению резиденционного комплекса Пусловских. Однако вопрос о разработке конкретных проектов по их воссозданию остается открытым ввиду нерешенности приоритетных задач актуальной реставрации и недостаточности эмпирической базы. Возможные будущие археологические исследования на этих объектах позволят обеспечить архитекторов необходимым материалом для подготовки соответствующих проектов по восстановлению архитектурных составляющих дворцово-паркового комплекса.

В ходе археологического надзора 2017 г. за благоустройством перед северным фасадом дворца со стороны усадьбы Т. Костюшко на верхней террасе в 6 м от восстановленной парадной лестницы дворца зафиксировано бетонное основание на бутовом фундаменте под фонтан, овальной формы, размером 8 × 5 м. На основании имеющихся аналогий, характерных для паркового благоустройства периода XIX – начала XX в., специалисты «Брестреставрацияпроект» разработали проект малого фонтана, располагающегося на месте обнаруженного объекта. Согласно проектной документации по объекту «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец. Внеплощадочные инженерные сети и благоустройство» (52-09-МАФ, Ф-1, Ф-2. – Малые архитектурные формы. Фонтаны Ф-1, Ф-2. – Стадия С. – Л. 2–3), предусматривалось использование оригинальных конструкций фундамента. После очистки от слабого материала и грунта имеющееся основание будет заключено в своеобразный бетонный, армированный металлической сеткой «саркофаг» с использованием металлических штырей для связки и атмосферостойкого водонепроницаемого герметика для фонтанов и бассейнов под цвет гранита. Размер овального в плане фонтана после восстановления составит 8,53 × 5,065 м. Бортики фонтана будут возвышаться над землей на 0,5 м.

Работы 2018 и 2019 гг. открыли еще один значительный объект, входивший в структуру Коссовской резиденции. Были проведены археологические исследования (раскопки) на территории, прилегающей с севера к нынешнему штабу стройки между лесным массивом и шоссе Коссово – Милейки. Вскрыта и изучена площадь 276 м² (с учетом шурфа 2018 г. площадью 9 м²). Обнаружены остатки кирпичного здания с шириной несущих стен до 0,90 м на мощных, хорошо сохранившихся (кроме северо-восточной части здания) каменных фундаментах с использованием кирпичного бута на известковом растворе (глубина залегания до 2,2 м). Установлена планировка здания. Дом представлял собой крестообразное в плане сооружение, состоявшее из трех основных объемов и объема, образованного трапециевидным ризалитом с восточного фасада. Основной (центральный) объем имеет форму прямоугольника. Он разделен на два помещения. Примыкающие симметрично объемы также прямоугольной формы разделены на три помещения. Фиксируется 8 помещений первого этажа и помещение, образованное восточным ризалитом, т. е. всего 9 помещений. Кроме того, фиксируется большое подвальное помещение, занимающее восточную половину здания. Подвальное помещение имело два основных прямоугольных объема и небольшое помещение с читаемым сводчатым кирпичным перекрытием. По согласованию с научным руководителем объекта В. Н. Казаковым для предотвращения эрозивных и механических повреждений и лучшей сохранности было принято решение не вскрывать подвальное помещение здания до половой отметки. У западного фасада зафиксированы каменно-кирпичные фундаменты крыльца, примыкающие к центральному объему здания.

Комплексный анализ собранных в ходе археологических и библиографических исследований материалов позволил отождествить обнаруженные остатки каменно-кирпичного здания с домом поветового сеймика, функционировавшего в 20–30-е гг. XX в. в период Польши. Однако обнаруженные артефакты, датируемые второй половиной XIX в. (монеты 60-х гг. XIX в., декоративная накладка с родовым гербом Пусловских, фрагменты бутылки Шустовского коньяка), особенности планировки, конструкций, техника их исполнения, близкое соотношение размеров строительного кирпича – все это подкрепляет осторожное мнение о том, что сооружение было построено во второй половине (возможно, в конце) XIX в. как административное здание, входившее в единый дворцово-парковый комплекс, а в 20–30-е гг. XX в. приспособлено к нуждам поветового самоуправления.

Сохранность открытого объекта, особенности его конструктивных элементов и техника исполнения, насыщенная история и расположение объекта – все это привлекло внимание при определении дальнейшей судьбы сооружения. На совместном совещании представителей местной администрации, заказчиков, реставраторов и научного руководителя объекта В. Н. Казакова было принято решение о консервации руин открытого административного здания для будущего экспонирования, а также о подготовке проекта благоустройства прилегающей к нему территории. Объект планируется включить в генеральный проект реставрации и общую концепцию будущего функционирования резиденционного комплекса как культурно-просветительского и туристического центра.

Заключение

Значительные результаты проведенных археологических исследований шляхетских резиденций на Брестчине достигнуты благодаря закономерному подъему реставрационного дела в Беларуси в результате государственного финансирования реставрационных работ на знаковых объектах республики. Важным фактором в этом процессе стала усовершенствованная законодательная система Республики Беларусь в отношении сохранения историко-культурного наследия, в частности археологических памятников. Нельзя

обойти вниманием высокий профессионализм специалистов белорусских проектно-реставрационных учреждений 70-х – начала 90-х гг. XX в., а также сотрудников филиала «Брестреставрацияпроект» во главе с директорами Владимиром Нахимовичем Козаковым и Александром Павловичем Кочановским, которые провели кропотливую научно-исследовательскую работу и, используя предоставленные археологами материалы, подготовили проекты по воссозданию прекрасных памятников резиденционной архитектуры.

Результаты наших археологических исследований на всех исследуемых памятниках нашли практическое применение, хотя имелись и отрицательные примеры отказа от реставрации и восстановительных работ некоторых объектов (западный флигель в Скоках, перегородчатые стены западного флигеля в Ружанах, детали интерьера в Коссово). Именно они позволили реставраторам-проектировщикам откорректировать и уточнить архитектурные и строительные проекты по всем рассмотренным резиденциям. Кроме того, сделаны корректировки проектов не только по отдельным строениям в Ружанах, но и по всему резиденционному комплексу в Коссово и Скоках.

Проделанная работа показала высокую результативность в совместной работе археологов и реставраторов на объектах, подлежащих реставрации и восстановлению, в частности, резиденционных комплексах Брестчины. Сегодня эти результаты воплощены в реальные объекты, которые стали образовательными, культурными и музейными центрами.

Отреставрированы въездные ворота с прилегающими флигелями, где в 2011 г. открыт музей «Ружанский дворцовый комплекс рода Сапег». Продолжается реставрация и восстановление восточного (театрального) корпуса резиденции. Идет к завершению реставрация Коссовского дворца в комплексе с открытыми нами въездными воротами, оранжереей, фонтанами. В ноябре 2017 г. в пяти залах дворца открыта временная экспозиция, в которой представлены археологические материалы из наших раскопок. Отреставрирован главный корпус (дворец) Скоковской резиденции, где в 2013 г. открыт историко-мемориальный музей «Усадьба Немцевичей». Обнаруженный нами западный флигель пока законсервирован путем песчаной засыпки до времени окончательного принятия решения о его восстановлении. Археологические материалы из проведенных нами раскопок готовятся к передаче в фонды действующего музея.

Таким образом, результаты, полученные автором в ходе изучения шляхетских резиденций XVIII–XIX вв. на Брестчине, нашли свое практическое применение в реставрационном деле, что стало очередным подтверждением актуальности развития такого направления в белорусской археологии, как археология шляхетских усадеб и резиденций эпохи позднего Средневековья и Нового времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башков, А. А. Архитектурно-археологические исследования 2008 г. в Коссовском дворце XIX в. / А. А. Башков // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Минск : Беларус. навука, 2011. – Вып. 20 : Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2008 г. – С. 387–392.
2. Башков, А. А. Отчет об археологических исследованиях на объектах «Дворцово-парковый ансамбль в г. п. Ружаны. 1-я очередь. Западный флигель» и «Дворцово-парковый ансамбль в г. п. Ружаны. Восточный корпус (театральный). 1-я очередь. 1 этап» в 2011 г. // Центральный научный архив (ЦНА) НАН Беларуси. – ФАНД. Оп. 1. Д. 2973. – 29 с.
3. Башков, А. А. Отчет об археологических исследованиях на объекте «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец» в 2008 г. // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. Оп. 1. Д. 2623. – 29 с.

4. Башков, А. А. Отчет об археологических исследованиях на объекте «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец» в 2009 г. // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. Оп. 1. Д. 2652. – 29 с.
5. Башков, А. А. Отчет об археологических исследованиях на объекте «Дворцово-парковый ансамбль в г. п. Ружаны. 1-я очередь. Восточный флигель» в 2008 г. // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. Оп. 1. Д. 2621. – 17 с.
6. Башков, А. А. Отчет об археологических исследованиях на объекте «Остатки бывшего дворцового комплекса XVI–XVIII вв. в г.п. Ружаны. Реставрация и приспособление восточного корпуса. 1-й этап» в 2010 г. Объект № 419-10 // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. Оп. 1. Д. 2732. – 9 с.
7. Башков, А. А. Отчет об археологических исследованиях на объекте «Остатки бывшего дворцового комплекса XVI–XVIII вв. в г. п. Ружаны. Реставрация и приспособление восточного корпуса. 1-й этап» в 2010 г. Объект № 419-10 // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. Оп. 1. Д. 2732. – 9 с.
8. Башков, А. А. Отчет об археологических исследованиях на объекте «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец» в 2010 г. // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. Оп. 1. Д. 2804. – 13 с.
9. Башков, А. А. Отчет об археологических исследованиях на объекте «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец» в 2011 г. // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. Оп. 1. Д. 2825. – 12 с.
10. Башков, А. А. Отчет об археологических исследованиях на объекте «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец» в 2012 г. // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. Оп. 1. Д. 2972. – 9 с.
11. Башков, А. А. Отчет об археологических исследованиях на объекте «Памятник архитектуры XIX в. Коссовский дворцово-парковый ансамбль. Дворец» в 2013 г. // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. Оп. 1. Д. 3025. – 13 с.
12. Башков, А. А. Отчет об археологических исследованиях на объекте «Памятник усадебного-паркового зодчества XVIII в. Усадьба Немцевичей в д. Скоки. Реставрация усадебного дома» в 2013 г. // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. Оп. 1. Д. 3097. – 32 с.
13. Башков, А. А. Шляхетские резиденции Брестчины в свете археологических исследований: Ружаны, Скоки, Коссово, Закозель : монография / А. А. Башков ; М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2017. – 287 с.
14. Страчаная спадчына / Т. В. Гарбусь [і інш.] ; уклад. Т. В. Гарбусь. – Мінск : Беларусь, 2003. – 351 с.
15. Квитницкая, Е. Д. Архитектура Белоруссии XVII–XVIII вв. / Е. Д. Квитницкая // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. – Л. ; М. : Изд-во лит. по строительству, 1966–1977. – Т. 6. : Архитектура России, Украины и Белоруссии. XIV – первая половина XIX вв. / под ред. П. Н. Максимова (отв. ред.) [и др.]. – 1968. – 568 с.
16. Кулагин, А. Н. Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии. Вторая половина XVIII – начало XIX вв. / А. Н. Кулагин. – Минск : Наука и техника, 1981. – 134 с.
17. Локотко, А. И. Историко-культурные ландшафты Беларуси / А. И. Локотко. – Минск : Беларус. наука, 2006. – 470 с.
18. Морозов, В. Ф. Архитектура пограничья культур Беларуси, Литвы и Польши. Эпоха классицизма / В. Ф. Морозов. – Минск : БНТУ, 2012. – 176 с.
19. Морозов, В. Ф. Стили и направления в архитектуре Беларуси второй половины XVIII – первой половины XIX века / В. Ф. Морозов. – Минск : БНТУ, 2016. – 239 с.
20. Несцярчук, Л. М. Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны X–XX стагоддзяў (гісторыя, стан, перспектывы) / Л. Н. Няцярчук. – Мінск : БЕЛТА, 2002. – 336 с.

21. Федорук, А. Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Т. Федорук ; ред. Т. Г. Мартыненко. – 2-е изд. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2006. – 576 с.

22. Чантурия, В. А. Архитектурные памятники Белоруссии / В. А. Чантурия. – Минск : Полымя, 1982. – 233 с.

23. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. Część 1. Wielkie Księstwo Litewskie, Inflanty, Kurlandia. Województwa Brzesko-Litewskie, Nowogródzkie / R. Aftanazy. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1992. – T. 2. – 473 s.

24. Dworki i pałace polskiej szlachty w byłym województwie Brzeskim: przeszłość i teraźniejszość / oprac. red. Andrzej Chojnacki, Dariusz Grzegorzczuk / Inst. Historii Wyższej Szkoły Rolniczo-Pedagogicznej w Siedlcach, Studenckie Koło Nauk. Historyków przy Inst. Historii WSRP w Siedlcach. – Siedlce : IH WSRP, 1997. – 150 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.01.2020

Bashkov A. A. Practical Application of Results of Archaeological Researches in Restoration on the Monuments of Residential Architecture XVIII–XIX Centuries in Brest Region

The article considers examples of the practical application of the results of archaeological research in restoration work on the monuments of residential architecture of the XVIII–XIX centuries in the Brest region. Particular attention is paid to the close cooperation of architects-restorers and archaeologists in the restoration of lost architectural monuments and small architectural form. The presented material is the result of archaeological research conducted by the author over the past decades at restored residences in Ruzhany, Skoki, Kossovo.

УДК 947.6 «1863/1864»

О. В. Карнович

историк (г. Брест)

e-mail: oleg3080@bk.ru

СОБЫТИЯ ВОССТАНИЯ 1863 г. В ПИНСКОМ УЕЗДЕ

На основе архивных источников и ранее опубликованных материалов рассказывается о событиях восстания 1863 г. на территории Пинского уезда. Отражена подготовка к выступлению, а также отношение к нему различных слоев населения региона, приведена подробная хронология боевых действий повстанческих отрядов с частями регулярной армии с указанием потерь каждой из сторон. Отмечены факты грабежей и насилия со стороны повстанцев по отношению к мирному населению, а также убийства жителей Пинского уезда, остававшихся верными правительству.

Введение

События восстания 1863–1864 гг. в отдельных регионах современной Беларуси в отечественной историографии до недавнего времени были освещены довольно скупо. Однако к 150-летию восстания в 2013–2014 гг. вышли в свет научно-популярные издания и научные статьи, посвященные региональным аспектам восстания на территории Гродненской и Виленской губерний [1–9]. Автор этого материала несколько лет назад также внес свой вклад в освещение проблем восстания 1863 г. на территории ряда регионов Гродненской и Минской губерний [10–13].

В новом исследовании сделана попытка подробного анализа положения накануне и в период восстания 1863 г. на территории Пинского уезда Минской губернии в его границах в соответствии с административным делением того времени.

Накануне восстания

Пинские земли, как и ряд других регионов Беларуси, стали ареной восстания в феврале 1863 г., когда на территорию Пинского уезда вошел повстанческий отряд Романа Рогинского, отступавший под натиском регулярных войск генерал-майора графа И. Г. Ностица из Гродненской губернии. Собственно, к моменту вступления на территорию Пинщины боеспособность отряда уже была значительно подорвана, и как мощная боевая единица он перестал существовать еще в результате ряда поражений в Гродненской губернии. К боевым действиям отряда Рогинского в регионе вернемся позже, а пока остановимся на том, что представлял собой Пинск по состоянию на 1863 г. и как проходила подготовка к восстанию.

Пинск в середине XIX в. был небольшим провинциальным городком – уездным центром Минской губернии. Согласно некоторым сведениям, в 1862 г. население города насчитывало чуть более 10 970 человек, в городе было 28 улиц, на которых стояло 1 265 домов, по большей части деревянных. Общая численность населения Пинского уезда составляла чуть более 114 тысяч человек, из которых примерно 10 % составляли евреи [18, ч. 1, с. 460].

Первые волнения в Пинске и уезде начались еще в 1861 г., сразу после манифестаций в Варшаве и расстрела митингующих войсками. Главными центрами протестов в Пинске стали францисканский костел и уездная гимназия. В ночь на 24 октября 1861 г. гимназисты старших классов установили на территории костела около изображения Христа Спасителя черный с белыми полосками крест. На правой стороне креста была изображена святая Матерь Божья, с левой стороны – портреты короля Ягайло и королевы Ядвиги и герб Польши с надписью «Памяти первого объединения Польши с Литвой». Этот поступок гимназистов вызвал широкий резонанс в городе, и с самого утра ополча-

ченные жители устремились в костел. Как отмечала затем в своих воспоминаниях супруга влиятельного помещика Пинского уезда Казимира Скирмунта Елена, ставшая известным скульптором-художником, гимназисты намерены были в случае покушения полиции на крест оборонять его всем коллективом [19, с. 25].

Подобные акции у костела в уездном центре повторились еще с 27 по 29 октября. Одновременно с этим свое слово сказали ученики местной гимназии. Как следует из архивных документов, именно ученики 6 класса Антон Шиманский и Антон Рыдзевский стали организаторами траурных литургий в костелах и «пения запрещенных гимнов», главным из которых являлся «*Jeszcze Polska nie zginęła*», за что и были исключены из учебного заведения. В ответ их одноклассники в сообществе с другими учениками самовольно ушли с урока на глазах окружного инспектора Виленского учебного округа. 27 октября в городе случился пожар, во время которого толпа, состоявшая из остальных гимназистов, угрожала исправнику и городничему. В этом ничего нет удивительного, ведь из 18 учителей гимназии 13 «были поляками и католиками» [37, с. 21]. Беспорядки в гимназии не остались незамеченными и в Вильно. Попечитель Виленского учебного округа князь Александр Ширинский-Шихматов в своем донесении главе Минской губернии графу Эдуарду Келлеру сообщал о принятых мерах, по которым был уволен учитель географии Селенс, переведен в Белосток инспектор гимназии Павел Овчинников, остальным педагогам, кроме нескольких лиц, за которых поручился директор, был объявлен выговор. «Бастовавшие» гимназисты были также исключены – всего 31 ученик [21, с. 56–57].

Оставшиеся гимназисты не ограничились «пассивным» сопротивлением и свою ярость переключили на гимназическое начальство. Следует отметить, что сам директор гимназии Иван Шульгин, пытаясь погасить недовольство среди гимназистов, применял и жесткие меры, чем спровоцировал еще большие беспорядки. Катализатором послужил случай с учеником Ксаверием Остроменцким, который только заступился за своего товарища перед директором, но был «посажен в карцер и там жестоко наказан до сорока ударов розгами, без постановления Педагогического совета и при помощи пяти человек, по бывшей части лиц посторонних». Такое поведение директора гимназии получило широкую огласку среди окрестных помещиков, которые стали забирать из гимназии своих родственников. Дорого оно обошлось и самому Шульгину. Квартира директора гимназии перешла на осадное положение, а битье окон стало обыденным явлением. В итоге Шульгин был отстранен от должности и переведен в Мозырь. Но и на этом его злоключения не закончились. Как писал позднее очевидец, «в трех верстах от Пинска целых пять дней стояла открытая могила, приготовленная ему известными в городе мятежниками, ожидавшими выхода его из церкви после всенощной, чтобы увезти его за город и там с ним покончить». Вовремя предупрежденный архимандритом пинского монастыря, Шульгин сумел спастись. Позднее засада ждала его при выезде из Пинска в Мозырь. Однако и в Мозыре он не задержался надолго. При переезде из Мозыря в Ковно Шульгина также ждала засада в лесу, однако, «предупрежденный об этом, он избежал смерти тем, что тайком выехал двумя днями раньше, чем ожидали. Но мятежники пустились за ним в погоню, узнав о его отъезде и не нагнав его, сожгли станцию Ляды; избили русского зрителя и увели всех почтовых лошадей» [21, с. 57–60]. Впрочем, эти волнения не оказали какого-либо значительного влияния на судьбу Пинска и уезда, и до начала восстания регион продолжал жить своей обычной жизнью.

Боевые действия

Первые события восстания бурного 1863 г. в Пинском уезде произошли в феврале, и связаны они с появлением в регионе первых повстанцев. Это был повстанческий отряд комиссара Подляского воеводства (по терминологии и административному делению

повстанческих властей Варшавы), 22-летнего выпускника польской военной школы в Генуе Романа Рогинского. Его повстанцы в конце января вступили на территорию белорусских земель из Царства Польского, уходя от преследовавших их войск все дальше на восток. Пройдя с боями через Брестский, Пружанский и Кобринский уезды Гродненской губернии, теряя в многочисленных схватках своих людей, Рогинский рассчитывал поднять на борьбу Полесье, попутно надеясь на помощь местного населения.

После успешного захвата Пружан Роман Рогинский вошел в местечко Любешев Пинского уезда. Там он получил сообщение, что из Пинска на поиск повстанцев вышел пехотный батальон, а в самом городе остался небольшой гарнизон. Воспользовавшись уходом из города основных сил, Рогинский решил атаковать город. Для проверки информации и установления связи с местной подпольной повстанческой организацией в город был выслан помощник Рогинского Волович, который вернулся через два дня с полицейским урядником Юрашкевичем, учителем Пинской гимназии Остромецким и гимназистом Владиславом Круликовским, поступившими в отряд [33, с. 207]. Тогда же и выяснилось, что уход из Пинска основных сил был дезинформацией. Об этом писал позднее сам командир повстанцев: в Любешеве «представились две дороги: идти на Волынь или к Пинску. Известия, полученные мною (после они оказались ложными), побудили меня идти к Пинску. Гарнизон в Пинске был невелик: рота инвалидов, рота пехоты и сотня казаков. Городское население, по-видимому, хорошо подготовлено к восстанию. Но доходя верст 10 до Пинска, посылаю туда Воловича, который хорошо знал положение дел в городе. Сам же пишу письмо к предводителю дворянства Любомирскому. Прошу помочь мне, когда я сделаю нападение на город наступающею ночью. Нас было 130 человек. Городской гарнизон собрали под стенами православного собора. Любомирский в содействии отказал, а город, как оказалось, не имел никакой организации» [20, с. 450]. Очевидно, с течением времени память подводила Рогинского, так как в 1863 г. предводителем дворянства Пинского уезда значился князь Э. И. Друцкий-Любецкий [17, с. 193].

Простояв безрезультатно под Пинском два дня, Рогинский получил информацию о скором приближении почтовой эстафеты, перевозящей значительную сумму денег из Пинска в Минск. Вечером 9 февраля на мосту через р. Ясельду в 3 км от почтовой станции Иванисовка и в 11 км от Пинска повстанцы перехватили обоз. Так описывал эту акцию в своем рапорте на имя начальника Отдельного корпуса жандармов князя Долгорукова начальник Минского губернской жандармерии полковник Б. К. Рейхарт: «Отправленная из г. Пинска 9 февраля параконная эстафета с Лыщанским станционным смотрителем Кильбергом на пути из Пинска до станции Иванисовки была остановлена шайкой мятежников, и, когда смотритель и ямщик начали гнать лошадей, то злоумышленники выстрелами убили ямщика и лошадей, а также ранили в шею смотрителя Кильберга; после чего ушли в корчму и, распечатав эстафету, по прочтении сожгли, а потом, дождавшись следовавшей из Пинска почты, разграбили, ранив везшего ямщика в руку» [30, с. 430]. С почтового фургона, кроме секретной переписки властей, были захвачены также деньги на сумму в 4 800 рублей серебром и векселя на 5 546 рублей 50 копеек. Осуществив налет, Рогинский направился лесами в имение князя Любомирского. Перед ограблением почты, по сведениям властей, повстанцы зашли в имение Стаховичи помещика Рачинского, откуда, «потребовав продовольствия, взяли с собою насильно сына его, Рачинского, Эдуарда и двух служителей» [14, ч. 1, с. 266–267].

11 февраля командующий Брестским соединением генерал-майор граф И. Г. Ностиц разделил свои войска на 4 батальона и отправил их вслед за Рогинским. Первый отряд под командованием штабс-капитана Евдокимова (рота 7-го Ревельского пехотного полка и 70 казаков) двинулся по направлению к Лунину. Второй батальон капитана Евстратова (рота Ревельского полка и 100 казаков) направился к Логишину. Третий

отряд подполковника Вимберга (рота револьверов и 50 казаков) двигался вдоль канала Огинского. Четвертый отряд капитана Нефедова в составе одной роты того же полка и 25 казаков был направлен в район Кожан-Городка с задачей перекрыть Припять и не дать повстанцам Рогинского переправиться на ее левый берег. В этот же день Рогинский вошел в имение Лунина предводителя дворянства князя Эдвина Друцкого-Любецкого, где получил продовольствие и несколько лошадей.

14 февраля повстанцы достигли небольшого селения Борки Пинского уезда. Это была бедная деревушка, состоявшая из нескольких деревянных домов и ряда хозяйственных построек. Отряд расположился лагерем среди этих строений и устроился на ночлег. В ночь с 14 на 15 февраля лагерь внезапно атаковала колонна штабс-капитана Евдокимова. Наспех построенные баррикады из возов не спасли повстанцев от полного разгрома. Как вспоминал Рогинский, «тут уже не было речи о победе, каждый думал только о том, чтобы продать свою жизнь, как можно дороже. Начинают стрелять... Выстрелы, надо правду сказать, были метки. Редели наши ряды. Не проходило минуты, чтобы кто-нибудь из нас не падал мертвым, не успев даже крикнуть. Остаток наших строится клином и начинает отступать» [19, с. 450]. Из отряда, насчитывавшего 85 человек, сумело скрыться только 12 человек во главе с Рогинским. 24 повстанца попали в плен, остальные погибли или разбежались. Среди взятых в плен находился и прапорщик 13-й артиллерийской бригады Богуслав Павлович, самовольно оставивший часть и присоединившийся к Рогинскому еще на территории Польши. Трофеями Евдокимова стали 18 возов с оружием и продовольствием, 49 лошадей [14, ч. 2, с. 68]. Повстанческий отряд как боевая единица перестал существовать. Остатки отряда Рогинского были окончательно рассеяны в тот же день в столкновении у Родостовского леса близ Хотынич (70 верст от Пинска) войсками во главе с командиром Ревельского пехотного полка бароном Бринкеном. Согласно рапортам военных, у повстанцев был убит один человек, несколько ранено и один невредимым попал в плен. Оставшихся людей из отряда Рогинского еще несколько дней ловили по лесам местные крестьяне.

Сам Рогинский вместе с несколькими своими людьми был задержан местными крестьянами 19 февраля в Турове и передан властям. 22 февраля повстанцев под усиленным конвоем доставили в Пинск, где произошла его личная встреча с графом Ностицем. Вот как описывал эту встречу сам повстанческий командир: «Здесь в первый раз я встретился лично с генералом Ностицем. Он вошел в комнату, где собралось много офицеров, с любопытством рассматривавших меня, и, обращаясь ко мне, сказал по-русски: «Г-н Р., я вашу храбрость уважаю. Подал бы вам руку, но руки ваши обагрены кровью моих соотечественников. Вы подняли мятеж против нашего государя и народа. Если вам это будет прощено, останемся друзьями... Спросив, не устал ли я и не голоден ли (36 часов я был в походе), вызвал меня в другую комнату, позволил мне умыться и начал разговор о судьбе нашего отряда» [20, с. 152].

Сведений о составе отряда Романа Рогинского крайне мало. Удалось установить фамилии лишь немногих лиц, оказавшихся в составе самого первого на территории современной Беларуси повстанческого отряда. Так, достоверно известно, что в разное время к отряду Рогинского присоединились учитель Пинской гимназии Остромецкий, ученики этой же гимназии Кроликовский и Кучевский, ксендз Мозырской гимназии Выгановский, чиновники Пинского уездного суда Тржецяк, Винский, Шепилло, Павел и Франц Морозы, отставной пехотный поручик Кеневич, прапорщик Двораковский, дворянин Калаур [16].

Разгромив повстанцев, граф Ностиц начал наводить порядок в самом Пинске. В рапорте на имя командующего 2-й пехотной дивизией генерал-лейтенанта З. С. Манюкина он писал: «Тревожное настроение умов города и уезда, не предвещавшее ничего доброго, умиротворилось сделанными арестами личностей, имевших тайное и неблаго-

мыслящее влияние на молодежь». Были арестованы секретарь уездного предводителя дворянства Валентий Тржетяк, секретарь уездного суда Генрих Щипилло, секретарь земского суда Франц Мороз, уволены уездный исправник Венедикт Флигель, городничий поручик Волчанинов и почтмейстер. Про последнего И. Г. Ностиц докладывал, что тот «личность очень подозрительная... посланный 9-го числа в Минск денежную почту, зная, что шайка у города» [14, ч. 2, с. 69].

После ликвидации повстанческого отряда Рогинского в Пинском уезде наступило временное затишье, связанное с подготовкой летнего этапа восстания. По именам помещиков осуществлялся сбор финансов, заготовка продовольствия, фуража, амуниции для весенней части кампании, шел набор живой силы для повстанческих отрядов.

Во всех уездах Минской губернии, в том числе Пинском, создавались подпольные повстанческие организации для руководства и координации деятельности отрядов в регионах. Сведений о повстанческой организации Пинского уезда имеется немного, но известно, что руководство было назначено из Минска. Повстанческим воеводой Минской губернии был крупный помещик Корнелий Пеликша, впрочем, ничем себя не проявивший, и при первой возможности уехавший за границу. На его место был поставлен помещик Гектор Лапицкий, который развернул активную деятельность по подготовке восстания на Минщине. Как отмечалось в донесении на имя шефа Отдельного корпуса жандармов князя В. А. Долгорукова, «воевода имел в губернии гражданскую и военную власти, он распоряжался сбором денег, формированием шаек, назначением им начальников и изыскиванием всего необходимого для поддержания мятежа» [36, с. 95]. Пинским уездным начальником являлся помещик Александр Скирумунт, которого затем сменил капитан путей сообщения Владислав Руммель. Он был арестован и 15 января 1864 г., находясь в Слуцкой тюрьме, покончил собой. Таким образом, была утеряна возможность раскрытия тайны всех членов организации. Поэтому приходится пользоваться лишь отрывочными сведениями о деятельности этого повстанческого комитета и его составе. Имение Деревная Пинского уезда, принадлежавшее Руммелю, было конфисковано.

Весной на всей территории Минского воеводства (по повстанческому административному делению) прошел первый сбор добровольных пожертвований на нужды восстания – по 5 % с годового дохода. В основном он коснулся только состоятельного дворянства. Не секрет, что многие помещики всеми возможными способами уклонялись от таких пожертвований, многие специально занижали суммы годового дохода, а некоторые помещики решили переждать беспокойное время за границей. Но были и такие, кто добросовестно перечислял денежные средства. Известен случай с сыном бывшего предводителя уездного дворянства Виктора Орды Витольда, который, получив около полумиллиона рублей наследства от отца, значительную часть от этой суммы отдал в помощь восстанию [32, с. 52].

Учитывая важное стратегическое положение Пинского уезда, руководство Виленского военного округа разместило в Пинске и окрестностях Полтавский пехотный полк в полном составе, откуда можно было направлять его подразделения по разным местам. В помощь придавались отдельные роты Псковского и Ревельского пехотных полков [14, ч. 2, с. 217]. Дальнейшие события показали своевременность принятых мер.

Боевые действия в Пинском уезде возобновились в июне 1863 г., когда, уходя от преследования русских войск, сюда из Кобринского уезда перешел отряд Ромуальда Траугутта. Забегая вперед, нужно отметить, что именно повстанцы Траугутта не давали спокойной жизни властям Пинского уезда весь июнь 1863 г. Попутно его отряд отменял карательными мерами в отношении мирного населения. Как следует из журнала военных действий в Минской губернии, 1 июня в д. Великая Гать «шайка инсургентов... повесила здесь без всякой причины дьячка Свято-Вольской церкви». Узнав об этом,

военный начальник Пинского уезда полковник Дмитрий Назимов выдвинул для преследования повстанцев две роты Полтавского пехотного полка под общим командованием капитана Тишецкого, которые настигли их на отдыхе у д. Вулька. По сведениям военных властей, 5 июня «мятежники, увидав приближающийся отряд, бросились из деревни, где они отдыхали и поспешно бежали в топкие болота, поросшие лесом. Войска кинулись за ними и преследовали, пока совершенно все не скрылись из виду. Потеря мятежников в этом деле состоит из 20 убитых. Кроме того захвачено: 3 повозки, 5 лошадей, 8 пудов свинцу, 6 ружей». Военные потеряли по 3 человека погибшими и ранеными.

Спустя несколько дней, 11 июня близ Столина 17-я и 20-я роты того же Полтавского полка в кровопролитном бою разбили некий отряд, по сведениям властей численностью около 500 повстанцев. Как доносил майор Крамер, «по дороге, по которой мятежники отступали, найдено 63 тела. У нас же 10 убитых и 17 раненых». Предполагается, что этим отрядом командовал Ромуальд Траугутт [14, ч. 2, с. 207–208].

В Альтановской пуще 17 июня в имении князя Радзевича рота поручика Петровского в столкновении с повстанцами того же Траугутта рассеяла их, при этом «обоз весь с оружием, порохом, двумя лошадьми остался в руках наших» [31, с. 432].

На следующий день, 18 июня, в Столинском лесу 13-я и 16-я роты Полтавского полка подполковника Плешкова обнаружили «хорошо вооруженных инсургентов в большой массе, живо построившихся». Повстанцы «упорно защищались и отступили довольно медленно». Войска потеряли убитым одного солдата, потери повстанцев не указывались. В том же донесении подполковник Плешков особо отметил жителей Столина, указавших властям расположение отряда Траугутта: Якова Лукашевича, Клина Наумчика и Демьяна Годного из д. Маньковичи [31, с. 433].

Спустя еще день, 19 июня, близ села Колодное 20-я рота Полтавского полка майора Семигановского¹ настигла арьергард отряда Траугутта «в числе 63 человек и после непродолжительной, но сильной перестрелки разбила их и обратила в бегство. На месте осталось убитыми более 20 человек, ранено и взято 4 человека. С нашей стороны убитых и раненых нет» [31, с. 433]. Попутно в лесу близ села Речица «пойманы казаками 7 человек инсургентов, отделившихся от шайки, разбитой поручиком Петровским» [31, с. 433]. После этого сражения Ромуальд Траугутт, не рискуя больше ввязываться в открытое противостояние с войсками, разделил свой отряд на несколько групп и оставил его. С несколькими верными ему людьми он окольными путями добрался до имения Людвиново, принадлежащего семье Ожешко, где и скрылся на некоторое время от посторонних глаз.

Во второй половине июня в Пинский уезд перебрался небольшой отряд (до 70 человек) помещика Брестского уезда, отставного капитана русской армии Казимира Нарбута, в основном состоявший из кавалерии и сформированный из дворян Кобринского и Брестского уездов. Первоначально Нарбут действовал на территории Брестского и Кобринского уездов, затем под давлением войск был вынужден сменить место базирования. Известно, что 21 июня к нему присоединились гимназисты Владислав и Никодим Левицкие. В этот же день 3-я рота Псковского пехотного полка при поддержке 20 казаков 5-го Донского полка под общим командованием майора Кека² между селениями Житновичи и Кончицы настигла отряд Нарбута. В результате столкновения, как следует из рапорта майора, был ранен «трубач Донского... полка, а мятежнических тел найдено на болоте убитых 7». Кроме того, захвачен небольшой обоз, 9 лошадей

¹ Майор Павел Яковлевич Семигановский (в чине с 1860 года) // Список майорам по старшинству. – СПб. : Воен. тип., 1866. – С. 199.

² Майор Бернгард Яковлевич фон Кек (в чине с 1854 года) // Список майорам по старшинству. – СПб. : Воен. тип., 1855. – С. 373.

и 6 ружей [31, с. 436]. После боя поредевший отряд, ограбив фольварк Сенчицы, ушел в Ковельский уезд Волынской губернии [30, с. 71].

В конце июля в Пинском уезде появился еще один повстанческий отряд, базирование которого здесь не было продолжительным. Предположительно, это были повстанцы помещика Слонимского уезда Франца Юндзилла. Около д. Вулька Обровская, на границе Пинского и Слонимского уездов, 3 августа рота Полтавского пехотного полка подпоручика Горбатовского в кровопролитном сражении разбила их. Как отмечал в своем рапорте позднее офицер, погибло от 30 до 40 повстанцев, четыре человека взято в плен, кроме того, захвачен большой обоз, в числе которого несколько пудов говядины, походная аптека, большое количество одежды. После этого боя уцелевшие повстанцы ушли обратно на территорию Слонимского уезда [14, ч. 2, с. 302; 30, с. 439].

В первой половине августа активные боевые действия повстанческих отрядов и правительственных войск на территории Пинского уезда полностью были завершены. Еще некоторое время казаки при помощи местных крестьян периодически вылавливали поодиночке скрывавшихся в лесах раненых и больных повстанцев, но существенного влияния на обстановку в уезде это уже не оказало.

Последствия восстания

Относительная стабилизация ситуации в Пинском уезде позволило властям начать мероприятия, связанные с выявлением прямых и косвенных участников восстания, особое внимание уделялось Пинской подпольной повстанческой организации. Как отмечалось выше, сведений о составе этой организации практически не сохранилось. Да и те данные, которые были добыты следствием по горячим следам, поставили перед властями скорее больше загадок, чем ответов. Повстанческий комитет был блестяще законспирирован, и отдельные фамилии членов организации не проясняли общую картину. К тому же ключевой участник организации, захваченный властями, внезапно покончил с собой.

В июне 1863 г. начала работу следственная комиссия по г. Пинску и уезду. Аналогичные комиссии были образованы по распоряжению М. Н. Муравьева еще в 5 уездных центрах Минской губернии. Он ставил перед комиссиями задачу «расследования поступков всех лиц, которые участвовали в бунте в большей либо меньшей степени, непосредственно или опосредованно». Нужно было «притянуть к ответственности также и тех обывателей, которые давали приют повстанцам, доставляли им хлеб, оружие и деньги» [15, с. 113]. Таких «обывателей» по уезду оказалось немало. Так, окрестности Столина, имения Воронье (помещиков Солтанов), Колодное (Елены и Казимира Скирмунт), Руша (Гортензии Скирмунт) были приспособлены под своего рода логистические пункты повстанческих отрядов [37, с. 24]. Туда поступали продовольствие, боеприпасы, финансовые средства, одежда и т. д.

Согласно ряду архивных источников, в общей сложности в восстании 1863 г. на территории Пинского уезда прямо или косвенно (оказание материальной, продовольственной помощи, укрывание раненых участников восстания, утаивание от властей сведений о повстанческих отрядах и т. д.) участвовал 41 представитель дворянского сословия: 22 человека были отставными либо действующими офицерами русской армии, а также беспоместными дворянами и 19 помещиков [23–27]. По данным на 1859 г., в Пинском уезде проживало 175 помещиков. Следовательно, в целом участие в восстании приняло 10,8 % помещиков.

Власти не особо церемонились с «нераскаявшимися» дворянами, захваченными с оружием в руках. Таких после тщательной проверки при отсутствии за ними более тяжких преступлений (истязания и убийства мирных жителей, командование отдельными отрядами, измена воинской присяге) в лучшем случае высылали во внутренние регионы империи, в худшем – их ждало лишение дворянства и всех прав, конфискация

недвижимого и движимого имущества и высылка на каторжные работы, как исключительная мера – смертная казнь. Во внутренние губернии были высланы следующие представители элиты Пинского уезда: Игнатий Горбачевский, Тит Красовский, Мечислав Ярошевич (всем каторжные работы на 4 года); помещики Франц Кеневич, Казимир и Елена Скимунты (все высланы в Томскую губернию); Эдмунд Онихимовский (выслан в Пермскую губернию); предводитель дворянства Иван Лемешевский (выслан в Тамбовскую губернию); врач Владислав Горнич (сослан в Сибирь); эконом имения Колодное Юзеф Глебович (выслан в Томскую губернию). Подвергнуты усиленному сбору в 10 % годового дохода с имения помещики Константин Юндзил, Ядвига Стаховская, Эдуард, Витольд и Людвиг Корсаки. За помощь повстанцам каждая шляхетская семья из окрестностей Шоломичи и Лосичи была оштрафована на сумму от 10 до 25 рублей [37, с. 25].

Согласно тем же архивным материалам, участие в восстании приняли 15 крестьян. Известно, что в большинстве случаев пойманных крестьян после некоторых следственных процедур, если за ними не числилось серьезных преступлений, власти возвращали на прежнее место жительства под поручительство общины. Тем не менее некоторые крестьяне также были высланы вглубь империи: Иосиф Короткевич (отправлен в арестантскую роту в Костромской губернии); Семен Кутракович, Феликс Лукашевич, Антон, Даниил и Тихон Сагановичи, Иван и Петр Тихончуки (все в Томскую губернию); Петр Тихонович, Викентий Филипович, Иван и Семен Куратники (отправлены в Москву).

Пинскую гимназию самовольно покинули 24 ученика, 16 уроженцев Пинского уезда не вернулись на учебу в гимназию Минска [28, л. 4об, 88]. Еще 32 пинских гимназиста не вернулись в учебное заведение после каникул: по 12 учеников I–II классов, 3 ученика III класса, один IV и четыре V классов [29, л. 19–20]. В итоге Пинская гимназия не досчиталась 56 своих воспитанников. Точных данных, сколько гимназистов ушли в леса, нет, но можно предположить, что многие из них примкнули к повстанцам. Так, известно, что 22 июня 1863 г. в отряд Казимира Нарбута поступили Никодим и Владислав Левицкие (16 и 17 лет соответственно), ученики гимназии Пинска. Вызывает интерес прошение арендатора фольварка Сенчицы дворянина Антона Левицкого на имя военного начальника Пинского уезда полковника Верховского, где он описывает этот случай: «Большая шайка мятежников, сильно вооруженная, на оседланных лошадях, приостановилась во дворе и, тотчас начав грабить, забрала, сколько могу помнить, мою лошадь с седлом, две повозки, сопряженные моими другими лошадьми, овса несколько четвертей, из кухни кастрюлю и прочую движимость, а сверх того, схватив на дворе малолетнего моего сына Никодима, имеющего от роду лет шестнадцать, и племянника моего Владислава Левицкого, православного вероисповедания, прибывших из Пинского училища на вакационное время, потащили их с собою с ограбленным имуществом». Очевидно, рассказывая о пленении гимназистов, Антон Левицкий несколько лукавит, так как Никодим Левицкий после разгрома отряда Нарбута перешел с рядом повстанцев австрийскую границу и до 1883 г. жил на территории Австрийской империи. После этого его следы теряются [31, с. 436].

Православный священник Лопатинской церкви Пинского уезда Николай Мороз в своем приходе «читал манифесты повстанческих властей с призывом населения к оружию и предлагал местной православной шляхте присоединиться к восстанию. Когда шляхта отказалась, он ответил, что за это может быть «пуля в лоб». В ответ на возражения он заявлял: «Вам нечего бояться, я и себя и вас смогу защитить». Не смог: Николай Мороз был лишен духовного сана и отправлен на 10-летнюю каторгу. Выяснилось, что донес на него священник соседней церкви Страхович [35, с. 4].

Повстанческий террор

Любые военные действия сопряжены с гибелью ни в чем не повинного мирного населения, случайной или намеренной. Относительно событий 1863 г. можно утверждать, что зачастую невинные жертвы были на совести именно прославляемых сейчас повстанцев. Командиры отрядов, не в силах одолеть части регулярной армии на поле боя, вымещали злость на мирном безоружном населении. Были случаи насильственной вербовки в отряды. Гродненский губернатор И. Н. Скворцов в рапорте от 30 декабря 1863 г. на имя М. Н. Муравьева отмечал, говоря о Ромуальде Траугутте: «Желая в шайке своей поддержать дух повиновения, одного из своей банды Квятковского, сам застрелил из пистолета заслушание, другого Маковского, за побег из шайки также хотел расстрелять, и уже сделаны были к тому приготовления, но потом простил. В Пинском уезде по приказанию Траугутта мятежники жестоко наказали двух крестьян и намеревались повесить сельского старшину, но тот от них скрылся» [14, ч. 2, с. 399].

Отметился кровавым следом в регионе и Роман Рогинский. Как свидетельствуют архивные документы, 8 февраля 1863 г. его люди «повстречали в имении Невель Пинского уезда пятисотского Бересневича, повесили его на дереве, потом, сняв и посадив на льду полумертвым, дали в него четыре выстрела» [14, ч. 2, с. 66].

По сведениям современного исследователя истории православной церкви Гордея Щеглова, в селе Хотыничи Пинского уезда отставной рядовой Григорий Крупенич был задушен повстанцами при помощи веревки из его собственных лаптей [33, с. 249]. 1 июля 1863 г. на вербе возле собственного дома был повешен псаломщик Крестовоздвиженской церкви села Святая Воля Федор Юзефович. К повешенному приставили стражу, чтобы тело оставалось так до третьего дня и чтобы «не только десятый, но и двадцатый видел и знал, как противодействовать полякам». При этом палачи, воображая себя «рыцарями-благодетелями», оставили жене повешенного 30 рублей «на воспитание детей» [33, с. 231].

Заключение

В статье предпринята попытка подробного исследования положения в Пинском уезде накануне и в период восстания 1863 г., показано отношение к нему разных социальных слоев населения. Исходя из имеющихся данных можно утверждать, что подавляющее большинство населения Пинского уезда проигнорировало события восстания. Активную позицию заняли только представители поместного дворянства региона, из числа которых практически каждый девятый в той или иной степени имел отношение к восстанию.

Наряду с патриотическим подъемом участие помещиков в восстании можно объяснить и чисто экономическим фактором: еще в первой четверти XIX в. часть помещичьих имений оказалась на грани разорения, и владельцы были вынуждены заложить их в различных банках. Очевидно, что с отменой крепостного права этот процесс значительно ускорился. Поэтому некоторые помещики участие в восстании рассматривали как один из способов улучшить свое незавидное положение. Мы не располагаем конкретными данными по Пинскому уезду, но в целом для белорусских земель такое явление было характерно. Эта версия выглядит спорной, но имеет право на существование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быхаўцаў, М. Паўстанне 1863–1864 гадоў у Ваўкавыскім павеце / М. Быхаўцаў. – Гродна, 2014.
2. Буднік, І. Ф. Да падзеяў 1863–64 гадоў на Гарадзеншчыне / І. Ф. Буднік. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2013.

3. Хаценчык, З. Падзеі паўстання 1863 года на Вілейшчыне / З. Хаценчык, Д. Канецкі. – Мінск : Кнігазбор, 2013.
4. Якубенец-Чаркоўска, Я. Паўстанне 1863 года ў Свянцянскім павеце / Я. Якубенец-Чаркоўска. – Паставы : Сумежжа, 2013.
5. Заходнебеларускі рэгіён у паўстанні 1863–1864 гг. : зб. дакл. навук.-практ. канф., 12–13 крас. 2013 г. / Брэст : БрДТУ, 2013.
6. Запісы таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. Вып. 3. 1863 год: Шляхецкае паўстанне ці народная рэвалюцыя? / уклад. і рэд. А. Е. Тарас. – Рыга : Выд-ва ІБГіК, 2014.
7. Каркотко, А. Ю. Эпізоды польскаго восстанія 1863–1864 гг. на Вілейшчыне. Часть 1. Бой у дзевяці Владыкі / А. Ю. Каркотко // Изв. Лаб. древних цивилизаций. – 2019. – Т. 15, № 1.
8. Каркотко, А. Ю. Эпізоды польскаго восстанія 1863–1864 гг. на Вілейшчыне. Часть 2. Битый Лог / А. Ю. Каркотко // Изв. Лаб. древних цивилизаций. – 2019. – Т. 15, № 3.
9. Лаўрэш, Л. Паўстанне 1863 г. на Лідчыне: за нашу і вашу свабоду / Л. Лаўрэш // Лід. летапісец. – 2013. – № 2.
10. Карпович, О. В. Восстание 1863 г. в Пружанском уезде / О. В. Карпович // Вестн. Брэст. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканаміка. Права. – 2013. – № 2. – С. 63–72.
11. Карпович, О. В. Восстание 1863 года в Кобринском уезде / О. В. Карпович // Зап. т-ва аматараў беларус. гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. Вып. 3. 1863 год: Шляхецкае паўстанне ці народная рэвалюцыя? / Уклад. і рэд. А. Е. Тарас. – Рыга : Выд-ва ІБГіК, 2014. – С. 139–148.
12. Карпович, О. В. Восстание 1863 года в Игуменском и Слуцком уездах Минской губернии / О. В. Карпович // Зап. т-ва аматараў беларус. гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. Вып. 3. 1863 год: Шляхецкае паўстанне ці народная рэвалюцыя? / уклад. і рэд. А. Е. Тарас. – Рыга : Выд. ІБГіК, 2014. – С. 149–161.
13. Карпович, О. В. Боевые действия в Брестском, Кобринском и Пружанском уездах в период восстания 1863–1864 годов / О. В. Карпович // Вестн. Брест. гос. техн. ун-та. Гуманитар. науки. – 2014. – № 6 (90). – С. 22–26.
14. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края : в 2 ч. / под общ. ред. А. И. Миловидова. – Вильно, 1913–1915.
15. Горбачева, О. В. Восстание 1863–1864 гг. и репрессивные мероприятия царизма в Беларуси / О. В. Горбачева // Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja. – Kielce, 2005. – S. 111–118.
16. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 109. Оп. 38. Д. 23. О беспорядках в Царстве Польском и западных губерниях. – Ч. 30 : О Романае Рогинском.
17. Землевладельцы Минской губернии, 1861–1900 : справочник / Дмитрий Дрозд. – Минск : Медисонт, 2012. – 703 с.
18. Зеленский, И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния : в 2 ч. / И. Зеленский. – СПб. : Воен. тип., 1864. – Ч. 1. – 672 с. ; Ч. 2. – 701 с.
19. Залескі, Б. З жыцця літвінкі: з лістоў і нататак: 1823–1874 : пер. з пол. / Б. Залескі. – Мінск : Выд-ва Віктара Хурсіка, 2009. – 338 с.
20. Из воспоминаний повстанца (Р. Рогинский) // Ист. вестн. – 1906. – Т. 105. – С. 422–452.
21. Ильин, А. Л. Пинская гимназия в период польского восстания 1863–1864 гг. / А. Л. Ильин // Рос.-пол. ист. альм. – Ставрополь ; Волгоград ; М. : Изд-во СГУ, 2012. – Вып. 6. – С. 55–69.

22. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 46. Алфавитный список политических преступников, имущество которых подлежит конфискации в казну по 1 октября 1864 г.
23. Алфавит Временного отдела штаба Виленского военного округа за 1864 г. // НИАБ. – Ф. 3. Оп. 3. Д. 10.
24. О конфискации имений бывших участников польского восстания 1863 г. и разных лиц, причастных к восстанию // НИАБ. – Ф. 27. Оп. 1. Д. 789.
25. Переписка с Виленским генерал-губернатором и Минской следственной комиссией о проведении расследования, аресте и высылке из губернии лиц, обвиненных в участии, содействии и сочувствии восстанию. Статейные списки лиц, обвинявшихся в участии в восстании // НИАБ. – Ф. 296. Оп. 1. Д. 83.
26. Ведомости об секвестрированных, конфискованных и подвергнутых запрещению имениях и имуществе лиц Минской губ., участвовавших в восстании 1863 г. // НИАБ. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 6062.
27. Дело о наложении запрета на имущества лиц, участников восстания 1863 г. // НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 34.
28. Циркулярные предписания генерал-губернатора об отпуске воспитанников учебных заведений по Виленскому учебному округу на время каникул в Минскую губернию; списки студентов, не вернувшихся из отпусков // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 1524.
29. Дело об участии гимназистов Пинской гимназии и населения Пинского уезда в восстании 1863 г. // НИАБ. – Ф. 1521. Оп. 1. Д. 4.
30. Матвейчык, Д. Ч. Паўстанне 1863–1864 гадоў у Беларусі: нарыс баявых дзеянняў / Д. Ч. Матвейчык. – Мінск : Медысонт, 2013. – 122 с.
31. Паўстанне 1863–1864 гадоў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях : Дакументы і матэрыялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі / уклад. Д. Ч. Матвейчык ; рэдкал.: У. І. Адамушка [і інш.]. – Мінск : А. М. Вараксін, 2014. – 544 с.
32. Федорук, А. Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Т. Федорук. – Минск : Беларус. Энцикл., 2004. – 576 с.
33. Щеглов, Г., диакон. Жертвы польского восстания / диакон Г. Щеглов // Рус. Сб. : исслед. по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов [и др.]. – М. : Модест Колеров, 2013. – Т. XV. – С. 224–247.
34. Góra, S. Początki powstania styczniowego na Litwie i Białorusi oraz działania oddziału Romana Rogińskiego na tych terenach w okresie od 7 lutego do 3 marca 1863 r. / S. Góra // *Studia i materiały do Historii Wojskowości*. – 1985. – Т. 28. – S. 199–211.
35. Poźniak, J. Prawosławny kler w powstaniu styczniowym / J. Poźniak // *Kurier Wileński*. – 1933. – 28 marca. – № 81. – S. 4.
36. Rok 1863 na Mińszczyźnie / opracował J. Witkowski. – Minsk : Wyd. BAN, 1927. – 195 s.
37. Złobin, E. «Niechaj Polska zna, jakich synów ma». Rok 1863 na Pińszczyźnie / E. Złobin // *Echa Polesia*. – 2013. – № 1 (37). – S. 21–25.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.02.2020

Karpovich O. V. Events of 1863 Uprising in Pinsk County

The article, based on archival sources and previously published materials, tells about the events of the uprising of 1863 in the territory of Pinsk County. The preparation for the planned performance as well as the attitude of various strata of population in the region is highlighted; a detailed chronology of the fighting rebel forces from the regular army with an indication of the losses of each party is given. The facts of looting and violence committed by the rebels against the civilian population, as well as the murder of residents of the Pinsk district, who remained loyal to the government, are also noted.

УДК 343.812 (476)

С. Н. Чайкин

*зам. начальника колонии по тыловому обеспечению Исправительной колонии № 8
управления департамента исполнения наказаний МВД по Витебской области
e-mail: chaikina9@gmail.com*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОРЯДКА ОТБЫВАНИЯ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. – 1870-х гг.

Определяются основные средства обеспечения тюремного режима в XIX в. – осуществление раздельного содержания осужденных и надзор за соблюдением заключенными требований тюремного законодательства. На основе изучения архивных данных исследуется процесс использования этих средств на белорусских землях в виде строительства тюрем для раздельного содержания осужденных и комплектования профессиональной службы тюремных надзирателей. Указывается на низкую эффективность проводимых мер, что привело к распространению в тюрьмах использования осужденными запрещенных предметов и побегам. Определяются причины этих негативных явлений, обусловивших необходимость проведения тюремной реформы 1879 г.: переполненность тюрем, отсутствие финансирования на их ремонт, недостаточный штат тюремных надзирателей и отсутствие у смотрителей тюрем управленческих полномочий в отношении военнослужащих внутренней стражи.

Введение

Изучение истории развития российской уголовно-исполнительной, или пенитенциарной, системы имеет такое же значение, как исследование развития судебной власти либо органов уголовного преследования. Организационное и правовое формирование пенитенциарной системы как самостоятельного органа государственной власти, на белорусских землях происходило с начала 1830-х гг. в процессе строительства тюрем и формирования системы управления местами лишения свободы. Большое значение для развития системы исполнения наказаний имело обеспечение в местах лишения свободы установленного законодательством порядка отбывания наказания. В научных работах дореволюционных (С. К. Гогель, Н. Ф. Лучинский, В. Н. Никитин, С. В. Познышев, И. Я. Саломон), советских (М. Н. Гернет) и современных российских историков (А. П. Печников и И. В. Упоров), а также в отечественной научной литературе это важное направление деятельности тюрем на белорусских землях не изучалось. Изучение порядка отбывания наказания в виде тюремного заключения на землях Беларуси со второй четверти XIX в. необходимо для всестороннего изучения развития белорусской пенитенциарной системы и оценки значения в этом процессе тюремной реформы 1879 г.

Становление системы исполнения наказаний на белорусских землях во второй четверти XIX – начале XX в. сопровождалось обеспечением установленного законодательством порядка отбывания наказания в местах лишения свободы, или режима пенитенциарных учреждений. В связи с тем, что на белорусских землях основным видом мест лишения свободы до конца XIX в. оставались тюрьмы, исполнение наказаний в виде лишения свободы в основном осуществлялось посредством обеспечения тюремного режима. Основными способами его обеспечения в Российской империи являлись осуществление раздельного содержания определенных законом категорий осужденных (называемых в правовых актах арестантами) и надзор за соблюдением ими требований тюремного законодательства.

Значение раздельного содержания различных категорий арестантов как важнейшего средства обеспечения тюремного режима было определено еще в 1819 г. российской благотворительной организацией «Российское общество попечительное о тюрьмах», в «Правилах» которого отмечалось, что важнейшим средством исправления преступников

является «их разделение между собой для того, чтобы у виновных, которые готовы загладить вред, причиненный ими обществу, заключенные, не чувствующие раскаяния, примером своим не погасили эту искру». Это положение вошло в состав режимных требований тюремного законодательства 1830-х гг. «Инструкция смотрителю губернского тюремного замка» 1831 г. и «Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею» 1832 г. предписывали «помещаемых в тюрьму женщин... содержать отдельно от мужчин, несовершеннолетних преступников – отдельно от взрослых», подследственных отдельно от осужденных, которых, в свою очередь, необходимо было «сколь возможность позволит, разделять по роду и важности их преступлений».

Циркуляр Министерства внутренних дел от 11 октября 1832 г. требовал отдельно содержать три категории осужденных. К первой категории относились «преступники важные – убийцы, разбойники, зажигатели и святотатцы»; ко второй – «преступники маловажные, обличенные в воровстве, буйстве, драках, побегах, упусках арестантов и других подобных преступлениях»; к третьей – «бродяги, никаких других преступлений не имевшие» [1, с. 1]. Однако в первую очередь тюремное законодательство 1830-х гг. предписывало разделять арестантов по сословному признаку: «Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею» требовал «не сажать в одно место с чернью дворян и чиновников».

Эти правовые нормы были призваны укрепить тюремный режим и предотвратить нарушения арестантами порядка их содержания. Однако на практике требования раздельного содержания арестантов во второй четверти XIX в. были реализованы на белорусских землях лишь в губернских тюремных замках. В 1831 г. в Витебском тюремном замке для содержания осужденных женщин было перестроено помещение для выпечки хлеба, а бывшие женские камеры были приспособлены для размещения в них несовершеннолетних арестантов [2, с. 18]. В Гродненской тюрьме для раздельного содержания арестантов в 1830 г. на первом этаже были оборудованы отдельные камеры для «преступников первого и второго разрядов», а на втором этаже – три «секретные камеры» для содержания дворян и особо важных преступников [3, с. 25]. Отдельные камеры для разделения арестантов «по полу, возрасту и тяжести совершенных ими преступлений» были предусмотрены и в построенном в 1825 г. Минском тюремном замке [4, с. 61]. Не был приспособлен «для раздельного содержания арестантов» лишь Могилевский тюремный замок, который в 1833 г., по свидетельству губернских властей, «по тесноте своей не представлял никакой возможности к размещению арестантов как по родам их преступлений, так и по их годам» [5, с. 21].

В уездных тюремных замках в начале 1830-х гг. арестанты не всегда разделялись даже по полу и сословной принадлежности, в связи с чем чиновники, инспектировавшие тюрьмы, выявляли факты совместного содержания «арестантов мужеска пола вместе с женским» и отмечали как «совершенно недопустимые» нарушения «случаи помещения в общие камеры дворян» [6, с. 10, 16].

К концу 1830-х гг. предписания МВД о необходимости «отдельного содержания дворян от черни и раздельного содержания женщин от мужчин» в уездных тюрьмах на белорусских землях были выполнены, однако раздельное содержание арестантов в соответствии с тяжестью совершенных ими преступлений не было обеспечено до конца XIX в. в связи с отсутствием как в фондах МВД, так и в городских бюджетах денег для строительства новых тюремных зданий.

В 1832 г. в Городокской, Дриссенской и Лепельской тюрьмах Витебской губернии для содержания «срочных арестантов из-за тесноты тюремных помещений» было предусмотрено всего по две камеры – для женщин и для мужчин, в Суражской тюрьме дворяне отбывали наказание в одной камере с арестантами «низших сословий», а в Полоцке заключенные отбывали наказание в тюремной кухне и бане [7, с. 19; 8, с. 32]. В Моги-

левской губернии «из-за ветхости тюремных зданий» в Белицкой, Мстиславской, Климовичской, Копысской, Сенненской и Чериковской тюрьмах для содержания осужденных было предусмотрено также по две камеры, в одной из которых содержались женщины, а в другой – «все без разбора арестанты» [9, с. 208]. В таких же условиях осужденные содержались в Борисовской, Игуменской, Пинской и Слуцкой тюрьмах Минской губернии [10, с. 322].

В то же время меры по обеспечению раздельного содержания арестантов предпринимались на белорусских землях местными властями. В 1838 г. в ходе капитального ремонта Витебского тюремного замка в каменном флигеле тюрьмы был надстроен второй этаж, после чего в тюрьме было размещено обособленное от основного тюремного корпуса женское отделение наполняемость 18 человек, а в основном корпусе было обеспечено «раздельное содержание арестантов по роду их преступлений» [11, с. 31; 12, с. 78]. В 1843 г. был окончен капитальный ремонт Могилевского тюремного замка, в ходе которого был надстроен второй этаж, а на первом этаже были размещены камеры для дворян, «секретные» камеры и камеры для «маловажных арестантов» [13, с. 70]. В построенных до конца 1870-х гг. тюрьмах в Борисове, Гомеле, Городке, Игумене, Климовичах, Орше, Пинске, Сенно, Слуцке и Черикове также были предусмотрены камеры для раздельного содержания малолетних преступников от взрослых и «важных преступников от маловажных».

Однако в связи с тем, что «Уложение о наказаниях» 1845 г. законодательно оформило тюремное заключение в качестве одного из основных видов уголовных наказаний, тюрьмы на белорусских землях со второй половины XIX в. снова оказались переполнены, и в начале 1860-х гг. в очередном циркуляре руководство МВД вынуждено было признать, что «размещение арестантов по званию полу и возрасту во многих наших тюрьмах еще не соблюдается» [14, с. 67]. Разделение «важных от маловажных арестантов» на белорусских землях перестало обеспечиваться даже в губернских тюрьмах. В 1850 г. могилевский полицмейстер докладывал губернским властям, что в Могилевском тюремном замке «через неименее достаточного количества камер арестанты по родам преступлений не размещаются, а арестантки из дворян содержатся в общих женских камерах» [15, с. 44]. В 1853 г. смотритель Витебского тюремного замка сообщал проверявшему губернские тюрьмы чиновнику: «Из-за тесноты вместимость замка не соответствует цели содержания арестантов по возрасту и роду преступлений» [11, с. 31]. В уездных тюрьмах разделение арестантов «по тяжести совершенных ими преступлений» перестало соблюдаться практически повсеместно. В 1850 г. из четырех тюрем Витебской губернии «по роду преступлений» арестанты были разделены лишь в Городокской тюрьме [12, с. 137]. В 1879 г. минский губернатор докладывал в МВД, что разместить арестантов по тяжести совершенных ими преступлений в уездных тюрьмах не представлялось возможным, т. к. в них единовременно содержалось не менее 1 200 арестантов, хотя тюрьмы были рассчитаны на 609 человек [16, с. 188].

Наряду с раздельным содержанием арестантов средством обеспечения тюремного режима на белорусских землях XIX в. являлся надзор за соблюдением заключенными системы предусмотренных для них режимных ограничений. В соответствии с «Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка» при приеме арестантов в тюрьму смотритель тюремного замка подвергал заключенных личному обыску, в ходе которого у них изымались запрещенные предметы: «ножи, бритвы и тому подобные орудия», а также деньги и изготовленные из драгоценных металлов изделия: «часы, табакерки, перстни, кольца и прочее». Арестантам запрещалось играть в карты, шашки, кости и другие игры, курить трубки, играть на музыкальных инструментах, «произносить проклятия и укорять друг друга». В целом Инструкция запрещала любое «нарушение арестантами благочиния, своеволие, соблазнительные песни, хохот и вообще всякого

рода резвости». Для предотвращения совершения арестантами побегов им запрещалось занавешивать свои спальные места «лубками и рогожами», т. к. «занавесившись, они упражняются в заговорах к побегам, и из тех же занавесок свивают веревки, чтобы перелезть через стены тюрьмы». Смотрителю тюремного замка с целью недопущения нарушений заключенными режима содержания предписывалось ежедневно как можно чаще «осматривать всякую арестантскую камеру». Также смотритель был обязан «строго наблюдать и за тем, чтобы в тюремный замок ни под каким видом не были вносимы горячие (спиртные) напитки» и деньги.

Во исполнение этих требований тюремным законодательством предписывалось выставлять в коридорах и внутренних дворах тюремных замков вооруженные караулы из числа тюремных надзирателей или солдат внутренней стражи, которые должны были заглядывать в камеры и прислушиваться к разговорам арестантов, а также проводить в камерах обыски. Для исполнения этих предписаний и улучшения качества надзора за арестантами с середины XIX в. в тюрьмах на белорусских землях началось комплектование профессиональной службы тюремных надзирателей. В 1849 г. в Минской губернии было укомплектовано 16 должностей тюремных надзирателей: по 8 в Минском тюремном замке и в уездных тюрьмах [17, с. 51]. В соответствии с Законом от 3 мая 1865 г. «О замене военных караульных постов в тюрьмах вольнонаемными надзирателями» с 1865 г. по 1879 г. на службу в тюрьмы Минской губернии было принято еще 16 надзирателей, а также были укомплектованы должности надзирателей и в тюрьмах Витебской губернии [18, с. 60]. Однако в связи с недостаточным финансированием содержания тюремных служащих в тюрьмах Гродненской и Могилевской губерний военные караулы несли службу до 1880-х гг. [19, с. 37].

Недостаточная для надлежащей охраны арестантов численность тюремных надзирателей привела к ухудшению надзора за заключенными на белорусских землях во время восстания 1863 г. В связи с переполненностью тюремных замков значительное количество арестованных повстанцев содержалось не только в казармах батальонов внутренней стражи, но и в помещениях, нанимаемых у частных лиц, количество которых зачастую превышало численность проходивших службу в уездных тюрьмах надзирателей, и водворенным в эти помещения заключенным передавались запрещенные в тюрьмах предметы [20, с. 33]. В губернских тюремных замках из-за недостаточной численности тюремных надзирателей двери тюремных камер, где содержались арестованные повстанцы, были всегда открыты и арестанты свободно общались между собой. Это нарушение стало настолько распространенным, что, когда в марте 1864 г. в Могилевском тюремном замке начальник тюрьмы распорядился запереть ранее не закрывавшиеся двери камер, участники восстания вместе с военными дезертирами выломали камерные двери [21, с. 68].

Важной причиной, по которой арестанты совершали побеги и другие нарушения, было отсутствие средств на текущий ремонт тюремных зданий. В ходе проверок состояния тюрем с начала 1830-х гг. выявлялись многочисленные факты «крайней ветхости» даже губернских тюрем. Например, в феврале 1845 г. при осмотре Минского тюремного замка губернским прокурором было установлено, что двери тюремных камер закрываются не на железные замки, а на простые деревянные задвижки [22, с. 1]. В 1851 г. смотритель Витебского тюремного замка сообщал местному «Попечительскому о тюрьмах комитету», что из-за нехватки средств на ремонт тюремных помещений в «Витебской тюрьме двери камер совершенно сгнили и вываливаются из дверных косяков, а прутья в окнах камер настолько расшатаны, что дают арестантам повод к побегу» [12, с. 78].

В уездах состояние тюрем было еще хуже. В 1830 г. при ревизии тюрем Витебской губернии было выявлено, что двери в них также закрываются на деревянные задвижки, а железные замки отсутствуют, в 1834 г. было установлено отсутствие вокруг

большинства тюремных зданий каких-либо оград, а в 1847 г. было выявлено, что стены некоторых тюрем «из-за отклоненности в них столбов угрожают падением и потому опасны к побегу» [6, с. 16; 9, с. 71; 8, с. 28]. Зачастую даже вновь построенные тюрьмы, особенно те, строительство которых осуществлялось за средства подрядчиков, не соответствовали режимным требованиям. Например, в августе 1850 г. в Могилевской губернии при приемке Чериковского острога, построенного на средства местного помещика Рожковского, было выявлено, что из-за некачественного строительства состояние здания способствует совершению арестантами побегов, т. к. «фундамента под зданием не имеется, а тюремная ограда сделана из тонких бревен» [23, с. 233]. В ноябре 1865 г. в ходе осмотра здания Слуцкой тюрьмы, построенной на средства местного мещанина Рубинштейна, было установлено, что замки в камерах неисправны, а каменная стена, необходимая для предотвращения побегов выводимых на прогулку арестантов, не достроена [24, с. 214]. В итоге неудовлетворительное состояние тюрем приводило к многочисленным побегам из них арестантов, которые легко делали подкопы и проломы в ветхих тюремных стенах. В 1834 г. из-за отсутствия в тюремных окнах железных решеток из Витебского тюремного замка совершили побег военные арестанты. В 1837 г. в Гродненском тюремном замке 10 арестантов совершили побег, разобрав потолочный свод, после чего пролом из-за нехватки в местном бюджете средств не закладывали в течение года [3, с. 138]. В 1840 г. в Витебском тюремном замке помещенные в больничную камеру четверо арестантов бежали, выломав непрочные камерные решетки [25, с. 1].

Переполненность тюрем, недостаточный штат тюремных служащих, а также отсутствие единого руководства тюремными надзирателями и военными служащими внутренней стражи являлись причинами совершения осужденными не только побегов, но и других нарушений тюремного режима. Наиболее распространенными нарушениями являлись приобретение и хранение арестантами запрещенных к использованию в тюрьмах предметов, что, в свою очередь, способствовало совершению осужденными побегов либо других преступлений. За период с 1843 по 1868 г. МВД было издано пять циркуляров о необходимости усиления надзора за осужденными, в которых отмечалось, что к «арестантам в тюрьмы проникают не только ножи, водка, карты, кости и деньги, но даже инструменты для чеканки фальшивых монет и изготовления поддельных ассигнаций» [14, с. 66]. В тюрьмах на белорусских землях у осужденных изымалось даже огнестрельное оружие. Например, в апреле 1864 г. у арестантов, содержащихся в Витебском тюремном замке, при обыске вместе с игральными картами были изъяты «два заряженных пистолета и пятиствольный револьвер» [26, с. 16]. Особым спросом из запрещенных предметов у осужденных пользовались игральные карты. В августе 1863 г. смотритель Витебского тюремного замка докладывал губернатору, что табак и карты ухищренными способами арестантам доставляются чаще всего [27, с. 3]. Распространение в тюрьмах азартных игр приводило к совершению в местах лишения свободы новых преступлений. По свидетельству тюремной администрации, «из-за карточной игры нередко бывали случаи, когда к плутоватому игроку попадала в кабалу вся камера, из-за чего начинались ссоры, а нечестный игрок или неисправный должник получал тяжкие побои либо ошпаривался кипятком в тюремной бане» [28, с. 23].

Причинами проникновения в тюрьмы запрещенных предметов до тюремной реформы 1879 г. являлись недостаточный штат тюремных надзирателей и их низкий профессиональный уровень, что не позволяло качественно проводить обыски камер и осуществлять надзор за проведением свиданий арестантов с родственниками. Однако основной причиной указанных нарушений являлось отсутствие управленческих полномочий смотрителей тюремных замков в отношении осуществлявших надзор за осужденными рядовых внутренней стражи, которые, не подчиняясь начальнику тюрьмы, зачастую запрещенные предметы сами арестантам и передавали. Например, в 1848 г.

смотритель Минского тюремного замка выявил, что осуществлявший надзор за заключенными рядовой Костромского полка передал одному из арестантов для совершения побега напильник и веревки [10, с. 622]. В августе 1863 г. смотритель Витебского тюремного замка сообщал губернатору, что «караульные солдаты впускаются в острог без всякого обыска и проносят арестантам табак, трубки и карты, и отвратить эти беспорядки у него не имеется никакой возможности» [27, с. 6]. При этом караульные офицеры на противоправные действия своих подчиненных внимания не обращали, а иногда в передаче запрещенных предметов участвовали и сами. В феврале 1860 г. проведенной смотрителем Минского тюремного замка проверкой было установлено, что осуществлявшие охрану тюрьмы ефрейторы местного гарнизонного батальона в течение года неоднократно передавали арестантам водку [29, с. 209]. В ноябре 1863 г. смотрителем Витебского тюремного замка при попытке пронести в тюрьму полуштоф водки был задержан рядовой внутренней стражи, который передавал спиртное караульному офицеру, продававшему водку арестантам, иногда до 30 полуштофов в день [30, с. 3].

В итоге распространение указанных нарушений в тюрьмах как на белорусских землях, так и в Российской империи в целом, по свидетельству руководства МВД, в начале проведения тюремной реформы 1879 г. привело к тому, что режим в местах лишения свободы «характеризовался полным беспорядком и крайним своеволием арестантов» [31, с. 371].

Заключение

Таким образом, со второй четверти XIX в. в Российской империи начался процесс правовой регламентации порядка отбывания тюремного заключения, основными средствами обеспечения которого являлись осуществление раздельного содержания определенных законом категорий арестантов и надзор за соблюдением заключенными требований тюремного законодательства. Для исполнения наказания в виде лишения свободы на белорусских землях в процессе строительства новых тюрем осуществлялось устройство обособленных помещений, предназначенных для раздельного содержания осужденных, и началось комплектование профессиональной службы тюремных надзирателей. Однако законодательное оформление тюремного заключения в качестве одного из основных видов уголовных наказаний, со второй половины XIX в. привело к переполнению тюрем на белорусских землях, из-за чего в них не было обеспечено отдельное содержание несовершеннолетних преступников и взрослых и разделение осужденных в соответствии с тяжестью совершенных ими преступлений.

В связи с отсутствием необходимого финансирования для ремонта тюрем, недостаточным штатом тюремных надзирателей и отсутствием у смотрителей тюремных замков управленческих полномочий в отношении военнослужащих внутренней стражи в местах лишения свободы на белорусских землях не было также обеспечено надлежащее качество надзора за осужденными, что привело к распространению в тюрьмах до 1870-х гг. запрещенных предметов, а также совершения побегов. Весь этот комплекс причин обусловил необходимость проведения тюремной реформы 1879 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 2562.
2. НИАБ. – Ф. 57. Оп. 2. Д. 2.
3. Лисицын, В. М. За тюремной стеной: история Гродненской тюрьмы (XIX век – 1939) / В. М. Лисицын. – Гродно : Гродн. тип., 2003. – 352 с.
4. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 1. Д. 1382.

5. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 92.
6. НИАБ. – Ф. 297. Оп. 1. Д. 5287.
7. НИАБ. – Ф. 14. Оп. 1. Д. 2562.
8. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 18365.
9. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 7514.
10. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 1. Д. 332.
11. НИАБ. – Ф. 2648. Оп. 1. Д. 94.
12. НИАБ. – Ф. 1416. Оп. 6. Д. 78.
13. НИАБ. – Ф. 2224. Оп. 1. Д. 23.
14. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. / М. Н. Гернет. – М. : Госюриздат. – Т. 2. – 1961. – 582 с.
15. НИАБ. – Ф. 2224. Оп. 1. Д. 421.
16. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 7831.
17. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 3495.
18. НИАБ. – Ф. 29. Оп. 1. Д. 417.
19. Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления: 1879–1889 гг. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1890. – 115 с.
20. НИАБ. – Ф. 2150. Оп. 1. Д. 49.
21. НИАБ. – Ф. 2150. Оп. 1. Д. 60.
22. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 899.
23. НИАБ. – Ф. 2224. Оп. 1. Д. 233.
24. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 5. Д. 291.
25. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 12145.
26. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31345.
27. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 52213.
28. Саломон, А. П. Тюремное дело в России / А. П. Саломон. – СПб. : Тип. С.-Петербур. тюрьмы, 1898. – 38 с.
29. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 5689.
30. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 3145.
31. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879–1914 гг.) // Тюрем. вестн. – 1914. – № 2. – С. 244–359.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.11.2019

Chaikin S. N. The Maintaining Order of Prison Sentence on Belarusian Lands in Second Quarter of the XIX Century – 1870s

The main means of the maintaining order of prison sentence in the XIX century such as the implementation of the separate detention of prisoners and the supervision of observance of the claim of prison legislation are determined. On the base of the study of archive data the process of the application of these means on Belarusian lands in the form of the construction of prisons intended for the separate detention of prisoners as well as the recruitment of the service of prison guards is being researched. It is pointed that the efficiency of the measures was low, which led to the extension of the prohibited objects used by the prisoners and their jailbreak. The reasons for these negative phenomena which caused the necessity of the prison reform of 1879, namely the overcrowding in prisons, the absence of finance for its reconstruction, the lack of staff of prison guards and missing of the managerial authority among the prison wardens towards the internal soldiers are defined.

УДК 327(8)

Ши Вэй

аспирант 3-го года обучения каф. международных отношений
Белорусского государственного университета
e-mail: 806317090@qq.com

**АЗИАТСКИЙ БАНК ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ –
ПОМОЩНИК В РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ»**

Проанализировано значение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) для реализации инициативы «Пояс и Путь» (ИПП). ИПП была выдвинута в 2013 г. правительством Китайской Народной Республики. Ее целью является крепление экономического сотрудничества с другими странами. Реализация ИПП требует колоссальных инвестиций, что может создать большие финансовые проблемы для некоторых стран. АБИИ может решить этот вопрос. Обосновывается возможность того, что АБИИ предоставит инвестиции для реализации проектов в рамках ИПП и повысит ее имидж. Также проанализированы отношения ИПП и АБИИ.

Введение

В 2013 г. китайское правительство выдвинуло инициативу «Пояс и Путь» (ИПП) с целью усилить экономическое сотрудничество с другими странами и осуществить общее процветание всего мира. ИПП не только содействует развитию внутри страны, но и продвигает экономическое развитие других стран. В рамках ИПП строительство инфраструктуры является главным содержанием, что требует колоссальных инвестиций. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) как новое финансовое учреждение может предоставить инвестиции в строительство инфраструктуры и способствовать реализации ИПП. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить значение АБИИ для реализации ИПП. Задачей является анализ влияния АБИИ на ИПП.

Совершенная инфраструктура представляет собой основу модернизации, экономического развития и обеспечения качества жизни народа. Взаимосвязанные транспортные сети в значительной степени по сравнению с другими факторами могут способствовать установлению хороших отношений с соседними странами, без которых невозможно добиться свободного перемещения людей, оборота средств и товарооборота в большом масштабе. В рамках ИПП соединение транспортных магистралей представляет собой первичное содержание, что является основой сотрудничества Китая с другими государствами. Согласно данным Азиатского банка развития (АБР), дефицит инвестиций в азиатскую инфраструктуру, которая включает строительство взаимосвязанной транспортной инфраструктуры, составит 8 трлн долл. в период с 2010 по 2020 г. Всемирный банк (ВБ) и АБР как главные инвестиционные учреждения Азии ежегодно могут предоставлять только 20 млрд долл., 40–50 % из которых используется для развития инфраструктуры [1]. Значительный недостаток инвестиций в строительство азиатской инфраструктуры привел к необходимости создать финансовое учреждение, которое может предоставить финансовое обеспечение для инфраструктурных проектов в Азии.

С учетом этого в октябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин во время своего визита в страны Юго-Восточной Азии выдвинул идею создания АБИИ. Согласно плану АБИИ представляет собой финансовую платформу по обеспечению инфраструктурных проектов на территории Азии, функционирующую в формате многосторонней структуры развития. В октябре 2014 г. представители 21 азиатской страны, в том числе

Научный руководитель – Ю. И. Малевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

Китая, Индии и Сингапура, подписали Меморандум о подготовке к созданию АБИИ. Вначале Банк как финансовое учреждение всестороннего развития не привлек внимания международного сообщества. В марте 2015 г., когда Великобритания объявила об участии в АБИИ, международное сообщество начало обращать на него внимание. Под влиянием позиции Великобритании по этому вопросу многие развитые западные страны, такие как Франция, Германия, Италия, Люксембург, Швейцария и Австрия, заявили о своем участии в АБИИ, что усиливало его международную значимость. 29 июня 2015 г. представители 57 стран-учредителей собрались в Пекине и подписали Соглашение о создании АБИИ. 25 декабря 2015 г. это соглашение официально вступило в силу и стало юридическим стартом Банка. 16 января 2016 г. в Пекине прошла церемония открытия АБИИ, что символизирует начало работы данного агентства многостороннего развития [2; 3]. После открытия АБИИ 9 раз происходило увеличение числа его членов. В сентябре 2019 г. количество членов АБИИ достигло 100 [4].

В связи с тем что соединение транспортных магистралей является основой деятельности ИПП, АБИИ, концентрируя внимание на инвестициях в инфраструктуру стран Азии, может играть роль финансовой опоры для строительства инфраструктурных проектов в рамках ИПП.

В ноябре 2014 г. на 8-м заседании центральной руководящей группы по финансовым и экономическим делам председатель Си Цзиньпин отметил, что АБИИ может предоставить финансовую поддержку проектам в рамках ИПП [5]. В марте 2015 г. на Бооском азиатском форуме председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что АБИИ и ИПП как братья-близнецы, без АБИИ невозможно реализовать ИПП [6]. В марте 2015 г. на третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 12-го созыва председатель комитета по международным делам ВСНП и вице-председатель Китайского центра международного экономического обмена Фу Ин в очередной раз подчеркнула важное значение АБИИ в реализации ИПП [7].

За период до декабря 2019 г. АБИИ уже инвестировал 53 проекта в Азии. АБИИ предоставляет тем странам в Азии, которые срочно требуют инвестиции в строительство инфраструктуры, новый источник капитала. Директор АБИИ Цзинь Лицунь указал, что нельзя останавливать приток инвестиций в государство из-за высокой долговой нагрузки, наоборот, государство должно приоритетно вносить средства в эффективные программы с целью облегчить бремя задолженности [8]. Например, Таджикистан поставит строительство инфраструктуры на первое место. В декабре 2016 г. была утверждена Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 г., в которой отмечены четыре главные задачи экономического развития: обеспечение энергетической безопасности государства, усиление строительства в области транспортной сферы, обеспечение безопасности продовольствия и увеличение количества вакантных мест для трудоустройства [9]. Однако в рамках ИПП Таджикистану невозможно получить колоссальные инвестиции, поскольку Китай уже стал крупнейшим источником инвестиций и третьим по величине торговым партнером Таджикистана. По официальным данным, долг Таджикистана перед КНР растет: в 2014 г. общая сумма долга перед Китаем (Эксимбанк КНР) 901,5 млн долл., в 2015 г. – 1 млрд 68,6 млн долл., в 2016 г. – 1 млрд 197,31 млн долл., в 2017 г. – 1 млрд 201,6 млн долл., а в 2018 г. – 1 млрд 205,07 млн долл., что составляет около половины от общего объема внешнего долга [10].

При таком условии АБИИ может предоставить инвестиции Таджикистану в строительство инфраструктуры. Первая партия инвестиционных проектов АБИИ была утверждена в июне 2016 г., включая проект благоустройства приграничных дорог в Таджикистане. Этот проект имеет большое значение для соединения Таджикистана и Узбекистана. После завершения этого проекта можно сократить время передвижения и себестоимость доставки между этими двумя странами. Кроме того, эта обновленная магистраль

для транспортировки грузов может расширить национальную и региональную торговлю, уменьшить заторы на дорогах и повысить безопасность дорожного движения [11].

Преимущество АБИИ заключается в том, что его основной формой кредита является займ с обеспечением суверенитета, что является самой безопасной кредитной формой. АБИИ также активно усиливает сотрудничество с негосударственными предприятиями стран, нуждающимися в кредитных средствах, что обеспечивает приток капитала в страну, при этом не увеличивается сумма государственной задолженности.

АБИИ как международное финансовое учреждение при утверждении инвестиционного проекта всегда ставит на первое место экономическую выгоду, другими словами, Банк предоставляет кредиты не всем проектам в рамках ИПП, а только тем, благодаря которым можно получить прибыль. Кроме того, утвержденные проекты АБИИ должны соответствовать еще двум целям: не нарушать баланс природной среды и получить поддержку народа данного региона.

По историческим причинам из-за региональных конфликтов и культурных различий некоторые инфраструктурные проекты в рамках ИПП находятся под угрозой. Например, некоторые проекты вызвали недовольство народа из-за игнорирования общественного мнения и негативного влияния на окружающую среду в определенных районах, вследствие чего проекты были приостановлены. Предприятия, финансирующие проекты в рамках ИПП, с помощью АБИИ могут избежать политических и других рисков и брать на себя соответствующую социальную ответственность [12].

Некоторые иностранные эксперты транслируют искаженное мнение об АБИИ, согласно которому Банк определяется как вспомогательный инструмент Китая и его появление было обусловлено требованием реализации ИПП. Исследователь Рафаэлло Пантуччи из Королевского Объединенного института оборонных исследований Великобритании, проанализировав первую и вторую партию инвестиционных проектов АБИИ, указал, что все инвестированные проекты связаны с реализацией ИПП. На конец сентября 2016 г. АБИИ выделил на 6 проектов 829 млн долл., 400 млн из которых инвестировано в китайско-пакистанский экономический коридор, 27,5 млн – на проекты в странах Центральной Азии, 185 млн – в экономический коридор Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма. Таким образом, Рафаэлло Пантуччи пришел к выводу, что АБИИ инвестировал в те проекты, которые находятся в сфере ответственности ИПП [13].

В рамках ИПП в июле 2018 г. на международном форуме по правовому сотрудничеству, совместно организованном Министерством иностранных дел КНР и Обществом китайских юристов, Цзинь Лицунь сообщил, что за 2,5 года АБИИ одобрил инвестиционные проекты на общую сумму более 5,3 млрд долл. США. Все инвестиции АБИИ поступили в страны и районы, расположенные вдоль «Пояса и Пути» [14].

На конец сентября 2019 г. АБИИ утвердил 49 инвестиционных проектов на общую сумму 9,595 млрд долл. США, и все они находятся в сфере ответственности инициативы ОПОП. Все инвестиционные проекты АБИИ находятся в рамках инициативы ОПОП, поскольку она сама по себе покрывает широкое пространство. Невозможно определить АБИИ как специальное учреждение для реализации инициативы. Основная цель создания Банка заключается не только в обеспечении финансовой помощи проектам в рамках ИПП, проекты на поясе и пути являются частью его инвестиционной работы. Таким образом, отношения между ИПП и АБИИ основаны не на подчинении, а на параллелизме. Цзинь Лицунь сравнил АБИИ и ИПП с двумя двигателями одного самолета [15].

Заключение

У АБИИ и ИПП общая цель – способствовать развитию инфраструктуры в Азии. Проявляя преимущественные возможности, АБИИ поддерживает реализацию ИПП. При этом многостороннее сотрудничество АБИИ являет собой показательный пример

реализации инициативы двустороннего сотрудничества. Проекты в рамках ИПП являются инвестиционными объектами АБИИ, но не единственными для Банка. Это молодое международное финансовое учреждение не ограничивает свою деятельность в Азии, а стремится к развитию инфраструктуры во всех развивающихся странах. Кроме того, страны – члены АБИИ констатируют, что его коммерческая деятельность зависит от их требований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. 赵俊 (Чжао, Цзюнь). 亚投行与现有多边开发银行的关系定位、澄清和协调 (АБИИ и существующие многосторонние банки развития: их отношения и сотрудничество) / 俊赵 晶金 (Цзюнь Чжао, Цзин Цзинь) // 太平洋学报 (Тихоокеан. вестн.). – 2017. – № 5. – 第23–33页 (С. 23–33).
2. 王达 (Ван, Да). 亚投行的中国考量与世界意义 (Значение АБИИ для Китая и мира) / 达王 (Да Ван) // 东北亚论坛 (Северо-восточ. азиат. форум). – 2015. – № 3. – 第48–63页 (С. 48–63).
3. 裴长洪 (Пэй, Чанхун) 一带一路建设与中国扩大开放 (Строительство «Один пояс – один путь» и расширение открытости Китая) 长洪裴 燕子 (Чанхун Пэй, Янь Юй) // 国际经济探索 (Исслед. междунар. торговли). – 2015. – № 10. – 第4–17页 (С. 4–17).
4. 亚投行成员达到100个 (Количество членов АБИИ достигает 100) [电子信息 (Электронный ресурс)] // 观察者网 (Исследователи). – 存取方式 (Режим доступа): https://www.guancha.cn/economy/2019_07_14_509335.shtml. – 存取日期 (Дата доступа): 08.02.2020.
5. 习近平主持召开中央财经领导小组第八次会议 (8-ое заседание центральной руководящей группы по финансовым и экономическим делам ведется председателем Си Цзиньпином) [电子信息 (Электронный ресурс)] // 中国政府网 (Правительство КНР). – 存取方式 (Режим доступа): http://www.gov.cn/xinwen/2014-11/06/content_2775891.htm. – 存取日期 (Дата доступа): 08.02.2020.
6. 习近平主席在博鳌亚洲论坛2015年年会上的主旨演讲 (Выступление председателя Си Цзиньпина на Боаоском азиатском форуме в 2015 г.) [电子信息 (Электронный ресурс)] // 新华网 (Синьхуа). – 存取方式 (Режим доступа): http://www.xinhuanet.com/politics/2015-03/29/c_127632707.htm. – 存取日期 (Дата доступа): 08.02.2020.
7. 傅莹: 亚投行、丝路基金支持“一带一路” (Фу Ин: АБИИ и Фонд Шелкового пути поддерживают реализацию ИПП) [电子信息 (Электронный ресурс)] // 第一财经 (Первые финансы и экономика). – 存取方式 (Режим доступа): <https://www.yicai.com/news/4581546.html>. – 存取日期 (Дата доступа): 08.02.2020.
8. 亚投行行长金立群: 引导私企进入基础设施投资领域 (Директор АБИИ Цзинь Лицунь: введение частных предприятий в инвестицию в инфраструктуру) [电子信息 (Электронный ресурс)] // 观察者网 (Исследователи). – 存取方式 (Режим доступа): https://www.guancha.cn/economy/2015_09_20_334937.shtml. – 存取日期 (Дата доступа): 08.02.2020.
9. 对外投资合作国别 (地区) 指南 塔吉克斯坦 (2018年版) (Руководство внешних инвестиций и сотрудничество – Таджикистан) / 商务部国际贸易投资合作研究院 中国驻塔吉克斯坦大使馆经济商务参赞处 商务部对外投资和经济合作司 (Акад. междунар. торговли и экон. сотрудничества М-ва коммерции КНР, канцелярия советника по торгово-экономическим вопросам при посольстве КНР в Таджикистане, Отдел внешних инвестиций и экон. сотрудничества М-ва коммерции КНР). – 北京 (Пекин), 2018. – 19页 (С. 19).
10. Отчет о состоянии государственного долга за 2018 год [电子信息 (Электронный ресурс)] // М-во финансов Респ. Таджикистан. – 存取方式 (Режим доступа): http://minfin.tj/downloads/otchet_2018vd.pdf. – 存取日期 (Дата доступа): 02.02.2020.

11. Tajikistan: Dushanbe-Uzbekistan Border Road Improvement Project [Electronic resource] : [Signed in Beijing 24.06.2016] // АІВ: Asian infrastructure investment bank. – Mode of access: <https://www.aiib.org/en/projects/approved/2016/tajikistan-border-road.html>. – Date of access: 08.02.2020.

12. 刘国斌 (Лю, Гобинь) 论亚投行在推进“一带一路”建设中的金融支撑作用 (Финансовая поддержка АБИИ в реализации ИПП) / 国斌刘 (Гобинь Лю) // 东北亚论坛 (Северо-вост. азиат. форум). – 2016. – № 2. – 第58–66页 (С. 58–66).

13. 英媒详解: «一带一路» 和亚投行, 是如何服务中国国家利益的? (Мнение СМИ. Великобритания: как ИПП и АБИИ служат интересам Китая) [电子信息 (Электронный ресурс)] // 观察者网 (Исследователи). – 存取方式 Режим доступа: https://www.guanchna.cn/economy/2016_11_07_379768.shtml. – 存取日期 Дата доступа: 08.02.2020.

14. За 2,5 года после начала работы АБИИ утвердил инвестиционные проекты на общую сумму более 5,3 млрд долл. США [Электронный ресурс] // Russian.News.cn. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2018-07/04/c_137301489.htm. – Дата доступа: 02.02.2020.

15. Цзинь Лицюнь: АБИИ и «Один пояс, один путь» являются двумя двигателями одного самолета [Электронный ресурс] // Russian.people.cn. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0408/c95181-9564539.html>. – Дата доступа: 02.02.2020.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.02.2020

Shi Wei. Asian Infrastructure Investment Bank – Assistant in to the Implementation of the «Belt and Road» Initiative

The article analyzes the significance of the Asian infrastructure investment Bank (AIIB) for the implementation of the Belt and Road initiative. The author substantiates the possibility that the AIIB can provide investments for the implementation of projects within the Belt and Road initiative and improve the image of the initiative. The author also analyzes the relationship between the Belt and Road initiative and the AIIB.

УДК 94 (476)

Л. В. Лаўрэнка

магістр гіст. навук, настаўнік гісторыі сярэдняй школы в. Скокі

e-mail: lavreenkol@gmail.com

СТАЦЫЯНАРНЫ ГАНДАЛЬ НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1921–1939 гг.

На аснове разнастайных крыніц дадзена характарыстыка развіцця стацыянарнага гандлю, вызначана яго роля ў сацыяльна-эканамічным жыцці Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Паказана становішча асноўных гандлёвых прадпрыемстваў, якія адносіліся да стацыянарнага гандлю. Прааналізаваны патрабаванні польскіх уладаў да месцаў продажу тавараў і часу гандлю ў іх, паказаны асаблівасці гандлю алкагольнымі напоямі і барацьбы з несумленнай канкурэнцыяй. Адзначаецца, што большасць гандлёвых аб'ектаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі былі прымітыўнымі. Зроблена выснова, што дзяржаўныя ўлады Польшчы вельмі пільна сачылі за дзейнасцю гандлёвых устаноў.

Уводзіны

Актуальнасць тэмы выклікана яе слабай распрацаванасцю ў айчынай гістарычнай навуцы. Рознічны гандаль, да якога адносіцца стацыянарны гандаль, пакуль не стаў прадметам асобнага вывучэння. Агульныя і разрозненыя звесткі прадстаўлены ў асобных артыкулах [1]. Г. С. Вайцешчык [2] адзначала, што мястэчкі Заходняй Беларусі былі цэнтрамі ўнутранага гандлю і забяспечвалі штодзённыя патрэбы насельніцтва мястэчка і вёскі. Значнымі для вывучэння гісторыі рознічнага гандлю на заходнебеларускіх землях з'яўляюцца працы польскіх даследчыкаў. У кнізе Я. Хадароўскага «Структура ўнутранага таварнага гандлю ў Польшчы» [3] даецца класіфікацыя гандлёвых прадпрыемстваў, выкладзены звесткі аб колькасці гандлёвых прадпрыемстваў па ваяводствах, буйных гарадах, разгледжаны асноўныя галіны ўнутранага гандлю, ахарактарызаваны гандлёвыя прадпрыемствы па тыпу іх арганізацыі. Галоўнай мэтай працы М. Шышкоўскага [4] было высвятленне стасункаў, якія панавалі ў міжваеннай Польшчы ў галіне вулічнага і разноснага гандлю, апісанне яго форм і метадаў. У кнізе прысутнічаюць статыстычныя звесткі аб гандлярах па ваяводствах. Р. Бержанак у сваёй публікацыі [5] разглядаў гісторыю яўрэйскага насельніцтва ва ўсходніх ваяводствах Польскай дзяржавы, яго ўдзел у эканамічным жыцці краю, звяртаў увагу на дамінуючае значэнне яўрэяў у прамысловасці, рамястве і гандлі. Навуковую цікавасць уяўляюць працы аўтараў, што былі сучаснікамі апісаных падзей і мелі доступ да розных крыніц, якія потым былі страчаны. Сярод іх трэба вылучыць працу І. Схіпера «Гісторыя яўрэйскага гандлю на польскіх землях» [6], дзе на аснове шырокага статыстычнага матэрыялу даследаваны стан яўрэйскага рамяства і гандлю ў Польшчы, вызначаны праблемы, якія перашкаджалі іх далейшаму развіццю.

З улікам вышэйадзначанага мэтай артыкула з'яўляецца даследаванне развіцця стацыянарнага гандлю на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 20–30-я гг. XX ст.

Стан і праблемы развіцця стацыянарнага гандлю

Стацыянарны гандаль на тэрыторыі Заходняй Беларусі быў прадстаўлены лаўкамі (крамамі) і магазінамі. Існавалі наступныя віды магазінаў: харчовых і каланіяльных тавараў; харчовых тавараў сумесна з іншымі нехарчовымі (без віна і гарэлкі); мяса, тлушчаў і мясных паўфабрыкатаў; гастронамічныя з продажам на разліў спіртных

Навуковы кіраўнік – А. М. Вабішчэвіч, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

напоў; крамы віна, гарэлкі і піва; вырабаў тытунёвай манаполіі; крамы мануфактуры, галантарэі і адзення; абутку і вырабаў са скуры; будаўнічых матэрыялаў; мэблі і іншых вырабаў з дрэва; музычных інструментаў і інш. [7, с. 16; 8, арк. 3, 5, 7].

Пераважную большасць складалі харчовыя магазіны – месцы выключна рознічнага продажу розных харчовых тавараў [7, с. 16]. Так, у мястэчку Вязынь Вілейскага павета налічвалася 19 магазінаў, у Даўгінава – 38, Жодзішкі – 4, Крывічы – 22 магазіны і 4 лаўкі, Плісе – 19 магазінаў [9, арк. 7адв.–8; 10, арк. 10–11; 11, арк. 5; 12, арк. 7адв.–8; 13, арк. 246–246адв.]. Усяго ў 1921 г. у Браслаўскай гміне Віленскага ваяводства было 82 магазіны, у Слабадскай гміне – 24, Плюскай – 11, Апескай – 18, Відзкай – 33, Рымшанскай – 11, Дукштанскай – 34. У асноўным гэта былі невялікія магазіны мануфактуры, бакалейных, харчовых і гарбарных тавараў [14, арк. 38–39адв.]. Паводле звестак прамысловага аддзела Віленскага ваяводскага ўпраўлення за 1931 г., на тэрыторыі ваяводства налічвалася 304 магазіны харчовых тавараў і 4 магазіны мясных вырабаў [15, арк. 5].

Мяса птушкі, а таксама паўфабрыкаты, прыгатаваныя з мяса жывёлы, забітай рытуальным спосабам, можна было прадаваць выключна ва ўстановах, якія мелі канцэсію на дадзены від гандлю. Гэта значыць, усе бакалеі, харчовыя крамы, сталовыя, рэстараны, у якіх адбываўся продаж мяса птушкі з рытуальнага забоя, каўбас і іншых мясных тавараў з пломбамі рытуальнага нажа, павінны былі мець канцэсію на продаж гэтых тавараў [15, арк. 5]. Магазінамі і лаўкамі валодалі пераважна яўрэі, якія і ажыццяўлялі продаж тавараў у крэдыт [16, с. 32].

Асобнае месца займалі магазіны па продажу алкагольных напоў. Напрыклад, у мястэчку Вязынь з 19 магазінаў былі 3 магазіны гарэлкі і віна («Łazyhol», «Wiszyn», «Siedzic»), продаж гэтых тавараў праводзіўся і ў харчовых магазінах [17, арк. 7адв.–8]. Для зніжэння спажывання алкагольных напоў польскія ўлады згодна з законам ад 23 красавіка 1920 г. [18, с. 531–534] уводзілі абмежаванні на продаж напоў з утрыманнем больш за 2,5 % алкаголю, а продаж моцных алкагольных напоў (больш за 45 % алкаголю) быў забаронены. З 1921 г. колькасць месцаў у рознічным гандлі ці ў продажы на разліў абмяжоўвалі да 1 на 2 500 жыхароў [18, с. 532; 19, арк. 97адв.]. З 1922 г. пры адміністрацыйных уладах I і II інстанцый ствараліся камісіі для барацьбы з алкагалізмам, якія вызначалі колькасць і размяшчэнне месцаў рознічнага гандлю (з улікам колькасці насельніцтва павета і інш.) [20, с. 870]. Так, па рашэнні такой камісіі ў Браслаўскім павеце Віленскага ваяводства ў 1923 г. была зменшана колькасць месцаў продажу алкагольных напоў з 26 да 17 [21, арк. 69]. У Пінскім павеце Палескага ваяводства камісія дала дазвол на адкрыццё 33 пунктаў продажу алкагольных напоў, з якіх 23 – магазіны. У 1928 і 1929 гг. у Брэсце дзейнічалі 13 магазінаў алкагольных напоў, у Пінску – 9, а статыстыка па паветах Палескага ваяводства была наступнай: у Брэсцкім павеце працавалі 23 такія магазіны, у Пінскім – 25, Драгічынскім – 18, Косаўскім – 12, Пружанскім – 16, Кобрынскім – 17, Камень-Кашырскім – 12, Сарненскім – 31, Столінскім – 27, Лунінецкім – 19 [22, арк. 3–10адв.; 23, арк. 55–58; 24, арк. 4–6]. У Кобрынскім павеце да 1932 г. колькасць месцаў рознічнага гандлю алкагольнымі напоўмі ўзрасла да 22 магазінаў і 9 рэстаранаў [25, арк. 4].

Да гандлёвых прадпрыемстваў адносіліся таксама сталовыя, рэстараны, кандытарскія, кавярні, малочныя, піўныя, вінныя бары, грамадскія кухні, буфеты, шынкі, карчмы, тракціры, заезныя двары, а таксама вулічныя кухні. Да іх таксама прад'яўляліся вызначаныя патрабаванні: памяшканні павінны былі складацца з двух пакояў – пакою для спажыўцоў і кухні. Гэтыя гандлёвыя ўстановы маглі знаходзіцца на адным або некалькіх паверхах з умовай, што кухня і памяшканне злучаны знутры. Чайныя маглі таксама размяшчацца ў прыватных дамах. Так, напрыклад, жыхарам мястэчкаў Ашмянскага павета – Перавоскаму (Крэва) і А. Аўселчыкаву (Жупраны) – быў дадзены дазвол на адкрыццё чайных у прыватных дамах [26, арк. 43адв.]. У мястэчку Даўгінава

размяшчаўся рэстаран, 4 піўныя, 7 чайных хат, у мястэчку Крывічы – 3 чайныя хаты, кавярня і рэстаран [12, арк. 7адв.–8].

У сталовых павінны былі быць заўсёды гарачыя стравы для спажывання на месцы. Кухні служылі толькі для падрыхтоўкі страў ці прадуктаў. Цэннікі з дакладным указаннем цэн усіх страў і прадуктаў абавязкова трэба было вывешваць на бачным месцы [7, арк. 16–16адв.].

Сярод гандляроў заўсёды існавала вялікая канкурэнцыя, якая яшчэ больш узмацнілася ў перыяд сусветнага эканамічнага крызісу 1929–1933 гг. Адсутнасць капіталу, нізкапрацэнтных крэдытаў, беспрацоўе спрыялі скарачэнню гандлю. Цэны на бракаваныя тавары і тавары нізкай якасці, прывезеныя самімі ўладальнікамі ў вазках, скрынях і торбах, былі разлічаны першапачаткова пераважна на бедных кліентаў. З цягам часу яны сталі ствараць значную канкурэнцыю стацыянарнаму гандлю. Аб'яднанні купцоў указвалі на тое, што вулічныя і вандроўныя купцы не выкуплялі патэнт, не аплачвалі падаткі і таму маглі прадаваць свой тавар танней, чым уладальнікі магазінаў. Усё гэта стварала несумленную канкурэнцыю і адбірала ў купцоў значную частку кліентаў. Такія гандляры таксама не неслі адказнасці за рэалізаваны імі тавар, пры выяўленні някаснага тавару іх немагчыма было прыцягнуць да адказнасці. У 1932 г. страты стацыянарным гандлярам наносілі г. зв. «харчовыя пасылкі», заказаныя па пошце за невялікую плату. Яшчэ адной праблемай былі жабракі, якія адпужвалі кліентаў магазінаў [16, с. 60–61].

У 1926 г. у Польшчы быў прыняты закон «Аб несумленнай канкурэнцыі. Абарона грамадзянскіх правоў прадпрымальнікаў», які рэгуляваў адносіны паміж прадпрымальнікамі. Прадпрымальнікам забаранялася прапаноўваць паслугі і тавары пакупнікам ад імя другога прадпрымальніка. У выпадку парушэння правоў другога прадпрымальніка першы павінен быў кампенсаваць маёмасныя прэтэнзіі [27, с. 1059]. За няправільнае пазначэнне паходжання прадуктаў гандлярам пагражаў штраф да 600 злотых або арышт да 3 дзён. Былі прадугледжаны і яшчэ больш жорсткія меры да парушальнікаў [27, с. 1060]. Паводле распараджэння Міністра ўнутраных спраў Польшчы ад 20 студзеня 1930 г. «Аб афарбоўцы харчовых тавараў» гандлярам забаранялася фарбаваць такія харчовыя тавары, як мяса, рыба, чай, кава, масла, мёд, мясныя і рыбныя вырабы і кансервы. Гарэлка, лікёры, каньяк, віно, ром, мёд для піцця маглі быць афарбаваны толькі карамеллю. Невыкананне палажэнняў дадзенага распараджэння прадугледжвала пакаранне ў выглядзе арышту да 3 гадоў і штрафу да 3000 злотых [16, с. 44].

Найбольш распаўсюджаным прыкладам несумленнай канкурэнцыі быў продаж «для запалу», калі купец выстаўляў тавар на бачным месцы ў выстаўным акне па цане, што была значна ніжэйшай ад яе рэальнай. Зацікаўлены кліент заходзіў у краму і купляў яго, а купец па магчымасці імкнуўся прадаць яму яшчэ які-небудзь тавар, цана якога была значна вышэйшай, чым у канкурэнтаў [16, с. 71].

Час продажу тавараў і адкрыццё магазінаў у буднія дні не павінен быў перавышаць 10 гадзін у суткі. Латкі з мясам, каўбасой і харчовыя крамы (акрамя крам, якія займаліся продажам алкагольных напояў) маглі быць адкрыты да 12 гадзін у суткі ў буднія дні, у суботу і святочныя дні – да 21 гадзіны (з 1 красавіка па 30 верасня) [28, с. 803–804; 29, арк. 2, 30; 31, арк. бадв.]. У будках і кіёсках, у якіх прадаваўся для спажывання толькі на месцы ліманад, мінеральная вада і халодныя напоі, кандытарскія вырабы і садавіна, продаж мог ажыццяўляцца ва ўсе дні тыдня ў перыяд з 1 красавіка па 30 верасня з 9 да 21 гадзіны [28, с. 803]. Згодна з распараджэннем міністра ўнутраных спраў Польшчы ад 9 снежня 1929 г., напярэдадні Каляд і на Вялікдзень магазіны, прадпрыемствы і месцы прафесійнага продажу маглі быць адкрыты звыш 18 гадзін. З 18 да 23 снежня, а таксама ў велікодны тыдзень дазвалялася падаўжэнне часу продажу на 2 гадзіны, аднак не даўжэй за 21 гадзіну [32, с. 1268; 33, арк. 5].

За парушэнне часу продажу і гадзін працы на гандляроў мог быць наложаны штраф да 2 000 злотых і арышт да 6 тыдняў або адно з гэтых пакаранняў. Калі гандляр не мог выплаціць штраф, пакаранне замянялася арыштам не больш за 4 тыдні [32, с. 1268].

Вялікае значэнне ў гандлі мела рэклама, г. зн. усё, што дапамагала ў продажы: не толькі аб'ява ў газеце ці добра аформленая выстава, але і ветлівасць прадаўца. Роля рэкламы складалася ў тым, каб звярнуць увагу на тавар ці магазін, а таксама выклікаць спрыяльнае ўражанне і перакананне, што набытым таварам пакупнік будзе цалкам задаволены. Міністэрства прамысловасці і гандлю Польшчы ўводзіла палажэнні, накіраваныя на рэгуляванне рэкламы, каб інфармацыя адпавядала рэчаіснасці. Распаўсюджваліся лозунгі «Рэклама – гэта мова тавараў», «Рэкламаваць – гэта значыць падахвочваць тавары “да гутаркі”, натхняць мёртвыя тавары жывой гаворкай». Рэклама павінна быць дарэчнай, мэтанакіраванай, граматычна праведзенай, з тэкстамі, складзенымі спецыялістамі, ілюстрацыямі добрых мастакоў [16, с. 72–73, 78]. Існаваў спецыяльны падатак на шыльды і вітрыны [34, арк. 15].

Магазінамі і лаўкамі валодалі пераважна яўрэі. У 1933 г. у Віленскім ваяводстве сярод гандляроў 36,5 % складалі хрысціяне і 61,9 % – яўрэі; у Беластоцкім – 40,1 і 58,2 % адпаведна; Навагрудскім – 34,8 і 63,9%; Палескім – 31,5 і 66,8 % [16, с. 32, 40]. Паміж купцамі-хрысціянамі і купцамі-яўрэямі нярэдкамі ўзнікалі канфлікты, пераважна эканамічнага характару. Акрамя таго, гандляру-яўрэю, які не мог атрымаць сродкі для існавання іншым шляхам, даводзілася праяўляць асабліваю вынаходлівасць і спрыт. Прапановай тавару нізкай якасці ён мог устанавіваць цэны, якія прыцягвалі бяднейшае насельніцтва. Менавіта такі гандаль (для бяднейшых пакупнікоў) пераважаў на заходне-беларускіх землях [35, с. 262]. Сітуацыя ў перыяд сусветнага эканамічнага крызісу яшчэ больш пагоршылася. Зменшыліся гандлёвыя абароты і абвастрылася змаганне за кліента. Барацьба паміж гандлярамі-хрысціянамі і гандлярамі-яўрэямі ў некаторых мясцовасцях прымала складаныя формы. Нарастаючая антыяўрэйская хваля дасягнула кульмінацыі ў лістападзе 1937 г., калі адбыўся Агульнапольскі кангрэс гандляроў-хрысціян. Адною з яго мэтай было паляпшэнне пазіцыі палякаў у гандлі. Заклікалі абмяжоўваць яўрэяў («Гандляр-паляк павінен пры набыцці тавара пазбягаць яўрэйскія крыніцы»), «Гандляр-паляк не павінен падтрымліваць таварыскіх адносін з яўрэямі»), выдаляць іх з гандлю («Гандляр-паляк павінен наймаць у персанал толькі палякаў»), байкатаваць тавары яўрэяў. Прад'яўляліся патрабаванні і да польскіх уладаў: «Урадавыя і камерцыйныя ўстановы, органы мясцовага самакіравання павінны былі падтрымліваць гандлёвыя адносіны толькі з гандлярамі-хрысціянамі» [16, с. 39].

У шэрагу мясцовасцей адзначаліся правакацыі – выбухі петардаў і іншых прадметаў каля магазінаў яўрэяў. У перадсвяточны перыяд каля іх дзяжурыла г. зв. «нацыянальная» баявая дружына, якая наладжвала бойкі з кліентамі, якія вырашаліся на пакупкі ў гэтых магазінах. Нярэдкамі было збіццё і рабаванне гандляроў-яўрэяў падчас гандлю, знішчэнне і разгром іх латкоў і г. д. Адным з яркіх прыкладаў такой напружанай сітуацыі стаў выпадак, які адбыўся 13 мая 1937 г. у Брэсце ў сувязі з забойствам паліцэйскага падчас канфлікту з яўрэямі, прадаўцамі мяса. З малога рынку беспарадкі перанесліся ў іншыя часткі горада, дзе граміліся вітрыны яўрэйскіх магазінаў. 14 мая 1937 г. польскія ўлады забаранілі ўезд у горад усім асобам, якія не пражывалі тут увесь час. Сітуацыю ўдалося ўрэгуляваць толькі да 20 мая. Матэрыяльны ўрон яўрэйскі бок ацаніў у 2 млн злотых, паводле дзяржаўных уладаў – 500 тыс. злотых. Яўрэйская прэса прадставіла падзеі 13 мая 1937 г. як добра прадуманую і арганізаваную спробу поўнага знішчэння яўрэйскага гандлю ў горадзе. Яна выказвала меркаванне, што Брэст павінен быў стаць знакам эфектыўнай расправы з «яўрэйствам» і паслужыць прыкладам для іншых гарадоў у Польшчы [36, с. 11–15].

Большасць магазінаў і лавак на тэрыторыі Заходняй Беларусі былі прымітыўнымі. Існавала вялікая колькасць малых крамаў (магазінчыкаў), размешчаных у памяшканнях без вокнаў. Аднак да магазінаў прад'яўляліся высокія санітарныя патрабаванні: памяшканні павінны былі быць светлымі, прасторнымі, сухімі і чыстымі; персанал павінен насіць белыя фартухі; харчовыя прадукты (масла, сыр, каўбасныя вырабы і тавары без упакоўкі) павінны размяшчацца ў шкляных вітрынах і быць абароненымі ад рук пакупнікоў [16, с. 43], кандытарскія вырабы – пад шклянымі вітрынамі ці пад каўпакамі на талерках, шкляных, парцелянавых ці металічных падстаўках [37, с. 335–338]. Асобныя патрабаванні былі да месцаў продажу хлеба і кандытарскіх вырабаў: знаходзіцца на адлегласці 3 м ад агульных каналізацыйных пунктаў і на 10 м ад кароўнікаў, хлявоў, сметнікаў і г. д.; сцены памяшканняў павінны быць пабелены і мець светлую двухмятровую пафарбаваную панэль; сталы для продажу, калі не мелі мармуровых або шкляных паверхняў, і паліцы павінны быць з несмалістага, гладкага дрэва, без шчылін і зазораў. Продаж мяса хатняй птушкі, паўфабрыкатаў, вырабленых з мяса, атрыманага рытуальным забоем, мог ажыццяўляцца толькі пры наяўнасці адпаведнай канцэсіі [38, арк. 44]. Былі ўстаноўлены адлегласці для размяшчэння месцаў продажу алкагольных напояў: не менш за 50 м ад будынкаў заводскіх майстэрняў (ад 50 да 100 рабочых), не менш за 100 м ад цэркваў, малітоўных дамоў, школ, судоў, турмаў, чыгуначных вакзалаў і станцый, прычалаў паравых судоў, казармаў і заводаў (100 і больш рабочых). У вёсках дадзена адлегласць складала 300 м.

Сельскія магазіны ў большасці сваёй былі маленькімі, складаліся з аднаго памяшкання і былі падобныя на дробныя лаўкі і нават прылаўкі. Яны не мелі наёмных работнікаў, як правіла, там працаваў толькі адзін чалавек, які з'яўляўся і прадаўцом, і ўладальнікам магазіна. Абароты дадзеных прадпрыемстваў былі малымі і маглі склацаць да 22 злотых штодня. Асноўную масу ўладальнікаў сельскіх магазінаў складалі яўрэі. У бедных вёсках, у якіх збожжа хапала толькі для таго, каб пракарміць сям'ю, таваразварот быў зусім нязначны.

Продаж алкагольных напояў быў строга забаронены асобам да 21 года, вучням школ, спажывацям у крэдыт, пад заклад якіх-небудзь прадметаў ці за адпрацоўку. Таксама забараняўся продаж і ўжыванне алкагольных напояў: у чыгуначных буфетах, на станцыях, у цягніках, на прыпынках паравых судоў і на саміх судах, казармах і ваенных лагерах, крамах і буфетах для вайскоўцаў, на тэрыторыі прамысловых і фабрычных збудаванняў, у памяшканнях і месцах для спартыўных і гімнастычных заняткаў, у сельскіх дамах культуры і памяшканнях пажарнай каманды, ва ўсіх населеных пунктах падчас ваенных збораў ці мабілізацыі, выбараў у заканадаўчыя ці мясцовыя органы ўлады, падчас правядзення асобных судоў і інш. Падчас масавага збору насельніцтва на гандаль, кірмашы, храмавыя святы, паломніцтвы, місіі і г. д. продаж алкагольных напояў праводзіўся толькі ў адпаведныя гадзіны [18, с. 532–533]. На парушальнікаў накладвалі вялікі штраф, які складаў 20 тыс. марак ці арышт да 1 месяца, пры паўторным парушэнні – штраф да 100 тыс. марак ці арышт да 3 месяцаў. У некаторых выпадках адзываліся канцэсіі на продаж алкагольных напояў, пры паўторным парушэнні пазбаўлялі канцэсіі.

Складаная эканамічная сітуацыя, якая панавала на тэрыторыі Заходняй Беларусі, у поўнай меры адбілася на ўзроўні дабрабыту і культуры яе спажывацоў. Пераважаў натуральны характар жыцця заходнебеларускага сялянства. Так, наяўнасць слаба развітай сеткі транспартнай камунікацыі, вялікая адлегласць заходнебеларускай вёскі ад галоўных прамысловых і гандлёвых цэнтраў, вялікая цана на некаторыя віды тавараў вымушала селяніна амаль усе тавары першай неабходнасці (прадметы хатняга ўжытку, посуд, адзежу, абутак, санкі, вазы, сельскагаспадарчы, рамесны інвентар і інш.) вырабляць сваімі сіламі. Асноўнымі харчовымі таварамі, напрыклад, жыхароў в. Чудзін Луні-

нецкага павета з'яўляліся хлеб, бульба, агуркі і капуста. Мясa, малако, а таксама цукар ужываліся ў невялікіх колькасцях. Нярэдкай з'явай на тэрыторыі Заходняй Беларусі быў менавы гандаль. Яйкі вельмі часта мяняліся ў крамах на соль, фарбу, запалкі і іншыя дробязі [16, с. 198]. На заходнебеларускіх землях у 20–30-я гг. XX ст. больш распаўсюджаным быў разносна-развазны і вулічны гандаль.

А. Хадолы і В. Ястжэмбоўскі адзначалі, што сярод гандлёвых кропак, якія абслугоўвалі большую частку насельніцтва, пераважалі прымітыўныя магазіны і яшчэ больш убогія лаўкі і будкі. Гэта было вынікам і знешняй праявай нізкага ўзроўню жыцця, асабліва сельскага насельніцтва. Нарэшце, дробныя магазіны востра адчувалі сталы нагляд паліцыі за цэнамі, мерамі і вагой. На падставе безумоўнага выканання распараджэнняў адбывалася праследаванне дробных гандляроў, найперш яўрэяў [39, с. 18–19].

Унутраны рынак заходнебеларускіх зямель быў перанасычаны таннымі таварамі нізкай якасці. Гандляры вельмі часта карысталіся нявызначанымі і нават нелегальнымі крыніцамі закупу (напрыклад, з кантрабанды) [40, с. 197]. Вядома, у вялікіх гарадах існавалі магазіны, якія прадавалі дарагія тавары высокай якасці ці асобнымі індывідуальнымі характарыстыкамі, прызначаныя для больш забяспечаных кліентаў.

Пакупная здольнасць насельніцтва была вельмі нізкай, а цэны высокімі. У Навагрудскім ваяводстве ў 1925 г., напрыклад, ялавічына каштавала 1 злоты за 1 кг, бараніна – 90 грошаў за 1 кг, свініна – 1,9 злотага, буракі – 12 грошаў, цыбуля – 24 грошы за 1 кг [41, арк. 17]. У 1925–1926 гг. уладальнікі маслабойняў і сыраварняў, купляючы ў сялян малако, плацілі 10–15 грошаў за літр, у той час калі 1 л малака ў горадзе каштаваў 35 грошаў, сала – 3,5 злотага, 1 кг цукру – 1,4 злотага, 1 кг мыла – 1,7 злотага, 1 кг солі – 35 грошаў [42, с. 359].

У перыяд сусветнага эканамічнага крызісу на тэрыторыі Заходняй Беларусі заробная плата была на 50–65 % ніжэй заробнай платы рабочых карэннай Польшчы. Сярэдні тыднёвы заробак рабочага Варшаўскага ваяводства складаў 42,06 злотага, а Віленскага – 27,67, Палескага – 21,87, Навагрудскага – 15,07 [30, с. 59]. Аднадзённая зарплата рабочых мужчын на фанерных фабрыках у Пінскім павеце Палескага ваяводства ў 1937 г. складала 1,2 злотага, жанчын – 60 грошаў, у той час як 1 кг сітняга хлеба каштаваў 34 грошы, 1 кг пшанічнай мукі – 53 грошы, алей – 3,4 злотага, 1 л газы – 35 грошай [42, с. 359]. У 1932 г. за 1 кг пшанічнай мукі ў Несвіжы плацілі 39 грошаў, Слоніме – 40, Лідзе – 38, Валожыне – 44 [43, арк. 9]. Цэны на малочныя прадукты ў некаторых павятовых гарадах у тым жа годзе прадстаўлены ў табліцы.

Табліца. – Цэны на малочныя прадукты ў 1932 г., злотыя

Павятовы горад	Малако (за 1 л)	Масла (за 1 кг)	Яйкі (за дзесятак)
Баранавічы	0,2	3,5	0,6–0,7
Ліда	0,2	3,15	0,6–0,7
Навагрудак	0,25	3,0	0,6
Нясвіж	0,15	2,5	0,55
Слонім	0,25	3,25	0,6–0,7
Стоўбцы	0,25	2,75	0,6
Шчучын	0,2	2,5–3,5	0,6
Валожын	0,2	2,0	0,5

Заўвага – Складзена па: [43, арк. 9].

Характэрнай асаблівасцю гандлю была пагоня за кожным грошам: нават невялікі заробак мог мець значэнне для ўтрымання шматлікай сям'і гандляра. Таму выкарыстоўваліся ўсе, нават несумленныя, магчымасці заробку. Адною з такіх магчымасцей было павышэнне цэн на тавары, што прызначаліся на продаж. Асабліва востра цэнавая палі-

тыка і спекуляцыя паўсталі ў перыяд сусветнага эканамічнага крызісу. Хутка раслі цэны на шэраг тавараў, а ў некаторых мясцовасцях адчуваўся недахоп многіх з іх. Рознічныя цэны на каву, чай, грэцкія і турэцкія рызкі, міндаль, перац і г. д. залежалі ад тэндэнцыі на замежным рынку. Спецыфічным таварам быў рыс, цэны на які ўвесь час раслі, таму гандляры былі слаба зацікаўлены ў яго продажы.

У кастрычніку 1936 г. быў выдадзены ўрадавы цыркуляр пра неабходнасць барацьбы з павышэннем цэн. Забаранялася павелічэнне цэн на прадметы першай неабходнасці без дазволу цэнтральных польскіх улад. Для гэтага была створана камісія па кантролі за цэнамі [4, с. 211–212]. Прозвішчы віноўных у спекуляцыі публікаваліся ў прэсе. На працягу некалькіх дзён вінаватых адпраўлялі ў лагер у Бярозе-Картузскай ці штрафавалі. Так, у 1938 г. за спекуляцыю ў Бярозе-Картузскім лагеры адбывалі пакаранне 40 чалавек. Многія гандляры лічылі, што дадзеныя мерапрыемствы мелі хутчэй палітычныя, чым эканамічныя мэты.

Моцная гандлёвая канкурэнцыя ў 1930-я гг., кантроль з боку польскіх улад за ўзроўнем гандлёвых паслуг абавязвалі гандляроў бесперапынна павышаць кваліфікацыю. За ўсялякія, нават дробязныя, адступленні ад дзеючых палажэнняў накладваўся высокі штраф ці арышт. Караліся такія гандлёвыя парушэнні, як, напрыклад, перавышэнне часу гандлю ці адсутнасць пломбаў на каўбасных вырабах. Гандляр прыцягваўся да адказнасці за адсутнасць цэннікаў на вырабах спіртавой ці тытунёвай манаполіі; адсутнасць акцызнай маркі на піве, правядзенне гандлю з неадпаведным прамысловым пасведчаннем і інш. У законе аб барацьбе з несумленнай канкурэнцыяй быў вызначаны таксама і шэраг парушэнняў з боку вандроўных і вулічных гандляроў.

Спаганне празмерных цэн купцамі расцэнывалася як ліхварства. Аднак адносілася яно да вызначаных тавараў, на якія цэны рэгуляваліся адміністрацыяй (напрыклад, соль, цукар, дрожджы). Цэны на ўсе астатнія тавары фарміраваліся самімі купцамі. Але гандляр мог быць прыцягнуты да адказнасці за адсутнасць прэйскуранта тавараў усеагульнага спажывання, адсутнасць цэн, адмову ад выдачы чэка пакупніку, адсутнасць накладных, усталяванне цэн вышэй ад выяўленых на тавары ці цэнніку [16, с. 49–50].

Існавалі г. зв. «каноны» гандлёвага майстэрства, якія ўтрымоўвалі правілы паводзін з кліентамі, а таксама тыя прафесійныя навыкі, якімі павінен валодаць гандляр. Недастаткова было мець якасны тавар у шырокім асартыменце, добры магазін і рэкламу. Неабходна было быць добрым прадаўцом, які павінен клапаціцца пра кожнага кліента. Ад прадаўцоў патрабаваліся адпаведныя асаблівасці характару і разумовыя здольнасці. Суадносныя патрабаванні таксама прад'яўляліся і да знешняга выгляду прадаўцоў, якія павінны былі ўвесь час быць у чыстай вопратцы. «Першым абавязкам добрага прадаўца з'яўляўся клопат пра свой знешні выгляд, пра сваё фізічнае і духоўнае здароўе... каб сваім выглядам не адпужваць пакупнікоў, а іх прыцягваць, утрымаць, пакінуць пра сябе з першай хвіліны добрае ўражанне» [16, с. 63–64].

Заклучэнне

1. Стацыянарны гандаль на тэрыторыі Заходняй Беларусі быў прадстаўлены лаўкамі, крамамі і магазінамі. Пераважную большасць складалі харчовыя магазіны (на тэрыторыі Віленскага ваяводства ў 1931 г. іх налічвалася 304). Да стацыянарнага гандлю адносіліся таксама сталовыя, рэстараны, кандытарскія, кавярні, малочныя, піўныя, вінныя бары, грамадскія кухні, буфеты, шынкі, карчмы, тракціры, заезныя двары, а таксама вулічныя кухні. Асобнае месца ў стацыянарным гандлі адводзілася магазінам па продажы алкагольных напояў, якія дзейнічалі ва ўмовах абмежавальных мер з боку польскіх улад.

2. Канцэнтрацыя капіталаў у буйным рознічным (крамным) гандлі была слабая. На заходнебеларускім рынку панаваў дробны прыватны гандаль, які дапаўняўся кааператыўным і канцэсійным. Буйны гандаль не атрымаў развіцця. Шырокае распаўсю-

джанне ў Заходняй Беларусі нестачыярнага гандлю (вулічнага і вандроўнага) абумоўлівалася спецыфікай рынку. Пашыранасць развазнага гандлю выклікалася «распыленасцю» паселішчаў, а на Палессі – і цяжкадасупнасцю да іх, адсутнасцю шляхоў зносін. Большасць магазінаў і лавак былі прымітыўнымі. Існавала вялікая колькасць малых крам (магазінчыкаў).

3. Польскія ўлады ўлады ажыццяўлялі кантроль за гандлем. У выпадку парушэнняў заканадаўства аб нядобрасумленнай канкурэнцыі ў сферы гандлі да парушальнікаў прымяняліся штрафныя санкцыі і нават турэмнае зняволенне. Да адміністрацыйнай адказнасці ў выглядзе штрафу ці арышту прыцягвалі за парушэнне палажэнняў закона і распараджэнняў аб продажы алкагольных напояў. Да гандлю прад'яўляліся неабходныя санітарныя патрабаванні.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Шепетюк, В. В. Участие еврейского населения в формировании и функционировании торговых отношений на территории Полесского воеводства (1921–1939 гг.) / В. В. Шепетюк // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. : у 2 ч. – Брэст, 1998. – Ч. 2. – С. 162–167.
2. Вайцешчык, Г. С. Мясцэчкі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Г. С. Вайцешчык. – Гродна, 2013. – 143 арк.
3. Chodorowski, J. Struktura wewnętrznego handlu towarowego w Polsce / J. Chodorowski. – Warszawa : Nakł. Izby Przemysłowo-Handlowej w Warszawie, 1938. – 151 s.
4. Szyszkowski, M. Handel domokrężny i uliczny / M. Szyszkowski. – Warszawa, 1937. – 43 s.
5. Bierzanek, R. Ludność żydowska na Ziemiach Wschodnich / R. Bierzanek // Rocznik Ziemi Wschodnich. – Warszawa, 1939. – S. 63–72.
6. Schiper, I. Dzieje handlu żydowskiego na ziemiach Polskich / I. Schiper. – Warszawa, 1937. – 792 s.
7. Lietuvos Centrinis Valstybinis Archyvas (LCVA). – F. 51. Ap. 4. B. 127.
8. LCVA. – F. 338. Ap. 3. B. 210.
9. Занальны дзяржаўны архіў у Маладзечна (ЗДАМ). – Ф. 10. Воп. 1. Спр. 372.
10. ЗДАМ. – Ф. 10. Воп. 1. Спр. 378.
11. ЗДАМ. – Ф. 10. Воп. 1. Спр. 393.
12. ЗДАМ. – Ф. 10. Воп. 1. Спр. 474.
13. ЗДАМ. – Ф. 437. Воп. 1. Спр. 1402.
14. ЗДАМ. – Ф. 436. Воп. 1. Спр. 339.
15. LCVA. – F. 51. Ap. 6. B. 383.
16. Korycki, G. Etyka kupiecka i handel prywatny w Drugiej Rzeczypospolitej / G. Korycki. – Warszawa, 1993. – 131 s.
17. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБр). – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 760.
18. Ustawa z dnia 23 kwietnia 1920 r. o ograniczeniach w sprzedaży napojów alkoholowych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – 1920. – № 37. – Poz. 210. – S. 531–534.
19. ЗДАМ. – Ф. 436. Воп. 1. Спр. 4.
20. Rozporządzenie wykonawcze Ministra Zdrowia Publicznego z dnia 2 czerwca 1922 r. w porozumieniu z Ministrem Spraw Wewnętrznych i Ministrem Skarbu do ustawy z dnia 23 kwietnia 1920 roku o ograniczeniach w sprzedaży i spożyciu napojów alkoholowych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – 1922. – № 51. – Poz. 462. – S. 870–871.
21. ЗДАМ. – Ф. 436. Воп. 1. Спр. 457.
22. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 679.

23. ДАБр. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 1596.
24. ДАБр. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 1597.
25. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 813.
26. ЗДАМ. – Ф. 4. Воп. 1. Спр. 139.
27. Ustawa z dnia 2 sierpnia 1926 r. o zwalczaniu nieuczciwej konkurencji. Ochrona cywilno-prawna praw przedsiębiorcy // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – 1926. – № 96. – Poz. 559. – S. 1059.
28. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 22 marca 1928 r. o godzinach handlu i godzinach otwarcia zakładów handlowych i niektórych przemysłowych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – 1928. – № 38. – Poz. 364. – S. 803–804.
29. LCVA. – F. 145. Ap. 1. B. 479.
30. Полуян, И. В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса. 1929–1933 гг. / И. В. Полуян. – Минск : Наука і тэхніка, 1991. – 207 с.
31. LCVA. – F. 51. Ap. 6. B. 276.
32. Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych z dnia 9 grudnia 1929 r. wydane w porozumieniu z Ministrem Pracy i Opieki Społecznej i Ministrem Przemysłu i Handlu o przedłużeniu godzin handlu przed wigilią Bożego Narodzenia i przed Wielką Sobotą // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – 1929. – № 85. – Poz. 633. – S. 1268.
33. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГр). – Ф. 57. Воп. 1. Спр. 95.
34. ДАБр. – Ф. 2005. Воп. 1. Спр. 667.
35. Landau, Z. Gospodarka Polski międzywojennej 1918–1939 / Z. Landau, J. Tomaszewski. – Warszawa : Książka i wiedza, 1967–1989. – T. II : Od Grabskiego do Pilsudskiego. Okres kryzysu koniunktury. 1924–1929. – 1971. – 359 s.
36. Śleszyński, W. Zajścia antyżydowskie w Brześciu nad Bugiem 13. V. 1937 / W. Śleszyński. – Białystok, 2004. – 139 s.
37. Rozporządzenie Ministra Opieki Społecznej z dnia 18 lutego 1937 r. wydane w porozumieniu z Ministrem przemysłu i handlu o dozorcze nad wyrobem i obiegiem mąki i wyrobów mącznych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej. – 1937. – № 25. – Poz. 171. – S. 335–338.
38. LCVA. – F. 55. Ap. 4. B. 425.
39. Hodoly, A. Handel wiejski w Polsce międzywojennej. Liczby i fakty / A. Hodoly, W. Jastrzębowski. – Warszawa : PWG, 1957. – 263 s.
40. Landau, Z. Gospodarka Polski międzywojennej 1918–1939 / Z. Landau, J. Tomaszewski. – Warszawa : Książka i wiedza, 1967–1989. – T. I : W dobie inflacji. 1918–1923. – 1967. – 399 s.
41. ДАГр. – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 2234.
42. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 613 с.
43. ДАГр. – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 2236.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.03.2020

Laureyanka L. V. Stationary Trade on the Territory of Western Belarus in 1921–1939

The article deals with the development of stationary trade and its role in the economic life of Western Belarus in 1921–1939. On the basis of various sources, the main commercial enterprises related to stationary trade are characterized. The requirements of the Polish authorities to the places of sale of goods and the time of trade in them are considered by the peculiarities of the trade in alcoholic beverages and the fight against unfair competition are characterized. It is noted that most of the shops and benches in Western Belarus were primitive. It is concluded that the state authorities closely monitored the activities of trade institutions.

УДК 94(438).07

А. С. Буйновский*магистр ист. наук, аспирант 3-го года обучения**каф. всеобщей и славянской истории**Гродненского государственного университета имени Янки Купалы**e-mail: sanya.buinyi@mail.ru***ВЛАДИСЛАВ КОНОПЧИНСКИЙ
И ЕГО ОЦЕНКА ПРИЧИН ПАДЕНИЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ**

Владислав Конопчински – выдающийся польский историк конца XIX – середины XX в., ведущий специалист в области истории польского государства, политической истории и генеалогии. Член Варшавского научного общества, Польской академии знаний, председатель Польского исторического общества, он стал инициатором и первым редактором Польского биографического словаря. Проанализированы важнейшие научные труды Владислава Конопчинского: «Liberum veto», «Przyczyny upadku Polski», «Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej», «Chronologia sejmów polskich 1493–1793», а также его оценка причин и предпосылок падения Речи Посполитой, процессы, оказавшие, по его мнению, наибольшее влияние на это историческое событие.

Введение

Актуальность темы связана с требованиями современного общества, исторической науки в наиболее полном осмыслении прошлого. Тема представляется актуальной по причине большого информационного потенциала. Цель статьи – продемонстрировать профессиональный путь развития Владислава Конопчинского как историка, выделить факторы, оказавшие влияние на его мировоззрение и его оценку причин падения Речи Посполитой.

Владислав Конопчинский писал о том, что развитие исторической науки прежде всего зависит «от следования научному методу в поисках истины, от углубления научной критики, открытия источников и исследования фактического материала» [1, с. 284]. Поэтому, несмотря на определенную ангажированность историка, обусловленную временем и местом, для нас представляют большой интерес его взгляды и отношение к истории Речи Посполитой.

Научные интересы Владислава Конопчинского включали историю Польши в XVII и XVIII вв., историю государства и польского права, историю европейского парламентаризма, редактирование и биографию. Он считается соавтором (вместе с Вацлавом Собеским) новой исторической краковской школы. Владислав Конопчинский провел много лет исследуя архивы (в Вене, Дрездене, Париже, Лондоне, Копенгагене, Берлине), собирая многочисленные материалы о политической истории Польши в середине XVIII в. Поэтому, прежде чем рассматривать его точку зрения на историю Речи Посполитой, уместно показать его путь к историческим исследованиям в целом.

Владислав Конопчинский родился 26 ноября 1880 г. в Варшаве. Раннее детство будущий историк провел в Лодзи и Радоме. Вместе с братом Зигмунтом он посещал реальную школу Войцеха Гурского в Варшаве. Учась в Варшавской 4-й средней школе (1891–1899), стал лучшим учеником. В школе Владислав подружился с Юлиушем Ковальчиком, Вацлавом Врублевским, Тадеушем Корниловичем и Яцеком Воронецким.

Научный руководитель – Т. Т. Кручковский, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и славянской истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Уже в младших классах средней школы, с 1896 г., Конопчинский начал писать первые исторические статьи, которые были опубликованы в циркулярной газете. Среднюю школу закончил с серебряной медалью [2, с. 101].

Дядя Владислава Конопчинского Эмилиан Конопчинский (1839–1911) – варшавский педагог, основатель мужской средней школы – познакомил его с работами по древней истории, чем пробудил у своего племянника страсть к гуманитарным наукам. Будущий исследователь проявил особый интерес к греко-римским войнам. Однако после изучения античности интерес молодого исследователя переключился на средневековье [2, с. 102].

Владислав Конопчинский свободно говорил на 14 языках: английском, немецком, итальянском, французском, русском, шведском, датском, чешском, украинском, сербохорватском, норвежском, голландском, латинском и греческом [2, с. 103].

Сильнейшее влияние на молодого Владислава оказал историк Тадеуш Корзон, которого он встретил благодаря своему деду Эразму Обромпальскому. Под руководством Тадеуша Корзона Конопчинский познакомился с работами по истории Польши Михала Бобжинского, Анатоля Левицкого, Юзефа Шуйского и Леона Рогальского. Однако, как он упоминал позже, его больше интересовала всеобщая история, и на скамейках в средней школе он читал учебники по всемирной истории Фридриха Кристофа Шлоссера и Тадеуша Корзона [3, с. 41].

В возрасте 16 лет Владислав один отправился к Тадеушу Корзону и предстал перед историком как молодой коллега, стремящийся опровергнуть тезисы Михала Бобжинского о падении Речи Посполитой. Т. Корзон очень серьезно относился к молодому человеку. Он научил его толковать источники, критически подходить к субъективному дневниковому материалу, проследил с ним историю историографии Польши, показал документы со времени шведского нашествия, познакомил со вспомогательными науками истории, дал ему основные методические указания [3, с. 42].

По настоянию родителей и друга Кароля Лютостаньского Владислав Конопчинский начал изучать право в Варшавском императорском университете. Решение также было вызвано материальными причинами, потому что, будучи выпускником-историком, он не мог рассчитывать на хорошо оплачиваемую работу. Степень кандидата юридических и политических наук Владислав Конопчинский получил на основе работы «Przyczynki do kwestyi powstania liberi veto» [3, с. 47].

Во время учебы Конопчинский познакомился с русскими профессорами, преподававшими различные университетские дисциплины. У Владислава сложилось о них не лучшее мнение, он обвинял большинство из них в лени, узких горизонтах и предвзятости. Несмотря на эти обвинения, он не пренебрегал никакими лекциями, дополняя их обширными заметками на русском языке. Профессора Теодор Зигл, Александр Блок и Горбунов оказали определенное влияние на будущего историка [3, с. 50].

При изучении права он не переставал заниматься историей, в результате этого в 1905 г. вышла его первая научная историческая монография «Geneza liberum veto», опубликованная в журнале «Przegląd Historyczny» [4].

В августе 1903 г. по инициативе Тадеуша Корзона Конопчинский встретился с основателем Львовской исторической школы Шимоном Аскенази, дальнейшее сотрудничество с которым также сильно повлияло на взгляды Владислава Конопчинского [4].

В 1903–1904 гг. Владислав Конопчинский проходил воинскую службу. После начала русско-японской войны из-за болезни не попал на фронт. Еще находясь в военном госпитале, Владислав посвятил себя изучению «Четырехлетнего сейма» Валериана Калинки, а затем работал над монографией «Polska w dobie wojny siedmioletniej».

25 июня 1906 г. он стал учителем истории в варшавской гимназии своего дяди Эмилиана Конопчинского, где проработал год. В марте 1907 г. Владислав Конопчин-

ский стал членом Львовского исторического общества и Варшавского общества любителей истории. В то же время он хотел, чтобы подобная организация историков была создана в Кракове. В 1908 г. он стал реальным членом, а в 1929 г. активным членом Варшавского научного общества, а в 1925–1926 гг. он был членом правления общества.

В 1922 г. Владислав Конопчинский стал членом-корреспондентом, в 1933 г. действительным членом Польской академии наук и искусств. Он был секретарем (1917–1921), затем председателем (1945–1949) Исторической комиссии Польской академии знаний (Polska Akademia Umiejętności – ПАУ), в 1931–1949 гг. возглавлял Редакционный комитет Польского биографического словаря, изданного ПАУ. Он также был членом Исторического общества во Львове, Польского исторического общества (в 1946–1952 гг. – председатель Краковского отделения, в 1947 г. – президент Главного совета), Научного общества в Торуні, Ассоциации польской разведки, Шведской академии наук, Научного общества Лунда, Королевского общества публикации источников по истории Скандинавии в Стокгольме, Польского общества судоходства [4].

С 1911 г. в качестве частного лектора он был связан с Ягеллонским университетом. В том же году опубликовал книгу «Мрок і świt», посвященную саксонским временам, а в 1915 г. – мемуары Станислава Августа Понятовского [5, с. 442].

В начале Первой мировой войны ученый был в отпуске в Сопоте, откуда был выслан в качестве царского подданного в Швецию. Он провел за границей около полутора лет, изредка отправляясь в Копенгаген и Стокгольм, где проводил архивные исследования для подготовленных судебных процессов в Польше и Швеции 1660–1795 гг. В 1915 г. он и Кароль Лютостанский написали работу «Краткая история Польши», опубликованную в 1919 г. в Женеве [6, с. 237].

В 1917 г. Владислав Конопчинский был назначен доцентом и заведующим кафедрой современной и новейшей польской истории, а в 1921 г. стал полноправным профессором [6, с. 238]. Также Владислав Конопчинский был экспертом польской делегации на мирной конференции в Париже в 1919 г., посвященной историческим и правовым вопросам урегулирования после Первой мировой войны [6, с. 239].

Во время советско-польской войны он добровольно вступил в армию и с 10 июля по 8 октября 1920 г. был инструктором по артиллерии в Краковском гарнизоне милиции. В 1922–1927 гг. Владислав Конопчинский был депутатом от имени Народного национального союза. Будучи депутатом, критиковал политику Юзефа Пилсудского, а также потребовал признания роли Романа Дмовского в польской истории. Был награжден крестом шведского ордена Полярной звезды и крестом Французского почетного легиона [6, с. 240].

В 1921 г. он представил проект для публикации польского биографического словаря. Через десять лет идея была реализована, и Владислав Конопчинский стал первым главным редактором издательства (1931), опубликовав четыре тома словаря до начала войны, после окончания войны словарь был возобновлен, и появились еще два тома (под редакцией Владислава Конопчинского) [6, с. 253].

В 1939 г. Владислав Конопчинский стал деканом философского факультета, оставаясь им формально на протяжении всей войны. Он был среди сотрудников Ягеллонского университета, задержанных в ходе немецкой операции «Sonderaktion Krakau», а позже был заключен в тюрьму в Кракове, Вроцлаве и концентрационном лагере Заксенхаузен, где он организовывал лекции и научные дискуссии. После освобождения в феврале 1940 г. он принимал участие в тайном обучении, преподавая современную историю в секретном Ягеллонском университете [6, с. 247].

После вступления Красной Армии в Краков 20 января 1945 г. Ягеллонский университет снова открылся и Владислав Конопчинский вернулся к работе. В этот период

особое внимание в исторических исследованиях уделяли истории межвоенной Польши и методологии истории [6, с. 249].

15 февраля 1945 г. Владислав Конопчинский был избран председателем Исторической комиссии Польской академии наук и искусств. На этом посту он считал наиболее важным: 1) систематический сбор источников в копиях с целью создания новых основ историографии вместо тех, которые были уничтожены во время Второй мировой войны; 2) сохранение останков (следов) поврежденных источников, оставшихся в руках исследователей или их потомков; 3) сбор документов активистов последнего периода; 4) установление минимального, но рационального плана издательств, поделенных на срочные и случайные путем опроса и рецензирования; 5) создание исторического семинара в Кракове, где ученые могли бы использовать коллекции рукописей Комиссии и удобную библиотеку по истории Польши, снабженную 10 томами источников и исследований, который послужил бы семинаром для авторов польского биографического словаря [6, с. 249].

Под председательством Владислава Конопчинского комиссия провела 27 заседаний, а за весь межвоенный период – только 25. Председатель искал средства, помещения, способы ускорения печатного издания и доступ к советским архивам. Эти действия, однако, имели ограниченные результаты из-за нежелания новых властей. Председатель также организовал конференцию научных обществ и учреждений по улучшению исторических исследований [6, с. 250].

В 1948 г., обвиненный коммунистическими властями в публикациях, «обремененных шовинизмом» и проникнутых «расистской яростью», он был вынужден уволиться с работы. Весной 1949 г. министр образования Станислав Сکشешевский заставил Конопчинского уйти в отставку с поста председателя Исторической комиссии Польской академии наук и искусств из-за угрозы потери субсидии на деятельность Комиссии. Прощальный отчет с кратким изложением его работы на этом посту датирован 24 июня 1949 г. [6, с. 255].

Последние годы своей жизни Владислав Конопчинский провел в усадьбе в Млиннике, где и умер 12 июля 1952 г. от сердечной недостаточности.

Среди учеников Конопчинского были будущие ведущие ученые и редакторы польского биографического словаря – Казимир Лепшы и Эмануэль Ростворовский, Александр Цоделло, Владислав Чаплинский, Ян Дихм, Юзеф Фельдман, Юзеф Геровский, Лех Гайдукевич, Ядвига Красицка, Зигмунт Лорентз, Тадеуш Мачинский, Ян Пахонски, Пшемислав Смолярек, Ян Шварц, Стефан Трухим и многие другие [6, с. 438].

В концепции Владислава Конопчинского центральное место принадлежало личностям и психологическим мотивам их деятельности. Личности же, согласно воззрениям выдающегося польского историка, в совокупности составляли социальные группы, слои и, наконец, общество в целом. Общественное развитие, в свою очередь, определялось социальной и общественной психологией. На первый план он выдвигал польскую нацию, идентифицируемую им со шляхтой, абсолютизировал шляхетскую демократию, видел в ней краеугольный камень национальной истории. Упадок шляхты Владислав Конопчинский ассоциировал с развалом польской государственности [6, с. 481].

Говоря о причинах разделов Речи Посполитой, историк отмечал, что они коренились не только в слабости польского государства. Проекты разделов, по его словам, имели место еще во времена Ягеллонов, главную причину он видел в «перевороте в международных отношениях, когда на место равновесия между народами пришло равновесие между союзами, усиление Пруссии и России требовало изменения карты Европы, что было возможно только в условиях абсолютизма и рационализма». В целом Владислав Конопчинский отводил огромную роль влиянию международных отношений на падение Речи Посполитой и был одним из первых, кто начал активно изучать данное

направление, опубликовав такие работы, как «Polska a Szwecja», «Polska a Turcja», «Anglia a Polska w XVIII wieku», в которых раскрывал влияние международной политики на разделы Речи Посполитой [7, с. 96].

Также большую роль Владислав Конопчински отводил отдельным личностям в истории, оказавшим влияние на разделы Речи Посполитой. К примеру, в работе «Fryderyk Wielki a Polska» или в опубликованных им мемуарах Станислава Августа Понятовского автор демонстрирует влияние важнейших политиков того времени на процесс упадка государства. О последнем короле Речи Посполитой его мнение весьма неоднозначно, поскольку, как указал Владислав Конопчинский несмотря на пассивность короля в непосредственной обороне Речи Посполитой, он вел активную культурно-просветительскую деятельность, имевшую далеко идущие последствия для сохранения польской ментальности. Своими исследованиями Владислав Конопчинский задал новое направление для изучения причин упадка Речи Посполитой [8, с. 69].

В своем труде «Liberum veto» историк подробно отмечал все недостатки поздней эпохи Речи Посполитой, что было связано с произволом шляхты, вызванным «золотыми вольностями» («либерум вето», конфедерации, местные сеймики и др.), которые подрывали основы государственности Речи Посполитой, религиозная и национальная политика, сочетание национального и религиозного угнетения с феодальным. Это вызывало крестьянские выступления и подрывало силу государства, вело к борьбе между магнатами за власть в стране. Обращение разных группировок с просьбами о помощи к соседним странам, создание конфедераций, падение нравов шляхетского сословия, неспособность власти консолидировать государство, а также постоянные войны – все это ослабляло Речь Посполитую. Однако историк все же считал шляхетскую демократию лучшим государственным устройством и важнейшей частью польской истории [9, с. 395].

Владислав Конопчинский всегда достаточно резко высказывался по отношению к России, например, он считал, что сторонники Барской конфедерации сильно пострадали от действий российских властей. Владислав Конопчинский одобрял патриотические призывы конфедерации прекратить военную интервенцию царской России и освободить Речь Посполитую из-под ее «опеки», восстановить независимость страны. Историк утверждал, что Барская конфедерация была использована сильными соседними государствами как предлог для открытой аннексии территории Речи Посполитой [10].

Заключение

Чтобы стать профессиональным историком, Владислав Конопчинский прошел трудный путь. Его талант, жажда познания, поиск и открытие новых источников, общение с современниками и тяжелый жизненный путь сформировали его мировоззрение и отношение к истории. Его оценка причин падения Речи Посполитой, хоть и не была революционно новой, заставила ученых рассматривать эту проблему с разных сторон.

Вопрос о причинах падения Речи Посполитой актуален и занимает в наши дни важное место в исторической науке Польши.

Классически в польской историографии сложились два лагеря историков, по-разному трактующих причины упадка Речи Посполитой. Краеугольным камнем утверждений сторонников первого лагеря, к которым принадлежит и Владислав Конопчинский, являются внешние обстоятельства, в которых оказалась страна. Приверженцы другой точки зрения считают главными причинами крушения государства внутренние проблемы. Приверженцы разных точек зрения достаточно подробно аргументируют свои выводы. На наш взгляд, более аргументированным является комплексный подход к объяснению развала Речи Посполитой, учитывающий как внутренние, так и внешние причины и обстоятельства, не скрывающий и не умалчивающий «неудобные» факты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М. : Наука, 2003. – 486 с.
2. Kipa, E. Władysław Konopczyński (1880–1952) / E. Kipa // Roczn. T-wa Nauk. Warszawskiego. – 1952. – S. 101–103.
3. Biliński, P. Władysław Konopczyński w kręgu naukowym i rodzinnym / P. Biliński // Władysław Konopczyński 1880–1952: Materiały z posiedzenia naukowego PAU w dniu 21 czerwca 2002 r. / pod red. J. A. Gierowskiego. – Kraków, 2005. – 85 s.
4. Władysław Konopczyński [Zasób elektroniczny]. – Tryb dostępu: https://howling-pixel.com/ien/W%C5%82adys%C5%82aw_Konopczy%C5%84ski. – Data dostępu: 19.10.2017.
5. Konopczyński, W. Mrok i świt / W. Konopczyński. – Warszawa : Gebethner i Wolff, 1911. – 442 s.
6. Biliński, P. Władysław Konopczyński: historyk i polityk II Rzeczypospolitej (1880–1952) / P. Biliński. – Warszawa, 1999. – 642 s.
7. Konopczyński, W. Przyczyny upadku Polski / W. Konopczyński. – Kraków : Gebethner i Wolff, 1918. – 169 s.
8. Czapliński, W. Władysław Konopczyński jako historyk XVII i XVIII wieku / W. Czapliński // Studia Histor. – 1979. – R. 22, z. 1. – S. 67–70.
9. Konopczyński, W. Liberum veto studium porównawczo-historyczne / W. Konopczyński. – Kraków ; Warszawa, 1918. – 468 s.
10. Konopczyński, Wł. Konfederacja barska : w 2 t. [Zasób elektroniczny] / W. Konopczyński. – Warszawa, 1991. – T. 2. – Tryb dostępu: <http://www.zysk.com.pl/nowosci%2C-zapowiedzi/konfederacja-barska-tom-2-wladyslaw-konopczyński>. – Data dostępu: 19.12.2016.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.09.2019

Buinovski A. S. Vladislav Konopczynski and his Assessment of the Reasons for the Fall of the Polish-Lithuanian Commonwealth

This article is about the outstanding Polish historian of the late XIX – mid XX century – Professor Vladislav Konopchinsky, about his formation as a professional historian, who was a leading expert in the field of the history of the Polish state, political history and genealogy. Vladislav Konopchinsky, a member of the Warsaw scientific society, the Polish Academy of knowledge, and the Chairman of the Polish historical society, was the initiator and first editor of the Polish biographical dictionary. The article tells about the most important scientific works of Vladislav Konopchinsky: «Liberum veto», «Przyczyny upadku Polski», «Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej», «Chronologia sejmów polskich 1493–1793», as well as about his assessment of the causes and prerequisites for the fall of the Polish-Lithuanian Commonwealth, about the processes that, in his opinion, had the greatest impact on this historical event.

УДК 930(569.4=927)

Д. Л. Шевелев

канд. ист. наук, доц., доц. каф. международных отношений
Белорусского государственного университета
e-mail: shavialiou@bsu.by

«ИСТОРИОПИСАНИЕ СНИЗУ»: ПАЛЕСТИНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ И ДОКТРИНА «НАРОДНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ»

Изложена концепция «историописания снизу», которая недавно возникла в палестинской историографии. В центре внимания концепции – история обычных людей, в частности описание страдания и сопротивления этих людей. Палестинские авторы, придерживающиеся данного направления, считают, что сопротивление было неотъемлемым элементом палестинской культуры. Концепция была предложена американским автором палестинского происхождения Рамзи Мухаммадом Барудом. Автор статьи приходит к выводу, что «историописание снизу» как отдельное направление в палестинской историографии сформировалось в начале 2010-х гг. Такая концепция стала одной из мер, предложенных палестинской диаспорой с целью обретения доминирующих позиций в Палестинском движении сопротивления. «Народное историописание» направлено на консолидацию палестинского общества в условиях кризиса, начавшегося в 2000-х гг.

Введение

«История снизу», «народная история», «история масс» – течение в исторической мысли, предлагавшее сосредоточиться на истории масс, бедных и угнетенных. Изначально «народная история» тесно связана с марксизмом, а в настоящее время – с постколониальной теорией. «Народное историописание» как течение в палестинской историографии оформилось в начале 2010-х гг. По такой модели строится повествование у многих нынешних палестинских историков. Интересно, что такой исторический нарратив стал основой «народного сопротивления» – модели действия Палестинского движения сопротивления (ПДС), сформулированной, предположительно, тогда же, в начале 2010-х гг., и призванной стать альтернативой бездействию Палестинской национальной администрации (ПНА) в условиях долговременного кризиса на палестинских территориях. Таким образом, исторический нарратив выступает в двух ипостасях: с одной стороны, это определенный способ интерпретации исторических фактов, с другой – политически ориентированная доктрина, используемая для консолидации общества. Теория «историописания снизу» в палестинской перспективе сформулирована историком и политическим активистом Рамзи Мухаммадом Барудом. Ниже будет предпринята попытка кратко описать историографическую тенденцию, сложившуюся в настоящее время у части палестинских авторов.

Внутренняя ситуация на палестинских территориях в 2000–2010-х гг.

Имеет смысл вначале остановиться на внутренней ситуации, господствующей на палестинских территориях. Кризис власти там сопровождается внутренним кризисом ПДС. Первый связан с крахом мирного процесса 1990-х гг., высокой степенью коррупции в ООП, а также неспособностью ПНА решать проблемы экономического и социального характера на подконтрольных ей территориях. Хотя, казалось, крах мирных договоренностей мог и должен был способствовать росту влияния и консолидации ПДС, но с начала 2000-х гг. и оно оказалось в затяжном кризисе, который, в свою очередь, был связан с упадком ООП после обретения власти на Западном берегу и в Газе, отсутствием видных лидеров, а также продолжающимся с 2006 г. конфликтом между двумя основными палестинскими фракциями – ФАТХ и ХАМАС.

Усугубили кризисную ситуацию в ПНА и внутри ПДС внешние факторы – ужесточение американской политики в регионе. Администрация Д. Трампа предпочитает действовать на Ближнем Востоке исходя из утилитарных соображений: Трамп в декабре 2017 г. признал Иерусалим столицей Израиля и заявил о переносе туда посольства США; были сокращены прямая помощь самой ПНА, а также финансирование Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР).

Однако в 2017–2018 гг., похоже, ПДС начало выходить из кризиса. Об этом свидетельствуют несколько факторов. Во-первых, население палестинских территорий обладает повышенной протестной активностью, причины которой – постоянный кризис власти и внутripалестинский политический конфликт, а также катастрофическая социально-экономическая ситуация в Газе. Во-вторых, в настоящий момент, по-видимому, оформляется новая сила, способная консолидировать палестинское сопротивление. По социальному составу эта сила связана с палестинской диаспорой и интеллигенцией, получившей образование за рубежом и вернувшейся на родину. В феврале 2017 г. было учреждено Народное собрание палестинцев за границей (НСПГ), которое можно считать представительным органом диаспоры, претендующим на место в рядах ПДС. Интеллигенция укореняет новые теории «народной борьбы», в частности теорию «ненасильственного сопротивления» [1], и, похоже, обладает широкой политической программой [2], которая в обозримом будущем сможет заменить устаревшие формы и методы борьбы, используемые и националистами (ООП), и исламистами (ХАМАС, «Исламский джихад»). Доказательством намерений палестинской диаспоры может служить серия появившихся на «Аль-Джазире» в первой половине 2018 г. материалов двух палестинских публицистов – Рамзи Баруда и Джалаля Абу Хатера. Именно эти публикации позволили сделать вывод о предстоящих изменениях в расстановке сил в ПДС.

Рамзи Баруд и «историописание снизу»

Среди активистов диаспоры, в частности, в историографии, выделяется фигура американца палестинского происхождения Рамзи Баруда. Именно он предложил рассматривать историописание как способ выхода из общественного кризиса в Палестине: по его мнению, необходимо сосредоточиться на представлении миру «ясной» истории палестинского народа – «жертвы угнетения и авангарда сопротивления».

Р. Баруд противопоставляет три исторические концепции. С одной стороны находятся две концепции – старая элитарная «теория Великого человека», т. е. такое описание исторических событий, в центре которого находится личность, герой, вершащий историю и претендующий на то, чтобы представлять весь народ, и теория политических групп, применимая к палестинским реалиям, т. е. рассмотрение палестинской политики с точки зрения борьбы интересов различных политических сил [3, р. 24–25]. Этим двум концепциям противостоит «история снизу». Причем для западных палестинских интеллектуалов элитарная концепция личности является большим злом, нежели теории групп интересов: Р. Баруд в диссертации, которая посвящена теории «истории снизу», концепцию групповой политики не критикует вообще.

Палестинский историк объявляет о «смерти» «концепции личности»: она стала бессмысленной после мирных соглашений начала 1990-х гг. Тот исторический нарратив, по мнению Р. Баруда, не придавал никакого значения страданиям и героизму палестинцев, но возвеличивал творцов мирного процесса, которого в настоящий момент не существует. При этом ответственность за распространение «старого» нарратива Р. Баруд возлагает на США, которые стремились доминировать на Ближнем Востоке, и сионистов, «зачищавших» Палестину от «кочующего народа без земли и наследия [этого народа]». По его мнению, история Палестины – это не история враждующих фракций, хотя вражда, безусловно, присутствует. Это «всего лишь побочный продукт бурной и многогранной

истории колониализма и сопротивления, внешнеполитических и идеологических влияний и жестокой конкуренции различных социальных движений». Историк предлагает сосредоточиться на описании сопротивления палестинцев, поскольку их «сопротивление во всех формах создавало чувство коллективного единства, несмотря на многочисленные различия». Сопротивление, по его мнению, лишило «угнетателей возможности обессилить палестинцев или низвести их до уровня беспомощных жертв и несчастных беженцев». Р. Баруд видит цель палестинского историописания в формировании коллективной памяти, которая должна отвечать на вопросы: что значит быть палестинцем, что определяет палестинский народ (нацию), за что так долго сражаются палестинцы [4]?

Новое историописание настаивает на том, что, хотя герои и элиты могли творить некоторые события, это было всего лишь частью широких народных движений и их результатом. Таким движением и было «народное сопротивление» палестинцев, историю которого имеют право рассказывать исключительно палестинцы. Именно на этом тезисе настаивает Р. Баруд. «Это не скрытое этноцентристское чувство», – подчеркивает палестинский интеллектуал, – но «подтверждение того, что факты изменяются в процессе интерпретации», а в данном случае важна именно палестинская интерпретация событий, фактов, явлений. И такая концепция возвеличивания палестинских страданий и героизма должна объединить всю палестинскую нацию: феллахов, беженцев и представителей диаспоры [4]. В этом политическая цель новой историографической модели. Как можно предположить из текста диссертации Р. Баруда, у «историописания снизу» есть и политические задачи: во-первых, это объяснение современной ситуации на палестинских территориях и, во-вторых, отражение качеств, присущих палестинскому народу, – «народного сопротивления», коллективной памяти и стойкости [3, р. 2–3]. Таким образом, «нарратив коллективного сопротивления», написанный самим народом, противостоит остальным моделям и, по сути, выполняет идеологическую функцию объединения нации.

Сам Р. Баруд пишет в стиле «народного историописания», откровенно заявляя об этом. Из трех его сочинений, которые палестинский автор представлял на докторате в качестве подтверждения историографической теории [5–7], книгу 2010 г. «Мой отец был борцом за свободу» он называл «кульминацией авторского опыта», совмещающего устную историю и личный нарратив [3, с. 8]. Это воспоминания автора об отце: его судьба вписывается в исторические события в Палестине и вокруг нее, а память об уничтоженной в 1948 г. деревне Бейт-Дарас становится частью истории семьи.

В Бейт-Дарасе клан Барудов некогда был одним из пяти самых крупных. Деревню нельзя было назвать бедной. В 1939 г. в Бейт-Дарасе насчитывался 401 дом, две мечети, школа, которую посещали 234 ученика; в школе было 5 учителей, троим платила зарплату деревня. К 1945 г. поселение располагалось на 16 357 дунамах земли (более 1 500 га), на 88 дунамах (почти 9 га) проживало 2 750 жителей, остальная часть земли находилась в коллективном или индивидуальном владении [7, с. 6].

Но книга об отце – сочинение скорее психоаналитического содержания, это исповедь сына. Примечателен зачин повествования о семье: «Его звали Мухаммад Баруд, и он был хороший мужик» [7, с. xv]. Книга интересна не воспроизведением свидетельств каких-либо событий, скажем, разрушения Бейт-Дараса, и даже не внутренними переживаниями сына (отец ведет себя как отец и мужчина, а сын – как сын), но повествованием о жизни на палестинских территориях, в частности в Газе.

Некоторое знакомство с литературой «народного историописания» позволяет сформулировать тезисы, которые пытаются донести до широкой публики палестинские историки, работающие в этом жанре. По их мнению, основа коллективной памяти палестинцев – эпоха Катастрофы (ан-Накба) – уничтожение сионистами арабских поселений и исход из Палестины. Колонизаторы (англичане и сионисты) нарушили естественный ход событий, уничтожили мирное сосуществование арабов и евреев в Палес-

тине. По мнению палестинских историков, война 1948 г. вообще не являлась войной, поскольку велась вооруженными сионистами против мирного арабского населения.

Палестинцы являются приверженцами ненасильственного сопротивления, которое имеет давнюю историю. Так, Р. Баруд называет важным этапом такого сопротивления 1936 г., когда всеобщая забастовка переросла в восстание. А апогеем ненасильственного сопротивления стала интифада 1987 г. [8]. Сопротивление стало основой консолидации палестинцев. Пробуждение национальных чувств палестинцев можно отнести к 1930-м гг. Оно объединяло народ и все политические силы¹. Более того, сопротивление стало основой палестинской культуры, в частности культуры Газы.

Колонизаторы (англичане и сионисты) были не способны понять палестинцев, поскольку обладали «узким ориенталистским» мировосприятием. Мандат на Палестину, врученный британцам, изначально являлся «британско-сионистским колонизаторским предприятием», цель которого – вручить Палестину сионистам. «Этническим чисткам» в Палестине открыла дорогу декларация Бальфура 1917 г.

Идиллию, существовавшую между британцами и сионистами, разрушила Белая книга 1939 г., ограничившая еврейскую иммиграцию в Палестину. Сионисты расценили этот акт как предательство и начали готовить захват всей Палестины. План завоевания Палестины был сформулирован Д. Бен-Гурионом в 1942 г. на Билтморской конференции. Вехами к овладению Палестиной были и британские предложения по ее разделу в 1937 г., и резолюция 181 Генеральной Ассамблеи ООН, и План «Далет»².

«Предательство» – та категория палестинской историографии, которая встречается довольно часто. Палестинцев предавали все: например, евреи, которые впустили сионистов и участвовали в уничтожении арабских деревень, или остальные арабы, которые не стали защищать палестинцев, а шли на сговор с сионистами. Ближе к предательству подходит категория «вины». Вина за страдания палестинцев возлагается и на британцев, которые всегда помогали сионистам и не выполнили обязательств по Мандату, поскольку не предоставили Палестине независимости, и на соседние арабские государства, которые предпочитали договариваться с Израилем, и на США и СССР, способствовавших поражению арабов в войне 1967 г., и на ООП, которая пошла на мирные договоренности с Израилем.

Несколько замечаний по поводу методологии описываемого историографического направления. Имеет смысл повторить, что Р. Баруд не является изобретателем «историографии снизу», он лишь применил ее к палестинским реалиям и сформулировал ее политическое значение. Р. Баруд декларирует, что «народная история» объясняет события через «документы и опыт обычных людей» [3, с. 8–9]. Сторонники «историописания снизу» широко используют «устную историю», документируя свидетельства участников событий. Однако никто не может поручиться, что респондент правильно воспроизводит события и передает исключительно то, что пережил сам или знает наверняка. А если он не помнит, но, придавая себе значимость, преувеличивает либо свои

¹ Интересно, что в этом утверждении палестинская историография, в общем, права. Советские авторы важнейшую роль в консолидации палестинцев и становлении их как нации отводили именно сопротивлению [9, с. 36–39], хотя и недооценивая характер клановой структуры палестинского общества.

² Вся палестинская историография склонна демонизировать «План Далет» («План Д», или «Четвертый план»), датированный 10 марта 1948 г. Документ ставил целью создание единой системы обороны еврейского государства, в том числе обеспечение контроля над всей его территорией, в условиях окончания британского управления и предполагаемых совместных действий арабских партизанских отрядов и армий соседних арабских стран. План предполагал, что в случае оказания сопротивления арабское население должно быть изгнано за пределы границ еврейского государства. План носил тактическое назначение и не был одобрен политическим руководством ишува. В арабской историографии «План Далет» считается началом «этнических чисток» в Палестине [10, т. 2, с. 1–7].

страдания, либо свой героизм или же говорит то, что ему велено говорить какими-либо политическими группами? Причем документы цитируются нечасто. Для подтверждения каких-либо фактов используются записи с мест событий («устная история») и мнения близких историков (чаще это традиционалисты – сторонники «традиционной историографии» и израильяне-постсионисты³), документы же в этом ряду употребляются редко. (Так палестинское историописание перестает быть историей как научной дисциплиной, но мифологизируется, становится легендой и интерпретацией. Писателям палестинской истории больше не нужны документы; им нужны свидетельства «колониализма» и «этнических чисток», но даже они не должны быть задокументированы: достоверность фактов подтверждается лишь передачей их из уст в уста).

Сторонники «народной историографии» широко цитируют Э. Саида. Они исходят из его понимания палестинской историографии, которая будто бы долгое время была «безголосой»: западный дискурс не разрешал ей говорить [3, с. 26; 11, с. 247–268]. Поскольку основа палестинской диаспоры – это интеллектуалы, то они склонны видеть свою особую миссию в обществе, представляя ее суть в постоянной агитации против сложившегося положения вещей, таким образом добиваясь изменений [3, с. 31]. И, наконец, палестинские историки «народной модели» принимают за аксиому наставление Э. Саида о том, что любые свидетельства о палестинцах должны предоставлять только сами палестинцы (о чем уже сказано выше). Если же факты представлены кем-то другим, то они неверны, пусть даже защищают палестинскую точку зрения: они все равно по определению будут ошибочны.

Во многих постулатах и выводах палестинское «народное историописание» напоминает советскую историографию до конца 1980-х гг. с ее безапелляционными постулатами о вине Израиля, США, империалистов и колониалистов, ее черно-белым восприятием ближневосточных сюжетов.

В 2018 г. в одной из статей на «Аль-Джазире» Р. Баруд изложил «манифест» палестинского историописания, определив его задачи на ближайшее время: «Мы, палестинские писатели, историки и журналисты, берем на себя ответственность за переосмысление палестинской истории, усвоение и передачу палестинских голосов, чтобы остальная часть мира на этот раз смогла оценить историю, рассказанную израненными, но стойкими победителями. На нас лежит ответственность, и не только на палестинцах, но и на всех тех, кто желает представить правдивое понимание нашей исторической борьбы восстановить палестинский нарратив и уничтожить сионистский. История должна теперь полностью сосредоточиться на жизни, перспективах и представлениях простых людей – беженцев, рабочего класса, бедных, низших слоев населения. Именно они в действительности олицетворяют Палестину, а не Аббас и его воображаемый мирный процесс» [4].

Заключение

Примерно в начале 2010-х гг. сформировалась новая палестинская историографическая модель – «историописание снизу». Сформулировал тезисы такой модели, как содержательные (исторические и политические), так и методологические, палестинский историк и публицист Рамзи Баруд. Кроме собственно историографического направления, данный нарратив имеет и просветительско-идеологическое назначение: через пропаганду «историописания» он призван консолидировать палестинский народ перед врагом внешним (Израиль) и внутренним (ООП, старая палестинская элита, коррумпированные чиновники ПНА).

³ В исторической науке постсионизм связан с деятельностью «новых историков», к которым принадлежит, в частности, И. Паппе – научный руководитель Р. Баруда.

В политическом плане продвижение данного исторического нарратива стало одной из мер, предлагаемых лидерами палестинской диаспоры для выхода из затяжного кризиса, с которым столкнулось палестинское общество с начала 2000-х гг. Представленная Р. Барудом концепция «историописания» сейчас достаточно популярна и, очевидно, становится доминирующим палестинским историческим нарративом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Qumsieh, M. B. Popular Resistance in Palestine: A History of Hope and Empowerment / M. B. Qumsieh. – New York : Pluto Press, 2011. – 304 p.
2. Baroud, R. What is Next for Palestine? Fourteen Palestinian Intellectuals Tell Us about the Way Forward for Palestine. 18 Jan 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/palestine-180116110352197.html>. – Date of access: 15.11.2019.
3. Baroud, R. History from Below. Writing a People's History of Palestine / R. Baroud. – Exeter : University of Exeter, 2015. – 60 p.
4. Baroud, R. The Need for a Palestinian History from Below [Electronic resource] / R. Baroud. – Mode of access: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/palestinian-history-1802162022-48594.html>. – Date of access: 10.11.2019.
5. Searching Jenin: Eyewitness Accounts of the Israeli Invasion / ed. by R. Baroud. – Seattle : Cune Press, 2003. – 287 p.
6. Baroud, R. The Second Palestinian Intifada: A Chronicle of a People's Struggle / R. Baroud. – London : Pluto Press, 2006. – 240 p.
7. Baroud, R. My Father Was a Freedom Fighter: Gaza's Untold Story / R. Baroud. – New York : Pluto Press, 2010. – 232 p.
8. Baroud, R. What Palestinians Can Teach Us about Popular Resistance [Electronic resource] / R. Baroud. – Mode of access: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/palestinians-teach-popular-resistance-180410085806588.html>. – Date of access: 10.10.2019.
9. Примаков, Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта / Е. М. Примаков. – М. : Мысль, 1978. – 374 с.
10. Documents on Palestine : in 8 vols. / Palestine Academic Society for the Study of International Affairs ; ed. by Dr. Mahdi Abdul Hadi. – Jerusalem : PASSIA, 2007. – 8 vol.
11. Said, E. The Politics of Dispossession: the Struggle for Palestinian Self-Determination, 1969–1994 / E. Said. – New York : Vintage Books, 1994. – 512 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 06.03.2020

Sheveliov D. L. A «History from Below»: The Palestinian Historical Narrative and the Doctrine of the «Popular Resistance»

The author of the article studies the concept of a «history from below», which has recently appeared in Palestinian historiography. The concept concentrates on the history of common people, such a description of Palestinian history, which would show sufferings and resistance of ordinary people of Palestine. In addition, Palestinian authors of that line suggest that resistance was an essential element of the Palestinian culture. The concept was proposed by a Palestinian-American historian and journalist Ramzy Muhammad Baroud. The author of the article comes to the conclusion that a «history from below» was formed as a separate line in Palestinian historiography in the early 2010s. The author states that a «history from below» line is one of measures proposed by Palestinian diaspora claimed to dominate in the national movement since the early 2010s. The concentration on «people's history» aims to consolidate Palestinian society, which has faced chronic crisis since the early 2000s.

УДК 519.24:631.559

В. В. Конончук

канд. экон. наук, доц., ст. науч. сотрудник

Полесского аграрно-экологического института НАН Беларуси

e-mail: victorkon@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ УРОЖАЙНОСТИ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ПРОЯВЛЕНИЯ АГРОЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ

Рассматриваются возможные варианты моделирования урожайности зерновых культур в условиях проявления агроэкологических рисков. Для практической реализации предлагаемых методов и методик достаточно данных временных рядов и применение методов эконометрического анализа. Предложена эконометрическая модель прогноза урожайности зерновых культур, адаптированная для условий регионального АПК. Эконометрическая модель для прогноза урожайности зерновых культур учитывает влияние случайных, природно-климатических и экономических условий.

Введение

Урожайность сельскохозяйственных культур является сложным параметром, который зависит от множества природных и производственно-экономических факторов. Различные группы сельскохозяйственных культур имеют свои особенности и закономерности формирования, которые учитывают при моделировании их урожайности на перспективу, причем влияние учтенных факторов различно по отдельным культурам. Выявление закономерностей изменения урожайности культур вследствие проявления агроэкологических рисков предполагает использование полученных результатов для решения оптимизационных задач верхнего уровня, связанных с размещением, специализацией и концентрацией, устойчивым инновационным развитием аграрного производства, определением оптимальных размеров отраслей, расчетом фондооснащенности отраслей и предприятий в целом. Количественный анализ многолетних рядов динамики урожайности ведущих сельскохозяйственных культур показывает, что они не являются детерминированными и зачастую характеризуются высокой степенью неопределенности и неоднородности, что предполагает создание адекватных моделей, описывающих изменчивость результативного показателя. При этом необходимо учитывать изменчивость климатических параметров, которые оказывают существенное влияние на аграрное производство, особенно в условиях проявления агроэкологических рисков. Свойства изменчивости производственно-экономических и природно-климатических параметров необходимо учитывать в моделях оптимизации структуры аграрного производства. Наличие неопределенности и неоднородности предполагает при решении задач математического программирования использование метода статистических испытаний [1].

В условиях проявления агроэкологических рисков необходимо использовать различные методы моделирования урожайности важнейших сельскохозяйственных культур, обеспечивающих высокую адекватность реальным природно-экономическим условиям ведения аграрного производства и высокую достоверность полученных прогнозных показателей. Важнейшим экономическим показателем в сельскохозяйственном производстве является урожайность зерновых культур, в существенной степени предопределяющая эффективность ведения всего аграрного производства. В связи с этим важно с высокой степенью достоверности уметь правильно прогнозировать

возможный уровень урожайности на ближайшую перспективу в условиях изменения не только производственно-технологических факторов, но и природно-климатических.

Результаты и обсуждение

Прогнозирование урожайности зерновых культур является основой для разработки программ, бизнес-планов, вариантов развития сельскохозяйственных предприятий любой формы собственности и создает возможности для выработки и принятия управленческих решений. При моделировании урожайности зерновых важно учитывать проявление факторов агроэкологических рисков, выражающихся в колеблемости фактических значений показателя от ожидаемых (прогнозных). При этом следует отличать колеблемость и тенденцию показателя.

Определяющая роль прогнозной величины урожайности зерновых культур проявляется в моделировании оптимальных программ развития аграрных формирований. В экономико-математических моделях класса оптимизационных расчет показателей исходной информации начинаем с выделения ключевого показателя, генерального ориентира, на основе которого возможно осуществить прогноз взаимосвязанных показателей. Исследование взаимосвязей показателей на основе эконометрических моделей и теоретические обобщения свидетельствуют, что ключевым показателем в прогнозировании оптимальной структуры посевных площадей при обосновании проектов внутрихозяйственного землепользования в условиях проявления агроэкологических рисков, а также в обосновании вариантов развития устойчивого кормопроизводства является урожайность зерновых культур. При этом урожайность зерновых культур служит генеральным ориентиром, показателем, в значительной мере отражающим состояние технологии и организации производства модельного объекта [2].

Целью исследований являлось на основе системного подхода разработать модель формирования урожайности зерновых культур с учетом циклической изменчивости и в условиях проявления агроэкологических рисков, обеспечивающую высокую достоверность ожидаемых результатов и адекватность сложившимся условиям хозяйствования.

Влияние природной неопределенности на результаты функционирования аграрного сектора дополняется экономической, что значительно повышает колеблемость показателей, а следовательно, и результатов производства. В связи с этим требуется внесение значительных коррективов в существующие методики применительно к условиям регионального проявления агроэкологических рисков.

Для получения более качественных моделей проанализирована зависимость рядов урожайности сельскохозяйственных культур от предшествующих значений и фактора времени. К сожалению, не все модели можно использовать для прогнозирования ввиду невыполнения критериев адекватности. Поэтому после построения качественных моделей необходимо выбрать наилучший вариант.

Многообразие известных методов прогнозирования обусловлено отсутствием достаточно гибкого подхода к решению данной задачи, допускающего адаптацию к конкретным природно-экономическим условиям аграрного производства. Значительное количество разнообразных групп факторов, формирующих уровень урожайности, сложно поддается формальному описанию, что усложняет решение проблемы адекватного моделирования динамических процессов ее межгодовой изменчивости. Существенная изменчивость уровней урожайности, асинхронность их циклических колебаний для различных сельскохозяйственных культур обуславливают экономические риски [4].

При обосновании ведущего показателя урожайности зерновых культур на основе эконометрических моделей необходимо учесть новые закономерности с учетом адаптации к сложившимся природно-экономическим условиям.

Исследования тенденций и закономерностей формирования урожайности основных сельскохозяйственных культур за период 2007–2019 гг. по совокупности хозяйств юго-запада Беларуси показали, что урожайность основных культур описывается полиномом второго порядка. В условиях различного влияния погодных факторов и связанной с ней неопределенности требуется корректировка старых и разработка новых методик планирования урожайности зерновых. Учитывая то обстоятельство, что многие факторы-аргументы, оказывающие влияние на формирование урожайности, обладают большой инерционностью, необходимо количественно учесть сложившиеся закономерности, степень и величину их воздействия. Для обоснования возможной урожайности зерновых культур апробировано множество моделей. Критерием адекватности моделей к условиям неопределенности являлись условия минимизации отклонений расчетных значений от фактических, максимизации аппроксимации, максимальной и среднеквадратической ошибок регрессии. С учетом изложенного разработана трендовая эконометрическая модель для краткосрочного прогнозирования урожайности зерновых культур, выражающая сложившиеся ранее и проявляемые новые тенденции изменения показателя:

$$Y_x = Y_0 - 0,1121 * t^2 + 2,4286 * t + (\sin 2t/3)(1 + t/2)^2, R = 0,9126,$$

где Y_x – перспективная урожайность зерновых культур, ц/га; Y_0 – фактическая урожайность зерновых культур за последние годы, ц/га; t – период прогноза, лет.

Моделируя возможное проявление агроэкологических рисков на примере урожайности зерновых культур, выделяют возможные варианты их проявления: оптимистический риск, устойчивый (адаптивный) риск, пессимистический (негативный) риск. К устойчивому (адаптивному) риску относят периоды с величиной отклонений фактической урожайности от расчетной ($Y_i - Y_x$) от $-1,09$ до $0,69$ ц/га. К оптимистическому риску относим периоды с превышением фактической урожайности над ожидаемой (ΔY) от $1,19$ до $4,56$ ц/га; в периоды пессимистического (неблагоприятного) риска снижение от $-2,58$ до $-3,47$ ц/га.

Вероятность проявления агроэкологических рисков определена за период с 1990 по 2018 г.: устойчивый (адаптивный) риск – $0,461$, оптимистический – $0,308$, пессимистический – $0,231$.

Прогнозный период может оказаться различным по погодным условиям, а значит, и по последствиям проявления агроэкологических рисков, следствием чего являются различия в урожайности культур и объемах производства кормов и продукции. Прогнозное значение ключевого показателя – урожайности зерновых на примере модельного объекта в условиях проявления устойчивого агроэкологического риска составит $42,3$ ц/га в бункерном весе (рисунок); $37,5$ ц/га в массе после доработки (в амбарном весе).

Кроме возможного проявления агроэкологических рисков, целесообразно учитывать и изменения в производственно-экономических факторах. Изменения значений ресурсо-технологических и экономических параметров находят подтверждение в количественной оценке окупаемости минеральных удобрений продукцией, полученной на основе многофакторных корреляционных моделей. Так, в предкризисный период окупаемость 1 ц д.в./га минеральных удобрений составляла от $0,92$ до $2,18$ ц/га, в последние годы – $2,52$ – $4,13$ ц/га. От внесения 1 т органических удобрений прибавка по периодам составила $0,42$ и $0,81$ ц/га. Следовательно, при определении возможной урожайности зерновых культур целесообразно учитывать и важнейшие ресурсо-технологические факторы: плодородие почв, внесение минеральных и органических удобрений. При таком подходе прогнозирование возможной урожайности зерновых культур осуществляется с помощью многофакторных эконометрических моделей, в которых в качестве факторов учтены важнейшие ресурсо-технологические параметры.

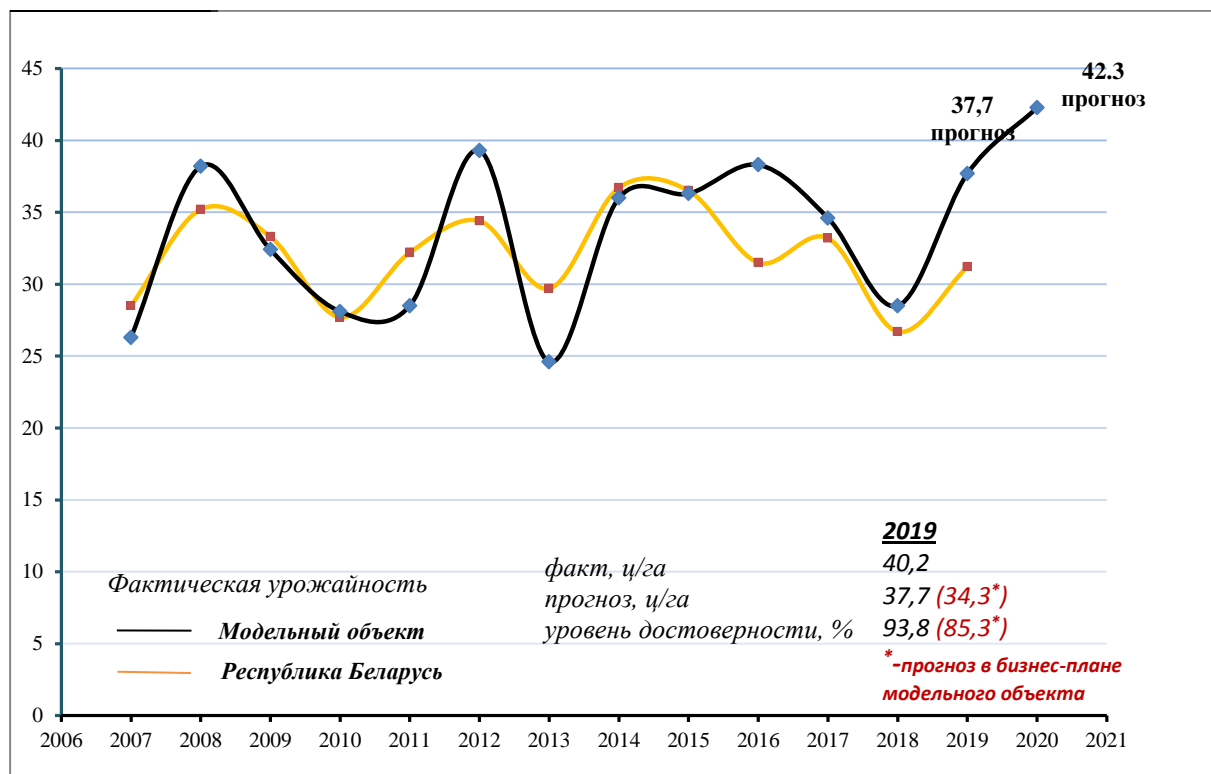

Рисунок. – Расчет перспективной урожайности зерновых культур модельного объекта на основе эконометрической модели

Урожайность зерновых по оптимистическому и пессимистическому варианту риска определена исходя из среднефактических сложившихся за последние годы отклонений (ΔY) урожайности в соответствующем исходе от устойчивого риска (таблица 1).

Таблица 1. – Расчет прогнозной урожайности зерновых культур в бункерном весе по различным видам агроэкологических рисков, ц/га

Агроэкологический риск	Прогноз на 2020 г.
Устойчивый (адаптивный)	42,28
Оптимистический ($\Delta Y = +5,88$)	48,18
Пессимистический (неблагоприятный) ($\Delta Y = -8,01$)	34,29

Урожайность отдельных видов зерновых можно рассчитывать на основе сложившихся за последние годы соотношений между урожайностью отдельных зерновых и средней. При расчете фактических коэффициентов соотношений отдельных зерновых культур вероятности проявления различных агроэкологических рисков не учитываем. Данный подход обусловлен тем, что при различных погодных исходах соотношение между отдельными видами зерновых культур сохраняется.

Высокую достоверность в моделировании урожайности зерновых культур обеспечивает применение подхода на основе расчета оптимальной и возможной урожайности. Первая обеспечивает максимальную окупаемость ресурсов, достижима, если положительные тенденции последних лет в сельскохозяйственных предприятиях будут сохранены или усилены. Возможная урожайность, в т. ч. и превышающая оптимальную, является индивидуальным показателем каждого хозяйства и выражает сложившиеся ранее и проявляемые новые тенденции формирования показателя [5, с. 86].

Для оценки эффективности прогнозирования на основе методов моделирования осуществлен прогноз урожайности зерновых культур в первоначально оприходованной массе (бункерном весе) на основе временных рядов модельного объекта регионального АПК. При первом варианте осуществлен прогноз на основе предложенной эконометрической модели для краткосрочного прогноза в условиях проявления устойчивого агроэкологического риска; при втором варианте прогноз осуществлен на основе использования модели для расчета оптимальной урожайности с учетом среднерегиональной урожайности зерновых за последние годы. Эффективность методов моделирования урожайности зерновых культур в краткосрочном периоде характеризуется следующими данными (таблица 2).

Таблица 2. – Показатели эффективности прогнозирования урожайности зерновых модельного объекта в условиях проявления устойчивого агроэкологического риска

Год	Прогноз, ц/га		Факт, ц/га	Уровень достоверности, %	
	1 вариант	2 вариант		1 вариант	2 вариант
2015	34,3	36,9	36,3	95,0	98,4
2016	35,5	41,5	38,3	93,0	93,0
2019	37,7	39,3	40,2	93,8	97,8

Анализ таблицы показывает, что использование методов математического моделирования для прогноза урожайности зерновых культур свидетельствует о высокой их эффективности в сравнении с традиционными методами планирования. Отклонения фактических значений урожайности зерновых от прогнозируемых значений являются минимальными. Уровень достоверности полученных значений результативного показателя составляет 93,0–98,4 %.

Заклучение

1. В условиях проявления агроэкологических рисков и экономической нестабильности, снижения степени влияния материальных факторов на урожайность сельскохозяйственных культур прогнозирование ключевого показателя – урожайности зерновых – следует осуществлять на основе многофакторных и пространственно-временных эконометрических моделей.

2. Учитывая то обстоятельство, что многие факторы-аргументы, оказывающие влияние на формирование урожайности зерновых культур, обладают большой инерционностью, необходимо количественно учесть сложившиеся закономерности, степень и величину их воздействия.

3. Факторы, предопределяющие урожайность зерновых, как правило, являются случайными величинами и подчиняются законам распределения вероятностей, позволяют решать как прямые, так и обратные задачи: разработанные эконометрические модели урожайности зерновых культур позволяют определять значения факторов, при величине которых будет получен тот или иной уровень урожайности. В этом случае применяют метод Монте-Карло [6].

4. Использование методов математического моделирования в прогнозировании урожайности зерновых культур свидетельствует о высокой их эффективности в сравнении с традиционными методами планирования. Уровень достоверности полученных прогнозов составляет 93,0–98,4 %.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асалханов, П. Г. Модели прогнозирования урожайности сельскохозяйственных культур в задачах параметрического программирования / П. Г. Асалханов, Я. М. Иванько, М. Н. Полковская // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. – 2017. – Т. 21, № 2. – С. 57–66.
2. Леньков, И. И. Экономико-математическое моделирование систем и процессов в сельском хозяйстве / И. И. Леньков. – Минск : Дизайн ПРО, 1997. – 304 с.
3. Буховец, А. Г. Анализ и прогнозирование урожайности отдельных зерновых культур / А. Г. Буховец, Е. А. Семин, Г. Г. Голева // Экономическое прогнозирование: модели и методы : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. / Воронеж. гос. ун-т. ; под общ. ред. В. В. Давниса и В. И. Тиняковой. – Воронеж : Тип. Воронеж. ЦНТИ, 2013. – С. 107–110.
4. Шубнов, М. Г. Алгоритмы и инструментальные средства нейросетевых технологий моделирования урожайности на основе автокорреляционных функций временных рядов : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.13 / М. Г. Шубнов ; Кисловодск. ин-т экономики и права. – Кисловодск, 2013. – 24 с.
5. Ленькова, Р. К. Модельная программа адаптации аграрных формирований районного АПК к рыночной системе хозяйствования : монография / Р. К. Ленькова. – Горки : Белорус. с.-х. акад., 1998. – 113 с.
6. Метод статистических испытаний (метод Монте-Карло) / Н. П. Бусленко [и др.]. – М. : Физматгиз, 1962. – 332 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.12.2019

Kononchuk V. V. Modeling of Grain Crops Yield in Conditions of Agroecological Risks

Possible variants of grain crop yield modeling in the conditions of agroecological risks manifestation are considered. For the practical implementation of the proposed methods and techniques, time series data and the use of econometric analysis methods are sufficient. An econometric model of grain yield forecast adapted for the conditions of regional agriculture is proposed. The econometric model for the forecast of grain yield takes into account the influence of random, climatic and economic conditions.

УДК 339.564

Н. В. Костенко¹, Л. Ю. Хомюк²¹канд. экон. наук, доц. каф. управления, экономики и финансов
Брестского государственного технического университета²магистрант специальности «Мировая экономика»

Брестского государственного технического университета

e-mail: znvkdie@gmail.com

**ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В РАМКАХ ЕАЭС**

Проведен анализ внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь. Рассмотрены изъятия и ограничения на внутренних рынках ЕАЭС. Проведено экономико-математическое моделирование внешней торговли стран – членов ЕАЭС и выявлено негативное влияние снижения экспорта на ВВП. Определены нетарифные меры, ограничивающие внешнюю торговлю в рамках ЕАЭС. Предложены мероприятия по совершенствованию внешнеэкономической политики стран ЕАЭС.

Введение

Среди тенденций развития мирового рынка в XXI в. следует особо выделить обострение конкуренции и ужесточение условий доступа к ресурсам и транспортным коридорам; усиление роли инноваций во внешней торговле; возрастание протекционизма во время кризисных периодов; расширение интеграционных образований. Поэтому возникает необходимость в углубленном исследовании вопросов экспортно ориентированного развития экономики на национальном и региональном уровнях. Все регионы Беларуси вовлечены во внешнюю торговлю товарами и услугами.

Различные проблемные аспекты внешнеэкономической политики рассмотрены в работах С. Козловской, М. Романовой, П. Пекутько, Ю. Петракова, А. Аксючиц, посвященных вопросам вступления в ВТО, изъятиям и ограничениям в ЕАЭС, инструментам стимулирования экспорта.

Целью статьи является исследование и выявление направлений совершенствования внешнеэкономической политики Республики Беларусь в рамках ЕАЭС. Задачи исследования предполагают:

- 1) анализ внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь;
- 2) рассмотрение изъятий и ограничений на внутренних рынках ЕАЭС;
- 3) моделирование влияния внешней торговли стран ЕАЭС на ВВП;
- 4) определение направлений совершенствования внешнеторговой политики Республики Беларусь в рамках ЕАЭС.

Анализ внешнеэкономической деятельности в Республике Беларусь

Внеэкономическая деятельность предприятий является формой реализации внешнеэкономических связей, которые, в свою очередь, выступают характеристикой международных отношений.

Белорусская экономика является экспортно ориентированной и экспортозависимой, в связи с чем поддержка экспорта и развитие экспортного потенциала страны выступают приоритетным направлением экономической политики Республики Беларусь. Кроме того, белорусская экономика является одной из самых открытых экономик мира: внешнеторговая квота Беларуси по итогам 2017 г. составила 133,9 % (среднемировой уровень – 28,5 %), экспортная квота – 67,1 % (высоким считается показатель, превышающий 30 %) [1].

Несмотря на пристальное внимание государства к проблемам экспорта и активную государственную политику по его развитию, в этой сфере по-прежнему фиксируется ряд тревожных явлений и тенденций:

1) высокий уровень товарной концентрации экспорта (экспорт шести товарных групп формирует до половины всего объема белорусского экспорта (в 2017 г. – 44 %: нефть и нефтепродукты составляют 20,4 %, калийные удобрения – 7,7 %, молоко и молочные продукты – 7,3 %, грузовые автомобили – 3,5 %, тракторы и седельные тягачи – 2,1 %, черные металлы – 2,9 %);

2) высокий уровень географической концентрации экспорта (на долю первых семи стран по объему импорта белорусской продукции традиционно приходится более 75 % всего экспорта; состав этих стран практически не меняется: Россия, Украина, Нидерланды, Великобритания, Германия);

3) низкая доля высокотехнологичных товаров и услуг в общем объеме экспортных поставок (от 1,4 до 2,2 % в 2011–2017 гг.);

4) недостаточное освоение новых перспективных рынков (7,55 % в структуре экспорта в 2017 г.) [2].

Указанные тенденции обуславливают серьезную уязвимость белорусских экспортных поставок даже от локальных изменений состояния страновых и товарных рынков. Такая уязвимость проявлялась, в частности, в большей волатильности ежегодных показателей экспорта, а также в более значительном падении экспорта Республики Беларусь относительно снижения мирового экспорта товаров в 2013–2016 гг. в период стагнации и в 2012–2016 гг. в период падения мирового экспорта. Динамика экспорта и импорта товаров из Беларуси представлена на рисунке 1.

Рисунок 1. – Динамика экспорта и импорта товаров из Беларуси в 2001–2018 гг., млн долл. США

Примечание – Составлен авторами на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь: <https://www.belstat.gov.by/>.

Согласно данным рисунка 1, в период 2013–2016 гг. наблюдалась отрицательная динамика импорта, в отличие от 2010–2012 и 2017–2018 гг. В 2018 г. импорт составил 38,4 млрд долл. США, вследствие чего товарный баланс сложился с дефицитом в размере

–4,6 млрд долл. США. Тем не менее по итогам года опережающие темпы роста экспорта товаров над импортом позволили улучшить отрицательное сальдо торговли на 312,1 млн долл. США в сравнении с уровнем предыдущего года.

Наибольшее влияние на прирост экспорта товаров оказывал рост поставок в страны ЕС: прирост составил 8,0 п. п., прирост экспорта в страны «дальней дуги» и прочие страны – 6,5 п. п.; в страны ЕАЭС – только 0,8 п. п. В связи с этим произошли изменения в сторону увеличения доли ЕС и «стран дальней» дуги при сокращении удельного веса ЕАЭС, в том числе России. Такая динамика структуры поставок соответствует задачам диверсификации экспорта белорусских товаров, обозначенным в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. по достижению равновесного (30/30/30) соотношения экспорта белорусских товаров на рынках ЕАЭС, ЕС и стран «дальней дуги». Однако тенденция замедления экономического роста и торговли в мире значительно осложнит задачу по сохранению и наращиванию достигнутых позиций для белорусских экспортеров.

Следует отметить, что из-за ограничений Россельхознадзора с одной стороны и действий Беларуси по диверсификации с другой структура экспорта постепенно меняется. По данным Минсельхозпрода Республики Беларусь, в 2018 г. экспорт в страны дальнего зарубежья вырос на 66,7 % и достиг 519 млн долл. США, в том числе поставки продовольствия в страны Азии и Океании увеличились в 2,2 раза – до 151,4 млн долл. [3].

Географическая структура экспорта Республики Беларусь за 2018 г. по данным Национального статистического комитета представлена на рисунке 2.

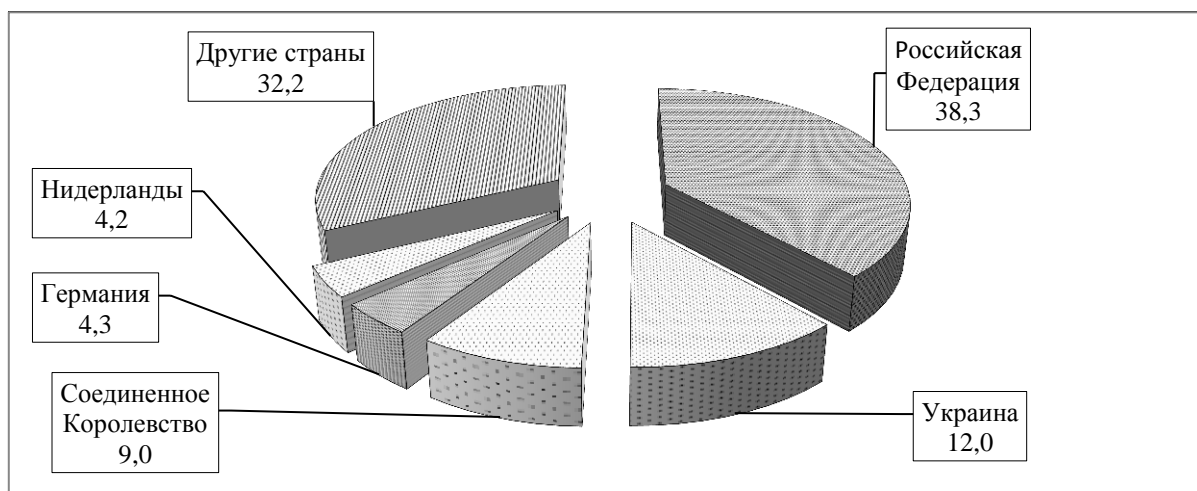

Рисунок 2. – Географическая структура белорусского экспорта в 2018 г., %

Примечание – Составлен авторами на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь: <https://www.belstat.gov.by/>.

Из рисунка 2 видно, что в 2018 г. 38,3 % экспорта товаров осуществлялось в Российскую Федерацию. Также крупнейшими партнерами являются Украина, Соединенное Королевство, Германия и Нидерланды. На долю всех других стран – торговых партнеров приходится меньший объем экспорта, чем на долю России.

Товарная структура экспорта Республики Беларусь в 2018 г. (по данным Национального статистического комитета) представлена на рисунке 3.

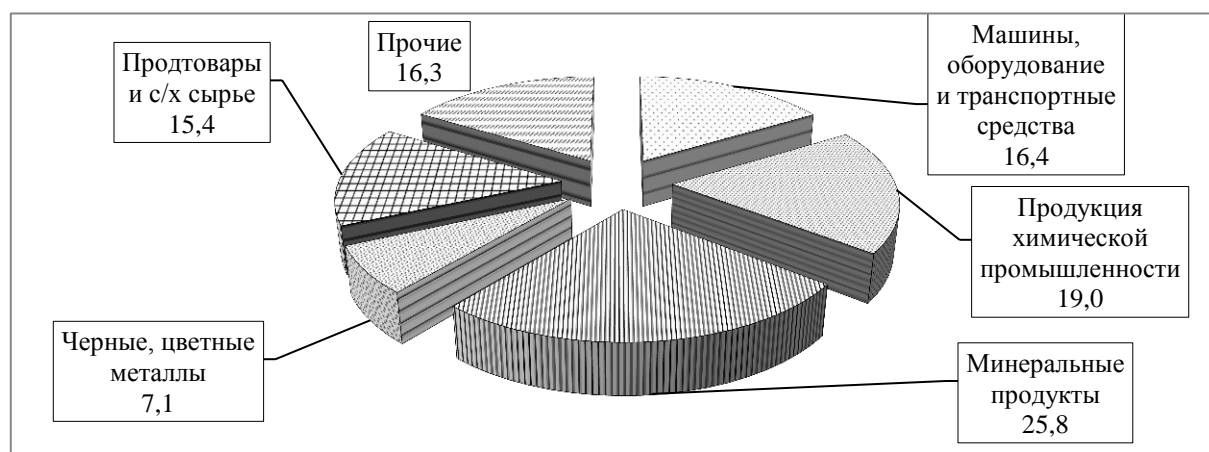

Рисунок 3. – Товарная структура экспорта Республики Беларусь в 2018 г., %

Примечание – Составлен авторами на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь: <https://www.belstat.gov.by/>.

На рисунке 3 показано, что основную долю экспорта Республики Беларусь составляет экспорт минеральных продуктов (25,8 %), также высока доля в экспорте продукции химической промышленности (19,0 %), машин и оборудования (16,4 %), продовольственных товаров (15,4 %).

С 1 января 2015 г. начала деятельность интеграционная организация ЕАЭС, включающая пять государств: Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россию. Она открывает новые перспективы развития Республики Беларусь. Всех союзников объединяют возможности роста объемов взаимной торговли и ускорения модернизации экономик (благодаря созданию общего рынка, свободному движению товаров, услуг, капитала, трудовых ресурсов), активизации предпринимательской деятельности, повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности (через научно-техническую и производственную кооперацию).

Данные о совокупном потенциале стран ЕАЭС представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Основные показатели совокупной экономики ЕАЭС [4]

Показатель	Население, млн чел.	Территория (суша), тыс. км ²	Пахотные земли, тыс. км ²	ВВП по ППС, трлн долл. США
ЕАЭС	179,2	19 200	1 562,63	4,095
Доля в мировой экономике, %	2,6	13,0	11,0	4,0

Показатели таблицы 1 отражают текущее ресурсно-резервное состояние экономики ЕАЭС, развитие которой зависит от качества экономической политики стран-участниц, а также от общей стратегии организации, направленной на создание синергетического эффекта.

Наличие различных барьеров и ограничений в рамках ЕАЭС сдерживает развитие торговли на всем евразийском пространстве. Существующие разногласия в подходах к развитию союзнических отношений в рамках ЕАЭС свидетельствуют о том, что процесс формирования механизма полноценной интеграции является длительным.

Для анализа и систематизации работы с ограничениями на внутреннем рынке ЕАЭС Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) подготовила перечень имеющихся препятствий. Однако в него вошли только те меры, которые признаны всеми странами ЕАЭС. Так, учтено 60 препятствий, которые разделены на барьеры (9), изъятия из сво-

бодной торговли (17) и ограничения (34). В действительности же препятствий у субъектов хозяйствования гораздо больше. В электронной базе данных ЕЭК, в основу которой положены данные бизнес-сообществ государств – членов ЕАЭС, в 2018 г. было зарегистрировано около 290 фактов взаимных ограничений. В среднем на каждую страну приходится более 40 препятствий. Особенностью ведения такой статистики является то, что число препятствий постоянно изменяется. Ежемесячно от правительств и бизнеса в ЕЭК поступает более десятка новых обращений, касающихся неоправданных ограничений в развитии торгово-экономических связей между странами. Ряд препятствий снимается в ходе консультаций экспертов ЕЭК и правительств, часть выносятся для обсуждения на более высокий уровень. Таким образом, определить точное число имеющихся в настоящее время в ЕАЭС препятствий достаточно сложно ввиду непрерывности процесса, динамика которого зависит от сферы охвата экономической деятельности, а также активности самих субъектов хозяйствования ЕАЭС в отстаивании своих интересов [5].

Для объективной оценки влияния внутренней торговли стран ЕАЭС на ВВП стран – членов ЕАЭС построим модель множественной регрессии, устанавливающую взаимосвязь между ВВП и группой факторов X_1 и X_2 . Сведения об объемах импорта, экспорта и ВВП стран-членов приведены в таблице 2.

Таблица 2. – Макроэкономические показатели стран – членов ЕАЭС, млн долл. США

Год	Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	Всего
2014	экспорт	–	16,1	6,4	–	30,6	58,5
	импорт	–	22,3	14,6	–	21,6	58,4
	ВВП	24,5	179,4	430,9	19,6	3 890,6	4 545,0
2015	экспорт	0,3	11,0	5,1	0,4	28,8	45,6
	импорт	1,0	17,2	11,2	2,1	14,2	45,7
	ВВП	25,5	174,4	440,7	20,6	3 833,9	4 495,1
2016	экспорт	0,4	11,4	3,9	0,4	26,8	43,0
	импорт	0,1	15,4	9,9	1,6	14,5	41,5
	ВВП	25,9	171,9	450,5	21,7	3 887,4	4 557,4
2017	экспорт	0,6	13,7	5,3	0,5	34,7	54,7
	импорт	0,1	19,7	12,5	1,9	18,4	52,6
	ВВП	28,3	179,6	477,8	23,2	4 026,5	4 735,4
2018	экспорт	0,7	13,9	6,0	0,6	39,0	60,3
	импорт	1,4	22,8	14,1	2,2	19,3	59,7
	ВВП	30,4	189,2	508,6	24,5	4 213,4	4 966,1

Примечание – Составлена авторами на основе [13–15].

Уравнение множественной регрессии имеет вид [6]:

$$Y_i = b_0 + b_1 \times X_{1i} + b_2 \times X_{2i}, \quad (1)$$

где Y_i – предсказанный объем ВВП в i -м году; X_1 – импорт; X_2 – экспорт (все – млрд долл. США).

Результаты анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3. – Анализ зависимости ВВП стран – членов ЕАЭС от экспорта и импорта

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
R2 (дисперсия)	0,94	0,91	0,34	0,96	0,82
Коэффициент b_0	24,4	148,8	360,8	19,4	3175,7
Коэффициент b_1	–3,3	3,2	40,2	–2,8	–48,9
Коэффициент b_2	14,8	–2,5	–74,5	16,8	50,0

Окончание таблицы 3

v1	2	2	2	2	2
v2	2	2	2	2	2
F _{эмп.}	15,7	10,5	0,5	23,3	4,7
F _{кр.}	9,0	9,0	9,0	9,0	9,0
F _{эмп.} – F _{кр.}	6,7	1,5	-8,5	14,3	-4,3

Для рассматриваемых стран уравнения множественной регрессии имеют следующий вид:

- 1) Армения: $Y_i = 24,4 - 3,3 \times X_{1i} + 14,8 \times X_{2i}$;
- 2) Беларусь: $Y_i = 148,8 + 3,2 \times X_{1i} - 2,5 \times X_{2i}$;
- 3) Казахстан: $Y_i = 360,8 + 40,2 \times X_{1i} - 74,5 \times X_{2i}$;
- 4) Кыргызстан: $Y_i = 19,4 - 2,8 \times X_{1i} + 16,8 \times X_{2i}$;
- 5) Россия: $Y_i = 3175,7 - 48,9 \times X_{1i} + 50,0 \times X_{2i}$.

Для построенной модели множественной линейной регрессии коэффициент детерминации R^2 показывает, что эмпирическое уравнение регрессии хорошо согласуется со статистическими данными по Беларуси ($R^2 = 0,96$), в меньшей степени – по другим странам.

Для уровня значимости $\alpha = 0,05$ и рассчитанных степеней свободы $v1 = 2$ и $v2 = 2$ по таблице распределения Фишера находим критическое значение (9,0) и сравниваем его с эмпирическим значением. Из неравенства видно: для показателей Армении, Беларуси, Кыргызстана рассчитанный критерий Фишера выше, чем табличный, таким образом, объясненная дисперсия существенно больше, чем необъясненная, и модель является значимой. Для Беларуси и Казахстана зависимость ВВП от экспорта является отрицательной, что обусловлено негативным влиянием барьеров и ограничений.

Изъятия и ограничения на внутренних рынках ЕАЭС

Несмотря на достаточно быстрое развитие и высокий уровень экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза бизнес-сообщество сталкивается со случаями, когда единые механизмы еще не полностью включились и полноценный общий рынок в определенных отраслях не заработал. Такие ситуации имеют место по двум причинам: общий рынок еще не сформирован, поскольку не наступил срок его формирования согласно установленным планам (например, общие рынки газа, нефти и нефтепродуктов планируется запустить к 2025 г.) либо имеют место препятствия на внутреннем рынке ЕАЭС.

В многосторонней торговой системе все большую долю среди всех торговых препятствий занимают нетарифные барьеры. В частности, в соответствии со ст. 46 Договора о Евразийском экономическом союзе [7] комплекс мер нетарифного регулирования включает:

- 1) запрет ввоза и (или) вывоза товаров;
- 2) количественные ограничения ввоза и (или) вывоза товаров;
- 3) исключительное право на экспорт и (или) импорт товаров;
- 4) автоматическое лицензирование (мониторинг) экспорта и (или) импорта товаров;
- 5) разрешительный порядок ввоза и (или) вывоза товаров.

Многие торговые барьеры являются особенно обременительными для малых и средних предприятий, особенно там, где они порождают постоянные издержки. Однако в ряде исследований подчеркивается, что малые и средние предприятия имеют выгоды от дальнейшей либерализации торговли и политики координации, в том числе по нетарифным мерам [8].

В Республике Беларусь ратифицирован Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [7], а также действует Указ Президента Республики Беларусь от 22.12.2018 № 490 «О таможенном регулировании» [9].

Определения видов препятствий закреплены в докладе Евразийской экономической комиссии «Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского союза», опубликованном в марте 2017 г. (таблица 4).

Таблица 4. – Виды препятствий на рынке ЕАЭС [10]

Понятие	Определение	Меры по устранению
Барьеры	Препятствия для свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы в рамках функционирования внутреннего рынка ЕАЭС, не соответствующие праву ЕАЭС	Барьеры являются нарушением права ЕАЭС, в отношении них принимаются срочные меры по устранению
Изъятия	Предусмотренные правом ЕАЭС исключения (отступления) о неприменении государством-членом общих правил функционирования внутреннего рынка ЕАЭС	Данные категории препятствий не являются нарушениями права ЕАЭС и устраняются в соответствии с планами мероприятий («дорожными картами»)
Ограничения	Препятствия для свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы в рамках функционирования внутреннего рынка Союза, возникшие вследствие отсутствия правового регулирования экономических отношений, развитие которых предусмотрено правом ЕАЭС	

С июня 2016 г., когда в составе ЕЭК было выделено новое направление по функционированию внутренних рынков, уже устранено 14 барьеров на внутреннем рынке ЕАЭС. Распоряжением Евразийского межправительственного совета № 17 от 25 октября 2017 г. утвержден План мероприятий («дорожная карта») по устранению изъятий и ограничений на внутреннем рынке ЕАЭС на 2018–2019 гг. «Дорожная карта» рассчитана на два года и предусматривает мероприятия по устранению 17 препятствий (два изъятия и 15 ограничений). Фактически это первый прикладной документ в сфере устранения изъятий и ограничений на внутреннем рынке ЕАЭС. Анализ препятствий, которые содержатся в «дорожной карте», показывает, что все они являются важными и чувствительными для бизнес-сообщества и граждан государств – членов ЕАЭС [5]. При этом количество препятствий является различным для государств-членов (таблица 5).

Таблица 5. – Количество препятствий, применяемых государствами – членами ЕАЭС [11]

Государство	Барьер	Изъятие	Ограничение	Всего
Республика Армения	2	6	33	41
Республика Беларусь	3	7	33	43
Республика Казахстан	3	8	33	44
Кыргызская Республика	0	7	33	40
Российская Федерация	6	8	34	48

Наличие всевозможных барьеров и ограничений в рамках ЕАЭС сдерживает развитие торговли на всем евразийском пространстве. Существующие разногласия в подходах к развитию союзнических отношений в рамках ЕАЭС свидетельствуют о том, что процесс формирования механизма полноценной интеграции является длительным. Приоритетом Республики Беларусь во внешнеэкономической деятельности является активизация партнерства со странами Евросоюза в сферах взаимного интереса: торговли

и инвестиций, транспорта, транзита, трансграничного и регионального сотрудничества, упрощения визового режима, охраны окружающей среды.

Основные направления совершенствования организационно-экономического механизма внешнеэкономической деятельности предприятий Республики Беларусь

1. Устранение изъятий и ограничений на внутренних рынках ЕАЭС.

Принятие и последующая реализация «дорожной карты» позволят решить ряд насущных проблем для граждан и бизнеса стран ЕАЭС, демонстрируя удобство и эффективность работы на внутреннем рынке Союза, открывая новые возможности для развития. В рамках исполнения «дорожной карты» необходимо:

1) определение направлений дальнейшего совершенствования и упрощения механизма контроля за уплатой косвенных налогов при экспорте и импорте товаров в рамках взаимной торговли (особенно для малого и среднего бизнеса);

2) утверждение порядка, регулирующего признание юридической силы электронных документов при трансграничном взаимодействии физических и юридических лиц государств-членов между собой и с ЕЭК, а также внесение соответствующих изменений в Договор;

3) проработка вопроса гармонизации требований к профессиональной подготовке водителей, подтверждения их профессиональной квалификации и иных требований, связанных с выдачей водительских удостоверений и их использованием для осуществления предпринимательской или трудовой деятельности;

4) выработка основополагающих подходов к взаимному признанию пробирных клейм ювелирных изделий и упрощение в дальнейшем взаимной торговли ими;

5) согласование механизма признания банковских гарантий, выданных банками – резидентами одной страны ЕАЭС, в качестве обеспечения заявки на участие в государственных или муниципальных закупках в других странах ЕАЭС и др.

2. Использование таможенно-тарифных преимуществ вступления в ВТО как перспективы развития экспортного потенциала Республики Беларусь.

Полноправными участниками ВТО являются 164 государства. Члены ВТО идут на соответствующие тарифные уступки, принимая обязательства по доступу на рынок товаров. Республика Беларусь – единственная из стран ЕАЭС, которая не входит в состав этой организации. Определенные тарифные уступки со стороны Республики Беларусь могли бы способствовать ее присоединению к ВТО для получения либерального доступа белорусских товаров на рынки государств – членов ВТО. Несмотря на то что Республика Беларусь не является членом ВТО, применяя ЕТТ ЕАЭС без изъятий (для сравнения: Казахстан применяет свыше 3 500 изъятий, и их число будет увеличиваться [11]), она фактически исполняет тарифные обязательства, взятые на себя Российской Федерацией при вступлении в данную международную организацию. В свою очередь, стабильный и недискриминационный доступ на рынки, который используют члены ВТО, Республика Беларусь не получает. Кроме того, абсолютно неравномерно распределяются между бюджетами стран – членов ЕАЭС ввозные таможенные пошлины [12].

3. Упрощение административных таможенных процедур.

В 2019 г. таможенные органы Беларуси уже вступили с рядом значимых изменений, призванных упростить административные процедуры при осуществлении внешнеэкономической деятельности. Так, упрощается процедура возврата излишне уплаченных платежей, усовершенствован и порядок возврата (зачета) таможенных платежей. Вместе с тем в настоящее время следует заострить внимание на финансовой дисциплине субъектов хозяйствования. Исключение направления заявлений с недостающими сведениями от субъектов хозяйствования позволит сократить сроки рассмотрения заявлений и повысить оперативность реагирования таможенных органов.

Заклучение

Основными направлениями развития и совершенствования внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь в контексте интеграции ее экономики в мировую хозяйственную систему представляются следующие:

1) активизация товарно-рыночной дифференциации и диверсификации внешнеэкономической деятельности;

2) реализация согласованной либо единой политики в рамках ЕАЭС в ключевых секторах экономики, развитие кооперационных связей, реализация совместных инвестиционных и инновационных проектов, единых правил конкуренции, стандартов и требований к товарам и услугам, доступ к услугам естественных монополий и рынку государственных закупок;

3) активизация качественных мер по формированию норм и принципов с учетом интересов белорусской экономики для вступления в ВТО с целью интеграции производственного, научно-технологического и инновационного потенциалов в мировую экономику;

4) взаимодействие с международными организациями с целью диверсификации направлений внешнеэкономической политики;

5) проведение экспертной оценки внешнеэкономической политики для решения задач социально-экономического развития Республики Беларусь.

В этой связи можно определить ключевые направления совершенствования организационно-экономического механизма внешнеэкономической деятельности предприятий Беларуси на современном этапе. Прежде всего к ним относятся:

1) устранение изъятий и ограничений на внутренних рынках ЕАЭС;

2) использование таможенно-тарифных преимуществ вступления в ВТО как перспективы развития экспортного потенциала Республики Беларусь;

3) упрощение административных таможенных процедур;

4) развитие института уполномоченного экономического оператора как элемента механизма управления ВЭД предприятий Беларуси.

Обобщая, необходимо указать, что актуальная задача совершенствования экспортной политики государства, в частности развития инструментария поддержки экспорта, во многом зависит от совершенствования организационно-экономического механизма внешнеэкономической деятельности предприятий Республики Беларусь, включая торгово-политические и финансовые меры, развитие институтов поддержки и упрощения таможенных процедур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пекутько, П. Н. Актуальные направления развития инструментов поддержки экспорта белорусской промышленной продукции / П. Н. Пекутько, Ю. Н. Петракова, А. В. Аксючиц // Белорус. экон. журн. – 2019. – № 1. – С. 95–105.

2. Оценка отраслей [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.betstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-word/Oficial_statistika/2018/Ocenka_otrasley-2018090501.rtf. – Дата доступа: 24.05.2019.

3. Макроэкономическая ситуация и тенденции ее развития: наращивание экспортного потенциала // Экон. бюл. – 2019. – № 3. – С. 13–19.

4. Статистика международной торговли / Annual International Trade Statistics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.trendeconomy.ru/dataviewer/trade/-statistics/>. – Дата доступа: 20.06.2019.

5. Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза – «Белая книга» препятствий Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : доклад // Б-ка ЕАК. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/Library.aspx>. – Дата доступа: 26.05.2019.

6. Тарасова, Т. А. Регрессионный анализ зависимости роста ВВП от факторов инновационной экономики [Электронный ресурс] / Т. А. Тарасова // Концепт. – 2017. – № 12. – С. 143–149. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2017/174025.htm>. – Дата доступа: 20.06.2019.

7. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : ратифицирован Законом Респ. Беларусь от 10 нояб. 2017 г. «О ратификации Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=F01700314&p1=1>. – Дата доступа: 26.05.2019.

8. World Trade Report 2016: Levelling the trading field for SMEs [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/publications_e/wtr16_e.htm. – Date of access: 26.05.2019.

9. О таможенном регулировании [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 22 дек. 2018 г., № 490. – Режим доступа: <http://president.gov.by/uploads/documents/2018/490uk.pdf>. – Дата доступа: 26.05.2019.

10. Романова, М. Евразийский экономический союз: какие изъятия и ограничения на внутренних рынках будут устранены в 2018–2019 гг. / М. Романова // Валют. регулирование и ВЭД. – 2018. – № 5. – С. 16–18.

11. Козловская, С. Долгая дорога к ВТО / С. Козловская // Валют. регулирование и ВЭД. – 2019. – № 2. – С. 5–10.

12. Евразийский экономический союз: цифры и факты [Электронный ресурс] : доклад ЕЭК 2018 // Б-ка ЕАК. – Режим доступа: [http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/ЕЭК%20%20Брошюра%20\(Цифры%20и%20факты\)_разворот.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/ЕЭК%20%20Брошюра%20(Цифры%20и%20факты)_разворот.pdf). – Дата доступа: 26.05.2019.

13. Данные ВТО по экспорту товаров и услуг по странам мира в 2018 году [Электронный ресурс] // Информационное агентство AfterShock. – Режим доступа: <https://aftershock.news/?q=node/743700&full>. – Дата доступа: 24.05.2019.

14. Внешнеторговый оборот товарами Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 24.05.2019.

15. Валовой внутренний продукт стран в 1980–2018 годах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svspb.net/danmark/vvp-stran.php>. – Дата доступа: 20.06.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.01.2020

Kostenko N. V., Khomyuk L. Yu. Foreign Economic Policy of the Republic of Belarus within the EAEU

The article analyzes the foreign economic activity of the Republic of Belarus. Exemptions and restrictions on the EAEU domestic markets are examined. Economic and mathematical modeling of foreign trade of the EAEU member countries has been carried out and the negative impact of export decline on GDP is revealed. Non-tariff measures restricting foreign trade within the EAEU have been identified. Measures to improve the foreign economic policy of the EAEU countries are proposed.

УДК 338.26.01

И. В. Прыгун¹, С. П. Романович²

¹канд. экон. наук, доц., доц. каф. экономики торговли и услуг
Белорусского государственного экономического университета
²преподаватель каф. экономики и управления
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: ¹rinrin313@gmail.com; ²ptaschkas@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Проведен анализ исследований, посвященных вопросам систематизации исторического процесса стратегического планирования, на основании которого предложена периодизация системы стратегического планирования Республики Беларусь. Распространение разработки стратегических планов на мезо- и микроуровнях вызвало ряд проблем, основной из них является неопределенность согласованности методологии стратегического планирования на каждом из этих уровней.

Введение

Тема стратегического планирования в настоящее время вызывает как теоретический, так и практический интерес. В последние десятилетия мы наблюдаем непрерывный процесс эволюции концепций стратегического планирования в рамках различных парадигм. Все большую связь прогнозирование находит с наукой о самоорганизующихся системах материального мира – синергетикой. За рубежом актуализировались тенденции к обобщению и осмыслению результатов проведенных многочисленных исследований в сфере стратегического планирования. На постсоветском пространстве ускоренными темпами формируется методология стратегирования с целью устойчивого развития экономики при формировании цивилизованного рынка. Эти вопросы широко освещаются в научной литературе, а также в публикациях по вопросам бизнеса и управления.

Отдельным аспектам развития данного вида планирования посвящали свои исследования отечественные и зарубежные авторы Я. М. Александрович, Б. Альстрэнд, В. А. Базаров, Н. Е. Белова, А. В. Богданович, В. И. Борисевич, Т. С. Вертинская, Е. П. Голубков, Г. А. Кандаурова, Н. Д. Кондратьев, А. Д. Корнилова, А. С. Ларионова, Д. Лэмпел, П. В. Магданов, Е. Н. Мезенцева, В. В. Мельников, М. Мескон, Г. Минцберг, В. В. Пинигин, С. С. Полоник, С. Г. Струмилини, Ф. Хедоури, В. Н. Шимов, И. С. Штапова, А. В. Якимов и др.

Однако все еще остается открытым вопрос о том, каковы объективные критерии и ступени поступательного развития стратегического планирования в Республике Беларусь, какие из них уже пройдены, а какие предстоит пройти. С этих позиций, а также для обоснования перспектив развития национальной экономики крайне важен анализ основных исторических периодов и этапов развития стратегического планирования.

Среди наиболее интересных работ, посвященных вопросам систематизации исторического процесса стратегического планирования, рассмотрим работы ученых, имеющие большое теоретическое значение в исследовании развития стратегического планирования.

Так, И. С. Штапова и В. В. Мельников в научной статье «Генезис понятия стратегического планирование» выделяют этапы развития стратегического планирования, объясняя изменения в содержании понятий «стратегия», «стратегическое планирование» [10]. Эта периодизация основывается также на изменении методологии стратегического планирования.

Помимо изменения методологии менялось и отношение субъектов хозяйствования к стратегическому планированию. Эти изменения можно проследить в периодизации стратегического планирования, представленной в научной статье О. А. Ушаковой «Развитие стратегического планирования в мировой и российской практике» [8, с. 241], в которой она выделяет постсоветский временной интервал и определяет его как возвращение к полноценному стратегическому планированию. На наш взгляд, такая позиция сильно обобщает процессы, происходившие в то время в постсоветских странах.

Поэтапное формирование стратегического планирования с учетом и зарубежного, и советского опыта отражено в научной статье «Генезис концепции стратегического планирования в контексте смены технологических укладов» П. В. Магданова. Автор рассматривает зарождение, становление и развитие стратегического планирования как метода управления экономическими системами разного масштаба в контексте развития экономики мирового сообщества. При этом большое значение имеет процесс смены технологических укладов [5, с. 108], на основании чего можно сделать вывод о важности влияния мировой рыночной конъюнктуры на поступательное развитие стратегического планирования.

В научной статье «Стратегии устойчивого развития регионов Беларуси: к вопросу о разработке новой методологии» Т. С. Вертинская исследует опыт разработки стратегий устойчивого развития на местном уровне и подчеркивает важность включения наряду с бизнес-сообществом гражданской составляющей в систему регионального стратегического планирования [3].

Таким образом, предлагаемые разными авторами периоды и этапы развития стратегического планирования актуальны в том аспекте, в котором рассматривается процесс становления и развития стратегического планирования.

Анализ социально-экономических и политических условий и проблем экономики XX–XXI вв. позволяет авторам на данном временном отрезке выделить как минимум два периода в развитии системы стратегического планирования Республики Беларусь – советский и постсоветский с внутренней этапизацией.

Хотя большинство литературных источников сообщают, что зарождение стратегического планирования приходится на 50-е гг. XX в., однако разработанный на практике первый в мире государственный стратегический план в 1920 г. в РСФСР позволяет утверждать о более раннем появлении стратегического планирования.

Так, в рамках советского периода можно выделить первоначальный этап формирования теоретико-методологических основ стратегического планирования с 1917 г. до 1950-х гг. В рамках этого этапа с 1926 г. по 1928 г. Госплан СССР разработал Генеральный план развития народного хозяйства СССР на 1928–1940 гг.

На последующих этапах – в 50-е и 60-е гг. XX в. – разработки в области стратегического планирования активизировались. В начале 1950-х гг. интенсивно развивается теория государственного стратегического планирования на основе балансового метода. С середины 1950-х гг. проводятся научные исследования по межотраслевому балансу, и первый отчетный межотраслевой баланс в СССР был построен за 1959 г. В конце 1950-х гг. был разработан инструментарий для стратегического планирования уровня жизни – рациональный потребительский бюджет, а в начале 1960-х гг. – комплексная система показателей уровня жизни и методики расчетов реальных доходов населения, баланса доходов и потребления населения.

В 1960-х гг. были сформированы основы прогнозного государственного стратегического планирования с использованием сценарных подходов. Этот инструментарий может быть востребован на современном этапе. Со второй половины 1960-х гг. на основе сценарных подходов стали развивать систему комплексного научно-технического и социально-экономического прогнозирования. Эта система получила свое развитие

благодаря развитию математических методов в системе планирования. Д. В. Канторович создал школу математического моделирования в экономике. Наступил новый этап в развитии научных исследований региональных проблем в территориальном и отраслевом планировании. Схемы развития и размещения производительных сил в союзных республиках, крупных экономических районах и административно-территориальных образованиях стали важнейшими инструментами территориального прогнозирования и планирования.

В 70-е гг. XX в. методология и практика стратегического планирования в СССР продолжала совершенствоваться. В стратегическом планировании отраслей народного хозяйства стал преобладать комплексный подход. Происходил переход от планирования отдельных отраслей к межотраслевому планированию. Благодаря опыту решения задач планирования с использованием вычислительной техники началась разработка автоматизированной системы плановых расчетов. При этом в теории планирования большое внимание уделялось социальным факторам и социальным последствиям принимаемых решений. В это время стало очевидным первостепенное значение стратегического планирования в управлении народным хозяйством, осуществляемое по принципу непрерывности. На практике в 1970-е гг. стала разрабатываться Комплексная программа научно-технического прогресса (КП НТП), которая подлежала корректировке и продлению каждое пятилетие.

С середины 1970-х до середины 1980-х гг. интенсивно развивался программно-целевой метод планирования. Стратегическое планирование 80-х гг. XX в. отмечено утверждением документа – «Основные направления экономического и социального развития СССР» на 1986–1990 гг. и на период до 2000 г. В качестве самостоятельной стадии планового решения была выделена Концепция экономического и социального развития страны на 15 лет.

И с теоретической, и с практической точки зрения советский период (1917–1990) является значительным. В это время стратегическое планирование Беларуси (БССР) проходило в рамках концепций и теорий, принятых в СССР, в условиях административно-командной экономики и имело директивный характер. За это время советские экономисты внесли свой вклад в теорию и практику стратегического планирования того времени, что впоследствии получило широкое распространение в мире. Долгосрочные пятилетние планы стали разрабатываться в Китае, Германии, Японии, Индии, Южной Корее, Франции.

В теории стратегического планирования важное место занимают труды первого директора Конъюнктурного института при Наркомате финансов СССР Н. Д. Кондратьева, председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского, специалистов Госплана СССР Г. М. Сорокина, С. Г. Струмилина, И. М. Губкина, И. Т. Александрова, Д. Н. Прянишникова, М. А. Шателяна и др. Особого внимания заслуживают труды Л. В. Канторовича и его коллег А. Л. Лурье, В. В. Новожилова, В. С. Немчинова, посвященные математическим методам систем планирования. Белорусский ученый-кибернетик Н. И. Ведута в советское время разработал модель научного стратегического планирования, которая объединила в себе теорию воспроизводства К. Маркса и Ф. Энгельса, модели межотраслевого баланса В. Леонтьева и кибернетики Н. Винера [4].

После распада СССР социально-экономические и политические условия Беларуси претерпели радикальные перемены, и это отразилось на системе планирования Республики Беларусь. Для большей наглядности развитие названных выше условий, основных целей планирования и нормативно-правовых документов стратегического планирования в Республике Беларусь можно проследить в таблице.

Таблица. – Характеристика этапов стратегического планирования в Республике Беларусь в постсоветский период

Этап	Характеристика этапа	Основные цели планирования	Основные нормативно-правовые документы
1	2	3	4
1991–1995	Разрушительные тенденции, обусловленные распадом СССР, крайним несовершенством и низкой эффективностью прежнего хозяйственного механизма, односторонностью принимаемых мер по стабилизации положения, привели к тому, что основные показатели социально-экономического развития республики до середины 1990-х гг. постоянно ухудшались. Так, в 1995 г. по сравнению с 1990 г. ВВП сократился на 35 %, объем промышленной продукции – на 39 %, производство потребительских товаров – на 40 %, валовая продукция сельского хозяйства – на 26 %, инвестиции в основной капитал – на 61 %, реальные денежные доходы населения – на 38 %. Индекс потребительских цен за пять лет возрос в 44 тыс. раз [9, с. 18].	Вывод страны из кризисного состояния. Реформирование экономики в рыночном направлении.	Были приняты ряд программ, законов, в том числе Программа неотложных мер по выводу экономики республики из кризиса 1994 г.
1996–2000	Остановлен спад производства, достигнута положительная динамика важнейших показателей. Так, ВВП за 1996–2000 гг. увеличился на 36 %, продукция промышленности – на 64 %, инвестиции в основной капитал – на 34 %, производство потребительских товаров – на 84 %. Существенно снизился рост инфляции, хотя и остался очень высоким. Реальные денежные доходы населения выросли в 1,7 раза [9, с. 19].	Возобновление планирования в новых условиях. Необходимость совершенствования нормативной базы. Переход к устойчивому развитию, обеспечивающему сбалансированное решение социально-экономических задач, проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей людей.	Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996–2000 гг. (1996 г.); Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь (НСУР-2010) (1997 г.); Закон Республики Беларусь № 157-3 от 5 мая 1998 г. «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь»; Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на 1998–2015 гг.
2001–2010	В период 2001–2010 гг. удалось добиться радикального снижения инфляции. Так, сводный индекс потребительских цен снизился со 146,1 % в 2001 г. до 109,9 %	Становление системы стратегического планирования в рамках индикативного управления.	Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 гг. (2001 г.);

Продолжение таблицы

1	2	3	4
	<p>в 2010 г. ВВП за десятилетие увеличен на 1866,28 %, производство промышленной продукции выросло на 1519,48 %, продукции сельского хозяйства – на 1 293,01 %. Выполнены в полном объеме социальные задачи. В 2001 г. обеспечен рост заработной платы до 100 долл. США, среднемесячная заработная плата работающих в конце 2010 г. составила 406 долл. США в эквиваленте. Повышались уровень и качество жизни населения. За 2000–2010 гг. реальные располагаемые денежные доходы белорусских граждан возросли на 217,7 %. Однако с 2009 г. в республике наблюдалось замедление темпов экономического роста, вызванное негативным влиянием мирового финансового кризиса. Резкое ослабление экономической активности в мире создало значительные проблемы для белорусской экономики. Цены на экспортируемые товары упали, снизился спрос на нашу продукцию, пошли задержки в расчетах, доступ на кредитные рынки стал трудным, а ресурсы дорожали [6].</p>	<p>Динамичный рост уровня благосостояния, обогащение культуры, повышение нравственности народа на основе интеллектуально-инновационного развития экономической, социальной и духовной сфер, сохранения окружающей среды.</p>	<p>Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. (НСУР-2020) (2004 г.); Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 гг. (2006 г.); Комплексный прогноз научно-технического прогресса Республики Беларусь на 2001–2020 гг.; Программа структурной перестройки и повышения конкурентоспособности экономики Республики Беларусь; Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, другие целевые и отраслевые программы.</p>
2011–2015	<p>Среднегодовые темпы прироста ВВП за пятилетие (2010–2015) составили 1,1 %, реальные денежные доходы увеличились в 1,33 раза. Несмотря на сложности, удалось достигнуть цели замедления инфляции со 108,7 % в 2011 г. до минимального уровня (12 %) в 2015 г. Была обеспечена увязка темпов роста оплаты труда с ростом его производительности: в 2015 г. темп роста производительности труда превысил рост реальной заработной платы на 0,4 %. Однако из-за низкого роста производительности труда в 2014–2015 гг.</p>	<p>Развитие системы стратегического планирования. Обеспечение высоких жизненных стандартов населения и условий для гармоничного развития личности на основе перехода к высокоэффективной экономике, основанной на знаниях и инновациях, при сохранении благоприятной окружающей среды.</p>	<p>Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. (2010 г.); Проект Закона «О государственном индикативном планировании социально-экономического развития Республики Беларусь» (2012 г.).</p>

Окончание таблицы

1	2	3	4
	произошло замедление темпов роста реальной заработной платы и реальных денежных доходов населения [6].		
2016 – наст. время	На данном этапе развития серьезное влияние на экономику нашей страны продолжают оказывать негативные внешние факторы, сформировавшие крайне неблагоприятную конъюнктуру для развития открытой белорусской экономики.	Формирование ССП в условиях создания единой системы стратегического планирования. Необходимость согласованности и сбалансированности документов стратегического планирования. Повышение качества жизни населения на основе роста конкурентоспособности экономики, привлечение инвестиций и инновационного развития.	Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. (2016 г.); Перечень государственных программ на 2016–2020 гг. (2016 г.); Указ Президента Республики Беларусь № 106 от 23.03.2016 «О государственных программах и некоторых вопросах оказания государственной поддержки» (2016 г.); НСУР-2030 (2017 г.) [2]; Концепция НСУР Республики Беларусь на период до 2035 г. (2018 г.)

Примечание – Источник – собственная разработка.

Как следует из таблицы, в начале 1990-х гг. планирование в Республике Беларусь было направлено на устранение кризисного состояния. Стало очевидным, что директивное (обязательное) планирование неэффективно в рыночных условиях. В 1991 г. была разработана Концепция экономического и социального развития до 2010 г. Этот этап в развитии системы стратегического планирования Республики Беларусь, когда происходило осознание необходимости разработки стратегических планов, можно назвать подготовительным.

С середины 1990-х гг. началось формирование системы стратегического планирования. Были приняты законы, нормативно-правовые документы, которые образовали систему государственного стратегического планирования. В 1996 г. появился один из ключевых нормативно-правовых документов – Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996–2000 гг., а в 1997 г. – первая Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь (НСУР-2010).

Этот документ подтвердил переход к устойчивому развитию, обеспечивающему сбалансированное решение социально-экономических задач, проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей. Затем были разработаны Концепция и Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на 1998–2015 гг., Концепция социально-экономического развития Республики Беларусь до 2015 г. К разработке этих документов в рассматриваемый и последующие этапы активно привлекались научные деятели, которые внесли неоценимый вклад в становление и развитие системы прогнозирования и планирования Республики Беларусь: Я. М. Александрович, А. В. Богданович, В. И. Борисевич, В. В. Пинигин, А. А. Матяс, В. Н. Шимов.

С 1998 г. государственное прогнозирование социально-экономического развития страны, в том числе и на долгосрочную перспективу, основывается на Законе Республики Беларусь № 157-З от 5 мая 1998 г. «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» [1]. Закон определяет цели и содержание системы государственных прогнозов и программ социально-экономического развития, а также общий порядок их разработки и реализации.

В соответствии с Законом долгосрочные и среднесрочные прогнозы разрабатываются для определения стратегических направлений развития национальной экономики, а краткосрочные направлены на реализацию выбранных приоритетов, в большей степени связаны с оперативным управлением социально-экономическими процессами.

С. С. Полоник и М. А. Смоляров считают, что для краткосрочных прогнозов большее значение имеет финансовый аспект по сравнению с вещественно-ресурсным, поскольку они призваны решать задачи оценки возможных последствий реализации отдельных управленческих решений, а также выбора наиболее эффективных вариантов мобилизации и концентрации ограниченных ресурсов и усилий государства на приоритетных направлениях экономического развития [7, с. 60].

Таким образом, в Республике Беларусь после распада СССР относительно быстро была создана система стратегического прогнозирования и планирования. Действующая система государственных прогнозов социально-экономического развития Республики Беларусь представлена на рисунке.

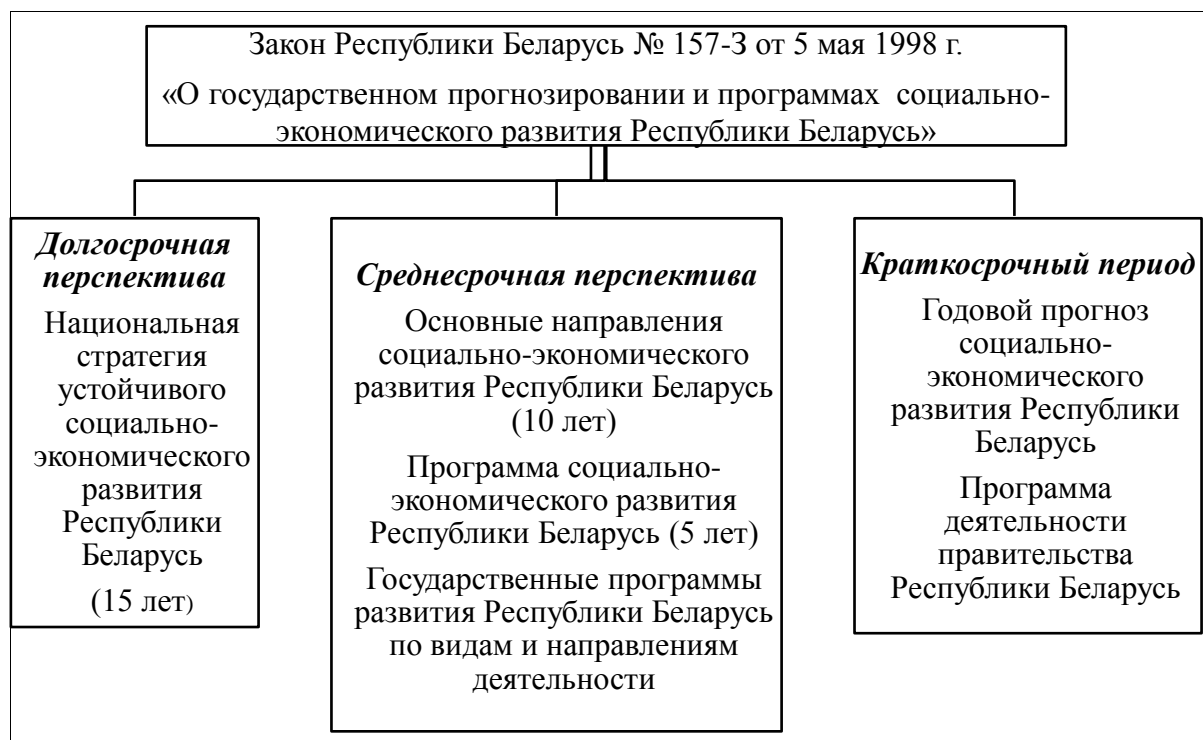

Рисунок. – Система государственных прогнозов социально-экономического развития Республики Беларусь

В начале 2000-х гг. на стабильность экономического развития, рост благосостояния населения и обновление производственного потенциала повлияли негативные процессы, которые были вызваны мировым финансовым кризисом, значительным ростом цен на энергоносители и др.

Для устранения последствий этих негативных процессов необходимо решить ряд государственных задач. С этой целью разрабатываются комплексные документы по сохранению бескризисных ситуаций:

- 1) Государственная программа импортозамещения на 2006–2010 гг.;
- 2) Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007–2010 гг.;
- 3) Программа подготовки временных (антикризисных) управляющих;
- 4) Национальная программа международного технического сотрудничества на 2006–2010 гг.;
- 5) Комплексная программа развития сферы услуг в Республике Беларусь на 2006–2010 гг.;
- 6) Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 гг.;
- 7) Программа устойчивого развития лесного хозяйства на 2007–2011 гг.;
- 8) Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на 1998–2015 гг. и др.

В начале 2010-х гг. изменились подходы к планированию: закреплён переход от директивной к индикативной системе. В январе 2012 г. представлен проект Закона «О государственном индикативном планировании социально-экономического развития Республики Беларусь».

В последнее время активно развивается в Беларуси стратегическое планирование. Разработка стратегических планов начала распространяться на мезо- и микроуровнях. Это вызвало ряд проблем, основной из них, по нашему мнению, является неопределённость согласованности методологии стратегического планирования на каждом из этих уровней. Решение данной проблемы будет способствовать эффективному управлению на всех уровнях страны. Одним из направлений решения вопроса должна стать новая концептуальная основа регулирования целевых областей регионального развития, обеспечивающая реализацию принципов устойчивого развития, что предполагает создание институциональных условий разработки региональных стратегий устойчивого развития на уровне органов местного управления и самоуправления. Утверждение в 2014 г. Концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации закрепило целесообразность изменений в системе планирования социально-экономического развития регионов Беларуси. Определённый задел в этом направлении сделан белорусскими учеными при разработке методических рекомендаций по формированию кластеров в различных сферах. В настоящее время перспективными направлениями развития системы стратегического планирования является разработка «дорожных карт» реализации стратегий для всех субъектов Республики Беларусь, а также методов контроля и механизмов ответственности за достижение результатов.

Заключение

Анализ имеющихся работ, посвящённых развитию стратегического планирования, показал, что каждая из них является актуальной в том аспекте, в котором рассматривается процесс становления и развития стратегического планирования. Система стратегического планирования Республики Беларусь развивается на основе богатого советского опыта в этой области, а также с учётом социально-экономических и политических условий. Нами предложена периодизация системы стратегического планирования Республики Беларусь, а также сделан вывод о необходимости скоординированной стратегической направленности всех подразделений и уровней хозяйства страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 05.05.1998 г., № 157-З. – Режим доступа: <http://belzakon.net>. – Дата доступа: 17.01.2020.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/dadvfiles/001251_893_NSUR2030pdf. – Дата доступа: 17.01.2020.
3. Вертинская, Т. С. Стратегии устойчивого развития регионов Беларуси: к вопросу о разработке новой методологии / Т. С. Вертинская // Псков. регион. журн. – 2016. – № 3. – С. 17–29.
4. История. Научная школа стратегического планирования Н. И. Ведуты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://strategplan.com/about/index.php>. – Дата доступа: 03.11.2019.
5. Магданов, П. В. Генезис концепции стратегического планирования в контексте смены технологических укладов / П. В. Магданов // Вестн. ПГУ. Сер. Экономика. – 2012. – Спецвыпуск. – С. 108–119.
6. Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/ru/history-ru/>. – Дата доступа: 24.01.2020.
7. Полоник, С. С. Прогнозирование национальной экономики : краткий курс лекций / С. С. Полоник, М. А. Смолярова. – Минск : Право и экономика, 2019. – 156 с.
8. Ушакова, О. А. Развитие стратегического планирования в мировой и российской практике / О. А. Ушакова // Вестн. ОГУ. – 2014. – № 6. – С. 239–243.
9. Шимов, В. Н. Беларусь: от экономического кризиса к устойчивому росту (опыт новейшей экономической истории) / В. Н. Шимов // Белорус. экон. журн. – 2006. – № 2. – С. 18–27.
10. Штапова, И. С. Генезис понятия «стратегическое планирование» [Электронный ресурс] / И. С. Штапова, В. В. Мельников // Современ. проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=-16137>. – Дата доступа: 02.12.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.02.2020

Pryhun I. V., Romanovich S. P. Methodological Bases and Stages of Strategic Planning Development in the Republic of Belarus

Analysis of the studies on systematization of the historical process of strategic planning is carried out on the basis of which the authors proposed periodization of the strategic planning system of the Republic of Belarus. Expansion of the development of strategic plans at the meso- and microlevels has caused a number of problems, the main one, according to the authors, is uncertainty in consistency of the strategic planning methodology at each of these levels.

УДК 658.16

О. Г. Кобринская

*ст. преподаватель каф. менеджмента туризма и гостеприимства
Институт менеджмента спорта и туризма
Белорусского государственного университета физической культуры
e-mail: grko19@mail.ru*

МОДЕЛИ СТРЕСС-ТЕСТИРОВАНИЯ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

Рассмотрены факторы, оказывающие влияние на модели стресс-тестирования.

Введение

Модели стресс-тестирования позволяют спрогнозировать кризисные ситуации и разработать соответствующие механизмы, снижающие вероятность наступления неблагоприятных событий. Целью исследования является выбор модели стресс-тестирования, обоснование факторов и оценка их влияния на разработанные модели через механизм финансовой устойчивости предприятия. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: выбор модели стресс-тестирования; выбор факторов влияния по критерию степени воздействия на уровень финансовой устойчивости предприятия; разработка коэффициентов ранговой весомости по каждому фактору; расчет интегрального показателя уровня финансовой устойчивости предприятия.

В современных условиях разными финансовыми институтами разработано и применяется большое количество стресс-тестов, которые можно классифицировать по разным критериям. Рассмотрим классификацию стресс-тестов (моделей) по количеству факторов. По этому признаку модели подразделяются на однофакторные и многофакторные. Однофакторные стресс-тесты (анализ чувствительности) позволяют рассмотреть влияние отдельно взятых факторов на резульативный показатель организации в краткосрочной перспективе. Такими факторами могут быть уровень инфляции, валютный курс, повышение цен на сырье, банкротство крупного должника, спад уровня спроса и др.

Они применяются преимущественно для оценки влияния изменения одного из факторов риска на финансовую устойчивость организации при сохранении неизменными прочих условий. Как правило, определяется чувствительность организации к действию одного конкретного фактора без взаимосвязи с другими. С помощью анализа чувствительности можно определить изменение финансовой устойчивости в случае возникновения кризисных явлений различной сложности или масштаб по отдельным независимым факторам риска.

Построение модели парной регрессии (или однофакторной модели) заключается в нахождении уравнения связи двух показателей y и x , т. е. определяется, как повлияет изменение одного показателя на другой.

В задачах по эконометрике основным этапом является нахождение параметров модели и оценка их качества. Уравнение модели парной регрессии можно записать в общем виде:

$$y = f(x), \quad (1)$$

где y – зависимый показатель (результативный признак); x – значения независимой переменной.

Существуют линейные и нелинейные однофакторные модели. Нелинейные модели регрессии представлены следующими функциями: полиномиальная, гиперболическая функции, степенная, показательная, экспоненциальная модели.

Рассмотрим уравнение линейной регрессии:

$$y = a + bx, \quad (2)$$

где x – независимая переменная; y – зависимая переменная; a, b – коэффициенты уравнения, подлежащие оценке.

Оценка результативности однофакторных стресс-тестов по сравнению со сценарным тестированием остается значительно ниже, поскольку полученные результаты не опираются на глубокий анализ экономической и исторической сути процессов, поэтому их лучше использовать для краткосрочных прогнозов, а не для обоснования долгосрочных решений, особенно в области управления рисками.

Важнейшим видом стресс-тестирования является многофакторный анализ, который называют также сценарным анализом. Его используют преимущественно для стратегической оценки комплексных явлений и показателей. Для достижения этой цели определяют главные факторы, влияющие на качество и динамику финансовой устойчивости, а затем разрабатывают сценарии, в которых указанные факторы в различных комбинациях подвергают стрессовым оценкам.

Построение модели множественной регрессии (или многофакторной модели) заключается в нахождении уравнения связи нескольких показателей: y и x_1, x_2 и т. д., т. е. определяется, как повлияет изменение показателей x_i на величину y .

Для построения модели множественной регрессии используют линейную, степенную и экспоненциальную модели.

Рассмотрим в формализованном виде линейную модель [1, с. 16]:

$$y = a + b_1 * x_1 + b_2 * x_2 + \dots + b_p * x_p, \quad (3)$$

где y – финансовая устойчивость; x_1, x_2, x_p – факторы влияния, a, b_1, \dots, b_p – коэффициенты уравнения регрессии.

Актуальным направлением использования тестовых сценариев является необходимость разработки вариантов гипотетических, ожидаемых экстремальных событий, которые должны быть вероятными и опираться на реальные или аналогичные события, происходившие в прошлом, т. е. должны учитывать анализ исторических сценариев.

Исторические стресс-тесты базируются на исторических сценариях. Они рассматривают финансовую устойчивость организации при повторении событий, которые уже происходили в прошлом. В качестве таких событий выступают финансово-экономические кризисы на мировом уровне и в масштабе национальной экономики. Модель основывается на оценке прошлых событий и факторов, оказавших влияние на финансовую устойчивость организации.

Исторические сценарии базируются на определенном фактическом материале. Однако, учитывая, что даже повторение кризиса невозможно при тех же обстоятельствах и с теми же результатами, их последствия невозможно полностью экстраполировать на будущее. Поэтому часто используют так называемые гибридные сценарии, которые позволяют учитывать как исторический опыт, так и возможность вариации финансовых переменных каждого объекта стресс-тестирования с учетом влияния других факторов.

Экспертные (гипотетические) многофакторные стресс-тесты разрабатываются на основе экспертных оценок и учитывают сочетание возможных событий, взаимодействие которых друг с другом до этого времени не было отмечено. Положительной стороной разработки гипотетических стресс-тестов можно считать более гибкую формулировку стрессовых событий, а проблемы связаны с определением вероятности событий,

которые никогда до этого не происходили. Масштаб изменения факторов риска зависит от мнения экспертов. Верное мнение экспертов позволяет эффективно устранить риск банкротства. Сценарии основываются на опыте и экспертной оценке субъектов рынка [1, с. 349].

Статистические многофакторные стресс-тесты рассматривают финансовую устойчивость организации при разных комбинациях возможных значений риск-факторов. При рассмотрении этой модели изучаются сценарии с определенной вероятностью осуществления, что дает возможность рассчитать значение необходимого капитала при реализации условий стресс-теста.

Сценарии максимальных потерь изучают финансовую устойчивость организации на основе оценки реализации худшего варианта развития событий или комбинации факторов риска, в результате чего их потенциальная отрицательная динамика может привести к максимальным убыткам – вымыванию капитала или даже к банкротству организации.

Недостатком многофакторных моделей является то, что они не в полной мере учитывают изменения структуры рынков и институтов финансового сектора.

Важное место в моделях стресс-тестирования занимают факторы влияния и финансовая устойчивость организации. Определим факторы, влияющие на финансовую устойчивость организации (экспертным методом) и согласованность мнений экспертов на основе коэффициента конкордации.

Рассмотрим пример расчета коэффициента конкордации. Экспертам ($m = 5$) было предложено проранжировать факторы ($n = 5$) по степени их влияния на уровень финансовой устойчивости предприятия.

Набор факторов включал в себя: X_1 – инновационный потенциал; X_2 – рентабельность продаж; X_3 – оборачиваемость капитала; X_4 – структура капитала; X_5 – долю отчислений чистой прибыли на развитие производства.

Инновационный потенциал можно определить на основе коэффициента использования инновационного потенциала ($K_{ин}$), который мы предлагаем определять по формуле:

$$K_{ин} = C_{фи} / C_{ви}, \quad (4)$$

где $C_{фи}$, $C_{ви}$ – соответственно фактическая стоимость созданных инноваций, максимально возможная стоимость создания инноваций.

Рентабельность продаж рассчитывается по формуле:

$$(R_{пр}) = Ч_n / B_p, \quad (5)$$

где $Ч_n$ – чистая прибыль; B_p – выручка от реализации.

Оборачиваемость капитала исчисляется так:

$$(K_{об}) = B_p / K_o, \quad (6)$$

где K_o – общий объем капитала.

Структуру капитала находят по формуле:

$$K_3 = Z_k / K_o, \quad (7)$$

где Z_k – стоимость заемного капитала.

Доля отчисления чистой прибыли на развитие производства определяется так:

$$K_{пн} = П_p / ЧП, \quad (8)$$

где $П_p$ – реинвестированная прибыль, $ЧП$ – чистая прибыль.

Фактору, оказывающему наибольшее влияние на уровень финансовой устойчивости предприятия, присвоим ранг 5, следующему – 4 и т. д.

Ответы экспертов о ранжировании факторов сведем в таблицу 1 [2, с. 77].

Таблица 1. – Матрица рангов опроса экспертов

Эксперты	Факторы					Σx_{ji}
	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	
1	2	5	1	1	5	14
2	3	5	2	1	4	15
3	4	5	2	2	4	17
4	3	5	3	2	5	18
5	3	4	2	1	5	15

Из таблицы 1 следует, что имеет место случай связанных рангов. Сумма рангов не равна числу ранжируемых факторов. Необходимо провести переранжировку факторов и каждому фактору приписать стандартизированные ранги. Результаты переранжировки факторов приведены в таблице 2 [2, с. 80].

Таблица 2. – Матрица стандартизированных рангов

Эксперты	Факторы					Σx_{ji}
	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	
1	3	4,5	1,5	1,5	4,5	15
2	3	5	2	1	4	15
3	3,5	5	1,5	1,5	3,5	15
4	2,5	4,5	2,5	1	4,5	15
5	3	4	2	1	5	15
$\sum_{j=1}^m x_{ji}$	15	23	9,5	6	21,5	75
$\sum_{j=1}^m x_{ji} - \bar{X}$	0	8	-5,5	-9	6,5	0
$\left(\sum_{j=1}^m x_{ji} - \bar{X} \right)^2$	0	64	30,25	81	42,25	271,5

В случае связанных рангов число рангов не равно числу ранжируемых объектов [1, с. 80]. Дальше объектам (факторам) приписывают так называемые стандартизированные ранги. Для этого общее число стандартизированных рангов полагают равным числу объектов (факторов). Объектам, имеющим одинаковые ранги, присваивают стандартизированный ранг. Он представляет среднее значение суммы мест, поделенных на число объектов с одинаковыми рангами.

Таким образом, в случае связанных рангов сначала производится переранжировка рангов (объектов) факторов. Затем расчет производится в том же порядке, что и в случае несвязанных рангов.

После переранжировки суммы рангов строк равны между собой. Подсчитаем сумму рангов по каждому фактору и по всем факторам. Суммы рангов строк и столбцов равны – 75.

Определим средний ранг фактора по формуле:

$$\bar{X} = \sum_{i=1}^n x_{ji} \Sigma_{j=1}^m x_{ji} / n = 75 / 5 = 15. \quad (9)$$

Рассчитаем сумму квадратов разности между суммой рангов по каждому фактору и средней величиной ранга:

$$S = \sum_{i=1}^n (\sum_{j=1}^m X_{qi} - \bar{X})^2 = 217,5. \quad (10)$$

В случае когда какой-либо эксперт не может установить ранговое различие между несколькими смежными факторами и присваивает им одинаковые ранги (случай связанных рангов), расчет коэффициента конкордации производится по формуле:

$$W = S / [1/12m^2 (n^3 - n) - m \sum_{j=1}^m T_j], \quad (11)$$

где m – число экспертов в группе; n – число факторов; S – сумма квадратов разностей рангов (отклонений от среднего); T_j – число одинаковых рангов в j -м ряду.

T_j найдем по формуле:

$$T_j = 1/12 \sum_{t_j} (t_j^3 - t_j), \quad (12)$$

при этом $\sum T_j = 3,0$.

В итоге $W = 217,5 / [1/12 * 5^2 (5^3 - 5) - 5 * 3] = 250 - 12,5 = 0,93$.

Проверим значимость коэффициента конкордации W по критерию χ^2 Пирсона:

$$X^2_{расч} = S / [1/12 mn (n-1) - (1/n-1 \sum T_j)], \quad (13)$$

$X^2_{расч} = 217,5 / [1/12 * 5 * 5 * 6 - 1/4 * 3,0] = 217,5 / 7,705 = 18,51$.

Сравним расчетное значение X^2 с табличным. X^2 табличное при числе степеней свободы $n-1$ и уровне значимости $\alpha = 0,05$ равно 9,5.

X^2 расчетное 18,51 > X^2 табличное 9,5.

Можно сделать вывод, что гипотеза о случайности в совпадении мнений экспертов отвергается. С вероятностью 95 % можно утверждать, что существует определенная согласованность экспертов относительно факторов, оказывающих влияние на уровень финансовой устойчивости предприятия.

Определим коэффициент ранговой весомости каждого из составляющих уровня финансовой устойчивости предприятия по предлагаемой формуле:

$$K_{рв} = \sum_{i=1}^n x_{ji} / \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n x_{ji}, \quad (14)$$

где $\sum_{j=1}^n X_{ji}$ – сумма значений рангов в разрезе столбцов матрицы; $\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n X_{ji}$ – сумма значений рангов в разрезе столбцов и строк.

Коэффициенты ранговой весомости: $x_1 = 0,2$; $x_2 = 0,306$; $x_3 = 0,127$; $x_4 = 0,08$; $x_5 = 0,287$.

Самое большое влияние из пяти рассмотренных факторов на уровень финансовой устойчивости предприятия оказывает X_2 – рентабельность продаж, затем X_5 – доля отчисления чистой прибыли на развитие производства, а наименьшее влияние – фактор X_4 – структура капитала.

Определив количественную оценку элементов финансовой устойчивости организации (выраженных в виде разработанных коэффициентов и их значения весов), рассчитаем интегральный показатель уровня финансовой устойчивости организации (K_u) по следующей формуле:

$$K_u = K_{ин} * K_{еи} + R_{пр} * K_{ер} + K_{об} * K_{ео} + K_3 * K_{ез} + K_{рн} * K_{вн}, \quad (15)$$

где $K_{еи}$, $K_{ер}$, $K_{ео}$, $K_{ез}$, $K_{вн}$ – коэффициенты весомости инновационного потенциала, рентабельности продаж, оборачиваемости капитала, структуры капитала, отчисления чистой прибыли на развитие производства соответственно.

Заключение

Проведенные исследования дают возможность выбрать оптимальные модели стресс-тестирования, оценить факторы, влияющие на них, определить коэффициенты ранговой весомости, разработать интегральный показатель уровня финансовой устойчивости организации как результативный фактор влияния на модели стресс-тестирования применительно к условиям различных сценариев стресс-тестирования.

Таким образом, проведенные исследования позволят улучшить методическую базу количественной оценки в моделях стресс-тестирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Минюк, С. А. Математические методы и модели в экономике : учеб. пособие / С. А. Минюк, Е. А. Ровба. – Минск : Белорус. дом печати, 2002. – 431 с.
2. Овчинникова, Н. В. Математические методы и модели в экономике : учеб. пособие / Н. В. Овчинникова. – Минск : БГУ, 1990. – 91 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.03.2019

Kobrynskaya O. G. Stress Models – Testing and Influence Factors

The article discusses stress testing models, as well as factors that influence them.

ПРАВА

УДК 342.7

Д. С. Береговцова

*канд. юрид. наук, доц., зав. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: beregovtsova.diana@yandex.by*

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРЕЗУМПЦИИ НЕСОГЛАСИЯ НА ЗАБОР ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ПРИ ПОСМЕРТНОМ ДОНОРСТВЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ (НА ПРИМЕРЕ США)

Рассматриваются основные модели правового регулирования изъятия органов и тканей у умершего донора с целью последующей трансплантации, их характерные особенности, достоинства и недостатки. Особое внимание уделено системе четко выраженного (испрошенного) согласия («opting in» – презумпции несогласия), которая детально исследована на примере США в силу успешности ее применения в этой стране и наблюдающейся преемственности в развитии ее правового регулирования в США. Сделан вывод, что система испрошенного согласия может быть весьма эффективной при условии проведения комплекса организационно-правовых мер, в число которых также входит осуществление совокупности информационных мероприятий с целью доведения до населения сведений об особенностях действующей в стране модели правового регулирования изъятия органов и тканей у умершего донора.

Введение

Трансплантация органов и тканей относится к числу тех достижений современной медицины, которые способны дать надежду на сохранение жизни и восстановление здоровья (хотя бы частичное) даже в самых тяжелых случаях, когда иные медицинские технологии оказываются нерезультативными либо практически бесполезными. Так, в 2019 г. белорусские трансплантологи произвели уникальную операцию по пересадке одной донорской печени (от умершего донора) сразу двум реципиентам – маме и годовалому ребенку, ставшими жертвами отравления бледной поганкой. При этом печень была разделена на две части: пятая часть пересажена ребенку, остальное – матери [1]. В данном случае трансплантация печени была единственным способом спасения жизни пациентов.

Этот пример является одним из множества. Трансплантация органов и тканей позволяет подарить второй шанс смертельно больным пациентам, повлиять на продолжительность или качество жизни тяжелобольных. Именно поэтому значение данной медицинской технологии сложно переоценить. Однако зачастую вокруг трансплантации органов и тканей возникают разнообразные этико-правовые споры, касающиеся в том числе вопросов получения прижизненного согласия доноров на посмертное изъятие органов и тканей.

В соответствии с комментарием к руководящему принципу № 1 по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов с этической точки зрения согласие пациента является краеугольным камнем всех медицинских вмешательств [2]. Также в комментарии отмечено, что в зависимости от социальных, медицинских и культурных традиций каждой страны, а также от того, каким образом семьи участвуют в процессе принятия решений относительно своего здоровья в целом, согласие на получение органов и тканей от умерших может быть «четко выраженным» или «предполагаемым». В обеих системах любое надежное свидетельство неприятия человеком посмертного изъятия его клеток, тканей или органов воспрепятствует такому изъятию.

Таким образом, в законодательствах зарубежных государств закрепляются две базовые модели правового регулирования изъятия органов и тканей у умершего донора с целью трансплантации:

1) система предполагаемого (неиспрошенного) согласия (*opting/contracting out* – презумпция согласия);

2) система четко выраженного (испрошенного) согласия (*opting in* – презумпция несогласия).

При использовании первой системы забор органов и тканей у умершего донора допускается, если он при жизни не высказывался негативно относительно возможности забора у него органов и тканей для трансплантации после смерти. При этом негативное волеизъявление донора должно быть выражено в письменной форме, например содержаться в реестре отказов либо иным способом доведено до медицинских работников. Именно такая система закреплена в законодательствах Республики Беларусь, Российской Федерации, Польши, Испании и т. д.

При закреплении в законодательстве второй системы посмертный забор органов и тканей допускается лишь тогда, когда потенциальный донор при жизни дал письменное согласие на посмертное изъятие у него органов и тканей для трансплантации. Согласие на забор органов уже после смерти донора могут также дать его супруг (супруга), близкие родственники. Рассмотреть особенности второй системы поможет анализ законодательства США, поскольку, во-первых, эта система положена в основу посмертного забора органов для трансплантации в стране, а во-вторых, является достаточно результативной, в силу чего США служат примером успешного применения системы испрошенного согласия (презумпции несогласия).

Отметим, что отдельные специалисты выделяют также смешанные системы. Так, в Сингапуре при действующей общей презумпции согласия установлена система обязательного информированного согласия (презумпция несогласия) для лиц, исповедующих ислам [Цит. по: 3].

Зачастую специалисты-трансплантологи, в том числе и в Республике Беларусь, делают акцент на эффективность системы предполагаемого согласия, поскольку ее закрепление в законодательстве той или иной страны направлено на увеличение количества потенциальных доноров органов и тканей, т. е. любой индивид, который при жизни не выразил своего отношения (как позитивного, так и негативного) к посмертному забору у него органов и тканей для трансплантации, является потенциальным донором.

Представители юридической науки, также отмечая результативность такой системы, тем не менее говорят об определенных этических и правовых проблемах, возникающих при ее использовании. Е. Н. Степанова, В. И. Малярчук, Н. В. Степанов отмечают, что «презумпция согласия» дает больше возможностей для изъятия донорских органов, развития трансплантологии и оказания медицинской помощи нуждающимся больным, чем «система согласия» («испрошенное согласие»), однако с точки зрения этической и правовой она далеко не безупречна [4].

Систему презумпции несогласия принято считать в нашей стране недостаточно перспективной и удобной для применения в силу ее относительно низкой результативности и эффективности в контексте удовлетворения растущей потребности в донорских органах. По словам директора ГУ «МНПЦ хирургии, трансплантологии и гематологии» Олега Руммо, именно внедрение презумпции согласия в белорусское здравоохранение дало толчок развитию трансплантологии в стране и, что самое важное, позволяет спасти жизни сотням людей [5]. Вместе с тем система четко выраженного согласия в большей степени ориентирована на соблюдение прижизненного волеизъявления индивида, так как при ее использовании, как уже было отмечено выше, требуется прямо и ясно выраженное согласие на трансплантацию.

Итак, к странам, в законодательстве которых закреплена презумпция несогласия, следует отнести США, Великобританию, ФРГ и др. Презумпция несогласия, закрепленная в законодательстве США, характеризуется успешностью ее применения в условиях этой страны и наблюдающейся преемственностью в развитии ее правового регулирования. Так, в настоящее время различные аспекты права индивида на распоряжение своими органами и тканями регулируются в США Актом об анатомическом даре*. Принятый в 1968 г., он претерпел значительные изменения в 1987, а затем в 2006 гг. Таким образом, сейчас действует Единый Акт об анатомическом даре 2006 г. (Uniform Anatomical Gift Act) [6]. Отметим, что версия Акта 1987 г. была принята только в 26 штатах, остальные использовали версию 1968 г., что создавало определенные организационные и правоприменительные трудности, с целью преодоления которых и был принят Акт об анатомическом даре 2006 г. Его цель – установить максимально возможное правовое единообразие в рассматриваемой сфере (т. е. унифицировать законодательства штатов), и, таким образом, это фактически типовой акт. Отметим, что в некоторых штатах действует обновленный вариант Акта 2006 г.

Акт об анатомическом даре 2006 г. направлен на регулирование посмертного пожертвования органов в различных целях и, соответственно, не распространяется на прижизненное донорство. В разделе втором Акта дается определение анатомического дара как пожертвования всего человеческого тела или его частей, вступающего в силу после смерти донора, в целях трансплантации, в терапевтических, научно-исследовательских целях, для использования в процессе обучения. Донор (индивид, чье тело или его части являются предметом анатомического дара) может совершить анатомический дар посредством: отметки в водительских правах или идентификационной карте; завещания; во время неизлечимой болезни или травмы, путем сообщения двум совершеннолетним лицам, из которых по крайней мере одно является незаинтересованным свидетелем. Анатомический дар также может быть совершен путем заполнения карты донора либо составления иного документа, подписанного лицом, совершающим анатомический дар (либо иными уполномоченными лицами), а также путем регистрации в реестре доноров (Акт, раздел 5). В карте донора, как правило, указываются сведения о том, в каких целях производится пожертвование органов и тканей (например, донор может отметить, что органы могут использоваться только с целью трансплантации и терапевтическими целями либо только научно-исследовательскими и образовательными целями). Характерно, что в соответствии с разделом 11 Акта, если в документе об анатомическом даре отмечено, что органы донора могут использоваться с различными целями, перечисленными в Акте, то приоритет отдается трансплантации и терапевтическим целям.

В соответствии с разделом 7 Акта индивид также может выразить отказ от посмертного пожертвования своих органов в предусмотренных законом формах либо изменить или отменить анатомический дар. При этом раздел 8 акта устанавливает приоритетность волеизъявления умершего донора, касающегося анатомического дара, по отношению к волеизъявлениям иных лиц, в частности его родственников и законных представителей (исключение составляют несовершеннолетние, умершие до достижения 18-летнего возраста). Однако если умерший донор не выразил свое отношение к забору у него органов и тканей для трансплантации (либо в отношении терапевтических, научно-исследовательских целей), то анатомический дар в отношении тела (частей тела) умершего могут совершить лица, указанные в Акте: супруг, родственники и другие лица в порядке очередности, установленной Актом.

Отметим, что характерной особенностью системы испрошенного согласия, действующей в США, является создание реестров доноров (в каждом штате ведется свой

*В рамках статьи не рассматриваются вопросы координации трансплантации в США, поскольку это предмет самостоятельного исследования.

реестр; существует также общенациональный реестр), в которых фиксируются волеизъявления лиц, желающих стать донорами. Общенациональный (федеральный) реестр и реестры штатов – это отдельные, независимые друг от друга реестры, а индивид сам может выбрать, будет ли он зарегистрирован в качестве донора в реестре штата, или в общенациональном, или в обоих. При этом существует возможность выразить волеизъявление об анатомическом даре также посредством онлайн-регистрации в реестре (возможна и личная регистрация в местном отделении департамента транспортных средств). Данные индивида (он должен быть старше 18 лет, однако в некоторых штатах существует возможность регистрации и для лиц моложе 18 лет (от 15 до 17), заполнившего необходимую форму, заносятся в соответствующий реестр. В соответствии с данными, опубликованными на сайте *Donate Life America*, 95 % американцев выступают за то, чтобы стать донорами, однако только 58 % зарегистрированы в качестве донора [7].

Сайт некоммерческой организации *Donate Life America* является наглядным примером грамотно организованной информационной работы с населением с целью повышения эффективности оказания трансплантологической помощи в США. «113 000 ждут в настоящее время спасительной пересадки, каждые 10 минут один человек добавляется в лист ожидания, 22 человека умирают каждый день, не дождаввшись пересадки органов и тканей; один донор органов и тканей может спасти 75 жизней, 8 000 смертей происходят каждый год в США, потому что органы не пожертвованы вовремя, 82 % пациентов нуждаются в пересадке почек, 1 из 3 посмертных доноров старше 50 лет», – это информация с сайта *Donate Life America* и ответ на вопрос, почему жителям США следует пройти онлайн-регистрацию в качестве донора органов тканей [7]. Сама онлайн-регистрация – процесс несложный и не занимающий много времени.

Таким образом, система испрошенного согласия, действующая в США, обладает определенными особенностями, направленными на реализацию индивидом правомочия по распоряжению своим телом в различных целях, в том числе и в целях пожертвования органов и тканей для трансплантации, отдавая при этом приоритет его прижизненному волеизъявлению. В США презумпция несогласия функционирует достаточно эффективно, что выражается в значительном количестве операций по трансплантации органов и тканей. Так, в 2018 г. было проведено 36 529 операций, в 2017 г. – 34 770 операций, в 2016 г. – 33 610. Как правило, общее количество ежегодных трансплантаций в течение последних 10 лет превышало 28 000. При этом, начиная с 2012 г., из года в год наблюдается исключительно положительная динамика. Наибольшие показатели при этом отмечены в 2018 г. [8] (в данную статистику входят операции с использованием органов как от прижизненных, так и посмертных доноров).

Заключение

1. Система испрошенного согласия может быть весьма эффективной и не уступать по результативности системе неиспрошенного согласия, что мы можем наблюдать на примере США.

2. Необходимым условием эффективности этой системы является доведение до населения информации об особенностях действующей в стране модели правового регулирования изъятия органов и тканей у умершего донора, механизмах дачи согласия на забор органов и тканей для последующей трансплантации, важной роли прижизненного согласия на посмертный забор органов и тканей для спасения жизни потенциальных реципиентов, формирование положительного восприятия населением мероприятий по оказанию трансплантологической помощи.

3. Результативность системы испрошенного согласия напрямую зависит и от особенностей правового регулирования посмертного забора органов и тканей для трансплантации, а также комплекса организационных мероприятий в части создания реест-

ров доноров, возможности выражения волеизъявления об анатомическом даре, в том числе и посредством онлайн-регистрации.

4. Механизм выражения прижизненного согласия в условиях системы испрошенного согласия для повышения ее действенности должен быть достаточно простым и понятным. Более того, обязательно наличие нескольких альтернативных способов выражения согласия на посмертный забор органов и тканей для трансплантации, что упрощает сам процесс выражения согласия и, соответственно, увеличивает количество индивидов, выразивших прижизненное согласие выступить донором органов и тканей после смерти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Одна печень на двоих. Как спасали маму и малыша из Кобрина, которые отравились бледной поганкой [Электронный ресурс] // Новости TUT.BY. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/653319.html>. – Дата доступа: 15.10.2019.

2. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, органов и тканей [Электронный ресурс] : утв. ВОЗ на 63 сессии ВОЗ в мае 2010 г. резолюцией WHA 63.22 // ВОЗ. – Режим доступа: https://www.who.int/transplantation/Guiding_PrinciplesTransplantation_WHA63.22ru.pdf?ua=1. – Дата доступа: 15.10.2019.

3. Салагай, О. О. Трансплантация органов и тканей в международно-правовом и сравнительно-правовом аспектах [Электронный ресурс] / О. О. Салагай // Режим доступа: <http://www.center-bereg.ru/f955.html>. – Дата доступа: 12.04.2019.

4. Степанова, Е. Н. О презумпции согласия в правовом регулировании трансплантации органов человека [Электронный ресурс] / Е. Н. Степанова, В. И. Малярчук, Н. В. Степанов // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prezumptsii-soglasiiya-v-pravovom-regulirovanii-transplantatsii-organov-cheloveka>. – Дата доступа: 26.11.2019.

5. Белорусские трансплантологи заработают на иностранцах [Электронный ресурс] // Завтра твоей страны. – Режим доступа: <https://zautra.by/news/news-6722>. – Дата доступа: 29.10.2019.

6. Revised Anatomical Gift Act (2006) : Last Revised or Amended in 2009 г. [Электронный ресурс] // Uniform law commission. – Режим доступа: http://www.uniform-laws.org/shared/docs/anatomical_gift/uaga_final_aug09.pdf. – Дата доступа: 25.04.2019.

7. Donate Life America [Электронный ресурс] // Donate Life America. – Режим доступа: <http://www.do-natelife.net>. – Дата доступа: 25.11.2019.

8. Total number of organ transplants in the United States from 1988 to 2019 [Электронный ресурс] // The Statistics Portal. – Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/398481/total-number-of-us-organ-transplants/>. – Дата доступа: 25.11.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.12.2019

Berahautsova D. S. Consolidation of the Presumption of Disagreement on the Removal of Organs and Tissues during Post-Mortem Donation in the Legislation of Foreign Countries (on the Example of the USA)

The main models of the legal regulation of the removal of organs and tissues from a deceased donor for the purpose of post-mortem transplantation, their characteristic features, advantages and disadvantages are considered. Particular attention is paid to the system of clearly expressed («requested») consent («opting in», the presumption of disagreement), which has been studied in detail on the example of the United States due to the success of its application in the conditions of this country and the observed continuity in the development of its legal regulation in the United States. It is concluded that the system of requested consent can be very effective provided that a set of organizational and legal measures is carried out, which also includes a set of informational events aimed at bringing to the public information on the specifics of the current model of legal regulation of organ and tissue removal from the country deceased donor.

УДК 343.98.067

С. М. Храмов¹, Т. В. Сильченко²

¹канд. юрид. наук, доц., доц. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
²студентка IV курса юридического факультета
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: ¹tut-2003@tut.by; ²tanyas_97@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОСЛЕДУЮЩЕГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Дается теоретическое обоснование этапов расследования преступлений. Выделяются типовые ошибки. Приводятся и анализируются примеры из судебной практики. Выделяются тактические особенности допроса обвиняемого, очных ставок, проведения экспертных исследований по рассматриваемой категории дел. Делается вывод о целесообразности производства комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении как потерпевшего лица, так и подозреваемого. Дается рекомендация о своевременном реагировании на любые формы проявления противодействия предварительному расследованию посредством применения соответствующих тактических приемов.

Введение

Одной из главных задач государства является охрана граждан от любого рода посягательства на их жизнь, здоровье, половую свободу и неприкосновенность. Преступления, посягающие на половую свободу и неприкосновенность, представляют собой общественно опасные деяния, которые по своей природе являются особо тяжкими, что закреплено Уголовным кодексом (далее – УК) Республики Беларусь [1]. Статистические данные Министерства внутренних дел Республики Беларусь за 2018 г. свидетельствуют о совершении 262 насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних. В 2017 г. зарегистрировано 221 такое преступление. Количество преступных посягательств по сравнению с 2017 г. выросло на 24,2 % [2].

Проведенный анализ статистических данных в рассматриваемой сфере свидетельствует о необходимости активизации противодействия со стороны правоохранительных органов такого рода посягательствам в отношении несовершеннолетних. Для этого необходимо уделять повышенное внимание дальнейшему совершенствованию методики расследования подобных преступлений. Резервом является также оптимизация тактических приемов проведения отдельных следственных и иных процессуальных действий при осуществлении последующего этапа расследования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних.

Теоретическое обоснование этапов расследования преступлений

В практической деятельности следственных органов не всегда удается четко разграничить первоначальный и последующие этапы расследования. Эти этапы являются предметом изучения криминалистической методики расследования преступлений.

Как и любую сложную деятельность, в криминалистике процесс расследования преступлений принято делить на ряд последовательных этапов: «первоначальный, последующий и заключительный этапы расследования» [3, с. 549].

Первоначальный этап в целом служит основой успешной доказательственной деятельности по уголовным делам. Что касается последующего этапа расследования, то он «характеризуется разрешением проблемных ситуаций в отношении основных структурных элементов предмета доказывания (событие и способ совершения преступления, виновное лицо)» [4, с. 334]. На этом этапе появляется новая доказательственная

информация по расследуемому уголовному делу, что позволяет следователю ответить на проблемные вопросы, оставшиеся неразрешенными на первоначальном этапе.

Объем фактических данных по уголовному делу может быть различным. Доказательства, полученные из различных источников, позволяют выдвигать и проверять различные версии произошедшего. В связи с этим последующий этап расследования характеризуется активным доказыванием. Проверяются имеющиеся данные, анализируются новые, идет поиск дополнительных сведений в рамках расследуемого уголовного дела. Именно поэтому необходимо исследование проблемных вопросов последующего этапа расследования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних. Представляется, что последующий этап расследования данного преступления начинается с момента выполнения всех первоначальных следственных действий.

Типовые ошибки

При производстве следственных действий по делам о насильственных действиях сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, возможны следующие типовые ошибки:

- 1) использование «общей» тактики допроса, без учета особенностей допрашиваемого потерпевшего лица;
- 2) неприменение в ходе производства следственных действий (допроса, следственного эксперимента и др.), тактических приемов преодоления противодействия обвиняемого лица;
- 3) отсутствие взаимодействия между следователем и экспертом;
- 4) отсутствие или несвоевременное назначение психолого-психиатрической экспертизы в отношении обвиняемого;
- 5) несвоевременное проведение очной ставки;
- 6) проведение очной ставки, заведомо создающей условия психотравмирующей обстановки для несовершеннолетнего потерпевшего;
- 7) неполная или неточная квалификация содеянного, например, при совершении обвиняемым нескольких преступлений в отношении заведомо несовершеннолетнего (несовершеннолетней);
- 8) процессуальные ошибки, ведущие к признанию доказательств, полученных в ходе расследования с нарушениями, недопустимыми.

Эти типовые ошибки полезно знать, чтобы избежать их в процессе предварительного расследования. Кроме того, знание типовых ошибок позволит лицу, производящему предварительное следствие, наиболее оптимально организовать процесс расследования преступления и установления истины по делу.

Примеры из судебной практики

Первоначальные следственные действия, осуществляемые по уголовному делу, как правило, выполняются максимально эффективно. Сложности же возникают обычно при производстве последующего этапа предварительного следствия.

Так, «в 2015 году возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 167 УК Республики Беларусь в отношении гражданина М. В ходе расследования уголовного дела было установлено, что обвиняемый, используя вымышленные аккаунты в социальных сетях, под видом руководителя выдуманного им детского военно-патриотического лагеря... вступал в переписку с мальчиками школьного возраста и под предлогом «проверки мужественности и выносливости» завлекал в личные встречи в лесном массиве, где совершал с детьми насильственные действия сексуального характера. Изобличение и задержание педофила стало возможным исключительно благодаря тому, что очередной

мальчик своевременно сообщил о переписке своему отцу, оказавшемуся сотрудником милиции, однако вину гражданин М. не признал» [5].

На первоначальном этапе расследования не всегда удается разрешить все вопросы квалификации, особенно в сложных случаях. Например, «М., находясь в состоянии алкогольного опьянения, потребовал от потерпевшей вступить с ним в половую связь, а когда она отказалась, действуя против ее воли, применяя насилие и угрожая убийством, демонстрируя нож, совершил в отношении нее действия сексуального характера и изнасилование. После совершения насильственных действий сексуального характера и изнасилования у М. возник умысел на убийство потерпевшей с целью скрыть указанные преступления. Реализуя свой умысел, М. нанес потерпевшей не менее 5 ножевых ранений, от которых последовала ее смерть на месте происшествия».

При квалификации действий М. на последующем этапе расследования следовало выяснить, с какой целью была причинена смерть потерпевшей. В данном случае «непосредственно после изнасилования потерпевшей и совершения с ней действий сексуального характера осужденный с целью сокрытия указанных преступлений убил потерпевшую. Цели сокрытия иных преступлений осужденный не преследовал, а потому содеянное им полностью охватывается квалифицирующим признаком убийства как сопряженного с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера» [6].

Тактические особенности допроса обвиняемого

Допрос лица в качестве обвиняемого по уголовному делу происходит непосредственно сразу после предъявления обвинения в том случае, если следователь имеет достаточное количество доказательств, указывающих на то, что данное лицо виновно в совершении преступления. В ходе проведения допроса у лица, которому предъявлено обвинение в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних, в обязательном порядке выясняется его отношение к обвинению: признает ли лицо себя виновным либо не признает. Возможен вариант ответа с частичным признанием вины.

Часто лицо не признает себя виновным или же вовсе отказывается от дачи показаний, пользуясь правом, предоставленным ему ст. 27 Конституции Республики Беларусь: «Никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы» [7, с. 11]. В таком случае перед следователем стоит задача собрать доказательства виновности лица из других допустимых источников, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. В любом случае в ходе допроса следователь должен стремиться получить от обвиняемого максимально правдивые показания, которые отражают реальную картину произошедшего.

Надо быть готовым к тому, что обвиняемый без каких-либо последствий для своего процессуального положения может сообщить заведомо ложные сведения относительно события преступления, например, об отсутствии факта насильственных действий сексуального характера. При этом обвиняемый может сослаться на якобы имевшее место добровольное согласие потерпевшей. Зная эти особенности, следователь при допросе обвиняемого должен предпринять все меры по пресечению возможной лжи.

Приведем характерный пример из следственной практики: «В 2014 году возбуждено уголовное дело по факту совершения изнасилования и насильственных действий сексуального характера в отношении 18-летнего гражданина М. На протяжении всего предварительного следствия обвиняемый утверждал, что преступления он не совершал, а 16-летняя потерпевшая вступила в половую связь добровольно. В ходе предварительного следствия были установлены объективные данные, а также получены иные доказа-

тельства, свидетельствующие о виновности обвиняемого, что в конечном итоге привело к признанию вины в полном объеме» [8, с. 89].

Одним из возможных тактических приемов разоблачения лжи может выступать криминалистическое распознавание образа лица, от которого получают показания. Этот прием состоит в том, что следователь первоначально составляет предположительное представление о том, что собой представляет обвиняемый. В. А. Образцов предлагает в качестве основополагающих сведений установить следующие:

1. Соответствует ли реальный облик лица тому, что он демонстрирует внешним поведением?

2. Каковы его нравственный потенциал, увлечения, намерения, планы, ценностные ориентации, образовательный, интеллектуальный, профессиональный уровни, социальный статус, характер, темперамент, образ жизни, степень притязания на лидерство, жизненные перспективы?

3. Как давно, при каких обстоятельствах, в каком физическом, физиологическом и психическом состоянии, в каких условиях воспринимал событие, обстоятельство, по поводу которого дает объяснения, имеет ли психические или физические отклонения в данный момент?

Значение данного тактического приема заключается в том, что следователь получает первоначальную предположительную информацию, на основе которой может строить свои дальнейшие вопросы, в случае, если следователь приходит к выводу о том, что имеются основания полагать, что лицо сообщает ложную информацию, необходимо применять иные тактические приемы, которые могут способствовать установлению объективной истины и преодолению и пресечению лжи лица, которое заявляет о совершении в отношении него преступного посягательства [9, с. 255].

Также следует отметить, что ввиду особенностей рассматриваемой категории преступлений, а также особенностей обвиняемого следователю необходимо ограничиться в поспешности принятия выводов о том, что та или иная информация может оказаться ложной. В данном случае очень важно учитывать обстановку произошедшего и личность обвиняемого. Однако, если следователь предполагает, что информация, о которой сообщает обвиняемый, скорее всего ложная, можно воспользоваться следующим тактическим приемом: создать у обвиняемого впечатление того, что следователь воспринимает эту информацию с доверием. А. Р. Ратинов полагает, что указанный тактический прием способен привести лицо к оговоркам, которые могут указывать на то, что лицо действительно сообщает ложную информацию [10, с. 248].

На практике следователю также рекомендуется обращать внимание не только на то, что именно говорит обвиняемый, а каким образом он это сообщает, т. е. на невербальные признаки. Эти признаки могут указывать в своей совокупности на то, что лицо, возможно, лжет. П. Экман к таким невербальным признакам относит: 1) прикрывание рта рукой, прижатие большого пальца к щеке. Данный признак свидетельствует о том, что лицо контролирует свою речь и боится сообщить что-либо лишнее; 2) постоянное отведение взгляда; 3) нервное подергивание конечностями и скрещивание пальцев на руке [11, с. 200]. Безусловно, нельзя утверждать, что такое невербальное поведение обязательно свидетельствует о лжи. Однако следователь должен обращать внимание на поведение обвиняемого с целью дальнейшей постановки уточняющих вопросов.

Если обвиняемый признает свою вину, следователю необходимо в первую очередь исключить возможность самоговора. В довоенные годы в СССР господствовала ошибочная точка зрения, сформулированная А. Я. Вышинским: «Признание – царица доказательств» [12]. Главная причина ошибочности этого тезиса – возможность самоговора. Подтверждение тому – многочисленные факты необоснованных осуждений в конце 30-х гг. XX в.

Не менее важным моментом в ходе допроса обвиняемого по делам о насильственных действиях сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, является преодоление возможного противодействия предварительному расследованию. К. Ю. Даньшин указывает: «Уголовное судопроизводство само по себе предполагает наличие разнообразных конфликтов. Преследуя несовпадающие и противоположные цели, участники уголовного процесса вступают в столкновения, реализуя при этом законодательно предусмотренные права и обязанности, а также совершая в определенных случаях неправомерные действия. Уголовно-процессуальные конфликты возникают на стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и судебного разбирательства как реакция на обвинение, когда обвиняемый (подозреваемый) еще не знает, из каких доказательств исходят следователь, дознаватель (а также государственный обвинитель), и, например, будучи невиновным, не может разъяснить им ошибку либо, будучи виновным, преследует цель избежать привлечения к уголовной ответственности» [13, с. 69].

Очевидно, что в той ситуации, когда обвиняемый не признает свою вину в совершении преступления, но у органа уголовного преследования имеется достаточное количество доказательств, указывающих на его виновность, обвиняемый будет осуществлять противодействие предварительному расследованию различными способами. Так, например, «в 2016 году возбуждено уголовное дело в отношении 69-летнего гражданина С., который обвинялся в совершении насильственных действий сексуального характера над малолетним потерпевшим Р. В ходе предварительного следствия обвиняемый отрицал факт совершения им преступного посягательства на малолетнего потерпевшего. Несмотря на это, органом уголовного преследования была собрана необходимая доказательственная база, указывающая на виновность обвиняемого» [14].

В указанной следственной ситуации возможно выделить следующие способы преодоления противодействия обвиняемого предварительному расследованию:

1. **Тактическая работа с доказательствами:** собранная совокупность доказательств, изобличающих обвиняемого, способна являться инструментом преодоления противодействия предварительному расследованию, а также признания обвиняемым своей вины. При этом доказательства должны представляться последовательно.

2. **Планирование отдельных следственных и иных процессуальных действий** с учетом сложившейся следственной ситуации, разработка тактических приемов работы с обвиняемым, который противодействует предварительному расследованию.

3. **Изучение личности обвиняемого, анализ его личностных качеств и использование психологических приемов** в целях преодоления противодействия.

Экспертные исследования

Использование специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла и иных сферах деятельности является неотъемлемым условием полного, всестороннего и объективного предварительного расследования любого уголовного дела.

Часть 2 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь выделяет заключение эксперта в качестве самостоятельного источника доказательств [15]. При расследовании насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, назначение и производство судебно-медицинской экспертизы потерпевшего является неотложным следственным действием. Особую значимость оно имеет тогда, когда потерпевшее лицо обратилось вскоре после совершения преступного посягательства. Судебно-медицинскую экспертизу потерпевшего, а также лица, совершившего преступление (если оно установлено сразу), необходимо осуществлять на первоначальном этапе расследования в качестве неотложного следственного действия.

Наряду с судебно-медицинской экспертизой назначаются и проводятся и другие экспертизы. А. Ф. Халлиулина отмечает: «По рассматриваемой категории преступлений на стадии возбуждения уголовного дела и его дальнейшего расследования чаще всего проводятся следующие экспертизы: судебно-медицинские; комплексные психолого-психиатрические; комплексные сексолого-психолого-психиатрические; генотипоскопические» [8, с. 141]. Однако, на наш взгляд, указанный перечень не является полным. На последующем этапе расследования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, также назначаются трасологическая, одорологическая, судебно-биологическая экспертизы, экспертиза волокнистых материалов и изделий из них, а также ряд других в случае их необходимости.

На первоначальном этапе ошибкой со стороны следователя будет являться неназначение судебно-медицинской экспертизы. Однако отмечается, что ошибкой также будет и неназначение комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении потерпевшего лица, когда оно не достигло 14-летнего возраста либо его психологическое состояние может вызывать сомнение в части понимания и осознания совершаемых с ним действий, а также в обязательном порядке в отношении подозреваемого лица, даже если оно не состоит на учете в психоневрологическом диспансере. При этом целесообразно производить именно комплексную психолого-психиатрическую экспертизу.

Е. Н. Холопова подчеркивает: «Последовательное проведение психиатрической экспертизы, затем психологической в отношении одного и того же подростка позволяет более полно изучить его особенности, условия, в которых он оказался» [16, с. 427].

Пункт 3 ч. 1 ст. 228 УПК Республики Беларусь предусматривает «назначение и проведение экспертизы обязательно, если необходимо установить психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение по поводу их вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе» [15].

В целях обеспечения полного, всестороннего и объективного предварительного расследования, а также принятия законного и обоснованного решения по делам рассматриваемой категории преступлений следователю необходимо изучить психическое состояние субъекта преступления, а также потерпевшего лица. Установление обстоятельств, свидетельствующих о психическом заболевании потерпевшего лица, лишаящего его возможности понимать и осознавать фактический характер совершаемого в отношении него преступного посягательства, а также оказывать сопротивление, т. е. установление наличия беспомощного состояния, является обстоятельством, которое усиливает ответственность за совершение насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних. Если в ходе исследования будет установлено, что лицо, совершившее преступление, является невменяемым, то к нему должны быть применены вместо наказания, предусмотренного санкцией ст. 167 УК Республики Беларусь, принудительные меры безопасности и лечения.

Не менее значимым экспертным исследованием при расследовании насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, является генотипоскопическая экспертиза, объектом которой является ДНК, полученная из различных органов и тканей, а также выделений человека: клеток крови, мышечной ткани, костей, слюны (при условии наличия в ней клеток слизистой полости рта или клеток крови), волос (при условии наличия в них волосяной луковицы с влагалищными оболочками) [17].

Как показывает правоприменительная практика, данное исследование дает широкий спектр возможностей для установления и изобличения лица, совершившего преступление, особенно в условиях существенного дефицита доказательной базы. Так, в городе N. вблизи школы был обнаружен труп малолетней В. с признаками насильст-

венной смерти. В ходе судебно-медицинского исследования трупа были найдены следы, по которым была установлена личность ранее судимого за изнасилование преступника, чьи данные уже имелись в базе ДНК [18, с. 145].

Ошибкой в данном случае может являться назначение только судебно-биологического исследования. Подобная экспертиза не даст идентифицирующей информации о конкретном человеке, а лишь выявит групповую принадлежность изъятого биологического материала (слюна, сперма, кровь). Поэтому сначала необходимо провести судебно-биологическое исследование, в ходе которого можно определить, имеются ли в представленных материалах ядра клеток. После получения соответствующего ответа необходимо назначить производство генотипоскопического исследования.

Очная ставка

Нередко в ходе расследования уголовного дела в случае установления лица, совершившего насильственные действия сексуального характера, позиция потерпевшего лица и позиция подозреваемого существенно образом отличается. Для устранения противоречий может быть проведена очная ставка, определяемая ч. 1 ст. 222 УПК Республики Беларусь как следственное действие, проводимое между двумя ранее допрошенными лицами, в показаниях которых имеются существенные противоречия, с целью их устранения [15].

А. Ф. Халиуллина отмечает: «По результатам изучения следственной практики очная ставка по рассматриваемой нами категории уголовных дел проводилась лишь в 4 % случаев. При этом указанное следственное действие преимущественно проводилось между участниками группового преступления» [8, с. 147].

По этому поводу представляет интерес позиция Р. И. Зайнуллина, который справедливо указывает: «Участие несовершеннолетнего потерпевшего в очной ставке в большинстве случаев представляется нецелесообразным ввиду ее нравственной недопустимости. Пребывание подростка, а равно и его законного представителя в психотравмирующей ситуации может повлечь за собой излишние нравственные переживания, а в некоторых случаях и нравственные страдания» [18, с. 141]. Кроме того, крайне нежелательным последствием может явиться отказ малолетнего потерпевшего после или в ходе очной ставки от ранее данных показаний.

Пребывание несовершеннолетнего потерпевшего в условиях психотравмирующей ситуации может негативным образом сказаться на процессе расследования уголовного дела, а также на психическом здоровье потерпевшего лица. Ученые полагают, что проведение очной ставки между подозреваемым или обвиняемым и потерпевшим лицом нецелесообразно исходя из нравственных и этических причин. Ввиду этого полагаем, что следует учитывать такое мнение и принимать решение о целесообразности проведения очной ставки исходя из складывающейся следственной ситуации и с учетом возрастных, гендерных и психологических характеристик потерпевшего лица.

Не рекомендуется проведение очной ставки между малолетним потерпевшим лицом и подозреваемым или обвиняемым. С учетом же возраста несовершеннолетнего потерпевшего лица, например 16–17 лет, такое следственное действие возможно с учетом следственной ситуации и необходимости, готовности потерпевшего лица. Кроме того, п. 3 ч. 1 ст. 224-1 УПК Республики Беларусь дает возможность проведения очной ставки между подозреваемым или обвиняемым, а также несовершеннолетним потерпевшим лицом с использованием систем видеоконференцсвязи [15]. Указанный способ позволяет дистанционно получить необходимую информацию и устранить противоречия в ранее данных показаниях, при этом обеспечив безопасность потерпевшего лица.

Заклучение

1. При расследовании насильственных действий сексуального характера целесообразно производство комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы как в отношении потерпевшего лица, так и в отношении подозреваемого. При изъятии следов биологического происхождения в обязательном порядке необходимо производство судебно-биологической экспертизы, а также генотипоскопического исследования на предмет идентификации лица, совершившего преступление. Данное исследование допустимо в рамках судебно-биологической экспертизы.

2. Необходимо учитывать, что проведение очной ставки между малолетним потерпевшим и подозреваемым или обвиняемым может оказать негативное влияние на психическое и эмоциональное состояние малолетнего. Однако с учетом возраста потерпевшего, его готовности к проведению очной ставки, а также положительного эмоционального состояния очную ставку рекомендуется производить, в том числе с использованием систем видеоконференцсвязи.

3. Если обвиняемый отрицает вину в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних, однако имеющиеся в уголовном деле доказательства указывают на его виновность, то возникает необходимость в применении различных тактических приемов. К ним относятся приемы по распознаванию лжи, использование сведений о личности обвиняемого для построения верной тактики его допроса, а также последовательное предъявление доказательств виновности лица в целях стимулирования обвиняемого к даче правдивых показаний.

4. Рекомендуется своевременно реагировать на любые формы проявления противодействия предварительному расследованию и применять соответствующие тактические приемы (криминалистическая работа с доказательствами; планирование следственных действий; изучение личности обвиняемого и др.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Статистические данные МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=1081/>. – Дата доступа: 01.03.2019.

3. Яблоков, Н. П. Криминалистика : учебник / Н. П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2005. – 781 с.

4. Ищенко, Е. П. Криминалистика : учебник / Е. П. Ищенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Контракт : ВолтерсКлувер, 2011. – 512 с.

5. Принимаемые в Республике Беларусь меры по противодействию распространению порнографии и педофилии [Электронный ресурс] // М-во внутренних дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.-aspx?guid=76563/>. – Дата доступа: 10.03.2019.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. № 4 (2019) [Электронный ресурс] : определение Президиума Верховного суда РФ, 26 дек. 2018 г., №45-АПУ18-19 // Гарант. Информационно-правовой портал. – М., 2019.

7. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на Респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 62 с.

8. Халиуллина, А. Ф. Особенности расследования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А. Ф. Халиуллина. – Уфа, 2018. – 180 с.
9. Образцов, В. А. Криминалистика : учебник / В. А. Образцов. – М. : Юристь, 1997. – 760 с.
10. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей : науч.-практ. рук. / А. Р. Ратинов. – М. : Юрлитинформ, 2001. – 352 с.
11. Экман, П. Узнай лжеца по выражению лица : учеб. пособие / П. Экман. – СПб. : Питер, 2016. – 272 с.
12. Библиотекарь.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/22/1.htm/>. – Дата доступа: 12.03.2019.
13. Даньшин, К. Ю. Понятие противодействию предварительному расследованию / К. Ю. Даньшин // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. – 2012. – № 4. – С. 69–76.
14. Krasnodarmedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://krasnodarmedia.su/news/794502/>. – Дата доступа: 12.03.2019.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
16. Холопова, Е. Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Е. Н. Холопова. – М., 2006. – 640 л.
17. Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudexpert.gov.by/ru/gen.html/>. – Дата доступа: 13.03.2019.
18. Зайнуллин, Р. И. Очная ставка с участием несовершеннолетнего обвиняемого : монография / Р. И. Зайнуллин. – М. : Библио-Глобус, 2016. – 260 с.

Рукописі паступіў у рэдакцыю 05.09.2019

Chramov S. M., Silchenko T. V. Problem Aspects of Implementation of the Next Stage of the Investigation of Forced Actions of Sexual Character Performed against Minors

The article discusses the problematic aspects of the implementation of the next stage of the investigation of violent sexual acts committed against minors. The theoretical substantiation of the stages of the investigation of crimes is given. Standard errors are highlighted. Examples from judicial practice are given and analyzed. Tactical features of the interrogation of the accused, face-to-face confrontations of expert research in the category of cases under consideration are highlighted. It concludes that it is advisable to conduct a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination both in relation to the injured person and the suspect. The recommendation is formulated on timely response to any form of manifestation of opposition to the preliminary investigation through the use of appropriate tactics.

УДК 343.97

О. Н. Иванчина

канд. филос. наук, доц., доц. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: onivanchina@mail.ru

КОРРЕЛЯНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ: СУЩНОСТЬ, ПОДХОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассматривается важнейший аспект современной криминологии – коррелянты преступности, предлагается их дефиниция, подходы, которые применяются к их исследованию, а также приводятся фактические данные по корреляционным зависимостям, которые удалось установить. Выявление коррелянтов преступности способствует не только определению истинных причин преступности, но и демократизации общества (невозможности исказить уголовную статистику), снижению латентности преступности, экономическому росту. Описание, вербализация, рационализация эмпирических данных, которые выступают в качестве коррелянтов преступности, позволяют осуществлять изучение социальной реальности на качественно новом уровне, где присутствуют объективность и прозрачность в оценке реального состояния всех процессов и явлений. Глобальное криминологическое мышление, основанное на национальных, межстрановых и международных рейтингах, позволит реализовывать эффективное противодействие преступности, касающееся криминологического прогнозирования, криминологического планирования, формулирования мер превенции.

Введение

Актуальность темы. Современная криминология исследует причинность преступности в качестве одного из важнейших и приоритетных направлений научного поиска. Детерминированность, зависимость преступного поведения человека от конкретных ситуаций, состояний и условий жизни была выявлена еще в античности. Позже в исследовании причинности преступности были достигнуты значительные научные результаты, сформулированные в отдельных теориях. Однако только в XIX в., когда ведение уголовной и моральной статистики стало во многих странах естественной составляющей государственного управления, оказалось возможным выявлять и просчитывать некоторые довольно устойчивые взаимодействия между разными социальными явлениями. Эти взаимодействия обозначили как *корреляционные связи*, и их фиксация позволяет выявлять причинные комплексы различных видов делинквентности. Поскольку преступность существует как регулярное, повторяющееся и самовоспроизводимое социальное явление, постольку можно делать некоторые прогнозы относительно ее состояния в будущем. Криминологические прогнозы возможны не только благодаря наличию уголовной статистики в прошлом и настоящем, но и благодаря прогнозам в области экономики, политики, стратегического развития. Корреляции взаимозависимых величин позволяют верифицировать полученные данные вероятностных сценариев будущего.

Цели и задачи. Целью исследования выступает синтез информации о различных коррелянтах преступности с криминологической точки зрения. Для ее достижения необходимо реализовать следующие задачи:

- 1) определить некоторые коррелянты преступности;
- 2) предложить классификацию коррелянтов преступности;
- 3) выявить зависимости между некоторыми коррелянтами преступности и социальными явлениями.

Методология исследования. Исследование основано на следующих подходах и принципах:

- 1) синергетический подход к рассмотрению общества как открытой, нелинейной, неравновесной системы;

2) междисциплинарный подход как синтезирующем данные из различных областей знания;

3) принцип единства части и целого (предполагает познание целого через изучение его некой части);

4) принцип холизма (не приемлет деления целого на части, так как при этом исчезают многие характеристики, свойства, качества, функции целого).

Для реализации цели исследования применены следующие способы получения нового знания:

1) дескриптивный метод (описание детерминантов и коррелянтов преступности);

2) метод классификации (типологии) для структурирования данных о коррелянтах преступности и их последующего изучения.

Историография проблемы. Многие ученые в рамках междисциплинарных криминологических, экономических и социальных исследований внесли свой вклад в изучение коррелянтов. Мы отметим только некоторых современных ученых, работы которых, на наш взгляд, внесли наибольший вклад в исследование коррелянтов социальной реальности: профессор С. Г. Ольков (широко применяет математические методы в исследовании показателей преступности и анализ коррелянтов [1–5]); И. С. Скифский (доказал наличие прямой корреляции насильственной преступности в России и социального неравенства, показал влияние алкоголизма и наркомании на состояние криминальной агрессии (2006 г.); все выводы были сделаны ученым на основе математических расчетов и статистических данных [6–10]); профессор Я. И. Гишинский (основоположник девиантологии в России, выявил корреляции различных процессов и явлений в обществе и преступных деяний [11–18]); профессор С. М. Гуриев (выявил корреляции демографических, политических, экономических и социальных процессов [19; 20] в глобальном мире).

Очевидно, что все указанные выше исследования стали возможными благодаря национальным и международным статистическим учетам (рейтингам), представляющим собой эмпирическую основу для теоретических выводов.

Гипотеза. Выявленные коррелянты преступности могут стать такой же организованной системой объяснения функционирования социальной реальности, как и система химических элементов таблицы Д. И. Менделеева или классификация биологических видов К. Линнея.

Коррелянты преступности как криминологический показатель

Коррелянты – это взаимозависимые и взаимовлияющие явления (условия, факторы, события, процессы). При изменении одного из них изменяется и другой. Коррелянты могут выступать в качестве пары (их выявить проще), однако возможна и тройная, и множественная корреляции. Принцип взаимовлияния и взаимозависимости присутствует как в марксистской, так и в постмодернистской философии. Его не отрицают ни материалисты, ни идеалисты. Исследование коррелянтов преступности имплицитно присутствует в синергетической теории, которая рассматривает социальную реальность как постоянно изменяющуюся неравновесную среду.

Один коррелянт может быть связан с двумя другими явлениями, не связанными между собой. Выявление коррелянтов возможно благодаря статистическим данным, фиксирующим процессы, происходящие в обществе, в виде количественных показателей. Коррелянт может в разное время и в разных ситуациях выступить в качестве детерминанта (причины), условия или фактора преступности.

Корреляционные (взаимосвязанные) изменения носят статистический характер, не имеют четко выверенных, однозначных детерминант, однако выступают в виде долгосрочной доминирующей тенденции (тренда) с небольшими колебаниями временных

показателей (рисунок 1). Криминологические прогнозы в качестве своей важнейшей цели ставят выявление тренда преступности в будущем.

Рисунок 1. – Линия тренда

Увеличение показателей одного коррелянта влияет на увеличение (уменьшение) другого, связанного с ним, и наоборот. Изменение одного коррелянта может повлечь цепочки изменений в нескольких других сферах (коррелянтах). Поэтому, зная закономерности в изменениях коррелянтов, можно по аналогии предполагать и состояние связанных с ними неизвестных коррелянтов.

Коррелянты можно обозначить таким понятием из области физики, как сообщающиеся сосуды, которые обуславливают состояние друг друга, находясь в одной сцепке. Жидкость в сообщающихся сосудах из-за атмосферного давления находится на одном уровне вне зависимости от формы каждого сосуда. В биологии в качестве коррелянтов можно рассматривать две взаимосвязанные нити ДНК (рисунок 2). Такие примеры устойчивых взаимодействий можно найти не только в естественных науках, но и в гуманитарном знании. Например, в философии культуры существует понятие «бинарные оппозиции». Таие оппозиции выступают противоположными номинациями явлений природы и культуры («правое – левое», «верх – низ», «белое – черное», «взрослый – ребенок», «отрицательное – положительное», «добро – зло», «плюс – минус» и т. д.). В христианстве есть понятие «антиномии», выражающее некие противоречия и противоположность, объединяющиеся в едином целом. Так, Павел Флоренский писал о том, что «истина антиномична». Антиномии обозначают некие взаимосвязанные противоположности, параллельные явления и процессы, понять каждое из которых можно через изучение сущности другого (противоположного).

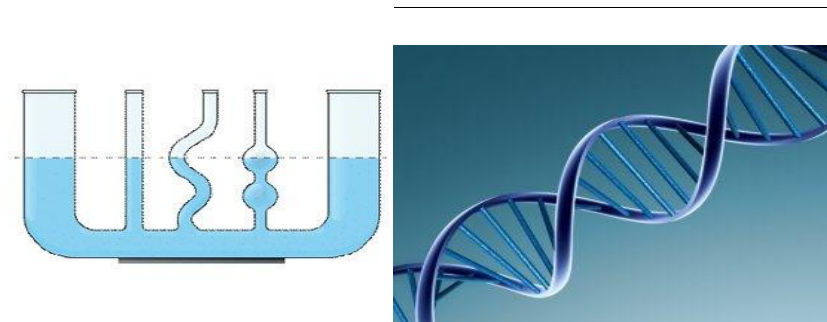

Рисунок 2. – Сообщающиеся сосуды и нити ДНК – примеры коррелянтов в физике и биологии

Понятие «коррелянты преступности» включает в себя все многообразные явления и связи, которые как-либо влияют на преступность (снижают, повышают, изменяют

структуру и состояние преступности). В широком смысле к коррелянтам преступности, как правило, относят все причины преступности (общесоциальные и индивидуально-личностные). Кроме того, коррелянтами преступности выступают так называемые девиации, или «фоновые явления преступности» (алкоголизация, наркотизация, проституция и др.). Однако на показатели преступности могут оказывать детерминирующее влияние и полностью «нейтральные» (на первый взгляд) показатели жизни общества: плотность населения, уровень ВВП, уровень рождаемости и смертности, индекс счастья, человеческий капитал, минимальная заработная плата и др.

Нелинейность развития общества предполагает, что выявление всех коррелянтов для современной криминологической науки невозможно в принципе, так как взаимодействия и взаимовлияния могут носить непрямой, опосредованный характер, имплицитно присутствуя в мышлении и в культуре. Поэтому видимое «отсутствие» явной корреляции между двумя явлениями (показателями) еще не означает, что между ними нет никакой связи. Зависимость может иметь сложный нелинейный характер, который не выявляет прямой, явной корреляции. Однако чем большее количество прямых корреляционных взаимодействий удастся выявить науке, тем эффективнее можно предупреждать криминальные проявления в обществе.

Теория факторов как основа для изучения коррелянтов

В XIX в., когда был четко сформулирован принцип детерминизма, получила широкое развитие теория факторов, в рамках которой понятие причин преступности сочетается с исследованием коррелянтов делинквентности. Ч. Ломброзо в работе «Преступление» (1900), анализируя статистику некоторых европейских государств, фиксирует сезонные изменения в уровне преступности. Так, ссылаясь на данные других исследователей, Ч. Ломброзо писал о сложившихся корреляциях:

- 1) самые теплые месяцы года – это период наибольшего количества изнасилований (по данным уголовной статистики Англии, Франции, Италии в XIX в.);
- 2) максимум убийств приходится на самые жаркие месяцы (по данным уголовной статистики Англии, Италии в XIX в.);
- 3) физические черты тела (в том числе строение черепа) коррелируют с типом преступления, совершенного человеком (эта идея не подтверждена современной наукой);
- 4) психическое нездоровье или умственное недоразвитие коррелируют с совершением преступлений (таблица 1) [21, с. 9, 12].

Таблица 1. – Коррелянты преступности (по Ч. Ломброзо)

Коррелянты преступности	
Температура окружающей среды	Половые преступления
Температура окружающей среды	Убийства
Физическое и психическое здоровье (состояние)	Тип преступления

Позже Ф. фон Лист в теории факторов показал, что на преступность влияют также космические процессы, плодородие почв, этнические, религиозные, социально-психологические, экономические и иные факторы. А. Кетле сформулировал тезис о том, что на преступность как на статистическое явление постоянно влияет множество факторов (уровень цен, безработица, урбанизация, война и др.). В дальнейшем были выявлены десятки и сотни таких явлений (коррелянтов), связанных с преступностью.

Таким образом, представители антропологического (Ч. Ломброзо) и социологического (А. Кетле, Ф. фон Лист) направлений в криминологии заложили фундаментальную основу для дальнейшего исследования коррелянтов преступности.

Новые эмпирические данные → новые показатели → новые коррелянты

Поскольку научные исследования предполагают не только теоретические предположения, но и эмпирическую доказательную базу, то «индекс корреляции» между различными явлениями можно просчитывать в рамках междисциплинарных исследований. Такие вычисления возможны на основе криминологических, экономических и демографических данных, которые аккумулируются на глобальном уровне. Различные индексы, которые просчитываются в настоящее время, могут в будущем стать основой для новых качественных исследований корреляционных взаимодействий.

Чаще всего причины преступности не действуют изолированно, по отдельности, но в любом преступлении можно выявить целый комплекс детерминантов, как внутренних (субъективных, антропологических, личностно-психологических), так и внешних (объективных, социальных). Поэтому большинство современных криминологов относят себя к представителям биосоциального направления в криминологии. Исходя из этого можно предположить, что и коррелянтов (связанных факторов, состояний и условий) у одного преступления также несколько, и они взаимосвязаны как с социальными условиями, так и с субъективным восприятием этих условий. На наш взгляд, можно выделять правовые (таблица 2) и социальные (таблица 3) коррелянты.

Таблица 2. – Правовые коррелянты преступности

Явление (коррелянт)	Явление (коррелянт)	Наличие корреляции и ее степень
Преступность	Социальный контроль	Да, ярко выражена
Преступность	Уголовное законодательство	Да, ярко выражена
Криминализация (декриминализация) деяния	Уровень и состояние преступности	Да, ярко выражена
Количество зарегистрированных преступлений	Количество потерпевших	Да
Убийства	Самоубийства	Да (данные по США и России) [22, с. 16]
Убийства	Изнасилования	Да
Убийства	Телесные повреждения	Да
Тяжкие телесные повреждения	Индекс Джини / децильный коэффициент (при ухудшении коэффициента Джини на 1 % уровень умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в России растет на 1,23 %) [23, с. 11–15]	Да, ярко выражена
Разбой	Индекс Джини – децильный коэффициент (при ухудшении коэффициента Джини на 1 % уровень разбойных нападений в России растет на 3,2 %) [23, с. 11–15]	Да, ярко выражена
Коррупция	Организованная преступность	Да, ярко выражена
Динамика насильственной преступности	Динамика неравенства в распределении доходов населения	Да, ярко выражена (доказано по данным Российской Федерации за 1980–2004 гг.) [23, с. 11–15]
Коррупция	Организованная преступность	Да, ярко выражена

Окончание таблицы 2

Рост/снижение демократизации в обществе	Рост/снижение статуса криминологии (рост тоталитаризма ведет к отказу от включения криминологии в систему получения высшего образования и от криминологических исследований) [24, с. 5–11]	Да, ярко выражена
Преступник	Жертва (ее виктимность)	Да
Преступник	Правоохранительная система (милиция (полиция), следственные органы, прокуратура, суд и др.)	Да
Военные действия, революции, политические перевороты	Рост преступности (особенно насильственной и корыстно-насильственной)	Да, ярко выражена
Количество заключенных (чем больше неравенство в обществе, тем выше число заключенных и длительность тюремного заключения) [25]	Социальное неравенство	Да
Индекс верховенства закона (The Rule of Law Index)	Преступность	Да
Численность осужденных	Уровень и динамика насильственной преступности	Да, ярко выражена (данные по России) [23, с. 11–15]

Рост социальной несправедливости, как правило, приводит к росту уличных выступлений, уличной преступности, криминальной агрессии, к самосудам и организации теневого правосудия (обращение населения за справедливостью не в официальные правоохранительные органы, а к мафии, к организованным преступным группам).

Если правовые коррелянты могут напрямую зависеть от конкретной системы права, то социальные коррелянты преступности оказывают свое влияние на преступность в первую очередь в зависимости от типа культуры.

Таблица 3. – Социальные коррелянты преступности

Явление (коррелянт)	Явление (коррелянт)	Наличие корреляции и ее степень
Тип общества	Тип преступности (степень распространенности конкретных ее видов)	Да
Удовлетворенность населения качеством своей жизни, благоустроенностью окружающей среды	Преступность	Да
Уровень образования (чем ниже уровень образования, тем, как правило, выше уровень агрессии)	Уровень агрессии (насильственной преступности). Насильственные преступники – это самая необразованная группа среди всех преступников	Да, ярко выражена

Окончание таблицы 3

Потребление алкоголя	Убийства (при изменении уровня потребления алкоголя на душу населения на 1 % уровень убийств в России изменяется на 0,94 % [23, с. 11–15])	Да
Объем продаж алкоголя	Разбой (при изменении объема продаж алкоголя на душу населения на 1 % уровень разбойных нападений в России изменяется на 1,15 %) [23, с. 11–15]	Да
Уровень развития страны	Уровень виктимизации (чем беднее страна, тем выше уровень виктимности населения в целом)	Да
Рост урбанизации	Рост преступности [26, с. 10]	Да
Высота архитектурных (жилых) сооружений	Корыстная и корыстно-насильственная преступность (дома выше семи этажей в 4 раза чаще подвергаются разбойным нападениям и ограблениям, чем дома с шестью и менее этажами [27, с. 85; 28, с. 12])	Да, ярко выражена
Уровень развития экономики	Индекс верховенства закона (The Rule of Law Index): чем более экономически развита и демократична страна, тем более авторитетным и реально действующим является закон	Да
Развитие техники и технологий	Интеллектуализация преступности	Да
Алкоголизм (рост алкоголизма ведет к росту изнасилований и наоборот)	Изнасилования (при изменении уровня заболеваемости населения алкоголизмом и алкогольными психозами на 1 % уровень изнасилований в России изменяется на 7,79 % [23, с. 11–15])	Да, ярко выражена
Международная миграция, беженцы	Изнасилования (рост количества мигрантов вызывает рост количества изнасилований) [23, с. 11–15]	Да
Транснациональная организованная преступность	Международный терроризм [27, с. 11]	Да

Также можно предположить, что неявные, непрямые, скрытые корреляции существуют и между многими другими аспектами социальной реальности. Однако прямых корреляций пока не выявлено среди ряда явлений (таблица 4), но, возможно, они будут открыты в будущем.

Таблица 4. – Явления, прямых корреляций между которыми не выявлено

Явление	Явление
Рост ВВП	Снижение преступности
Рост ВВП	Рост уровня счастья и субъективной удовлетворенности жизнью
Рейтинг стран мира по уровню счастья	Преступность
Безработица	Насильственная преступность (в Российской Федерации отсутствует значимая связь) [28]
Смертная казнь	Уровень преступности
Жестокость наказания (длительные сроки тюремного заключения)	Количество и жестокость насильственных преступлений

Окончание таблицы 4

Подписание и ратификация международных документов	Снижение преступности
Индекс качества государственного управления	Преступность
Глобальный индекс недееспособности государств	Преступность

В таблице 5 представлены показатели, напрямую влияющие на социально-экономическое состояние общества, что, в свою очередь, опосредованно сказывается на состоянии преступности.

Таблица 5. – Связанные коррелянты, напрямую не влияющие на преступность (по С. Гуриеву, Ф. Фукуяме) [29]

Явление	Явление	Корреляция
Рост/снижение демократии	Рост/снижение ВВП (примерно на 1 % в год)	Да
Рост/снижение доверия	Рост/снижение ВВП	Да
Уровень счастья	Размер среднего дохода	Да

Исходя из эмпирических и теоретических данных о коррелянтах преступности необходимо констатировать, что их невозможно не учитывать для выработки эффективных стратегий противодействия преступности. И это уже в некоторой степени реализовано в экономически развитых странах, где криминологи оказывают значительное влияние на формирование уголовной политики государства. Активно работающие криминологические сообщества позволяют использовать результативные меры предупреждения преступности (Великобритания, Франция, США, Япония). Давно подсчитано, что эффективные превентивные меры обходятся налогоплательщикам в 5–8 раз дешевле, чем ликвидация последствий преступности: возмещение вреда от преступлений, оплата работы правоохранителей, содержание заключенных в тюрьме [24, с. 5].

Разумеется, что просчитывание вероятностей будущего состояния преступности на основе коррелянтов и различных прогнозов (экономических, политических, демографических) в условиях неопределенности является достаточно сложным. Однако получить объективные данные прошлого и выявлять реальный уровень латентности вполне достижимо. Например, очевидно, что существует корреляция между насильственными преступлениями: тяжкие телесные повреждения – изнасилования – убийства. Абсолютное большинство (около 90 %) этих насильственных преступлений совершается мужчинами. И очевидно, что реальное количество этих преступлений в официальной статистике должно идти по убыванию (от максимума телесных повреждений до минимума убийств). Однако этот тренд ярко выражен в странах с развитой демократической системой и открытой рыночной экономикой, где потерпевшие обращаются в правоохранительные органы и где возбуждаются уголовные дела по факту их жалоб.

В России (как и во многих странах бывшего СССР) изнасилования чрезвычайно латентны, поэтому в официальной статистике не виден тренд реального состояния этого вида преступности: убийств регистрируется больше, чем изнасилований [30, с. 142]. Так же обстоят дела и в Беларуси: официальная статистика сообщает ежегодно о том, что убийств совершается в разы больше, чем изнасилований. Таким образом, подтверждается тезис о том, что тип общества соответствует типам преступности и типам латентности: в постсоветских странах «не принято» жаловаться на насильников (вероятнее всего, из-за вторичной стигматизации жертвы со стороны близких людей, правоохранителей и общества). Поэтому можно сделать вывод, что в постсоветских странах не сложились хорошей практики восстановления прав и здоровья жертвы.

Исходя из ряда показателей, указывающих на похожие тренды России и Беларуси (например, снижение преступности с 2007 по 2018 г.), можно проводить некоторые аналогии между состоянием преступности в указанных государствах.

Заключение

Несомненно, всегда следует делать некоторые поправки на латентность (не все преступления официально регистрируются) и на непрозрачность статистики ряда государств (недемократичность мотивирует правительства и правоохранителей из идеологических соображений искусственно занижать официальные показатели) [31]. Однако постоянно искажать данные в глобальном мире невозможно, и именно коррелянты как взаимосвязанные показатели помогают выявить настоящее положение дел в любой стране мира. Рост самосознания и наличие гражданского общества способствуют самоорганизации граждан для получения реальной криминологической картины.

Если коррелянт выступает в качестве причины преступности, то его присутствие и количественное увеличение неизбежно приведет к наличию и росту преступности. Поэтому знание о коррелянтах – это возможность сформулировать эффективные меры для снижения причинности преступности. Отказ от исследования коррелянтов преступности, от публичного и гласного обсуждения социальных проблем, связанных с криминализацией населения, это путь в никуда, движение к ухудшению ситуации в обществе. Чем больше коррелянтов преступности наука способна описать и классифицировать, тем быстрее появляются возможности для применения эффективных мер противодействия преступности. В информационном обществе нельзя управлять социальными процессами с помощью старых методов – требуются новые средства социального контроля на основе новых подходов и методологий.

Таким образом, криминологическое исследование коррелянтов значимо не только для повышения престижа криминологии как науки, но и для реального улучшения уголовной политики государства, демократизации общества, повышения темпов экономического роста. Среди мер противодействия преступности, основанных на коррелянтах, можно определить самые важные: ограничение в доходах и богатстве, ограничение в полномочиях и власти, ограничение и контроль за потреблением алкоголя и наркотических веществ, выявление эффекта синергии в изучении коррелянтов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ольков, С. Г. Изучение зависимости смертной казни и убийств на планете в конце первого десятилетия XXI века с помощью критерия независимости кси-квадрат (χ^2 test) / С. Г. Ольков // Б-ка уголов. права и криминологии. – 2013. – № 1 (1). – С. 167–172.
2. Ольков, С. Г. Влияние степени неравенства в распределении доходов народонаселения на уровень умышленных убийств / С. Г. Ольков // Актуал. проблемы экономики и права. – 2011. – № 1. – С. 240–253.
3. Ольков, С. Г. Доказательство закона возрастающей предельной полезности уголовных наказаний и инверсии субъекта в функциях совокупной и предельной полезности этих наказаний. Законы спроса и предложения преступности / С. Г. Ольков // Б-ка уголов. права и криминологии. – 2018. – № 1. – С. 137–153.
4. Ольков, С. Г. Исследование зависимостей: 1) Между числом зарегистрированных преступлений и числом выявленных лиц, совершивших преступления; 2) Между числом выявленных лиц, совершивших преступления, и числом осужденных / С. Г. Ольков // Право и политика. – 2008. – № 7. – С. 1570–1578.

5. Ольков, С. Г. Изучение корневой однородности уголовно-правовых явлений методами корреляционного анализа / С. Г. Ольков // Б-ка уголов. права и криминологии. – 2017. – № 3. – С. 165–170.
6. Скифский, И. С. О детерминации насильственной преступности в России / И. С. Скифский // Совершенствование деятельности правоохран. органов по борьбе с преступностью в соврем. условиях. – Тюмень, 2005. – С. 109–113.
7. Скифский, И. С. Потребление алкоголя как криминогенный фактор: криминологическая оценка и правоприменительная практика / И. С. Скифский // Рос. правосудие. – 2010. – № 5. – С. 76–80.
8. Скифский, И. С. Тенденции криминальной агрессии в России и США в условиях глобализации / И. С. Скифский // Криминология. – 2006. – № 1 (10). – С. 82–86.
9. Скифский, И. С. Прогнозирование преступности: опыт статистического моделирования : учеб. пособие / И. С. Скифский ; под ред. В. В. Лунеева. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2009. – 136 с.
10. Скифский, И. С. Социопатии и противоправное поведение: моделирование каузальных связей / И. С. Скифский // Актуал. проблемы рос. права. – 2014. – № 12. – С. 2895–2901.
11. Гишинский, Я. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире» : сб. ст. / Я. Гишинский. – СПб. : Алеф-Пресс, 2012. – 352 с.
12. Гишинский, Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» : монография / Я. И. Гишинский. – 3-е изд-е, испр. и доп. – СПб. : Алеф-пресс, 2013. – 634 с.
13. Гишинский, Я. И. «Исключенность» как криминогенный фактор / Я. И. Гишинский // Криминалисть. – 2017. – № 1 (20). – С. 7–11.
14. Гишинский, Я. И. Криминология : теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. И. Гишинский. – 4-е изд. – СПб. : Алеф-Пресс, 2018. – 517 с.
15. Гишинский, Я. И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? / Я. И. Гишинский // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2019. – Т. 10, № 1 (35). – С. 6–13.
16. Гишинский, Я. И. Проблемы социального контроля над преступностью в современном обществе / Я. Гишинский // Криминалисть. – 2018. – № 4 (25). – С. 4–9.
17. Гишинский, Я. И. Социальное насилие / Я. И. Гишинский. – СПб. : Алетейя, 2017. – 142 с.
18. Гишинский, Я. И. Уголовная политика в эпоху постмодерна: проблемы и реальность / Я. И. Гишинский // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 3 нояб. 2017 г. – СПб. : Петрополис, 2018. – С. 91–99.
19. Гуриев, С. Мифы экономики: Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики / С. Гуриев. – М. : Юнайтед Пресс, 2012. – 294 с.
20. Guriev, S. Dictators and oligarchs: A dynamic theory of contested property rights / S. Guriev, K. Sonin / J. of Public Economics. – 2009. – February, vol. 93, № 1–2. – P. 1–13.
21. Ломброзо, Ч. Преступление / Ч. Ломброзо. – М. : Спарк, 1994. – 187 с.
22. Иванчина, О. Н. Общесоциальные причины преступности / О. Н. Иванчина // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2018. – № 1. – С. 13–20.
23. Скифский, И. С. Объяснение и прогнозирование насильственной преступности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. С. Скифский. – Красноярск, 2006. – 32 с.
24. Клейменов, М. П. Престиж криминологии в мире и в России / М. П. Клейменов, И. М. Клейменов // Криминол. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. – 2012. – № 1 (19). – С. 5–13.

25. Wilkinson, R. The Spirit Level: Why greater equality makes societies stronger / R. Wilkinson, K. Pickett. – New York ; Berlin ; London ; Sydney : Bloomsbury Press, 2010. – 409 p.

26. Комлев, Ю. Ю. Интегративная криминология как основа методологической триангуляции при изучении преступности / Ю. Ю. Комлев // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2017. – № 1 (27). – С. 6–14.

27. Клейменов, И. М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / И. М. Клейменов. – Омск, 2015. – 40 с.

28. Старков, О. Криминология. Общая, особенная, специальная части / О. Старков. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2012. – 1048 с.

29. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ : Ермак, 2004. – 730 с.

30. Скифский, И. С. Техника построения трендовых моделей насильственной преступности / И. С. Скифский // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2009. – № 103. – С. 139–146.

31. Криминальная статистика – через открытость к управляемости / М. С. Шклярчук [и др.] // Аналит. зап. по проблемам правоприменения. – 2015, март. – СПб. : Ин-т проблем правоприменения Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. – 24 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.01.2020

Ivanchina O. N. Crime Correlants: Essence, Approaches and Results of Research

The article considers the most important aspect of modern criminology – the correlants of crime, suggests their definition, the approaches that apply to their study, and also provides evidence on the correlation dependencies that have been established. The identification of correlants of crime contributes not only to identifying the true causes of crime, but also to democratizing society (the inability to distort criminal statistics), reducing latency of crime, and economic growth. Description, verbalization, rationalization of empirical data, which act as correlates of crime, allow us to study social reality at a qualitatively new level, where there is objectivity and transparency in assessing the real state of all processes and phenomena. Global criminological thinking, based on national, intercountry and international ratings, will allow implementing effective crime control related to criminological forecasting, criminological planning, and formulation of preventive measures.

УДК: 342.571

В. В. Гончаров

канд. юрид. наук, доц. каф. государственного и международного права
Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ФОРМ ПРЯМОЙ ДЕМОКРАТИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ И ПЕРСПЕКТИВ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Статья посвящена исследованию современных проблем, возникающих в процессе институционализации форм непосредственной (прямой) демократии в законодательстве Российской Федерации, а также разработке перспектив и направлений разрешения указанных проблем. Классифицированы формы непосредственной демократии; осуществлен анализ форм непосредственной демократии, закрепленных в российском законодательстве на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; проведена идентификация основных проблем, связанных с реализацией форм прямой демократии в законодательстве Российской Федерации; обоснованы пути разрешения указанных проблем.

Введение

Статья посвящена анализу проблем и перспектив закрепления и реализации форм прямой демократии в российском законодательстве на федеральном, региональном и местном уровнях. Цель исследования – выявить основные проблемы, связанные с реализацией форм прямой демократии в законодательстве Российской Федерации, обосновав пути их разрешения для того, чтобы обеспечить полноценную реализацию, соблюдение и защиту конституционных принципов народовластия и участия общественности в управлении делами государства.

Задачи исследования: 1) дать классификацию форм непосредственной демократии; 2) провести анализ форм непосредственной демократии, закрепленных в российском законодательстве на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; 3) идентифицировать основные проблемы, связанные с реализацией форм прямой демократии в законодательстве Российской Федерации; 4) обосновать пути разрешения указанных проблем.

Под прямой, или непосредственной, демократией понимают: форму политической организации и устройства общества, при которой основные решения иницируются, принимаются и исполняются непосредственно гражданами; прямое осуществление принятия решений самим населением общего и местного характера; непосредственное правотворчество народа.

Непосредственная (прямая) демократия существовала с момента зарождения институтов государства и права либо в виде отдельной целостной системы (Древняя Греция V и IV вв. до н. э., Великий Новгород в XII–XV вв. или современная Швейцария) [1, с. 8–9], либо как часть сложной демократической системы организации и управления обществом (современные демократические государства).

Прямая демократия прошла сложный эволюционный путь от общинно-вечевой самоорганизации до современной электронной демократии. Непосредственную демократию отличают от представительной демократии, где осуществление законодательных и контрольных функций производится через избранные народом представительные органы и специальные институты.

Прямая демократия имеет преимущества над представительной, так как она менее подвержена коррупции, при ее осуществлении нет борьбы за власть и контроль

за финансовыми потоками, минимизирована возможность манипуляции общественным мнением, а также нарушения прав и свобод человека.

Анализ мировой истории возникновения и развития институтов государства и права показывает, что прямая демократия является древнейшей формой реализации народом (его частью) своей власти на территории государства. При этом формы непосредственной демократии позволяют в наиболее полной мере осуществлять реализацию прав, свобод и законных интересов граждан государства. Кроме того, наличие в той или иной стране детально разработанной системы форм непосредственной демократии, с одной стороны, укрепляет саму систему государственной власти (так она пользуется все большим доверием населения государства), а с другой стороны, делает ее работу более гибкой, позволяющей учитывать права, свободы и законные интересы всех категорий граждан.

Формы непосредственной демократии можно классифицировать:

1) по функциям: формы прямого правления, выполняющие императивную функцию (референдум, выборы, общее собрание населения); формы прямого правления, выполняющие регулятивную функцию (митинги, шествия, демонстрации, пикетирования); формы прямого правления, выполняющие комплексную функцию (народная инициатива, общественные объединения (политические партии), отзыв);

2) по результатам деятельности (или по способу воздействия на общественные отношения): правообразующие (конституционный и законодательный референдум) и не образующие норм (выборы, митинги, шествия, демонстрации, пикетирования и т. д.);

3) по масштабам действия: общероссийские, региональные, субъектов Федерации, местные (в том числе микрогородские и микросельские);

4) по субъектам: всенародные, коллективные (групповые) и индивидуальные.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации наша страна является демократическим правовым государством с республиканской формой правления [2]. При этом носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Эти конституционные принципы народовластия и участия граждан в управлении делами государства в связи со спецификой государственного устройства и правления в Российской Федерации (представленных федеральным, региональным и местным уровнями) реализуются в формах непосредственной демократии также в разрезе этих трех уровней.

Конституция закрепила в качестве высших форм непосредственной демократии референдум и свободные выборы. Данные высшие формы непосредственной демократии детализированы в федеральном законодательстве, например, в Федеральном конституционном законе от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3; 4].

Однако мировая практика исходит из более широкого числа форм непосредственной демократии, закрепляемых на федеральном (центральном) уровне и реализуемых в масштабах всего государства. Помимо народного голосования (референдума) и выборов, которые предусмотрены Конституцией России, к ним относят, например: 1) народную инициативу – право группы избирателей вносить проекты законов в Парламент страны с обязательством Парламента его принять, изменить, дополнить или отклонить (частным его случаем является встречное предложение, когда инициативная группа граждан выдвигает по поручению населения альтернативное предложение в контексте процедуры законодательной инициативы или референдума); 2) народное обсуждение – право группы избирателей вносить предложения об изменении и дополнении отдельных пунктов или разделов федеральных законов (в России эта форма реализована в виде

публичных слушаний, общественных обсуждений, но преимущественно лишь на местном уровне); 3) императивный мандат – право народа принимать наказания, обязательные для отдельных депутатов или судей, право народа отзывать отдельных депутатов или судей, обязанность отдельных депутатов или судей регулярно отчитываться перед народом и право народа требовать внеочередной отчет от них (в Российской Федерации императивный мандат не запрещен, но и не прописан).

Представляется, что перечень форм непосредственной демократии, закрепляемой на федеральном (центральном) уровне и реализуемой в масштабах всего государства, следует расширить путем принятия Федерального конституционного закона «О формах непосредственной демократии в Российской Федерации», в котором следует закрепить основные формы непосредственной демократии, реализуемые на федеральном, региональном и муниципальном уровнях (оставив перечень форм открытым, но при условии их непротиворечия федеральному законодательству), детально изложив организационно-правовой механизм их реализации.

Кроме того, необходимо закрепить на федеральном уровне механизм ответственности должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления за нарушение процедур непосредственной демократии, внося соответствующие изменения и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Основу правового регулирования форм непосредственной демократии на региональном уровне фактически составляют уставы и конституции субъектов Российской Федерации. Их анализ выявил три основные проблемы.

1. В разных субъектах России уставы и конституции по-разному называют формы непосредственной демократии на региональном уровне (например, в Уставе Москвы – в качестве форм непосредственной демократии, а в Уставе Краснодарского края – в качестве форм непосредственного участия граждан в осуществлении государственной власти).

2. В регионах нет единого подхода к определению форм непосредственной демократии.

Так, Устав г. Москвы от 28.06.1995 закрепляет следующие формы непосредственной демократии: 1) референдум города Москвы и местные референдумы; 2) консультативные опросы и иные способы выявления мнения граждан; 3) обращения и петиции граждан; 4) гарантии открытости и доступности информации о деятельности органов государственной власти города Москвы и органов местного самоуправления; 5) участие жителей города Москвы в осуществлении судебной власти (в качестве третейских судей и присяжных заседателей); 6) обжалование правовых актов города Москвы, правовых актов органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления; 7) мирные массовые акции населения [5].

В свою очередь, Устав Краснодарского края закрепляет следующие формы непосредственного участия граждан в осуществлении государственной власти: референдум края; опрос населения края; гражданскую инициативу (коллективное обращение) путем выдвижения предложений для рассмотрения Законодательным Собранием края [6].

3. Анализ конституций и уставов субъектов Российской Федерации показал, что в 28 из них формы непосредственной демократии не выделены вообще (например, в действующих конституциях Республики Дагестан, Республики Адыгея, уставе города Севастополя) [7–9]. А в ряде регионов (например, в Краснодарском крае) перечень форм непосредственной демократии неоправданно мал.

Данная проблема вызвана рядом причин. Во-первых, региональные уставы и конституции принимались в субъектах Российской Федерации в разное время (от эпохи всевластия Советов до последних лет, когда в состав России вошли Республика Крым и город федерального значения Севастополь). И, как следствие, уровень закреп-

ления в них форм прямой демократии различен (от полного неприятия до довольно детальной разработки). Во-вторых, анализ динамики развития региональных уставов и конституций в целом показывает то обстоятельство, что субъекты Российской Федерации неохотно идут на внесение изменений и дополнений в уставы и конституции регионов в части расширения перечня форм непосредственной демократии, т. к. региональные власти справедливо опасаются, что наличие в регионе широко разветвленной системы форм непосредственной демократии «связет им руки» в разработке и реализации программ регионального развития. В-третьих, немаловажной причиной нежелания закреплять в региональных уставах и конституциях широкий перечень форм прямой демократии выступает то обстоятельство, что большинство региональных бюджетов носят дотационный характер либо динамика роста их доходной части уступает темпам ежегодной инфляции. И если Москва с ее бюджетом, насчитывающим триллионы рублей, может себе позволить финансирование отдельных мероприятий, связанных с реализацией форм непосредственной демократии, таких как консультативные опросы и иные способы выявления мнения граждан, то для дотационных регионов такие траты бюджетных средств – непопустительная роскошь. В-четвертых, в Российской Федерации в целом наблюдается динамика существенного затихания инициатив по обновлению, коренному изменению и оптимизации региональных уставов и конституций даже в тех регионах, где их содержание носит довольно архаичный, бессистемный либо недетализированный характер. Во многом это вызвано тем обстоятельством, что в большинстве субъектов Российской Федерации установилось практически монопольное господство одной политической партии в лице «Единой России». Отсутствие политической конкуренции всегда ведет к застою в законотворческой деятельности, особенно в части разработки и закрепления конституционно-правовых норм.

Все это создает трудности в правовом регулировании форм прямой демократии в данных регионах.

Представляется, что в качестве решения вышеназванных проблем необходимо:

1. Разработать и принять на федеральном уровне Федеральный конституционный закон «О формах непосредственной демократии в Российской Федерации», о котором было сказано ранее и в котором следует указать сами формы непосредственной демократии, реализуемые на региональном уровне, а также закрепить организационно-правовой механизм их реализации.

2. Максимально унифицировать перечень форм непосредственной демократии в региональных уставах и конституциях, обязав регионы внести изменения в них, включив соответствующие разделы. Как вариант, следует предусмотреть в проекте Федерального конституционного закона «О формах непосредственной демократии в Российской Федерации» минимальный перечень форм непосредственной демократии, которые должны быть закреплены в региональных уставах и конституциях.

3. Расширить перечень форм непосредственной демократии в уставах и конституциях субъектов Российской Федерации (в частности, в Краснодарском крае), а также принять отдельные региональные законы, детализирующие формы непосредственной демократии. Как вариант, возможно разработать и утвердить на федеральном уровне проект модельного закона субъекта Российской Федерации «О формах непосредственной демократии в субъекте Российской Федерации», в котором следует закрепить формы непосредственной демократии, реализуемые на региональном и муниципальном уровне, детально описав организационно-правовой механизм их реализации. При этом такой нормативно-правовой акт должен закреплять полномочия региональных и муниципальных органов власти в данном вопросе.

Основу правового регулирования форм непосредственной демократии на местном уровне составляет, в частности, Федеральный закон «Об общих принципах органи-

зации местного самоуправления в Российской Федерации», в гл. 5 которого закреплены формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления: «1) местный референдум; 2) муниципальные выборы; 3) голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления; 4) голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования; 5) сход граждан, осуществляющий полномочия представительного органа муниципального образования; 6) сход граждан по иным вопросам; 7) правотворческая инициатива граждан; 8) староста сельского населенного пункта; 9) публичные слушания, общественные обсуждения; 10) собрания граждан; 11) конференция граждан (собрание делегатов); 12) опрос граждан; 13) конференция граждан (собрание делегатов); 14) опрос граждан; 15) обращение граждан в органы местного самоуправления; 16) другие формы» [10].

При этом к другим формам Федеральный закон относит любые иные формы, не противоречащие Конституции Российской Федерации, Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и иным федеральным законам, законам субъектов Российской Федерации.

Однако анализ уставов и конституций субъектов Российской Федерации, а также региональных законов о местном самоуправлении выявил проблему, что на уровне регионов не только нет попыток законодательного закрепления каких-либо иных форм непосредственной демократии, но даже закрепляются не все формы, предусмотренные вышеназванным Федеральным законом. Так, в Законе г. Москвы от 06.11.2002 № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве» в качестве форм непосредственной демократии закреплены только: местный референдум; правотворческая инициатива граждан; обращение жителей в органы местного самоуправления и к должностным лицам местного самоуправления; территориальное общественное самоуправление; опрос граждан [11].

На этом фоне выгодно отличается Закон от 07.06.2004 № 717-КЗ «О местном самоуправлении в Краснодарском крае» [12], который продублировал формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления, предусмотренные Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Среди субъектов Российской Федерации лишь в 29 перечень форм непосредственной демократии в региональных законах о местном самоуправлении в основном соответствует вышеназванному Федеральному закону, в остальных он значительно меньше. Попыток институционализации в региональных законах о местном самоуправлении иных форм непосредственной демократии, помимо предусмотренных федеральным законодательством, к сожалению, нет. Региональные законодатели ограничиваются дублированием положений федерального законодательства относительно того, что эти формы не должны противоречить Конституции России, федеральному и региональному законодательству (как, например, в ст. 20 Закона Республики Татарстан от 28.07.2004 № 445-ЗРТ «О местном самоуправлении в Республике Татарстан» [13]).

В связи с этим представляется необходимым дополнить перечень форм непосредственной демократии в региональных законах о местном самоуправлении, используя опыт США и стран Европейского союза, например в части создания из представителей населения совещательных комитетов по вопросам муниципальной политики при местных администрациях и консультативных советов по утверждению тарифов по муниципальным услугам при местных представительных органах (Закон Франции о демократии соседства от 28.02.2002) [14, с. 78] либо в части предоставления местному населению выбора на уровне муниципальных образований между выборными муници-

пальными представительными органами и прямыми общинными собраниями (Закон Швеции 1862 г.) [16, с. 11].

Кроме того, в США и странах Западной Европы накоплен огромный опыт разработки, институционализации и реализации форм непосредственной демократии на местном уровне, связанный с использованием инструментов и форм электронной демократии и сети Интернет. Научно-техническая революция в средствах связи значительно удешевила проведение различных форм исследования общественного мнения граждан как по вопросам местного значения, так и общегосударственным проблемам. Более того, использование сети Интернет, социальных сетей позволяет осуществлять подобные мероприятия в кратчайшие промежутки времени (в отдельных случаях даже в режиме онлайн). Обработка результатов опросов общественного мнения, онлайн-референдумов производится в день их проведения. Кроме того, формы электронной демократии значительно сужают возможности для манипулирования общественным мнением, искажения результатов проведенных опросов среди граждан муниципальных образований.

Заключение

Решение вышеназванных проблем закрепления и реализации форм прямой демократии в российском законодательстве, внедрения в российскую практику позитивного зарубежного опыта разработки, закрепления и реализации современных форм прямой демократии (особенно электронной демократии) позволит создать дополнительные юридические гарантии реализации конституционных принципов народовластия и участия граждан в управлении делами государства, сделав очередной шаг на пути совершенствования Российской Федерации как современного демократического государства.

Кроме того, детальное закрепление форм непосредственной демократии положительно скажется, с одной стороны, на укреплении механизма государственной власти и местного самоуправления в России (в связи с ростом одобрения его деятельности большинством населения страны), а с другой стороны, укрепит социальный консенсус в российском обществе (как между властью и институтами гражданского общества, так и между отдельными социально-политическими классами и слоями российского общества). Это обстоятельство представляется особенно актуальным как в связи с продолжающейся определенной международной изоляцией России со стороны государств Запада (и их обвинениями в адрес нашей страны относительно ущемления идеалов демократии), так и в связи с замедлением темпов роста российской экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алещенко, К. И. Формы демократии : монография / К. И. Алещенко. – Ижевск, 2019. – 344 с.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. – 1993. – 19 дек.
3. О референдуме Российской Федерации : Федер. конституц. закон, 28 июня 2004 г., № 5-ФКЗ // Свод законов Рос. Федерации. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.
4. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федер. закон, 12 июня 2002 г., № 67-ФЗ // Свод законов Рос. Федерации. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.
5. Устав города Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://duma.mos.ru/ru/0/page/ustav-goroda-moskvyi>. – Дата доступа: 06.11.2019.
6. Устав Краснодарского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitution.garant.ru/region/ustav_krasnod. – Дата доступа: 06.11.2019.

7. Конституция Республики Дагестан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitution.garant.ru/region/cons_dagest. – Дата доступа: 06.11.2019.
8. Конституция Республики Адыгея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitution.garant.ru/region/cons_adig. – Дата доступа: 06.11.2019.
9. Устав города Севастополя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitution.garant.ru/region/ustav_sevastopol. – Дата доступа: 06.11.2019.
10. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федер. закон 6 окт. 2003 г., № 131-ФЗ // Свод законов Рос. Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
11. Об организации местного самоуправления в городе Москве [Электронный ресурс] : Закон города Москвы : 6 нояб. 2002 г., № 56. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/3640419>. – Дата доступа: 06.11.2019.
12. О местном самоуправлении в Краснодарском крае [Электронный ресурс] : Закон Краснодарского края : 7 июня 2004 г., № 717-КЗ. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/461607217>. – Дата доступа: 06.11.2019.
13. О местном самоуправлении в Республике Татарстан [Электронный ресурс] : Закон Респ. Татарстан : 28 июля 2004 г., № 445-ЗРТ. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/423979247>. – Дата доступа: 06.11.2019.
14. Ковалева, Л. И. Институты гражданского общества в странах Европейского Союза : монография / Л. И. Ковалева. – Киев, 2019. – 506 с.
15. Гончаров, В. В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации : монография / В. В. Гончаров. – М., 2019. – 256 с.
16. Лоскутов, В. А. Формы демократии в странах Европейского Союза / В. А. Лоскутов. – М., 2019. – 390 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.01.2020

Goncharov V. V. Institutionalization of Forms of Direct Democracy in the Legislation of the Russian Federation: Constitutional and Legal Analysis of Modern Problems and Prospects for their Resolution

The article is devoted to the study of modern problems arising in the process of institutionalization of forms of direct democracy in the legislation of the Russian Federation, as well as the development of prospects and directions for solving these problems. However, world practice is based on a wider number of forms of direct democracy, fixed at the Federal, regional and local levels. In this regard, the article: classifies the forms of direct democracy; analyzes the forms of direct democracy enshrined in Russian legislation at the Federal, regional and municipal levels; identifies the main problems associated with the implementation of forms of direct democracy in the legislation of the Russian Federation; justifies the ways to resolve these problems.

УДК 343.9

В. И. Резюк

*ст. преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: rezyuk@tut.by*

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОТДЕЛЬНОГО ВИДА ПРЕСТУПНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И УНИФИКАЦИЯ

Обозначены системообразующие требования, связанные с вопросом предметной криминологической характеристики преступности, и особенности структуры и содержания ее отдельных видов, обоснована необходимость разграничения структур криминологической характеристики преступности и криминологической характеристики преступлений. Предлагается унифицированная для криминологических исследований отдельных видов преступности концептуальная (матричная) схема структуры криминологической характеристики (преступности).

Введение

Криминологическая характеристика преступности есть результат комплексных научно-практических исследований, который является базой для построения эффективной системы противодействия отдельному предметно исследованному виду преступности, а также предупреждения и профилактики совершения соответствующих деяний. В современной криминологии сформировались различные взгляды на структуру и содержание криминологической характеристики преступности. Вариативность понимания этого вопроса актуализирует соответствующие анализ и оценку.

Определение структуры криминологической характеристики преступности является условием решения актуальных частных задач, связанных с исследованием отдельных видов преступности. Сегодня актуальны вопросы полноценных исследований коррупционной преступности, хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями [1, с. 14].

По мнению П. А. Кабанова, «современная система криминологических знаний структурирована с учетом классификационных оснований, заимствованных из других наук, которые лишь до определенного объема могут казаться достаточными. При насыщении криминологии новыми знаниями требуется создание собственных научных основ криминологической систематизации» [2, с. 25]. Это следует учитывать при осуществлении всех криминологических исследований, имеющих первостепенное значение в сфере уголовно-правового регулирования и профилактики преступлений. По мнению В. П. Шиенка, именно криминология и ее методология являются фундаментом других юридических наук, изучающих преступность [3, с. 152].

Вопрос о структуре и содержании криминологической характеристики является одним из первоочередных в рамках предметных криминологических исследований отдельных видов преступности.

Анализ опыта криминологических исследований позволяет выделить различные концепции определения структуры и содержания криминологической характеристики отдельных видов преступности. По мнению В. Е. Эминова, «переход к анализу конкретных видов преступности... требует предварительного рассмотрения общих понятий криминологической характеристики и классификации преступлений», а «в реальной жизни преступность проявляется в форме отдельного преступления, совершенного конкретным индивидуумом, и вида (группы) преступлений, совершенных отдельным

контингентом лиц». Криминологическая характеристика преступлений является исходным этапом для оптимизации процесса разработки и реализации мер предупреждения преступлений, а ее конкретное содержание состоит «в выявлении всех признаков, составляющих в своей совокупности и взаимосвязи ее структуру» [4, с. 313].

Наибольшее распространение в белорусской науке получила криминологическая характеристика преступлений согласно предмету криминологии, состоящему из четырех элементов:

- 1) понятие и основные положения;
- 2) личность преступника;
- 3) причины и условия совершения преступлений;
- 4) предупреждение совершения преступлений.

Указанная концепция использована в криминологических исследованиях Э. Ф. Мичулиса, Д. В. Шаблинской, А. А. Примаченка. Так, криминологическая характеристика насильственных преступлений и хулиганства включила в себя следующие элементы:

- 1) понятие насильственных преступлений;
- 2) личность насильственного преступника;
- 3) причины и условия насильственных преступлений;
- 4) предупреждение насильственной преступности [5, с. 53–56].

В то же время ориентир на указанный 4-элементный предмет криминологии не является догмой криминологических исследований, так как и сам предмет криминологии вызывает плюрализм мнений.

В. Г. Стаценко отмечает, что в указанном виде (понятие преступности, личность, причины и предупреждение) предмет криминологии предстает в обобщенном виде и обозначает, что криминологическая характеристика отдельных видов преступности также является предметом криминологии [6, с. 6].

Нередко согласно указанному выше 4-элементному предмету криминологии осуществляется криминологическая характеристика не только определенных преступлений, но и отдельных видов преступности.

Так, один из вариантов криминологической характеристики групповой и организованной преступности включает в себя криминологическую характеристику основных показателей, признаков и структуры этой преступности, лиц, совершающих соответствующие преступления, а также детерминанты групповой и организованной преступности и основные направления по предупреждению этой преступности [7, с. 80–85].

Вместе с тем структура криминологической характеристики отдельного вида преступности может быть в некоторой степени уточнена. Например, в рамках другого варианта общей криминологической характеристики организованной преступности не осуществлена характеристика личности преступника [5, с. 65–68]. В частности, это можно объяснить тем, что содержание этого элемента криминологической характеристики преступности не обеспечивается общим подходом к оценке всех преступников, совершающих соответствующие преступления. Так, организованная преступность характеризуется объединением в группы лиц, имеющих различные социально-демографические характеристики; наличием широких связей с лицами, занимающими разные должности, а также не работающими; распределением ролей и функций между участниками, что обозначает необходимость характеристики организаторов, руководителей (как должностных лиц, так и криминальных «авторитетов»), а также иных участников группы (водителей, переводчиков, иных технических исполнителей и др.); при этом общих характеристик у этих лиц немного (часто достижение цели организованной группы является средством достижения своих личных целей). Причины совершения

преступлений этими лицами, меры предупреждения и профилактики в отношении отдельных групп могут отличаться самым существенным образом.

Г. Г. Шиханцов разделяет криминологическую характеристику отдельных видов преступлений, в некоторых случаях охватывающую также и личность преступника, и причины и условия этих преступлений, а также ее предупреждение, как отдельные структурные единицы [8]. Так, оценка корыстной преступности осуществляется в рамках следующей системы:

1) криминологическая характеристика корыстных преступлений (включает определение понятия, количественных и качественных показателей, характеристику личности преступника);

2) причины и условия совершения преступлений против собственности и их предупреждение [8].

С. Л. Алексеев и Р. Р. Салимзянова, характеризуя преступность несовершеннолетних и молодежи, корыстную, женскую, рецидивную и профессиональную преступность, разделяют понятия криминологической характеристики преступности и предупреждение [7, с. 57–79].

Э. Ф. Побегайло в качестве структурного элемента обозначает криминологическую характеристику отдельных видов (разновидностей) соответствующей преступности [4, с. 424–489]. Так, выделяются такие характеристики отдельных видов насильственной преступности:

1) насильственных преступлений против жизни и здоровья;

2) насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы;

3) преступлений против собственности, сопряженных с насилием;

4) преступлений против общественного порядка, сопряженных с насилием [4, с. 428–458].

При этом в дальнейшем дается общая характеристика личности всех насильственных преступников, причин и условий насильственных преступлений [4, с. 458–479]. Это можно объяснить, например, общим характером причин и условий этих преступлений, разнообразием, но наличием значительного объема общих черт преступников различных групп (мужской пол, антиобщественное поведение, склонность к насилию и др.).

Аналогичный подход, касающийся разделения общей характеристики и характеристики отдельных видов преступлений, отражен в исследованиях неосторожной преступности, проведенных В. Е. Эминовым. Выделены следующие виды неосторожных преступлений:

1) бытовые;

2) при взаимодействии человека с техникой;

3) в сфере профессиональной деятельности;

4) при осуществлении должностных (управленческих) функций.

При этом в дальнейшем причины неосторожных преступлений выделены по другим классификационным признакам:

1) причины дорожно-транспортных происшествий;

2) причины преступных нарушений правил безопасности и эксплуатации железнодорожного, воздушного и водного транспорта [4, с. 540–555].

В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова считают, что элементы криминологической характеристики подразделяются на субъективные и объективные, а также комплексные, соединяющие их признаки. К группе субъективных признаков относятся свойства личности преступника, мотив и цель преступления, свойства личности потерпевшего; к группе объективных признаков – статистика, сведения о социальных условиях и обстановке (геополитической, социально-экономической, времени, географии и др.);

к комплексным элементам – причины преступлений, последствия преступлений, механизм преступлений, а также обстоятельства, способствующие совершению преступлений [4, с. 314]. Данная система также может являться базовой и общей для различных видов преступности, но не исключается формирование и оригинальных систем (структур) криминологической характеристики отдельных видов преступности, имеющих особую специфику и позволяющих наилучшим образом раскрыть их содержание.

По мнению Ю. М. Антоняна, криминологическая характеристика терроризма включает такие элементы, как: 1) понятие и общая характеристика терроризма; 2) причины терроризма; 3) глобальная контртеррористическая стратегия; 4) меры борьбы с терроризмом на национальном уровне [4, с. 354–373].

Подобный подход к структуре криминологической характеристики полностью соответствует проблеме терроризма, имеющей глобальный характер, некоторые проявления которого являются особенно актуальными для отдельных государств.

И. М. Мацкевич в структуре криминологической характеристики профессиональной и рецидивной преступности, наряду с понятием и общей характеристикой отдельного вида преступности, характеристикой личности преступника, причин и условия преступности и ее предупреждения, выделяет и такой элемент криминологической характеристики, как история соответствующего вида преступности [4, с. 617–637].

В. В. Лунеев в своих исследованиях выделяет также тенденции преступности и ее современные формы [4, с. 318–353].

Многообразие решений вопроса о структуре криминологической характеристики отдельного вида преступности, с одной стороны, позволяет решать локальные задачи предметных изысканий, но, с другой стороны, это не способствует повышению оперативности и качества исследований отдельных видов преступности, их унификации. Это особенно актуально в условиях повышенной актуальности криминологической характеристики некоторых видов преступности, понятийной и иной непроработанности, особых форм преступности, специфичных систем противодействия.

Существенной проблемой является и расценивание понятий «преступность» и «преступления» в качестве синонимов, что не способствует систематизации криминологических понятий, а также решению проблемы об их структурах. Даже в условиях широкого спектра концептуальных подходов и соответствующих им решений в отдельных исследованиях отличия структур криминологических исследований преступлений и преступности не очевидны. И если рассматривать преступность и преступление как общее и частное, то для решения, соответственно, общих и частных задач обозначаются аналогичные объекты изучения и оценки и применяется аналогичная методика исследования. Таким образом, необходимо решение вопроса не только о структуре криминологической характеристики преступности, но и о соотношении указанных понятий (преступлений и преступности), структур и содержаний их характеристик.

На основе осуществленного анализа концепций криминологической характеристики отдельных видов преступности представляется, что опыт предметных криминологических исследований и сложившиеся в криминологии общие положения позволяют решить вопрос структуры и содержания криминологической характеристики отдельного вида преступности, обеспечить их унификацию и одновременно с этим необходимую оригинальность.

Заключение

Оценка научных взглядов и практики криминологических исследований отдельных видов преступности позволяет констатировать следующее:

1) отсутствие четкого разграничения структур «криминологическая характеристика преступности» и «криминологическая характеристика преступлений»;

2) наличие признаков унифицированного подхода (стремления к нему) в вопросе структуры и содержания криминологической характеристики отдельных видов преступности;

3) не все виды преступности могут быть полностью охарактеризованы на основе общих для всех (или аналогичных) элементов криминологической характеристики;

4) отдельные формы современной преступности, к которым относится и коррупция, требуют новых решений в части структуры и содержания криминологической характеристики;

5) криминологическая характеристика соответствующих определенному виду преступности преступлений, а также система предупреждения и профилактики их совершения чаще выделяются как самостоятельные институты даже с учетом того, что первый из них является базой для второго.

Таким образом, структура и содержание криминологической характеристики любого вида преступности (коррупционной преступности, хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями в частности) должна обеспечивать, во-первых, всестороннюю оценку и, как следствие, достаточное для использования результатов содержание криминологической характеристики опасного и специфичного преступного явления; во-вторых, создание условий для повышения эффективности предупредительно-профилактической работы путем обозначения ее возможных и необходимых направлений; в-третьих, сближение (или унификацию) отдельных частей предметных криминологических характеристик, а также всех криминологических исследований между собой.

С целью достижения обозначенных целей и соблюдения указанных требований, с учетом опыта криминологических исследований и проблемы разработки унифицированной для всех видов преступности единой структуры криминологической характеристики, представляется необходимым упорядочение подхода к решению данного вопроса, в свете чего предлагается ориентироваться на концептуальную (матричную) схему структуры криминологической характеристики отдельного вида преступности (рисунок), построенную на обособлении институтов «понятие и общая характеристика преступности» и «криминологическая характеристика преступлений».

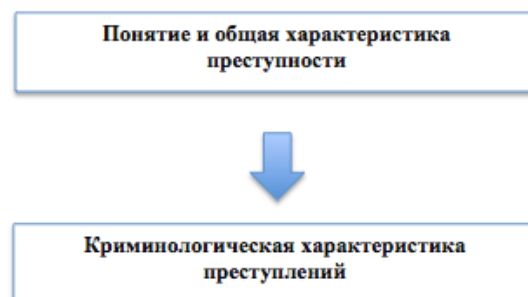

Рисунок. – Схема структуры криминологической характеристики отдельного вида преступности

Понятие и общая характеристика соответствующего вида преступности является надэлементом по отношению к криминологической характеристике преступлений, в рамках которого определяются объект исследования, иные общие положения (указание совокупности преступлений, образующих соответствующую преступность, отражение истории и развития преступности и др.).

Содержание элемента предложенной системы «Криминологическая характеристика преступлений» определяется объектом исследования, видом преступности, харак-

тером преступности и иными ее особенностями. Его составными частями могут стать способы совершения преступлений, характеристики личности преступника, причин и условий совершения преступлений и иные элементы.

Предложенный подход позволяет обеспечить унификацию криминологических характеристик отдельных видов преступности при сохранении вариативности характеристик ее отдельных видов и, как результат, решить вопрос определения структуры криминологической характеристики преступности и последующего достаточного ее содержания, а также вопрос соотношения понятий «криминологическая характеристика преступности» и «криминологическая характеристика преступлений».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Резюк, В. И. Практические задания к семинарам по курсу «Оперативно-розыскная деятельность»: электрон. учеб.-метод. пособие / В. И. Резюк. – Брест : БрГУ, 2017. – 39 с.

2. Кабанов, П. А. Криминологическая таксономия: понятие, содержание, таксонометрические единицы и основания их группировки / П. А. Кабанов // Всерос. криминол. журн. – 2007. – № 1–2 (1). – С. 25–29.

3. Шиенок, В. П. Методологические проблемы современной криминологии / В. П. Шиенок // Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции : монография. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – С. 152–165.

4. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2009. – 800 с.

5. Мичулис, Э. Ф. Криминология : конспект лекций / Э. Ф. Мичулис, Д. В. Шаблинская, А. А. Примаченок ; под ред. Э. Ф. Мичулиса ; Мин. ин-т управления. – Минск : Изд-во МИУ, 2005. – 99 с.

6. Стаценко, В. Г. Криминология : учеб.-метод. комплекс / В. Г. Стаценко. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2009. – 74 с.

7. Алексеев, С. Л. Криминология : учеб. пособие для бакалавров / С. Л. Алексеев, Р. Р. Салимзянова ; под ред. А. Ю. Епихина. – Казань : Акад. соц. образования, 2013. – 212 с.

8. Шиханцов, Г. Г. Криминология [Электронный ресурс] / Г. Г. Шиханцов. – Режим доступа: <http://ebooks.grsu.by/criminal/2-prichiny-i-usloviya-prestupnosti-nesovershennoletnikh-i-ikh-preduprezhdenie.htm>. – Дата доступа: 01.02.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.12.2019

Rezyuk V. I. Structure and Content of the Type of Criminality: Conceptual Approaches of Definition and Unification

The article deals with the problem of determining the structure of criminological characteristics of the type of criminality as a condition for ensuring its sufficient content. There are various approaches to the structure and content of the criminological characteristics of the type of criminality (crime). The author of the article designates the backbone requirements related to the resolution of the issue of criminological characteristics of the type of criminality, and features of the structure and content of its individual type, proposes a conceptual (matrix) scheme of the structure of criminological characteristics of the type of criminality that is uniform for criminological studies of certain types of crime, ensuring its sufficient content.

УДК 346.32

О. В. Становая*аспирант 4-го года обучения каф. гражданско-правовых дисциплин**Белорусского государственного экономического университета,**преподаватель каф. правовых дисциплин**Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь**e-mail: my_jobbox@tut.by***СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕССИОННОГО СОГЛАШЕНИЯ И ДОГОВОРА ПОДРЯДА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В результате исследования выделены основные отличительные особенности концессионного соглашения, позволяющие четко отграничить данный институт от договора подряда. Констатируется невозможность замены концессионного соглашения договором подряда ввиду его функциональной недостаточности для эффективной реализации механизма концессии. С целью совершенствования концессионного законодательства Республики Беларусь обоснована необходимость закрепления концессионного соглашения как самостоятельного института гражданского права Республики Беларусь.

Введение

Развитие социальной, транспортной, коммунальной, энергетической и иной инфраструктуры любого государства всегда тесно связано с уровнем развития экономики. При определении путей решения этих задач государство заинтересовано в повышении эффективности расходования бюджетных средств, в связи с чем привлечение частных капиталов для реализации масштабных инфраструктурных проектов выходит на новый уровень. Эффективное партнерство государства и частного бизнеса является механизмом, способствующим гармоничному развитию экономики, которое гарантирует защиту интересов различных слоев общества.

Исторически сложилось, что одной из наиболее перспективных форм государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) является сотрудничество на основе концессий. Институт концессионного соглашения как механизм притока инвестиций имеет многовековую историю. На основе концессий были созданы такие грандиозные сооружения, как Суэцкий канал (1869), Эйфелева башня (1889), Панамский канал (1914), а также построен туннель под проливом Ла-Манш. Заложенные еще в XIX в. в период индустриализации в Европе кардинально противоположные методы правового регулирования концессионных отношений, известные в исторической ретроспективе как частно-правовая либеральная модель ГЧП («Английская концессионная схема») и публично-правовая модель взаимодействия государства и бизнеса, основанная на административном акте («Французская концессионная схема»), нашли свое отражение в современной правовой доктрине.

Сегодня существует три подхода к правовой природе концессионного соглашения, а соответственно и методам регулирования, применяемым к отношениям, возникающим на их основе. Первая концепция называет концессионное соглашение административным актом; такой позиции придерживаются Ж. Ведель [1], М. И. Кулагин [2], С. В. Шорохов [3], А. И. Попов [4]. Представители второй позиции (Б. А. Ландау [5], И. Н. Бернштейн [6], С. А. Сосна [7], К. И. Налетов [8], С. С. Селиверстов [9]) считают концессионное соглашение смешанным договором, сочетающим в себе как частно-правовые, так и публично-правовые признаки. Третья концепция (Н. Г. Доронина [10],

Научный руководитель – И. П. Манкевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного университета

О. В. Савинова [11], Р. М. Жемалетдинов [12], И. С. Вахтинская [13], А. В. Багдасарова [14], В. М. Савельева [15]) относит концессионные соглашения к гражданско-правовым договорам.

Однако современное развитие рыночной экономики предполагает, что при реализации долгосрочных крупномасштабных проектов необходимо выстраивать отношения контрагентов на основе частнопроводимых методов их регулирования с позиции согласования и баланса интересов сторон, что в большей степени сделает данную сферу более привлекательной для частных инвесторов, а инвестиционный климат Республики Беларусь более благоприятным. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о дальнейших направлениях совершенствования института концессионных соглашений в Республике Беларусь, устранение причин, препятствующих развитию этой формы ГЧП, и выработка рекомендаций по совершенствованию законодательства, регулирующего концессионные отношения. Определение места концессионного соглашения в системе гражданского права Республики Беларусь, отграничение его от смежных гражданско-правовых конструкций позволит констатировать его гражданско-правовую природу и применять частнопроводимые методы регулирования отношений, возникающих на его основе.

Значительное количество параллелей проводится между концессионным соглашением и договором подряда. По мнению Д. Ю. Жданухина, юридическая конструкция концессионного соглашения больше всего похожа на договор подряда, где одна сторона (концессионер – российская или иностранная организация) по заданию другой стороны (концедента – Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования) производит, по сути, подрядные работы по созданию, ремонту, реконструкции и т. д. имущества, которое уже находится или будет находиться в собственности концедента [16]. Но Д. Ю. Жданухин не отождествляет концессионное соглашение и договор подряда, он отмечает определенную схожесть и выделяет существенное отличие: на время действия концессионного соглашения концессионер получает возможность владеть и пользоваться соответствующим объектом, получать с его помощью прибыль.

Я. В. Карнаков [17, с. 79] рассматривал концессионное соглашение как разновидность договора аренды, не отрицая при этом усложненность такого рода арендного правоотношения обязательствами концессионера по производству строительных работ и управлению имуществом, в отношении которого заключается концессионное соглашение.

Выделяя элементы договора подряда в концессионном соглашении, С. Н. Широков обращает внимание на наличие в концессионном соглашении базового элемента – обязательства подрядного типа, которое предусматривает обязанность концессионера создать либо реконструировать объект недвижимости (объект концессии), и в итоге констатирует, что элементы договора строительного подряда являются основой концессионного соглашения [18, с. 141].

В. М. Савельева, выделяя схожие признаки подрядных и концессионных отношений, называет разницу в целях заключения концессионного соглашения и договора подряда основным качественным отличием, которое влечет отличие в возможных сферах применения, в частности, в сфере инвестирования применение договора подряда невозможно [15, с. 146].

А. В. Багдасарова и И. С. Вахтинская, исследуя правовую природу концессионного соглашения, считали концессионное соглашение и договор подряда принципиально разными, самостоятельными правовыми конструкциями.

Согласно белорусскому законодательству договор подряда и концессионное соглашение, на первый взгляд, внешне схожи, так как присутствует общий элемент, входящий в предмет обоих договоров, – условие о выполнении работ и сдаче ее результата

заказчику, т. е. результат изготовления или внесения улучшений в индивидуально-определенную вещь имеет овеществленную (материализованную) форму. Подрядчик, как и концессионер, выполняет в соответствии с условиями договора определенную работу и передает ее результат в собственность заказчика (концедента). Согласно п. 1 ст. 662 Гражданского кодекса (далее – ГК) Республики Беларусь все работы должны быть выполнены в установленный срок, который является существенным условием договора подряда, при этом указывается как начальный, так и конечный сроки выполнения работы. В ст. 28 Закона Республики Беларусь от 12.07.2013 № 63-З «О концессиях» (далее – Закон «О концессиях») указано, что концессионное соглашение должно включать в себя срок его действия как существенное условие. Данный срок включает в себя как строительство либо реконструкцию объекта концессии, так и срок его дальнейшей эксплуатации. Учитывая цели и задачи заключения концессионного соглашения, а также иные его условия, концессионер для реализации проекта вправе самостоятельно определять необходимость привлечения третьих лиц, в том числе на основании договора подряда (в мировой практике этот субъект обозначается как оператор соглашения). Применительно к договору подряда отношения между генеральным подрядчиком и субподрядчиком регламентируются нормами ст. 660 ГК Республики Беларусь, в соответствии с которой подрядчик может привлекать к выполнению определенных работ третьих лиц.

Однако выделение вышеназванных внешне подобных договорных элементов и приближение на этом основании концессионного соглашения к договору подряда представляется неверным, т. к. детальное рассмотрение элементов правовой конструкции позволяет выявить существенные различия.

Во-первых, цели договора подряда и концессионного соглашения являются абсолютно различными, в соответствии с ними можно судить и о широте предоставляемых прав. По договору подряда производство работ является основной целью договора, а подрядчик, выполняя определенную работу за счет средств заказчика, ставит своей целью получение оплаты за нее. По концессионному соглашению создание (реконструкция) объекта является условием, которое устанавливает концедент для концессионера, определяя режим пользования предоставляемым имуществом. Концессионер инвестирует собственные средства в строительство (реконструкцию) объекта соглашения и действует на свой риск. Впоследствии он ставит своей целью получение прибыли от эксплуатации, в которую включены и собственные затраты, которые он окупает, по общему правилу, за счет предоставленной ему возможности реализовывать произведенную продукцию, оказание услуг с использованием объекта концессии в течение срока действия соглашения, таким образом, конечным плательщиком является не концедент, а пользователи либо услугоприобретатели, которые выступают третьими лицами (бенефициары), заинтересованные в приобретении продукции либо оказываемых услугах. Как отмечает С. А. Сосна, преобладающая концессионная практика заключается в хозяйственной эксплуатации самим концессионером результата работ, а произведенную продукцию он вообще получает в собственность [19, с. 21].

Во-вторых, существенные отличия имеются также по предмету договора подряда и концессионного соглашения. М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, советские ученые-цивилисты, определяли предмет договора подряда как альтернативный и двойственный, включающий выполнение работы и ее результат [20, с. 13]. Современные российские цивилисты (А. П. Сергеев, В. П. Мозолин, С. С. Алексеев) определяют предмет договора подряда как выполнение подрядчиком определенной работы и передача ее результата заказчику [21, с. 606]. В национальной системе права наиболее логичной представляется точка зрения В. Ф. Чигиря, который определял предмет договора подряда как возмездное выполнение определенной работы по заданию другой стороны и сдача ей результата

работы в определенный срок [21, с. 607]. Предмет концессионного соглашения является структурно сложным и многоуровневым.

В мировой практике предмет концессионного соглашения в своей структуре имеет одну из приведенных ниже экономических схем концессионных механизмов:

1) ВОО (объект строится и эксплуатируется концессионером, при этом он остается в собственности концессионера, который связан с концедентом обязательством при эксплуатации объекта оказывать определенный комплекс услуг в соответствии с установленными стандартами);

2) ВОТ (объект строится и эксплуатируется концессионером и в установленный срок переходит в собственность концедента);

3) ВООТ (объект строится и эксплуатируется концессионером и переходит в собственность концедента после окончания соглашения – частный случай схемы ВОО);

4) ВТО (объект строится и эксплуатируется концессионером, при этом он принимается в собственность по завершении строительства).

Таким образом, выполнение работ по строительству (реконструкции) объекта концессии является всего лишь одним из элементов предмета соглашения, который представляет достаточно широкий спектр действий концессионера, не может сопоставляться с предметом договора подряда. Учитывая, что современные тенденции развития концессионных отношений породили много суррогатных концессионных схем в различных странах, в настоящее время, помимо строительства (реконструкции), эксплуатации объекта концессии, в предмет концессионного соглашения также входит постоянное совершенствование объекта с применением новейших технологий и инноваций для достижения соответствующего мировым стандартам уровня технического развития.

В-третьих, ч. 1 ст. 32 Закона «О концессиях» предусматривает, что концессионные соглашения могут заключаться на срок до 99 лет, стратегически концессионер заинтересован в как можно более длительном сроке действия соглашения, что обеспечивает инвестиционную привлекательность проекта. Встречное предоставление со стороны концедента с финансовой точки зрения многократно превосходит вложения концессионера-инвестора на строительство, реконструкцию, поддержание в надлежащем состоянии объекта концессионного соглашения. Таким образом, распределение прав и обязанностей в концессионном соглашении является диаметрально противоположным договору подряда. В конечном итоге становится очевидным, почему концессионер вносит плату публичному образованию за предоставленные ему права на строительство и реконструкцию объекта с целью дальнейшей эксплуатации.

В-четвертых, согласно п. 1 ст. 673 ГК право собственности заказчика на объект договора подряда возникает в момент приема результата выполненной работы. Анализ норм Закона «О концессиях» показал, что момент возникновения права собственности на объект концессионного соглашения у концедента возникает после окончания строительных работ, однако этот момент не совпадает с моментом, когда объект поступает в его полное распоряжение и пользование, так как, согласно условиям соглашения, объект самостоятельно эксплуатируется концессионером в течение срока действия концессионного соглашения, после чего передается концеденту. Подрядчик, в свою очередь, не эксплуатирует объект, а договор считается надлежаще исполненным в момент приемки. Также необходимо отметить, что объект, в отношении которого заключается концессионное соглашение, должен поддерживаться концессионером в течение всего срока действия соглашения и его ответственность является повышенной по сравнению с ответственностью подрядчика.

В-пятых, в ГК Республики Беларусь имеется исключение из установленного принципа о недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательств (ст. 420 ГК), касающееся договора подряда. Согласно п. 4 ст. 669 ГК, если иное не пред-

усмотрено договором подряда, при наличии уважительных причин заказчик может в любое время до сдачи ему работы отказаться от договора подряда, уплатив подрядчику часть установленной цены за работу, выполненную до получения уведомления об отказе заказчика от договора. Закон «О концессиях» предусматривает возможность одностороннего расторжения концессионного соглашения по инициативе концедента в порядке, установленном законом, и только на основании ч. 5 ст. 34 Закона «О концессиях»: в случае если произошла реорганизация концессионера и (или) изменение собственника его имущества либо изменение состава его участников более чем наполовину и имеются возражения по данному поводу у Республики Беларусь как концедента. Это условие подчеркивает особую общественную значимость концессионного соглашения.

В-шестых, несмотря на внешнюю схожесть отношений генподрядчик – подрядчик и концессионер – оператор соглашения, существуют определенные различия в данных правовых конструкциях, касающиеся множественности лиц на исполняющей стороне. В подрядной системе отношений строительство и реконструкция объекта исполняются, как правило, с использованием договоров нескольких видов, заключенных с различными лицами. В данном случае могут заключаться договора строительного подряда, договора на выполнение проектных и изыскательских работ, оказание определенного вида услуг. В случае, если на стороне подрядчика выступают два и более лица, то они являются перед заказчиком либо солидарными должниками, либо должниками в пределах своей доли (ст. 661 ГК). В концессионной системе отношений функции проектирования, строительства и эксплуатации осуществляет одно лицо – концессионер, оно же и отвечает перед концедентом в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения заключенного соглашения. На концессионере лежат полностью все риски, связанные со строительством, реконструкцией объекта, участием третьих лиц, в случае их привлечения для реализации проекта. Привлеченные третьи лица отвечают по своим обязательствам перед концессионером, выступающим в данном случае заказчиком по иным договорам; взаимоотношений между данными лицами и концедентом не существует. В Законе «О концессиях» нормы, регулирующие данный вид отношений, отсутствуют, и, не рассматривая данный факт как положительный или отрицательный, можно констатировать, что он отличает договор подряда от концессионного соглашения.

Заключение

Анализ гражданского и концессионного законодательства позволяет сделать вывод, что договор концессии, в отличие от договора подряда, способен оформить отношения государства с субъектами частного бизнеса, целью которых является реализация крупномасштабных инвестиционных проектов на основе долгосрочного сотрудничества. Создание и реконструкция объекта, осуществляемая за счет собственных средств концессионера, компенсируются за счет передачи ему права владения и пользования созданным объектом, тогда как подрядчик строит на средства заказчика, получая вознаграждение за производимую продукцию. Различие в целях заключения демонстрирует невозможность заключения договора подряда в инвестиционной сфере, в то время как концессионное соглашение полностью обеспечивает механизм привлечения частных капиталов и последующей реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов. Конструкция концессионного соглашения обеспечивает удовлетворение потребности государства в создании, реконструкции, модернизации объектов государственной собственности без непосредственной оплаты выполненных работ, что является особо важным обстоятельством в условиях постоянной экономии бюджетных средств. Разница в целях концессионного соглашения и договора подряда влечет за собой и качественное отличие в применении данных конструкций, и невозможность замены одного другим.

По нашему мнению, концессионное соглашение – это полностью самостоятельная, отличная от договора подряда и иных смежных конструкций экономическая и правовая категория, которая обладает индивидуальными особенностями, что позволяет вести речь о самостоятельном месте концессионного соглашения в системе предпринимательских договоров и доказывает необходимость его закрепления как самостоятельного института гражданского права Республики Беларусь, к которому смогут применяться в соответствующих частях правила гражданского законодательства, что станет важным шагом для окончательного становления концессионных отношений в национальном законодательстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведель, Ж. Административное право Франции / Ж. Ведель. – М. : Прогресс, 1973. – 512 с.
2. Кулагин, М. И. Правовая природа инвестиционных соглашений, заключенных развивающимися странами / М. И. Кулагин // Политические и правовые системы стран Азии, Африки, Латинской Америки : сб. науч. тр. / под ред. О. А. Жидкова. – М. : РУДН, 1983. – 169 с.
3. Шорохов, С. В. Концессионное соглашение как форма публичного управления: сравнительно-правовое исследование : монография / С. В. Шорохов. – Воронеж : Ин-т ИТОУР, 2009. – 243 с.
4. Попов, А. И. Концессионные соглашения (гражданско-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. И. Попов. – Рязань, 2007. – 175 л.
5. Ландау, Б. А. Концессионное право Союза ССР: с приложением действующих законов о порядке предоставления концессий / Б. А. Ландау. – М. : Право и жизнь, 1925. – 74 с.
6. Бернштейн, И. Н. Очерк концессионного права СССР : учеб. пособие / И. Н. Бернштейн ; под ред. М. О. Рейхель. – М. ; Л. : Госиздат, 1930. – 128 с.
7. Сосна, С. А. Концессионное соглашение: теория и практика / С. А. Сосна. – М. : Нестор Академик Паблшерз, 2002. – 256 с.
8. Налетов, К. И. Еще раз о правовой природе концессионного соглашения / К. И. Налетов // Право и политика. – 2005. – № 3. – С. 29–36.
9. Селиверстов, С. С. Концессионные соглашения в России: перспективы применения в сфере трубопроводного транспорта / С. С. Селиверстов // Моск. журн. междунар. права. Спец. вып. «Энергетика и право: трубопровод. транспорт». – 2005. – № 3. – С. 70–77.
10. Доронина, Н. Г. К вопросу о правовой природе концессионных соглашений / Н. Г. Доронина // Право и экономика. – 1997. – № 1. – С. 47–55.
11. Савинова, О. Н. Договорное регулирование концессионных отношений по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. Н. Савинова. – Казань, 2006. – 201 л.
12. Жемалетдинов, Р. М. Гражданско-правовое регулирование концессионных соглашений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. М. Жемалетдинов. – Уфа, 2008. – 177 л.
13. Вахтинская, И. С. Гражданско-правовые признаки концессионного соглашения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. С. Вахтинская. – М., 2008. – 292 л.
14. Багдасарова, А. В. Концессионное соглашение в гражданском праве России и зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Багдасарова. – М., 2009. – 244 л.
15. Савельева, В. М. Концессионное соглашение как институт гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. М. Савельева. – М., 2011. – 194 л.

16. Жданухин, Д. Ю. Комментарий к Федеральному закону от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [Электронный ресурс] / Д. Ю. Жданухин // Агентство юрид. безопасности ИНТЕЛЛЕКТ-С. – Режим доступа: <http://www.intellect-pro.ru/press/commenters/zdanuxin.pdf>. – Дата доступа: 02.12.2019.

17. Карнаков, Я. В. Природа концессионного соглашения и его элементы / Я. В. Карнаков // Рос. ежегодник предпринимат. (коммер.) права. – 2007. – № 1. – С. 77–84.

18. Широков, С. Н. Правовая сущность концессионного соглашения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. Н. Широков. – Челябинск, 2012. – 221 л.

19. Сосна, С. А. Концессионное соглашение – новый вид договора в российском праве / С. А. Сосна // Журн. рос. права. – 2003. – № 2. – С. 14–24.

20. Брагинский, М. И. Договорное право : в 5 т. / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М., 1999–2011. – Т. 3 : Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – 2004. – 1053 с.

21. Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2008–2011. – Т. 2. – 2008. – 960 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.12.2019

Stanovaya O. V. Comparative Analysis of Concession Agreement and Contract of Employment under the Legislation of the Republic of Belarus

The article analyzes the structural elements of the legal structure of the concession agreement and the contract of employment under the legislation of the Republic of Belarus. As a result of the research, the author highlighted the main distinguishing features of the concession agreement, which clearly distinguish this institution from the contract of employment. The impossibility of replacing a concession agreement with a contract of employment due to its functional insufficiency for the effective implementation of the concession mechanism is stated. In order to improve the concession legislation of the Republic of Belarus, the author substantiates the need to consolidate the concession agreement as an independent institution of civil law of the Republic of Belarus.

УДК 342.81

С. А. Цюга

*ст. преподаватель каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
e-mail: tsyuga_brest@mail.ru*

ИЗБИРАТЕЛИ, КАНДИДАТЫ НА ВЫБОРНЫЕ ДОЛЖНОСТИ И ИХ ДОВЕРЕННЫЕ ЛИЦА КАК ОСНОВНЫЕ УЧАСТНИКИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Рассматриваются понятия «избиратель», «правовой статус избирателя», «избирательный корпус», «электорат». Анализируются конституционно-правовые статусы избирателей, кандидатов на выборные должности и их доверенных лиц. Затрагивается проблема составления и обновления списков избирателей в Республике Беларусь. Дается авторское определение понятия «доверенное лицо». Предлагается внесение изменений и дополнений в действующее избирательное законодательство.

Введение

Избирательное законодательство, регламентирующее деятельность субъектов избирательного процесса, изменяется и дополняется с каждым новыми выборами, проводимыми в Республике Беларусь. В связи с этим изучение теоретико-правовых аспектов конституционно-правового статуса основных его участников представляется весьма актуальным. В юридической литературе участники избирательного процесса в Республике Беларусь не были предметом самостоятельного научного исследования, и до настоящего времени недостаточно изучена их юридическая сущность. Поэтому требуется выработка научно обоснованных предложений по совершенствованию их конституционно-правового статуса.

Цель статьи – выявление особенностей конституционно-правового статуса основных участников избирательного процесса в Республике Беларусь. Для этого необходимо исследовать имеющиеся в науке понятия «избиратель», «избирательный корпус» и «электорат» и провести их разграничение, а также выявить специфику правового статуса как указанных выше субъектов, так и кандидатов на выборные должности и их доверенных лиц.

Изучив представленные в науке конституционного права диапазон и классификации участников избирательного процесса, проанализировав нормы избирательного законодательства Республики Беларусь, можно констатировать, что участниками избирательного процесса являются не все субъекты конституционно-правовых отношений, а только те, которые наделены избирательной правосубъектностью, позволяющей им участвовать в формировании органов публичной власти и (или) обеспечивать избирательные действия и процедуры.

Круг субъектов современного избирательного процесса в Республике Беларусь достаточно широк, неоднороден: 1) избиратели (избирательный корпус, электорат); 2) кандидаты на выборные должности и их доверенные лица; 3) Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов; 4) избирательные комиссии (члены избирательных комиссий); 5) инициативные группы; 6) общественные объединения; 7) трудовые коллективы; 8) органы, назначающие выборы (Президент Республики Беларусь, Палата представителей Национального Собрания Республики Беларусь, местные Советы депутатов); 9) органы, обеспечивающие правовую охрану избирательного процесса (прокуратура, суды); 10) наблюдатели; 11) средства массовой информации.

Рассматриваемых участников избирательного процесса предлагается подразделить в зависимости от *их роли и выполнения юридически значимых действий в избирательном процессе в Республике Беларусь* на две группы: субъекты, непосредственно участвующие в избирательном процессе, и субъекты, обеспечивающие избирательные действия и процедуры. Субъекты обеих названных групп отличаются конституционно-правовым статусом, что позволяет провести их внутригрупповую классификацию.

В первую группу *субъектов, непосредственно участвующих в избирательном процессе*, входят: 1) основные участники избирательного процесса, к которым относятся избиратели (избирательный корпус, электорат), кандидаты на выборные должности и их доверенные лица; 2) организаторы избирательного процесса (Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов, избирательные комиссии (члены избирательных комиссий)); 3) субъекты, участвующие на определенных этапах в избирательном процессе (инициативные группы, политические партии, трудовые коллективы).

Во вторую группу *субъектов, обеспечивающих избирательные действия и процедуры*, целесообразно включить: 1) органы, назначающие выборы и обеспечивающие правовую охрану избирательного процесса (Президент Республики Беларусь, Палата представителей Национального Собрания Республики Беларусь, местные Советы депутатов, прокуратура, суд); 2) субъекты, осуществляющие общественный контроль за законностью избирательного процесса и его информационное сопровождение (наблюдатели и средства массовой информации).

Предложенная классификация позволяет учесть особенности избирательной правосубъектности всех участников избирательных правоотношений, определить их место и роль в зависимости от выполняемых ими юридически значимых действий на определенных этапах избирательного процесса. Следует отметить, что данная классификация не является неизменной (статичной). От вида выборов (президентские, парламентские или местные) будет зависеть и субъектный состав их участников. С развитием избирательного законодательства может расширяться круг субъектов избирательного процесса, а также возможно совмещение их правовых статусов.

Рассмотрим конституционно-правовые статусы основных участников избирательного процесса.

Избиратели (избирательный корпус, электорат). Это не только самые многочисленные участники избирательного процесса, но и основные его субъекты, от которых непосредственно зависит общий результат выборов. В Республике Беларусь термин «избиратель» законодательно закреплен. Под ним понимается «гражданин Республики Беларусь, обладающий в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и Избирательным кодексом Республики Беларусь (далее – Избирательный кодекс) правом избирать в государственные органы» [1, с. 193]. Речь идет об активном избирательном праве.

Однако не все лица, имеющие гражданство, автоматически являются избирателями. Такую позицию не только занимают ученые, отмечая, что «“гражданин” и “гражданин-избиратель” – различные категории» [2, с. 101], но и подтверждает действующее законодательство. Так, в соответствии со ст. 4 Избирательного кодекса право избирать имеют граждане Республики Беларусь, достигшие 18 лет: «В выборах не участвуют граждане, признанные судом недееспособными, лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы, а также лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения – содержание под стражей» [1, с. 4]. Также, согласно ст. 58 Избирательного кодекса, граждане Российской Федерации, постоянно проживающие в Республике Беларусь, имеют право в порядке, предусмотренном Кодексом, участвовать в выборах депутатов местных Советов депутатов в соответствии с международным договором Республики Беларусь

и Российской Федерации [1, с. 91]. Граждане других государств на территории Республики Беларусь не обладают избирательным правом.

И. В. Захаров и А. Н. Кокотов обращают внимание на то, что не все граждане, отвечающие указанным требованиям, могут признаваться избирателями. Так, «одно из условий признания гражданина избирателем – это включение его в список избирателей» [2, с. 102]. Действительно, чтобы сделать свой выбор, гражданину необходимо быть в списках избирателей и расписаться в получении бюллетеня при предъявлении документа, удостоверяющего личность. Однако в случае отсутствия в списке его фамилии избиратель при предъявлении паспорта и подтверждения своего места проживания, относящегося к данному избирательному участку, включается в дополнительные списки для голосования (в таком случае члену избирательной комиссии необходимо связаться с избирательным участком по прежнему месту проживания и исключить данного избирателя из основного списка). Только после описанных действий избиратель получает бюллетень для голосования.

Полагаем, список избирателей будет более полным и достоверным, если в Республике Беларусь создать Государственный регистр избирателей. Такого рода реестры (регистры) существуют в других странах (Германия, Италия, Франция, США, Швеция, Российская Федерация, Армения, Молдова, Украина и др.). Подобную новацию поддерживает и Председатель Центризбиркома Беларуси Л. М. Ермошина: «Во-первых, мы будем иметь точные и правильные списки избирателей. Во-вторых, предотвратим возможность одному и тому же лицу проголосовать дважды. Для нас тут самое главное – правильные списки: исключение “мертвых душ” и включение всех, кто на время выборов достиг 18 лет» [3]. Таким образом, предлагаем создать на официальном сайте Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов электронный ресурс «Государственный регистр избирателей». Такую государственную централизованную автоматизированную информационную систему учета избирателей, предназначенную для сбора, хранения, обновления и анализа информации о гражданах Республики Беларусь (включая находящихся за рубежом), достигших 18-летнего возраста и не лишенных законом избирательного права, можно создать на основе регистра населения. Это позволит осуществлять идентификацию избирателей и упростит порядок уточнения списков избирателей перед выборами.

Для надлежащего функционирования «Государственного регистра избирателей» предлагается предусмотреть: 1) порядок ведения регистра, управления им, обеспечения его работы; 2) правила предоставления, использования и защиты персональных данных, содержащихся в регистре; 3) контроль, надзор и ответственность при использовании регистра. Органом, обеспечивающим функционирование регистра, определить Центральную комиссию Республики Беларусь по выборам и республиканским референдумам.

Избиратель – основной участник избирательного процесса. Его конституционно-правовой статус требует проведения специального исследования в целях дальнейшего совершенствования. Рассмотрим труды ученых, работающих по этой тематике. Так, известный белорусский специалист в области избирательного права С. А. Альфер отмечает, что «правовой статус избирателя – это закрепленное нормами избирательного права положение избирателя как участника избирательного процесса. Правовой статус избирателя складывается из следующих элементов:

1) права (полномочия) избирателя, связанные с его участием в предусмотренных законом избирательных действиях;

2) гарантии реализации избирателем предоставленных ему избирательным законодательством прав» [4, с. 128].

Полагаем, понятие «конституционно-правовой статус избирателя» включает такие элементы, как: 1) избирательная правосубъектность; 2) права, свободы и обязанности

избирателя как субъекта избирательного процесса; 3) гарантии реализации прав и обязанностей; 4) юридическая ответственность избирателя.

Для того чтобы гражданин смог стать участником избирательного процесса, ему необходимо обладать избирательной правосубъектностью. Российский конституционалист Е. В. Корчиго предлагает выделять три уровня содержания избирательной правосубъектности граждан: «1 уровень – обладание гражданством и достижение возраста 18 лет. Обладатели имеют право выступать в качестве представителей его основных участников. Это уполномоченные представители, доверенные лица, члены комиссии с правом совещательного голоса. 2 уровень – обладание активным избирательным правом, которое предоставляется с учетом места жительства гражданина в зависимости от уровня выборов. 3 уровень – обладание пассивным избирательным правом, в отношении которого установлен ряд избирательных цензов» [5].

Исследователь И. В. Выдрин избирателями называет «граждан, располагающих правом избирать (активным избирательным правом)», и акцентирует внимание на том, что избиратели – «полноправные участники широкого комплекса мероприятий (избирательных действий) по выборам органов государственной власти и местного самоуправления» [6, с. 40].

Действительно, избиратели участвуют практически во всех стадиях избирательного процесса, что подтверждается следующими их правами (полномочиями): «1) связанные с учетом избирателей и составлением списков избирателей; 2) связанные с участием в формировании избирательных комиссий; 3) связанные с выдвижением и регистрацией кандидатов; 4) связанные с финансированием избирательной кампании; 5) на стадии предвыборной агитации; 6) связанные с организацией и порядком голосования, подсчетом голосов» [4, с. 129].

Следует отметить, что наряду с указанными и раскрытыми С. А. Альфером правами (полномочиями) [4, с. 129–134], избиратели также имеют право: во-первых, обжаловать решения, действия (бездействие) избирательных комиссий, их должностных лиц в вышестоящую избирательную комиссию или суд; во-вторых, получать информацию о ходе выборов.

Соглашаясь с И. А. Алексеевым, подчеркнем, что «между понятиями “избирательные права” и “права избирателей” существует принципиальное различие: в первом случае речь идет о реализации как активного, так и пассивного избирательного права гражданином, тогда как во втором случае имеется в виду только реализация активного избирательного права» [7, с. 36].

Участие в выборах является правом, однако избиратели в избирательном процессе имеют и ряд обязанностей, а именно: голосовать лично; предъявлять паспорт или заменяющее его удостоверение личности для получения избирательного бюллетеня; расписываться в списке граждан, имеющих право участвовать в выборах, при получении избирательного бюллетеня; заполнять бюллетень в кабине или комнате для тайного голосования; не заниматься агитацией в день голосования.

Следует отметить, что избиратель может действовать как самостоятельно, так и совместно с другими избирателями (член инициативной группы), а также как член политической партии или общественного объединения.

Для подведения итогов голосования необходимо законодательно установленное количество голосов избирателей. И, как отмечает Р. Т. Биктагиров, «только избиратели в совокупности решают главный вопрос избирательной кампании – кто будет представлять их интересы в выборных органах государственной власти и местного самоуправления» [8, с. 88].

Говоря о термине «избиратель», нельзя оставить без внимания такие понятия, как «избирательный корпус» и «электорат».

Конституционалисты А. А. Подупейко и М. Г. Головач указывают, что «совокупность всех избирателей страны составляет избирательный корпус» [9, с. 97], который понимается совокупность лиц, наделенных активным избирательным правом, включенных в списки избирателей. Избирательный корпус участвует в выборах и референдумах.

«Электорат» (в широком значении слова) следует рассматривать как синоним понятия «избирательный корпус». Так, Н. П. Козыренко отмечает, что электорат – это «население, формирующее власть в результате выборов; круг избирателей, которые голосуют за определенную партию на парламентских, президентских или муниципальных выборах. В электорат входит часть как избирателей, голосующих за определенную партию или кандидата, так и всех избирателей – граждан государства, которые имеют право участвовать в выборах» [10, с. 54].

Итоги выборов зависят от числа принявших участие в голосовании избирателей. Например, «считается, что выборы Президента Республики Беларусь состоялись, если в голосовании приняло участие более половины граждан Республики Беларусь, включенных в список избирателей. Президент Республики Беларусь считается избранным, если за него проголосовало более половины граждан Республики Беларусь, принявших участие в голосовании» [1].

В Республике Беларусь существует разветвленная система гарантий реализации прав избирателей, обеспечивающая их реальное участие в выборах.

Правовое обеспечение гарантий возложено на Конституцию Республики Беларусь, Избирательный кодекс Республики Беларусь, а также другие акты законодательства, предусматривающие гарантии всеобщего избирательного права – обеспечение возможности каждому избирателю воспользоваться своим правом (например, реализовать свое право за рубежом или в других местах временного пребывания). Избирателям гарантируется получение достоверной информации о кандидатах, тайна волеизъявления путем оборудования помещений для голосования отдельными кабинками. Законодательством предоставляется возможность проголосовать досрочно или на дому.

Кандидаты на выборные должности и их доверенные лица. Ученые довольно редко в качестве субъектов конституционно-правовых отношений выделяют кандидатов на выборные должности и их доверенных лиц. Так, следует назвать монографию профессора М. Ф. Чудакова «Правовой статус гражданина в избирательной системе» [11], где затрагиваются и вопросы правового статуса кандидатов в Президенты, в депутаты и их представителей в Республике Беларусь. Правовому положению кандидата в Президенты Республики Беларусь и их доверенных лиц посвящена статья конституционалиста Т. С. Масловской [12, с. 64–69]. С этим мнением солидарен В. Н. Кивель [13, с. 12].

Избирательный процесс представить без кандидатов на выборные должности и их доверенных лиц весьма сложно. Они являются основными его участниками, их статус законодательно закреплен. Например, в ст. 80 Конституции Республики Беларусь определено, что «Президентом может быть избран гражданин Республики Беларусь по рождению, не моложе 35 лет, обладающий избирательным правом и постоянно проживавший в Республике Беларусь не менее десяти лет непосредственно перед выборами» [14, с. 20]. Статьи 57–66, 68–71, 73–75, 77, 155 Избирательного кодекса Республики Беларусь содержат нормы, закрепляющие правовой статус кандидатов в Президенты Республики Беларусь, в депутаты. Кандидатам в члены Совета Республики посвящен VI раздел Избирательного кодекса Республики Беларусь. Таким образом, установлены права и обязанности, которыми данные субъекты обладают на разных стадиях избирательного процесса [1].

В российской научной литературе встречаются понятия «кандидат» и «зарегистрированный кандидат». Так, «кандидат – лицо, выдвинутое в установленном законодательством порядке в качестве претендента на замещаемую посредством прямых выбо-

ров должность или членства в органе (палате органа) государственной власти или органе местного самоуправления либо зарегистрированное соответствующей избирательной комиссией кандидатом на выборную должность» [15]. Под зарегистрированным кандидатом понимается «лицо, которое зарегистрировано соответствующей избирательной комиссией кандидатом на выборную должность» [15].

Статья 155 Избирательного кодекса Республики Беларусь определяет, что «кандидат – лицо, зарегистрированное соответствующей комиссией кандидатом на должность Президента Республики Беларусь, кандидатом в депутаты Палаты представителей, кандидатом в члены Совета Республики, кандидатом в депутаты местного Совета депутатов» [1, с. 193]. Как видим, в Республике Беларусь кандидат – это лицо уже зарегистрированное, в то время как в Российской Федерации – лишь потенциальный претендент, еще не прошедший процедуру регистрации. Такому определению в белорусском законодательстве соответствуют термины «лицо, имеющее намерение выдвинуться кандидатом» и «лицо, предлагаемое для выдвижения кандидатом». Статус этих субъектов регламентирован национальным законодательством в ст. 61 и 65 Избирательного кодекса [1].

Все кандидаты наделяются равными правами и имеют равные обязанности, возникающие в момент их регистрации соответствующей избирательной комиссией. Правовой статус кандидата является специальным, т. к. отражает права, свободы, обязанности и гарантии деятельности определенной категории граждан Республики Беларусь. «Правовой статус кандидата складывается из следующих элементов: 1) принцип равногo статуса кандидатов; 2) права и обязанности кандидата в избирательном процессе; 3) гарантии деятельности кандидата» [4, с. 146].

Полагаем, к числу элементов конституционно-правового статуса кандидатов можно отнести и их особую правосубъектность как участников избирательного процесса. Так, на основании ст. 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» граждане, зарегистрированные в установленном законом порядке кандидатами в Президенты Республики Беларусь, в депутаты Палаты представителей, в члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, в депутаты местных Советов депутатов, относятся к лицам, приравненным к государственным должностным лицам [16]. Данная норма распространяется на всех кандидатов на выборные должности на весь период их участия в избирательной кампании (с момента их регистрации в качестве кандидата и до момента объявления результатов выборов), что налагает на кандидатов дополнительные обязательства и существенно выделяет их среди иных участников избирательного процесса (за исключением органов, назначающих выборы и обеспечивающих правовую охрану избирательного процесса).

Т. С. Масловская отмечает, что «в основе правового статуса кандидата в Президенты Республики Беларусь лежит конституционный принцип равенства и равноправия, который включает равенство прав, свобод и обязанностей для всех; равенство всех перед законом и равную защиту» [12, с. 64].

Действительно, белорусское законодательство не предусматривает каких-либо требований к национальности кандидата, не устанавливает ограничений для пребывания кандидата в Президенты на должности в качестве государственного служащего, либо на действительной военной службе, либо в духовном звании. Права и обязанности кандидатов, гарантии их деятельности регламентированы гл. 16 Избирательного кодекса. Это тот минимум возможностей, которые предоставлены со стороны государства. И победа на выборах зависит только от самих кандидатов, так как их активность во время предвыборной агитации повлияет на количество голосов избирателей.

Кандидаты на выборные должности представляют свои предвыборные программы. От их привлекательности зависит распределение голосов избирателей. Считаем, что избиратели должны потребовать установить контроль за выполнением избранными в мест-

ные Советы депутатами своих программ. Для этого необходимо законодательно предусмотреть их обязательное опубликование в официальных изданиях местных Советов депутатов за счет бюджета вышеуказанных представительных органов. Это, на наш взгляд, будет способствовать привлечению граждан к управлению административно-территориальной единицей, повышению их активности в межвыборный период. Для депутатов же данная мера станет хорошей возможностью доказать на практике реализацию положений программы (реальность ее выполнения), получить доверие избирателей и в будущем поддержку при баллотировании на второй срок. Это также позволит выявить депутатов, не заинтересованных в своей деятельности, что послужит основанием для их отзыва.

В избирательном процессе наряду с кандидатами также участвуют их доверенные лица, назначить которых первые могут непосредственно после своего выдвижения и государственной регистрации. При этом следует иметь в виду, что назначение доверенных лиц является правом, а не обязанностью, т. е. кандидат сам решает, назначать или не назначать доверенных лиц, определяет их количество и распределяет между ними предоставленные законом функции. Доверенным лицам кандидатов в Избирательном кодексе Республики Беларусь непосредственно посвящена ст. 76, а также есть упоминание в статьях 13, 33, 40–42, что явно недостаточно для закрепления их правового статуса. Нормы-дефиниции, раскрывающей это понятие, также не имеется.

Доверенными лицами, как считает Т. С. Масловская, «могут быть лица, обладающие активным избирательным правом, то есть граждане Республики Беларусь, достигшие 18-летнего возраста, не признанные судом недееспособными, а также не содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы» [12, с. 67].

Исходя из анализа норм избирательного законодательства Республики Беларусь, можно предложить следующее определение понятия «доверенное лицо»: это гражданин, обладающий активным избирательным правом, определенный кандидатом для оказания помощи в период избирательной кампании. Полагаем, следует принять норму-дефиницию и изложить этот термин в ст. 155 Избирательного кодекса.

В соответствии со ст. 58 Избирательного кодекса, граждане Российской Федерации, постоянно проживающие в Республике Беларусь, имеют право участвовать в выборах депутатов местных Советов депутатов. Они могут реализовывать свое активное и пассивное избирательное право. Вполне вероятно, что кандидат в депутаты с российским гражданством в качестве своего доверенного лица пожелает определить также гражданина Российской Федерации, постоянно проживающего на территории Беларуси. Считаем, что такое право должно быть предоставлено кандидату с российским гражданством в целях реализации принципа о равенстве прав и обязанностей всех кандидатов (ст. 73 Избирательного кодекса).

В соответствии со ст. 76 Избирательного кодекса доверенным лицом кандидата не может быть член Центральной комиссии; член территориальной, окружной, участковой комиссии, в которых он представляет кандидата в депутаты; другой кандидат в депутаты [1, с. 120]. Избирательный кодекс не содержит для гражданина ограничений быть одновременно доверенным лицом нескольких кандидатов, что нам представляется неверным. Полагаем, этот пробел следует устранить и ст. 76 Избирательного кодекса дополнить следующей формулировкой: «доверенное лицо в ходе избирательной кампании может представлять интересы только одного кандидата».

Доверенное лицо кандидата на основании ст. 13 Избирательного кодекса может совмещать свой статус со статусом наблюдателя и осуществлять контроль за ходом голосования как в день выборов, так и в дни досрочного голосования.

Заклучение

Проведенный анализ конституционно-правового статуса избирателей, кандидатов на выборные должности и их доверенных лиц позволяет сделать следующие выводы:

1. Рассмотренные в статье субъекты являются активными участниками избирательного процесса. Избиратели являются не только самыми многочисленными участниками избирательного процесса, но и основными субъектами, от которых непосредственно зависит итог избирательной кампании. Кандидаты на выборные должности активно реализуют свои права и обязанности, так как непосредственно заинтересованы в результатах голосования.

2. Совершенствование правового статуса избирателей видится в возможности создания на официальном сайте Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов электронного ресурса «Государственный регистр избирателей», что позволит осуществлять идентификацию избирателей и упростит порядок уточнения списков избирателей.

3. Кандидаты на выборные должности представляют свои предвыборные программы. От их привлекательности зависит распределение голосов избирателей. Полагаем, что следует предусмотреть обязательное опубликование программ кандидатов, избранных в местные Советы депутатов (в официальных изданиях местных Советов депутатов за счет бюджета этих Советов депутатов), что позволит установить контроль со стороны избирателей за их выполнением и будет способствовать привлечению граждан к управлению административно-территориальной единицей, их активности в межвыборный период. Это также позволит выявить депутатов, не заинтересованных в своей деятельности, что послужит основанием для их отзыва.

4. Ввиду отсутствия нормативного определения понятия «доверенное лицо» предлагаем принять норму-дефиницию «доверенное лицо – это гражданин, обладающий активным избирательным правом, определенный кандидатом для оказания помощи в период избирательной кампании» и изложить данное понятие в ст. 155 Избирательного кодекса.

5. Считаем обоснованным дополнить ст. 76 Избирательного кодекса нормой следующего содержания: «доверенное лицо в ходе избирательной кампании может представлять интересы только одного кандидата».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Избирательный кодекс Республики Беларусь : по сост. на 27 нояб. 2017 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2018. – 224 с.
2. Захаров, И. В. Избирательное право Российской Федерации / И. В. Захаров, А. Н. Кокотов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2013. – 411 с.
3. Электронный регистр избирателей проблему непрозрачных выборов не решит [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://naviny.by/article/20170921/-1506008201-elektronnyu-registr-izbirateley-problemu-neproзрачныh-vyborov-ne-reshit>. – Дата доступа: 10.01.2020.
4. Альфер, С. А. Избирательное право Республики Беларусь : пособие для студентов вузов / С. А. Альфер. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Тесей, 2010. – 343 с.
5. Субъекты избирательного процесса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studall.org/all3-23002.html>. – Дата доступа: 10.01.2020.
6. Выдрин, И. В. Избирательное право Российской Федерации / И. В. Выдрин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2009. – 223 с.
7. Избирательное право и процесс в Российской Федерации / И. А. Алексеев [и др.]. – М. : Проспект, 2015. – 209 с.

8. Биктагиров, Р. Т. Субъект избирательного права России: теоретико-правовое исследование / Р. Т. Биктагиров. – Казань : Школа, 2009. – 320 с.
9. Подупейко, А. А. Конституционное право зарубежных стран : практ. пособие / А. А. Подупейко, М. Г. Головач. – Минск : М-во внутр. дел Респ. Беларусь, 2010. – 400 с.
10. Козыренко, Н. П. Политический пиар и избирательные кампании / Н. П. Козыренко. – Минск : Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2016. – 198 с.
11. Чудаков, М. Ф. Правовой статус гражданина в избирательной системе / М. Ф. Чудаков. – Минск : Тесей, 2001. – 36 с.
12. Масловская, Т. С. Правовое положение кандидата в Президенты Республики Беларусь: актуальные вопросы / Т. С. Масловская // Право.by. – 2010. – № 4. – С. 64–69.
13. Кивель, В. Н. Конституционное право Республики Беларусь : учеб. пособие / В. Н. Кивель. – Минск : Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2007. – 263 с.
14. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
15. Макарецев, А. А. Избирательное право и процесс в России : учеб. пособие. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lawbook.online/rossii-pravo-izbiratelnoe-izbiratelnoe-pravo-protsess-rossii-uchebnoe.html>. – Дата доступа: 10.01.2020.
16. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.02.2020

Tsjuga S. A. Voters, Candidates for Elective Offices and Their Proxies as the Main Participants in the Electoral Process

In the article the author considers the concepts of «voter», «legal status of a voter», «electoral corps», «and electorate». The article analyzes the constitutional and legal statuses of voters, candidates for elective offices and their proxies. The problem of compiling and updating voter lists in the Republic of Belarus is touched upon. The author's definition of the term «trustee» is given. It is proposed to make changes and additions to the current electoral legislation.

УДК 340.12 : 342

А. А. Дутко

канд. юрид. наук, доц., доц. каф. гражданского права и процесса

Института права и психологии

Национального университета «Львовская политехника»

e-mail: mr1506_dutko@ukr.net**ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ
КАК СРЕДСТВ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ**

Во-первых, юридические конструкции отражают структуру определенных однородных правовых явлений, требующих законодательной регламентации. Во-вторых, они являются идеальными моделями структуры правовых явлений, которые: 1) существуют в виде определенной системы терминов и понятий; 2) выступают моделями именно структуры правовых явлений, а не их признаков, свойств, функций; 3) составляют систему терминов и понятий, элементы которых определяются правовыми явлениями, которые они отражают; 4) являются абстрактно-обобщающими моделями, которые могут применяться законодателем для регламентации будущих явлений, если обнаружится сходство их структуры с явлениями, отраженными в конструкциях. В-третьих, юридические конструкции закрепляются в законодательстве двумя способами: текстуальным (словесным выражением содержания конструкции в тексте законов) и смысловым (логическим выводом содержания конструкции из совокупности нормативно-правовых предписаний). В-четвертых, юридические конструкции используются законодателем для достижения точности и определенности содержания законов и законодательства в целом. На основании содержательной характеристики юридических конструкций определяется их понятие.

Введение

Юридические конструкции являются одними из самых сложных средств законодательской техники, сущность которых недостаточно исследована в науке. Отраслевому законодательству известно много самых разнообразных конструкций, которые изучаются отраслевыми юридическими науками с учетом его предмета исследования. Задача общей теории права – сформулировать общее понятие юридических конструкций, на основе которого отраслевые юридические науки могли бы создавать свои конструкции.

В юридической науке отдельные вопросы юридических конструкций исследовались как в общетеоретическом аспекте (С. С. Алексеев, К. Бабаев, В. М. Баранов, А. А. Деревнин, Р. Иеринг, Ш. В. Калабеков, Т. В. Кашанина, Д. А. Керимов, М. М. Коркунов, Ю. Л. Мареев, А. Нашиц, М. М. Тарасов, В. В. Чевычелов, А. Ф. Черданцев и др.), так и с позиций отраслевых юридических наук (И. Бабин, А. В. Иванчин, В. М. Кудрявцев, Л. Л. Кругликов, П. И. Люблинский, В. В. Пиляева и др.). Основательно исследовал юридическую конструкцию А. Ф. Черданцев, который выделял «три аспекта понимания юридической конструкции». Они, по его мнению, являются методом познания права и правоотношений, средством юридической техники, построения нормативного материала (будучи выраженной в нормах права, конструкция становится нормативной юридической конструкцией), толкования норм права и установления юридически значимых фактов в процессе реализации норм права [1, с. 151].

Изучение юридических конструкций как метода познания и толкования права не является предметом нашего анализа. Цель статьи – исследование признаков юридических конструкций как средств законодательской техники, моделей определенных правовых явлений, с помощью которых формируются предписания законов, и на основании содержательной характеристики юридических конструкций определение их понятия.

Понятие юридических конструкций давно известно и используется в юриспруденции, хотя определяется по-разному. Наиболее характерными определениями являются следующие: 1) специфическое построение нормативного материала, соответствующее определенному типу или виду правоотношений, юридических фактов, их связи между

собой [2, с. 489]; 2) идеальная модель урегулированных правом общественных отношений или отдельных элементов, которая служит методом познания права и общественных отношений [3, с. 87]; 3) средство правотворческой техники, которое заключается в моделировании, определенном логическом построении нормативного материала и одновременно является методом познания и толкования норм права [4, с. 8, 144].

Анализ этих и других определений дает возможность сделать некоторые выводы.

Во-первых, большинство ученых рассматривают юридическую конструкцию как средство построения нормативного материала, тем самым подчеркивая ее роль и назначение. С этим следует согласиться. В то же время необходимо уточнить, что таким правовым материалом выступают нормативно-правовые предписания, которые являются содержанием законов и других форм позитивного права.

Во-вторых, ученые, выясняя сущность юридической конструкции, понимают ее в основном как модель, схему, типичный образец тех или иных правовых явлений: правоотношений, прав, обязанностей, ответственности, юридических фактов и т. п. Не отрицая понимания юридических конструкций как моделей, заметим, что они не являются моделями именно регулирования. Моделями регулирования общественных отношений выступают юридические нормы, нормативные и индивидуальные предписания. Юридические же конструкции сами по себе ничего не регулируют, а служат лишь средством (хотя и очень важным) создания правовых предписаний.

В-третьих, некоторые ученые рассматривают юридические конструкции не только как средства правотворческой техники, но и как метод познания права и метод толкования права. Действительно, юридические конструкции можно рассматривать как гносеологические инструменты правовой науки, собственно, как и все другие понятия и категории юридической науки, которые используются для познания явлений правовой действительности. Например, общетеоретическая конструкция правоотношений служит познанию отраслевых правоотношений, конструкция состава правонарушений – изучению особенностей отдельных видов правонарушений и т. п.

Следует также согласиться и с тем, что юридические конструкции могут выступать как способ толкования юридических норм. Например, использование при толковании конструкции «брак» требует уяснения смысла соответствующих статей Семейного кодекса и ответов на вопрос: достигли ли супруги брачного возраста, находятся ли они в другом зарегистрированном браке, находятся ли в близких родственных отношениях, было ли их согласие на вступление в брак свободным и полным? Отсутствие знаний хотя бы об одном из элементов конструкции свидетельствует о неполноте уяснения содержания правовой нормы.

Понимание юридических конструкций не только как средств законотворческой техники, но и как методов познания и толкования права позволило ученым говорить о существовании широкого и узкого подходов к их исследованию [4, с. 8].

Анализ юридической литературы также показал, что ученые исследовали признаки юридических конструкций. Так, В. В. Чевычелов выявил, что: они являются средством правотворческой техники; представляют собой правовые модели; являются методом познания права и общественных отношений; представляют собой систему взаимодействующих элементов, компонентов, которые могут образовывать подсистемы (строны) конструкций [4, с. 57–69].

По мнению А. А. Деревнина, признаки юридических конструкций следующие:

- 1) являются одной из форм отражения правовой действительности;
- 2) представляют собой абстракции (идеальные модели) правовых явлений, которые они отражают;
- 3) выступают как аналоги соответствующих объектов;
- 4) выражают структуру сложных элементов;

5) содержат знания о явлениях, изучаемых правовой наукой [5, с. 45].

Можно согласиться с мнением этих авторов по определенным указанным признакам. Вместе с тем необходимо заметить, что не все они позволяют четко отграничить юридические конструкции от других средств законотворческой техники, ведь существенные признаки какого-либо явления должны служить установлению «границ», «пределов» между явлениями.

По нашему мнению, юридическим конструкциям присущи признаки, характеризующие их особенности именно как средств законотворческой техники.

Первым признаком является то, что юридические конструкции – это отражение структуры определенных однородных правовых явлений, требующих законодательной регламентации. Прежде всего следует отметить, что круг таких явлений определяется, как правило, самим законодателем.

Термин «конструкция» (от лат. *constructio* ‘составление, построение’) истолковывается как структура, план, взаимное расположение частей какого-либо сооружения, механизма. При этом под структурой в философской литературе, как правило, понимают специфический способ связи элементов, компонентов [6, с. 107]. В то же время под элементами понимают внутреннюю неделимую в силу конкретного качества единицу, т. е. неделимый в пределах этого качества минимальный ее носитель [6, с. 74]. Иными словами, структура – это состав элементов и тип связи между ними. Поэтому юридическая конструкция должна отражать прежде всего структурные элементы определенных юридических явлений. В ней должна отражаться вся совокупность таких элементов, учитывая, что отсутствие хотя бы одного из них приведет в итоге к неполноте законодательства. Это можно объяснить на примере. Право нацелено на регулирование общественных отношений. Они будут урегулированы, если все их элементы (субъекты, объекты, действия, поведение субъектов) найдут адекватное отражение в юридической конструкции, с помощью которой впоследствии будут формироваться нормативно-правовые предписания. Вот почему юридическая конструкция правоотношений состоит из субъектов правоотношений, объектов правоотношений, субъективных юридических прав и субъективных юридических обязанностей.

По мнению К. Бабаева, В. М. Баранова, В. А. Толстик, юридическая конструкция может быть моделью отдельных элементов правоотношений [3, с. 87]. С этим можно согласиться, если, во-первых, такой элемент будет рассматриваться как отдельное правовое явление, и если, во-вторых, он также состоит из определенных элементов, которым присущи определенные правовые свойства. Хотя такие их элементы будут проявляться уже по другим критериям. Действительно, субъективные юридические права и обязанности как элементы правоотношений являются правовыми явлениями со своими элементами, совокупность которых отражается соответственно в юридической конструкции субъективного юридического права и юридической конструкции субъективной юридической обязанности.

Юридическая конструкция должна отражать не только всю совокупность элементов правового явления, но и тип связи между ними. Выявление типа связей между элементами (причинно-следственной или функциональной и т. д.) позволяет установить порядок их расположения, размещения относительно друг друга. Таким образом, юридическая конструкция является отражением определенной последовательности элементов правового явления. Это дает возможность логически построить правовой материал, выложить его в определенной последовательности, которая обусловлена типом связи между элементами правового явления. Так, в юридической конструкции гражданских правоотношений элементы расположены в следующем порядке: субъекты гражданских правоотношений, объекты гражданских правоотношений, гражданские права и обязанности. В такой же последовательности осуществляется правовая регламентация гражд-

данских отношений в Гражданском кодексе (ГК) Украины. Также в ГК Украины после порядка расположения элементов юридической конструкции гражданско-правового договора (договор-факт, договор-правоотношение, договор-форма) дается регламентация отдельных видов гражданско-правовых договоров.

Итак, юридическая конструкция является отражением всех элементов однородных правовых явлений в их определенной последовательности. Следовательно, она является отражением их структуры.

Второй признак: юридические конструкции являются идеальными моделями структуры правовых явлений. Слово «модель» как в научной литературе, так и в повседневной речи употребляется в разных значениях. Оно используется для обозначения различного типа явлений. Под моделью иногда понимают некий «идеальный» образец, с которого копируют другие предметы такого же типа. Наконец, под моделью иногда понимают специально созданный человеком предмет, устройство или систему, который определенным образом имитирует, воспроизводит существующие системы, процессы.

В. А. Штофф отмечает: «Модели с той или иной степенью приближения *отражают* реальный объект, находятся с ним в отношении сходства (изоморфизм, гомоморфизм). Таким образом, модели выступают как необходимое промежуточное звено между совокупностью утверждений теории и действительностью, которая *приблизительно отражается в соответствующих моделях*» (курсив автора. – А. Д.) [7, с. 237]. Конструируя модель, необходимо учитывать, что она лишь приблизительно отражает объект и упрощает его. Модель и оригинал не тождественны, а только подобны. Иными словами, между моделью и оригиналом может существовать или однозначное соответствие (гомоморфизм), или взаимоднозначное соответствие (изоморфизм) по их свойствам, структуре, функциям и т. п.

Исходя из этих положений можно сделать определенные выводы относительно юридических конструкций:

1. Юридические конструкции являются идеальными (теоретическими) моделями. Идеальные модели существуют в мышлении людей и функционируют по законам логики, они являются отражением материального мира. Модели этого вида остаются идеальными моделями, даже если они воплощены в какой-либо материальной форме (на рисунке, чертеже или системе знаков). Юридические конструкции создаются юридической наукой и практикой и существуют в виде определенной знаковой системы. Они выражаются с помощью определенных языковых средств, в частности юридических терминов. Учитывая логическую характеристику юридической конструкции как идеальной модели правовых явлений, можно сказать, что она представляет собой систему понятий. Юридическая конструкция существует в виде системы терминов и понятий, которая отражает то или иное правовое явление.

2. Юридические конструкции являются моделями именно структуры правовых явлений. По нашему мнению, они не могут быть моделями функций, свойств, признаков правовых явлений и т. п., следовательно, не любая модель является юридической конструкцией. Как мы пытались доказать раньше (при характеристике первого признака юридических конструкций), юридические конструкции являются отражением совокупности элементов однородных общественных отношений и иных правовых явлений, расположенных в определенном порядке, определенной последовательности, т. е. моделями их структуры. И в этом заключается отличие нашей позиции относительно понятия юридических конструкций как моделей от точек зрения других авторов. В. В. Чевычелов также отмечает, что юридическая конструкция как идеальная модель отражает объективные свойства однородных общественных отношений [4, с. 108]. Правда, некоторые ученые не отрицают того, что юридические конструкции могут отражать также структуру общественных отношений. Иными словами, они не проводят различий между

моделями структуры и моделями свойств (признаков) правовых явлений. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением С. И. Архипова, что признаки юридического лица, закрепленные в российском гражданском законодательстве, являются юридической конструкцией, хотя, по его мнению, и неполной [8, с. 297–302]. Отображение определенной совокупности признаков правового явления тоже модель. И если такая модель закрепляется в законодательстве, то перед нами совершенно иное средство законотворческой техники – законодательная дефиниция, но не юридическая конструкция.

Одной из целей формирования юридической конструкции является создание такой структурной модели, опираясь на которую в процессе реализации права можно установить необходимые и достаточные основания для признания факта существования того или иного отношения, явления, действия. Так, установление всех элементов состава преступления является основанием уголовной ответственности, т. е. основанием для признания деяния лица преступлением, тогда как законодательное определение понятия преступления отделяет его от других противоправных посягательств, а также обеспечивает однозначное его понимание. Но любое правовое явление можно исследовать, учитывая его структуру, признаки, функции, следовательно, можно создать различные модели, которые будут играть разную роль в правовой регламентации общественных отношений.

3. Юридическая конструкция как система терминов и понятий, отражающая оригинал, сама состоит из определенных элементов, которые в упрощенном, абстрактном виде воспроизводят построение и внутреннюю организацию правовых явлений, т. е. их компонентов (элементов), размещенных по определенному типу связей между ними. В то же время элементы юридической конструкции не отражают свойства (признаки), функции правовых явлений. Т. е. элементы юридической конструкции определяются элементами тех правовых явлений, которые она отражает. Следует также отметить, что сложность правовых явлений, которые подвергаются правовой регламентации, как правило, не позволяет дать их отображения с помощью одной модели. Поэтому чаще создается сложная модель, которая включает несколько отдельных моделей, каждая из которых отражает лишь отдельные компоненты таких правовых явлений. Следовательно, одна юридическая конструкция может представлять собой комплекс отдельных конструкций как ее составляющих (элементов). Поскольку конструкция отражает элементы однородных правовых явлений, то и понятия, которые отражают, будут общими по объему и абстрактными по содержанию. В этом плане можно говорить о «бессодержательности» конструкций. Конкретным же содержанием ее наполняет законодатель в зависимости от потребностей правового регулирования при создании нормативно-правовых предписаний. Например, конструирование ответственности без вины в гражданском праве: здесь более общей конструкцией является конструкция общих оснований гражданско-правовой ответственности, каковы вред, противоправное поведение, причинная связь между первым и вторым, вина.

Таким образом, элементы конструкции законодатель наполняет конкретным содержанием, закрепляя определенное правило поведения в нормативном предписании, связывает их с теми или иными обстоятельствами либо с наличием или отсутствием обстоятельств. В целом же юридическая конструкция описывает структуру, построение правовых явлений, является схемой, которая может быть наполнена различным содержанием.

4. Поскольку юридическая конструкция является упрощенным абстрактно-обобщенным образом явлений правовой действительности, постольку она является их гомоморфным отображением. А это значит, что юридические конструкции могут быть применены для нужд законодательного регулирования тех явлений, которые могут возникнуть в будущем, если обнаружится сходство, подобие их структуры с явлениями, которые отражаются в конструкциях. Поэтому юридические конструкции также высту-

пают в роли прообраза будущих явлений, что значительно облегчает впоследствии формирование с их помощью новых нормативно-правовых предписаний.

Третий признак: юридические конструкции закрепляются в законодательстве. Способами их закрепления являются текстуальный, т. е. непосредственное словесное выражение в тексте законов содержания определенной конструкции, и смысловой, когда содержание конструкции выводится путем логического анализа соответствующей совокупности нормативно-правовых предписаний. В последнем случае юридическая конструкция реконструируется в единое целое ее частями, закрепленными в различных юридических предписаниях.

Анализ кодифицированных нормативных актов относительно использования в них юридических конструкций показал, что преобладает их смысловое закрепление. Примером этого служат конструкции гражданских правоотношений, гражданских процессуальных, уголовных процессуальных правоотношений; гражданско-правовых договоров; гражданско-правовой ответственности; гражданско-процессуальной и уголовно-процессуальной формы; состава преступления и отдельных составов преступлений. В качестве примера текстуального способа закрепления можно привести конструкцию гражданского обязательства, все элементы которой словесно выражены в ст. 509 ГК Украины. В то же время определенные юридические конструкции могут иметь такие элементы, которые можно рассматривать как самостоятельные юридические конструкции. Например, юридические конструкции отдельных гражданских договоров состоят из таких элементов, как договор-факт, договор-правоотношение, договор-форма. В свою очередь, договор-правоотношение также является юридической конструкцией. И если юридические конструкции гражданско-правовых договоров в целом имеют смысловой способ закрепления, то их элементы – договор-правоотношение как самостоятельная конструкция – закрепляются текстуально.

Четвертый признак заключается в том, что юридические конструкции используются законодателем для достижения точности и определенности законов и законодательства в целом. В юридической литературе обращалось внимание на назначение юридических конструкций в контексте их значимости для обеспечения качественных свойств позитивного права, точности и определенности правового регулирования. Нормативно-правовые предписания содержат указание на существенные общие признаки определенной группы общественных отношений, которые характеризуют всю совокупность их элементов (субъектов, объектов, прав и обязанностей) и находятся в однозначном соответствии с этой группой отношений.

Поскольку юридические конструкции являются отражением элементов однородных общественных отношений и иных правовых явлений в полном объеме и являются гомоморфными моделями, то их использование для создания нормативно-правовых предписаний позволяет закрепить в последних все их элементы таким образом, чтобы между предписаниями и общественными отношениями существовало однозначное соответствие. Таким образом, использование юридических конструкций способствует достижению точности и определенности содержания законодательства. Все это дает возможность определить юридические конструкции как закрепленные в законодательстве идеальные обобщающие модели структуры однородных правовых явлений, создаваемых для формирования регулятивных, охранных, защитных нормативно-правовых предписаний и достижения точности и определенности законов.

Заключение

Юридическим конструкциям присущи следующие признаки, которые характеризуют их особенности как средств законотворческой техники. Во-первых, они являются отражением структуры определенных однородных правовых явлений, требующих

законодательной регламентации. Во-вторых, юридические конструкции являются идеальными моделями структуры правовых явлений, которые: 1) как идеальные модели существуют в виде определенной системы терминов и понятий; 2) служат моделями именно структуры правовых явлений, а не моделями их признаков, свойств, функций; 3) образуют системы терминов и понятий, элементы которых определяются элементами правовых явлений, которые они отражают; 4) выступают в качестве абстрактно-обобщающих моделей, которые могут применяться законодателем для регламентации будущих явлений, если обнаружится сходство их структуры с явлениями, отраженными в конструкциях. В-третьих, юридические конструкции закрепляются в законодательстве двумя способами – текстуальным (словесным выражением содержания конструкции в тексте законов) и смысловым (логическим выводом содержания конструкции из совокупности нормативно-правовых предписаний). В-четвертых, юридические конструкции используются законодателем для достижения точности и определенности содержания законов и законодательства в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А. Ф. Черданцев. – Екатеринбург : Наука, 1993. – 192 с.
2. Алексеев, С. С. Общая теория права : учебник / С. С. Алексеев. – М. : Велби : Проспект, 2008. – 576 с.
3. Бабаев, В. К. Теория государства и права в схемах и определениях : учеб. пособие / В. К. Бабаев, В. М. Баранов, В. А. Толстик. – М. : Юристъ, 1998. – 251 с.
4. Чевычелов, В. В. Юридическая конструкция (проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. В. Чевычелов. – Н. Новгород, 2005. – 180 л.
5. Деревнин, А. А. О понятии юридических конструкций / А. А. Деревнин // Акад. юрид. журн. – 2004. – № 4. – С. 9–13.
6. Афанасьев, В. Г. Системность и общество / В. Г. Афанасьев. – М. : Политиздат, 1980. – 386 с.
7. Штофф, В. А. Проблемы методологии научного познания / В. А. Штофф. – М. : Высш. шк., 1978. – 217 с.
8. Архипов, С. И. Субъект права: теоретическое исследование / С. И. Архипов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 469 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.06.2019

Dutko A. A. Concept and Signs of Legal Constructions as a Means of Law-Making Techniques

The signs of legal constructions as means of lawmaking technique as models of certain legal phenomena with the help of which the prescriptions of laws are constructed are examined. The article points out that legal constructions are characterized by features that characterize their features as a means of lawmaking technique. First, they are a reflection of the structure of certain homogeneous legal phenomena that require legislative regulation. Secondly, legal constructions are ideal models of the structure of legal phenomena. Thirdly, legal constructions are fixed in the legislation in two ways: textual (verbal expression of the content of the construction in the text of laws) and semantic (the logical conclusion of the content of the construction from the set of regulatory legal provisions). Fourth, legal constructions are used by the legislator to achieve the accuracy and certainty of the content of laws and legislation in general. On the basis of the content characteristic of legal constructions, their concept is defined.

УДК 342.92

А. А. Бильдейко*нач. отдела прокуратуры Брестской области**по надзору за исполнением законодательства и законностью правовых актов,
соискатель каф. конституционного права Белорусского государственного университета**e-mail: procuraturabrest@tut.by***АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАКУПКАХ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ:
ПУТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Обосновывается необходимость регулирования государственных закупок одним нормативным правовым актом, в том числе и в сфере строительства. Предлагается изложить в новой редакции статью Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, предусматривающую ответственность за нарушения законодательства о закупках при строительстве. При конструировании диспозиции данной нормы важно правильно определить объект, объективную сторону и субъектов данного правонарушения, дифференцировать ответственность в зависимости от тяжести возможных последствий проступка.

Введение

В Республике Беларусь сформировались три основных направления законодательства, регламентирующего порядок проведения закупок: государственные закупки, закупки за счет собственных средств и закупки при строительстве. При этом последнее направление наименее изучено наукой. Такое положение во многом обусловлено тем, что в большинстве стран не предусмотрен отдельный порядок регламентации проведения процедур закупок при строительстве, как это сделано в Республике Беларусь. В нашей стране вопросы применения законодательства о закупках при строительстве исследованы Ю. А. Амелеченей, М. В. Бенсманом, А. В. Богатко, И. Ф. Вашкевичем, А. В. Денисевичем. Вместе с тем научные исследования по вопросу совершенствования законодательства об административной ответственности за нарушения законодательства при закупках при строительстве в Республике Беларусь не проводились.

В связи с тем что в сфере строительства используется значительный объем бюджетных средств, крайне важным является установление грамотной правовой регламентации закупок товаров (работ, услуг) при строительстве, чтобы, с одной стороны, не допустить незаконного и неэффективного использования денежных средств, с другой – не парализовать процесс строительства из-за введения громоздких, длительных процедур закупок.

Для предложения законодательной конструкции правовой нормы, регламентирующей административную ответственность за нарушения законодательства о закупках товаров (работ, услуг) при строительстве, необходимо проанализировать порядок регулирования закупками в указанной сфере.

В настоящее время правоотношения в анализируемой сфере регламентируются Указом Президента Республики Беларусь от 07.06.2019 № 223 «О закупках товаров (работ, услуг) при строительстве» [1] (далее – Указ № 223). При этом законодательство нашей страны, регулирующее порядок закупок при строительстве, неоднократно менялось: периоды, когда указами Президента Республики Беларусь устанавливались особые процедуры (торги, переговоры и т. д.), сменялись непродолжительными периодами,

Научный руководитель – С. Г. Василевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Белорусского государственного университета

когда порядок закупок при строительстве регулировался законодательством о государственных закупках. Таких этапов развития регламентации законодательства о закупках при строительстве в нашей стране с 2005 г. Ю. А. Амельчя выделает семь [2].

В связи с тем, что в Республике Беларусь законодательство о закупках при строительстве часто существенным образом менялось, возникали сложности в применении норм ст. 21.17 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [3] (далее – КоАП), предусматривающей административную ответственность за нарушения в указанной сфере.

Подобные диаметрально противоположные подходы в законодательном регулировании порядка осуществления процедур закупок при строительстве требуют научно обоснованного предложения законодателю выбора единого способа регламентации данного процесса. Срок действия Указа № 223 ограничен 01.07.2021, в связи с чем, как уже трижды было, вероятнее всего, порядок закупок при строительстве определенный период времени будет регулироваться законодательством о государственных закупках (обычно до тех пор, пока Министерством архитектуры и строительства Республики Беларусь обосновывается необходимость принятия акта Главы государства с установлением особых процедур для осуществления закупок при строительстве). В дальнейшем порядок регламентации процедур закупок при строительстве может циклично сменяться по указанной схеме многократно.

Представляется, что подобный подход свидетельствует о непоследовательной позиции законодателя и является неверным, создающим серьезные проблемы правоприменителям. Даже ученым сложно разобраться с подлежащим применению законодательством, в связи с чем в научной литературе высказываются ошибочные суждения, например, что в 2018 г. строительные услуги в Республике Беларусь представляли собой предмет электронных аукционов [4, с. 206].

Логичным и перспективным является установление регламентации порядка осуществления закупок при строительстве законодательством о государственных закупках с учетом особенностей строительного процесса при приобретении товаров (работ, услуг) и комплексности регулирования данных правоотношений.

Из изложенного следует вывод, что статья КоАП, регламентирующая ответственность за нарушения законодательства о закупках при строительстве, должна быть сконструирована таким образом, чтобы эффективно применяться независимо от существенных изменений законодательства, регламентирующего порядок осуществления закупок в данной сфере. В случае регламентации закупок при строительстве общим законодательством о государственных закупках необходимости в наличии отдельной ст. 21.17 КоАП не будет, виновные лица за нарушения в данной сфере будут нести ответственности по статье КоАП, предусматривающей взыскания за нарушения законодательства о государственных закупках (в настоящее время по частям 4 и 5 ст. 11.16 КоАП, которые также нуждаются в существенной модернизации с учетом положительного опыта законодательного регулирования в странах ближнего зарубежья и правоприменительной практики государственных органов нашей страны). Такой вариант решения проблемы видится наиболее рациональным, однако до его принятия целесообразно на основании тщательного анализа внести предложения по совершенствованию действующей редакции ст. 21.17 КоАП.

В настоящее время административная ответственность за нарушения законодательства о закупках при строительстве предусмотрена частями 1–3 ст. 21.17 КоАП (новая редакция статьи действует с 04.04.2016).

Данная юридическая конструкция представляется неудачной, что выражается в том числе и в незначительном количестве фактов применения ст. 21.17 КоАП.

Так, с момента вступления в силу новой редакции ст. 21.17 КоАП за предусмотренные ч. 1 нарушения к ответственности в Республике Беларусь привлечено 172 лица, ч. 2 – 87 лиц, ч. 3 – 3 лица (согласно сведениям, содержащимся в Едином государственном банке данных о правонарушениях по состоянию на 31.12.2019). В 2019 г. по ч. 1 ст. 21.17 КоАП привлечено 27 лиц, ч. 2 данной статьи – 22 лица, в то время как по ч. 4 ст. 11.16 КоАП за этот же период времени за нарушения законодательства о государственных закупках привлечено 1 045 лиц. С учетом значительного объема бюджетных средств, выделяемых на строительство, такое незначительное количество привлеченных к ответственности лиц по сравнению с нарушителями законодательства о государственных закупках свидетельствует о несовершенстве ст. 21.17 КоАП и никоим образом не отражает реальное состояние деликтности и коррупционных проявлений в данной сфере. При этом справедливо отмечается, что в случае непринятия необходимых мер нарушения законодательства о закупках, которые облегчают совершение преступлений в данной сфере или позволяют их скрыть, влекут перерастание административных правонарушений в преступления [5, с. 72].

Анализ недостатков конструкции ст. 21.17 КоАП следует провести по трем признакам составов административных правонарушений, предусмотренных частями 1–3 данной статьи: объекту, объективной стороне и субъекту.

Объект административного правонарушения представляют общественные отношения, на которые посягает административно наказуемое деяние. Классификация однородных общественных отношений, выступающих в качестве объекта административного правонарушения, служит критерием для структурирования норм Особенной части КоАП [0, с. 334].

Представляется, что норма, предусматривающая административную ответственность за нарушения законодательства о закупках при строительстве, необоснованно размещена в главе 21 КоАП. Причиной неверного решения явилось неправильное определение объекта правонарушения (отнесение к посягательствам в сфере строительной деятельности).

Абзацем 41 ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» определено, что строительство – деятельность по возведению, реконструкции, ремонту, реставрации, благоустройству объекта, сносу, консервации не завершенного строительством объекта, включающая выполнение организационно-технических мероприятий, в том числе оказание инженерных услуг в строительстве, подготовку разрешительной и проектной документации, выполнение строительно-монтажных, пусконаладочных работ [7]. При этом строительство является отраслью материального производства, которая обеспечивает создание и реконструкцию объектов производственного, коммунально-бытового, социально-культурного и жилищного назначения [8, с. 432].

Исходя из вышеуказанных определений объектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 21.17 КоАП, является не строительная деятельность, имеющая целью создание объектов строительства, отвечающих требованиям безопасности, а финансы, на которые осуществляется посягательство в случае нарушения порядка расходования бюджетных и иных средств. Нарушения порядка осуществления закупок при строительстве обычно влекут удорожание строительства, приобретение товаров (работ, услуг) у «нужных» поставщиков и т. д.), т. е. причиняют вред правоотношениям, связанным с финансами. Если же они еще и повлияли на качество выполненных строительных работ, такие действия подлежат дополнительной квалификации по иным статьям, содержащимся в главе 21 КоАП: ст. 21.3 (невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательных для соблюдения требований технических нормативных правовых актов в области архитектурной, градостроительной и строительной дея-

тельности при проектировании, проведении инженерных изысканий, строительстве), ст. 21.4 (нарушение при проведении строительно-монтажных работ обязательных требований проектной документации, обеспечивающих безопасность жизни и здоровья людей, охрану окружающей среды, прочность, устойчивость и эксплуатационную надежность зданий, сооружений и их частей) и т. д.

Таким образом, статья, предусматривающая ответственность за нарушения законодательства о закупках при строительстве, должна быть размещена в главе 11 КоАП.

Объективная сторона состава административного правонарушения – это совокупность указанных в административно-правовой норме признаков, характеризующих внешнее проявление правонарушения. В связи с этим обязательным элементом объективной стороны состава административного правонарушения является деяние, которое может выражаться в действии или бездействии [9, с. 199].

Ч. 1 ст. 21.17 КоАП предусматривает ответственность за непроведение или несоблюдение порядка проведения должностным лицом или индивидуальным предпринимателем в предусмотренных законодательными актами случаях процедур закупок при строительстве объектов, финансируемых полностью или частично за счет бюджетных средств, при стоимости строительства объектов от шести тысяч до ста тысяч базовых величин, в том числе при размещении заказов, необходимых для строительства таких объектов.

Ч. 2 ст. 21.17 КоАП устанавливает ответственность за те же деяния при стоимости строительства объектов сто тысяч базовых величин и более, в том числе при осуществлении строительства за счет иных источников, за исключением строительства объектов, полностью финансируемых за счет средств иностранных инвесторов.

Таким образом, части 1 и 2 ст. 21.17 КоАП являются бланкетными. В теории права общепризнано, что бланкетная норма, не называя признаки административного правонарушения, отсылает к иным нормативным правовым актам, не относящимся к административно-деликтным (законам, декретам и указам Президента, постановлениям Совета Министров, актам республиканских органов государственного управления и т. д.). Бланкетная норма, таким образом, облегчает работу законодателя, становится лаконичной, но емкой по содержанию, так как направлена на обеспечение множественных правил. Между тем подобные нормы значительно усложняют работу правоприменителя. Им необходимо в каждом конкретном случае отыскать соответствующий нормативный правовой акт и нарушенные правила [10, с. 40].

Очевидно, что при конструировании диспозиций статей КоАП, регламентирующих ответственность за нарушения законодательства в сфере закупок (государственных, за счет собственных средств, при строительстве), избежать бланкетного характера административно-деликтных норм не представляется возможным, т. к. ввиду значительного количества нормативных правовых актов, регламентирующих данную сферу, сложно даже приблизительно предусмотреть перечень возможных нарушений, особенно в условиях быстро меняющегося законодательства.

Однако в настоящее время диспозиции частей 1 и 2 ст. 21.17 КоАП помимо бланкетных содержат и описательные нормы. Например, ч. 2 данной статьи предусматривает ответственность за непроведение или несоблюдение порядка проведения процедур закупок при осуществлении строительства за счет иных источников (помимо бюджетных средств), за исключением строительства объектов, полностью финансируемых за счет средств иностранных инвесторов.

Данная норма не может применяться в полном объеме ввиду произошедших изменений в законодательстве. Так, с 28.02.2018 действует абзац 35 подп. 4.4 п. 4 Декрета Президента Республики Беларусь от 23.11.2017 № 7 «О развитии предпринимательства» (далее – Декрет № 7), согласно которому не применяются установленные

законодательством требования о закупках товаров (работ, услуг) при строительстве в случае осуществления закупок без привлечения полностью или частично средств республиканского или местных бюджетов, государственных внебюджетных фондов, внешних государственных займов и внешних займов, привлеченных под гарантии Совета Министров Республики Беларусь, кредитов банков Республики Беларусь, привлеченных под гарантии Совета Министров Республики Беларусь, облисполкомов и Минского горисполкома [11]. Таким образом, порядок закупок при строительстве объектов, финансируемых за счет собственных средств субъектов хозяйствования, законодательством в настоящее время не регламентируется.

В результате получается противоречивая ситуация: законодательством порядок осуществления процедур закупок при строительстве объектов за счет собственных средств организации не предусмотрен, однако ответственность за нарушение такого порядка имеется. Формирование диспозиций всех частей ст. 21.17 КоАП исключительно в виде бланкетных позволит применять данную норму независимо от изменения законодательства, регламентирующего порядок осуществления закупок при строительстве. Например, в Декрет № 7 могут быть внесены изменения, предусматривающие обязательное проведение процедур закупок при строительстве за счет не только бюджетных, но и собственных средств организаций. Нынешняя редакция ч. 2 ст. 21.17 КоАП не позволит привлекать таких нарушителей к ответственности, если стоимость объекта строительства составляет более ста тысяч базовых величин.

Следовательно, действующие редакции частей 1 и 2 ст. 21.17 КоАП способствуют тому, что заказчики любыми путями пытаются использовать при приобретении товаров (работ, услуг) законодательство о закупках при строительстве, а не о государственных закупках. Например, если нарушение допущено при закупке за бюджетные средства мебели не в рамках строительства (без включения предмета закупки в смету и дефектный акт), нарушитель будет привлечен к административной ответственности по части 4 или 5 ст. 11.16 КоАП вне зависимости от стоимости предмета закупки, а в случае осуществления с нарушением закупки идентичной мебели, но при строительстве, ответственность наступит лишь при условии стоимости объекта строительства не менее шести тысяч базовых величин.

Таким образом, представляется возможным в диспозиции части 1 статьи КоАП, предусматривающей ответственность за нарушения законодательства о закупках при строительстве (для удобства далее по тексту предлагаемый новый структурный элемент будет называться ст. 11.84 КоАП), установить наказуемость за непроведение или несоблюдение порядка проведения в предусмотренных законодательными актами случаях процедур закупок при строительстве. В такой редакции норма будет полностью бланкетной и без трудностей будет применяться даже в случае значительных изменений законодательства, регламентирующего порядок проведения процедур закупок при строительстве.

В ч. 2 ст. 11.84 КоАП необходимо предусмотреть ответственность за действия, предусмотренные частью 1 данной статьи, повлекшие ограничение доступа подрядчиков (поставщиков) к участию в конкурентной процедуре закупки и (или) допуск к участию в такой процедуре участника, которому должно быть отказано в таком допуске, либо изменение условий договора, заключенного по результатам процедур закупок при строительстве, по основаниям, не предусмотренным законодательством.

Необходимость установления более строгой ответственности за нарушения, связанные с ограничением права на участие в процедурах закупок при строительстве, обусловлена стремлением защитить право добросовестных субъектов хозяйствования на участие в вышеуказанных конкурентных процедурах. В Российской Федерации также отмечается, что из материалов прокурорских проверок следует, что основная масса пра-

вонарушений коррупционного характера, связанных с так называемыми «откатами», касается допуска к участию в торгах. Самый распространенный способ – это когда «избранным» хозяйствующим субъектам умышленно предоставляют те или иные преимущества. Для «нежелательных» участников торгов искусственно создаются препятствия. В итоге «победителями» торгов становятся «свои», «избранные» поставщики (подрядчики, исполнители). Они и предоставляют за обеспечение «победы» соответствующие «откаты» [12, с. 39]. В результате проведенного в 2016 г. исследования представители российского крупного и среднего бизнеса самым уязвимым этапом в процессе закупок назвали выбор поставщика: 95 % респондентов считают, что именно на этом этапе закупок происходят мошеннические действия [13, с. 7]. Однако даже добросовестные закупщики, которых большинство, без получения какого-либо незаконного вознаграждения пытаются любой ценой обеспечить победу в конкурентном отборе надежному и проверенному поставщику, пробуя уйти от «русской рулетки» исполнения контракта по минимальной цене [14, с. 163] и последующих проблем с обеспечением сроков и качества строительства.

Предложение об установлении ответственности за необоснованное изменение условий договора, заключенного по результатам процедур закупок при строительстве, обусловлено тем, что в соответствии с частью 5 приложения 2 к Указу № 223 процедура закупки при строительстве заканчивается заключением договора либо отменой процедуры закупки или признания ее несостоявшейся. Следовательно, необоснованное изменение договора, заключенного по результатам вышеуказанных процедур, не охватывается диспозицией ч. 1 ст. 11.84 КоАП. При принятии предлагаемой редакции ч. 2 ст. 11.84 КоАП будет наказуемым изменение условий договора, заключенного по результатам процедур закупок при строительстве, по основаниям, не предусмотренным законодательством, например, установленных гл. 9 Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15.09.1998 № 1450 [15].

В части 3 ст. 11.84 КоАП предлагается установить ответственность за действия, указанные в частях 1 и 2 данной статьи, совершенные повторно в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения либо повлекшие дополнительное расходование денежных средств и (или) уменьшение объема выполняемых работ (количества закупаемых товаров) и (или) ухудшение качества выполненных строительных работ (качественных характеристик товаров). Необходимость введения отдельной нормы, предусматривающей ответственность за деяния, повлекшие дополнительное расходование средств или иные негативные последствия, а также совершенные повторно, подтверждается положительными результатами применения ч. 5 ст. 11.16 КоАП, устанавливающей взыскания за нарушения аналогичного характера в сфере государственных закупок.

Выделение отдельной части (в настоящее время – ч. 3 ст. 21.17 КоАП) об ответственности за дачу должностным лицом поручения на оплату бюджетных обязательств при строительстве объектов за счет бюджетных средств без проведения процедур закупок в случаях, установленных законодательными актами, представляется нецелесообразным, т. к. за период действия данной нормы (с 04.04.2016) она применялась всего три раза. Вышеуказанные действия полностью охватываются предлагаемой диспозицией ч. 2 ст. 11.84 КоАП, и для такого незначительного количества противоправных деяний выделение отдельной части статьи КоАП является явно излишним.

Предлагается также исключить примечание 2 к ст. 21.17 КоАП, которое в настоящее время относит к строительству объектов только возведение, реконструкцию, капитальный ремонт, реставрацию, благоустройство, снос объектов. Таким образом, из-под действия данной нормы «уходит» текущий ремонт, т. е. значительная часть про-

тивоправных деяний в сфере строительства остается вне зоны действия административной ответственности. При этом причиняется значительный вред бюджету, а виновные лица остаются безнаказанными [16].

Нуждается в корректировке круг *субъектов административных правонарушений*, предусмотренных ст. 21.17 КоАП. Наиболее очевидным предложением является исключение административной ответственности по данной статье субъектов хозяйствования (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей). Изложенные в диспозиции данной статьи нарушения зачастую являются следствием коллективного решения членов конкурсной комиссии, в состав которой могут входить и работники соответствующего профиля других организаций и государственного органа (организации), в подчинении которых находится (в состав (систему) которых входит) организатор торгов (ч. 7 п. 13 Положения о порядке организации и проведения процедур закупок товаров (работ, услуг) при строительстве объектов, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31.01.2014 № 88 [17]).

Административная ответственность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за нарушения в сфере государственных закупок (части 4 и 5 ст. 11.16 КоАП) или закупок за счет собственных средств (ст. 11.77 КоАП) не предусмотрена. В свете дальнейшей либерализации административной ответственности логичным явился бы такой же подход законодателя по отношению к закупкам при строительстве, так как в настоящее время любое несоблюдение порядка проведения процедур закупок при строительстве объектов, финансируемых полностью или частично за счет бюджетных средств при стоимости объекта строительства не менее шести тысяч базовых величин (в том числе связанное исключительно с оформлением документов), влечет наложение взыскания на юридическое лицо минимум в размере ста (ч. 1 ст. 21.17 КоАП) и пятисот (ч. 2 ст. 21.17 КоАП) базовых величин, что, представляется, противоречит такому принципу административной ответственности, как справедливость.

Например, 26.10.2017 Комитет государственного контроля Могилевской области привлек к административной ответственности ОАО «Б» в виде штрафа в размере пятисот базовых величин за нарушение на один день срока размещения на официальном сайте протокола заседания конкурсной комиссии по выбору победителя подрядных торгов, а также за то, что в конкурсной документации для проведения указанных торгов не содержалась информация о цене заказа, применяемой в качестве стартовой [18].

Тенденция персонализации ответственности за нарушения бюджетного законодательства имеет место во многих зарубежных странах, так как за юридическим лицом всегда стоит конкретное физическое лицо и именно по воле должностных лиц и с их дозволения расходуются средства, выделяемые из бюджета для достижения определенных целей. Например, в Германии любое должностное лицо, наделенное административно-хозяйственными полномочиями, в случае правонарушения в бюджетных правоотношениях рассматривается как потенциальный правонарушитель в связи с административно-властной самостоятельностью последнего при распоряжении бюджетными средствами [19, с. 68].

Кроме того, предлагается расширить перечень физических лиц – субъектов ответственности по ст. 21.17 КоАП. К ним можно отнести не только работников заказчика (организатора) и индивидуальных предпринимателей, но и членов конкурсных комиссий, созданных для проведения процедур закупок при строительстве. В настоящее время членов комиссии, не относящихся к должностным лицам (юрисконсульты, инженеры, специалисты и т. д.), допустивших нарушения при осуществлении процедур закупок при строительстве, к административной ответственности привлечь нельзя. При этом при нарушениях требований законодательства членами комиссий, созданных для проведения процедур государственных закупок и закупок за счет собственных

средств, их можно привлечь к административной ответственности по частям 4 или 5 ст. 11.16, ст. 11.77 КоАП соответственно. Представляется, что нормативные предписания об определении круга субъектов ответственности за нарушения законодательства о закупках должны быть унифицированы, привилегированное положение членов комиссий, создаваемых для осуществления закупок при строительстве, представляется несправедливым по отношению к членам иных комиссий.

Иногда высказываются сомнения в необходимости расширения круга субъектов ответственности по делам данной категории, т. к. во многих случаях налагаемые штрафы за нарушения законодательства о закупках – следствие как раз неумышленных ошибок сотрудников заказчика, а значит, они мало способствуют исправлению положения [14, с. 163]. С данным утверждением трудно согласиться. Как показывает практика, осознание возможности привлечения к ответственности заставляет членов комиссий изучать законодательство, повышать квалификацию. В таком случае административное взыскание сможет выступать своего рода сдерживающим фактором для членов конкурсных комиссий, которые нередко допускают нарушения законодательства в силу недостаточной подготовленности к выполнению своих функций [20, с. 43]. В протоколе заседания комиссии, помимо итогового решения, должны отражаться результаты голосования каждого члена комиссии по каждой из рассматриваемых заявок в связи с тем, что члены комиссии несут персональную ответственность за неправильно принятое решение, т. е. к административной ответственности могут быть привлечены только те, кто голосовал «за» несоответствующее законодательству решение [21, с. 215]. Следовательно, каждый член комиссии не заинтересован в поддержании незаконных решений, предлагаемых иными членами комиссии, понимая, что, если он не выскажет принципиальное несогласие, административной ответственности за коллективно принятое решение ему избежать не получится.

Заключение

По результатам исследования можно сформулировать следующие выводы.

Наиболее оптимальным способом для регламентации порядка закупок при строительстве является использование общего законодательства о государственных закупках. При принятии такой законодательной модели правового регулирования закупок при строительстве не будет необходимости в наличии ст. 21.17 КоАП, предусматривающей ответственность за нарушения в данной сфере. Лица, допустившие нарушения законодательства о закупках при строительстве, будут нести ответственность по статье КоАП, предусматривающей взыскания за нарушения законодательства о государственных закупках.

До внесения вышеуказанных изменений с целью обеспечения должной правовой регламентации и повышения эффективности предупреждения правонарушений в сфере закупок при строительстве предлагается исключить ст. 21.17 КоАП и дополнить данный кодекс ст. 11.84, изложив ее в следующей редакции: «Статья 11.84. Нарушение порядка проведения процедур закупок при строительстве:

1. Непроведение или несоблюдение порядка проведения должностным лицом, индивидуальным предпринимателем или членом комиссии, созданной для проведения процедуры закупки, в предусмотренных законодательными актами случаях процедур закупок при строительстве, влечет наложение предупреждения либо штрафа в размере до двадцати базовых величин.

2. Действия, предусмотренные частью 1 настоящей статьи, повлекшие ограничение доступа подрядчиков (поставщиков) к участию в конкурентной процедуре закупки и (или) допуск к участию в такой процедуре участника, которому должно быть отказано в таком допуске, либо изменение условий договора, заключенного по результатам про-

цедур закупок при строительстве, по основаниям, не предусмотренным законодательством, влекут наложение штрафа в размере от десяти до сорока базовых величин.

3. Действия, указанные в частях 1 и 2 настоящей статьи, совершенные повторно в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения, либо повлекшие дополнительное расходование денежных средств и (или) уменьшение объема выполняемых работ (количества закупаемых товаров) и (или) ухудшение качества выполненных строительных работ (качественных характеристик товаров), влекут наложение штрафа в размере от тридцати до семидесяти базовых величин».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О закупках товаров (работ, услуг) при строительстве [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 7 июня 2019 г., № 223 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Амельчяня, Ю. А. Ретроспективный анализ правового регулирования сферы закупок при строительстве с учетом изменений в законодательстве с 01.07.2019 [Электронный ресурс] : [по сост. на 04.07.2019 г.] / Ю. А. Амельчяня // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Москалевич, Г. Н. Правовое регулирование антимонопольной деятельности в рамках Евразийского экономического союза / Г. Н. Москалевич. – Минск : БИП, 2018. – 380 с.

5. Жубрин, Р. В. Противодействие преступлениям в сфере государственных и муниципальных закупок / Р. В. Жубрин // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – 2014. – № 6. – С. 71–77.

6. Правонарушения в современной правовой реальности / И. В. Архипов [и др.] ; под ред. Р. Л. Хачатурова. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 514 с.

7. Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 июля 2004 г., № 300-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

8. Административное право / Л. М. Рябцев [и др.] ; под ред. О. И. Чуприс [и др.]. – Минск : Издат. центр БГУ, 2014. – 605 с.

9. Актуальные проблемы административного права и процесса / М. В. Костеников [и др.] ; под ред. Н. Д. Эриашвили. – 2-е изд. – М. : Юнити-Дана, 2015. – 495 с.

10. Крамник, А. Н. Административно-деликтные нормы и их реализация / А. Н. Крамник. – Минск : Издат. центр БГУ, 2009. – 359 с.

11. О развитии предпринимательства [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 23 нояб. 2017 г., № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

12. Белов, В. Правонарушения в сфере государственных и муниципальных заказов / В. Белов // Законность. – 2010. – № 12. – С. 37–42.

13. Научное и информационно-аналитическое сопровождение деятельности по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции / Ю. А. Болт [и др.] ; под ред. А. А. Крылова. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2019. – 142 с.

14. Кикавец, В. В. От партнерства до рейдерства: практика государственных и государственно-корпоративных закупок / В. В. Кикавец, К. В. Кузнецов. – М. : Проспект, 2019. – 224 с.

15. Об утверждении Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 сент. 1998 г., № 1450 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

16. Никитин, Ю. А. Ответственность за нарушения в сфере закупок [Электронный ресурс] : [по сост. на 16.09.2019 г.] / Ю. А. Никитин // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

17. Об организации и проведении процедур закупок товаров (работ, услуг) и расчетах между заказчиком и подрядчиком при строительстве объектов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 янв. 2014 г., № 88 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

18. Копия постановления по делу об административном правонарушении № 17709190628 // Архив прокуратуры Брестской области за 2017 г.

19. Карапетян, А. Г. Административная ответственность за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / А. Г. Карапетян. – М., 2018. – 208 л.

20. Гончарова, Г. В. Коррупционные риски в ходе процедур закупок / Г. В. Гончарова // Промышл.-торговое право. – 2014. – № 7. – С. 42–45.

21. Книга контрактного управляющего / О. М. Воробьева [и др.] ; под ред. А. А. Храпкина. – М. : Принт Про, 2016. – 460 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.03.2020

Bildeiko A. A. Administrative Responsibility for Offences of Procurement Law in Construction: Ways of Legislative Improvement

The article considers the problem of imperfections in the legislation providing for responsibility for offenses of the law on procurement of goods (works, services) in construction. The need to regulate public procurement by one normative legal act, including in the sphere of the construction, is justified. It is proposed to revise the Article of the Code of Administrative Offences of the Republic of Belarus providing for responsibility for offenses of the law on procurement in construction. When designing the disposition of this norm, it is important to define correctly the object, the objective side and the subjects of this offence, and to differentiate responsibility depending on the severity of the possible consequences of the misconduct.

УДК 341.96

М. А. Журова

*магистр юрид. наук, аспирант каф. международного частного и европейского права
Белорусского государственного университета,
юрист ООО «Арцингер и партнеры»
e-mail: maryia.zhurova@gmail.com,*

МЕХАНИЗМ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ТЕННИСЕ

Дана правовая характеристика механизма расследования коррупционного правонарушения в теннисе. Цель работы – раскрыть правовую сущность антикоррупционной деятельности мирового спортивного сообщества в теннисе, выявить особенности закрепленных механизмов расследования коррупционного правонарушения. Поставлен вопрос соответствия такого механизма принципу автономии спорта и законодательства.

Введение

В настоящее время борьба с коррупцией является одним из основных векторов не только политики государств, но и мирового спортивного сообщества в частности [1]. Представляя собой серьезную угрозу верховенству закона, демократии и правам человека, равенству и социальной справедливости, коррупция в сфере спорта обретает свои отличительные формы. Так, помимо общих коррупционных явлений, характерных для многих правоотношений, например, взятки, в сфере спорта стоит выделить дополнительно такие формы коррупции, как недобросовестная замена более результативного спортсмена (команды, животного) менее результативным, допинг, взятки за право проведения спортивных мероприятий, намеренный проигрыш матча [2].

Принимая во внимание тот факт, что спорт затрагивает не только частноправовые, но и публичные отношения, некоторые спортивные организации ведут борьбу с коррупцией в спорте с помощью государства. В качестве примера можно привести Итальянскую Республику, где совместными усилиями государства и спортивного сообщества создана Комиссия по контролю за допингом и по охране здоровья при занятии спортом, которая при тесном взаимодействии с карабинерами осуществляет расследование и наказание за нарушения антидопинговых правил [3].

В свою очередь, руководствуясь принципом независимости спорта, представляющим собой право спортивных организаций на независимое и автономное управление своим видом спорта [4], другие спортивные организации ведут борьбу с коррупцией в своем виде спорта самостоятельно, в том числе посредством создания специализированных институтов. Интересным является Международная федерация тенниса, которая для борьбы с коррупцией создала организацию Tennis Integrity Union (TIU).

Расследование коррупционных правонарушений

TIU – это антикоррупционный орган, который ответственен за соблюдение политики нетерпимости к коррупции в форме взяточничества. Основными приоритетами соблюдения такой политики является принятие превентивных и образовательных мер, проведение расследования нарушений и преследование нарушителей [5].

Особый интерес представляет сам механизм расследования и его соответствие стандартам, обычно устанавливаемым законодателем в отношении любого рода преследований правонарушителей. Стоит отметить, что указанная проблематика не получила широкого распространения ни в доктрине, ни в законодательстве стран. Более того, основной правоприменительный институт в сфере спорта – Спортивный арбитражный

суд в г. Лозанне (Швейцария) (далее – Спортивный арбитражный суд) – также пока не выработал соответствующей практики в отношении рассматриваемого механизма, так как по опубликованным сведениям суд рассмотрел всего одно дело по указанному вопросу. Таким образом, основными источниками регулирования являются непосредственно сами Правила, а также источники применимого права – законодательство штата Флорида.

Политика нетерпимости к коррупционным нарушениям урегулирована Правилами по борьбе с коррупцией в виде спорта «теннис» (далее – Правила). Указанные правила регулируют весь процесс борьбы с коррупционными нарушениями, начиная от урегулирования состава деяния, нарушающего Правила, заканчивая стадиями рассмотрения такого нарушения Правил уполномоченными лицами ТПУ [6]. При этом указанная деятельность по противодействию коррупции в теннисе согласно п. 2 раздела К «Общие положения» Правил подлежит регулированию правом штата Флорида (США) [6].

Сразу стоит отметить обязательный характер таких Правил для субъектов спортивного права (например, тренеров, спортсменов). Указанные субъекты участвуют в соревнованиях посредством заполнения формы участия, подписание которой является обязательным условием участия в них. Такая форма изначально содержит положение о применимом праве, а в случае с видом спорта «теннис» и обязательства заинтересованного лица соблюдать Правила. Таким образом, на практике зачастую случается так, что заинтересованное лицо, подписывая форму участия, соглашается на соблюдение Правил, но фактически не ознакомливается с ними и, как результат, узнает об особенностях механизма расследования уже после своего привлечения в процесс расследования нарушения. Тем не менее заявление заинтересованного лица о том, что он не был ознакомлен с Правилами в момент подписания формы участия, так как положения Правил не указаны непосредственно в форме участия или не предоставлены в качестве приложения к ней, не будет принято Спортивным арбитражным судом как основание для отмены решения, принятого в соответствии с Правилами [7]. В то же время национальные теннисные федерации, целью которых является в том числе и защита интересов своих членов, не принимают мер по внедрению образовательных программ в сфере политики нетерпимости к коррупции в теннисе.

Основанием для начала проведения расследования является не только точная осведомленность в том, что нарушение Правил было совершено, но и подозрение в таком нарушении (п. 2 Правил). Стоит отметить, что требования к «подозрению» не установлены. В то же время санкция за то, что лицо знало или имело подозрение о возможности нарушений Правил, но не сообщило уполномоченным лицам ТПУ, является аналогичной санкции, установленной для непосредственного нарушителя [7, E1, 6]. Отметим, что основными санкциями зачастую являются дисквалификация и (или) денежный штраф. При этом размер денежного штрафа может быть в среднем от 5 000 евро до верхнего порога в 250 000 евро.

В свою очередь, восьмая поправка к Конституции США закрепляет принцип пропорциональности наказания тяжести совершенного преступления: «Чрезмерные залогов не должны требоваться, чрезмерные штрафы не должны налагаться, и жестокие и необычные наказания не должны назначаться» [8]. Конституционный Суд США в определении пропорциональности наказания выработал несколько подходов.

Первый состоит в определении, насколько одно нарушение более тяжкое по сравнению с другим. Как результат, тяжесть наказания за различные преступления также должна отличаться. Второй подход определяет пропорциональность путем сравнения тяжести преступления и строгости наказания за него. Третий заключается в определении соотношения тяжести наказания с достижением его целей (восстановле-

ние социальной справедливости, исправление виновного и предупреждение совершения новых преступлений).

С учетом указанных подходов закрепление ТПУ одинаковых санкций как к лицу, которое имело подозрение о возможности нарушений Правил, но не сообщило уполномоченным лицам ТПУ, так и к лицу, непосредственно нарушившему Правила (например, приняло взятку), противоречит основополагающим принципам проведения расследования [9].

Еще одним неоднозначным вопросом является положение Правил, которое устанавливает отказ от средств защиты и привилегий, обеспечиваемых любым законом в любой юрисдикции. Раздел F «Расследование и процедура» Правил обязывает затрагиваемое лицо (любой игрок, связанное лицо или персонал организационно-технической поддержки соревнований) по запросу уполномоченных лиц ТПУ предоставлять все имеющиеся сведения в отношении совершения коррупционного нарушения. При этом среди таких обязанностей стоит отдельно выделить обязанности затрагиваемого лица участвовать в опросах, предоставлять персональные устройства (в том числе мобильные телефоны, планшетные устройства и/или ноутбуки) и доступ к учетным записям в любых социальных сетях и к облачным хранилищам, а также документы или электронные записи, связанные с предполагаемым коррупционным правонарушением (включая среди прочего детальные телефонные счета, содержимое полученных и отправленных SMS-сообщений и сообщений в системе WhatsApp, банковские выписки, записи интернет-сервисов).

Пунктом 2(d) раздела F «Расследование и процедура» определено, что, участвуя в любом мероприятии (профессиональный теннисный матч или другое теннисное соревнование) или получая аккредитацию на любое мероприятие либо заполняя форму регистрации и/или форму соглашения с игроком, затрагиваемое лицо на договорной основе соглашается на лишение любых прав, средств защиты и привилегий, обеспечиваемых любым законом в любой юрисдикции в отношении отказа или задержки в предоставлении информации, затребованной ТПУ или его уполномоченным лицом.

Указанное положение об отказе от средств защиты и привилегий, обеспечиваемых любым законом в любой юрисдикции, представляет особый интерес в разрезе категории защиты прав и свобод человека. С точки зрения применимого права штата Флорида рассматриваемое положение абсолютно легитимно. Согласно законодательству этого штата частные субъекты вправе отказаться от своего права на средства защиты и привилегии, обеспечиваемые законом. Учитывая применимое право штата Флорида, такой отказ от защиты и привилегий решением Спортивного арбитражного суда был признан правомерным [7].

В то же время в сравнении с правом Флориды законодательство, например, и Республики Беларусь, и Российской Федерации каждому гарантирует защиту его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом. Указанное право в этом случае представляет собой конституционное право. Как результат, отказ от права на обращение в суд может быть признан законодателем ничтожным: право на судебную защиту составляет часть общего правового статуса человека и гражданина (*status negativus*), а также служит гарантией этого права (*status positivus*) [10, с. 249]. Человек и гражданин обладают этим правом независимо от того, есть ли конкретный повод требовать защиты его прав и свобод [11, с. 255]. Следовательно, право на судебную защиту относится к числу прав, которые не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах.

Таким образом, в случае выражения несогласия заинтересованным лицом на применение права штата Флориды, вопрос о действительности положения об отказе от средств защиты и привилегий, обеспечиваемых любым законом в любой юрисдикции, будет подлежать разрешению соответствующей юрисдикцией.

Раздел G «Надлежащая процедура» Правил закрепляет, что при открытии производства антикоррупционный эксперт, проводящий слушание, обязан направить затрагиваемому лицу уведомление об открытии производства по делу о совершении последним коррупционного нарушения. Согласно пункту 1(e) раздела G Правил, если такое затрагиваемое лицо не согласно с предъявляемыми обвинениями, то оно обязано в течение 14 рабочих дней с даты получения уведомления направить антикоррупционному эксперту письменный запрос о проведении слушания [6].

В случае если затрагиваемое лицо не подаст письменный запрос на проведение слушания, то это будет расценено в рамках Правил, как: (i) отказ от своего права на проведение слушания; (ii) признание факта совершения указанного в уведомлении коррупционного правонарушения; (iii) выражение согласия с возможными санкциями, указанными в уведомлении; (iv) признание права антикоррупционного эксперта, проводящего слушание, вынести решение, подтверждающее факт совершения указанного в уведомлении коррупционного правонарушения (правонарушений) и предписывающее применение санкций.

В то же время, например, в уголовном праве штата Флорида закреплён принцип «*corpus delicti*». Согласно указанному принципу, для установления вины необходимо, чтобы были доказаны все элементы правонарушения, при этом даже признание обвиняемого не является достаточным и абсолютным доказательством [12]. Право штата требует, чтобы состав преступления был установлен независимо от сделанного признания, прежде чем такое признание будет допущено в качестве доказательства [13; 14]. Аналогичное требование по необходимости доказать вину посредством предоставления более веских доказательств содержится и в гражданском праве рассматриваемого штата [15].

В свою очередь, положения о том, что непредоставление письменного запроса на проведение слушания является достаточным для установления вины и применения санкции, право штата Флорида не предусматривает. Таким образом, рассматриваемое положение Правил представляется противоречивым с точки зрения своей легитимности.

Критерием доказанности совершения коррупционного нарушения, согласно пункту 3(b) раздела G «Надлежащая процедура» Правил, является наличие более веских доказательств. При этом в вопросах определения, что является вескими доказательствами и какие из них приемлемы для вынесения решения по делу, антикоррупционный эксперт, проводящий слушание, не связан ни одной юрисдикцией (п. 3(c) раздела G Правил). Так, единственным критерием приемлемости доказательств при расследовании коррупционного нарушения, проводимом ПТУ, является собственное убеждение антикоррупционного эксперта по указанному вопросу. Такие наиболее близкие по характеру правоотношений отрасли права, как уголовное и административное процессуальное право, устанавливают, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в их совокупности – с точки зрения достаточности. Указанные критерии оценки доказательств установлены и правом штата Флорида [16, ст. 90.107, 90.401]. Таким образом, Правила в отличие от законодателя лишили рассматриваемый вопрос объективных критериев оценки, оставив лишь субъективный фактор – убеждение антикоррупционного эксперта.

Заклучение

Учитывая вышеизложенное, представляется, что рассматриваемые Правила подлежат приведению в соответствие с требованиями, обычно предъявляемыми законодателем к надлежащей процедуре проведения расследования:

1) назначение разных санкций за разные составы нарушений Правил, которые соответствовали бы установленному законодателем принципу пропорциональности наказания;

2) с целью соблюдения конституционных прав человека исключить положение Правил, согласно которому заинтересованное лицо отказывается от средств защиты и привилегий, обеспечиваемых любым законом в любой юрисдикции;

3) руководствуясь требованиями законодателя, установленными в отношении доказывания вины нарушителя, исключить положение Правил, согласно которому предоставление письменного запроса на проведение слушания является достаточным для установления вины и применения санкции;

4) с целью введения объективных критериев оценки доказательств подчинить положения Правил об оценке доказательств применимому праву.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Corruption: Expanding the focus [Electronic resource] / ed. by M. Barcham, B. Hindess, P. Larmour. – Canberra : ANU E Press. – Mode of access: <https://press-files.anu.edu.au/-downloads/press/p191341/pdf/book.pdf>. – Date of access: 29.09.2019.

2. Graycar, A. Corruption: Classification and analysis [Electronic resource] / A. Graycar // Policy and Society. – Vol. 34, iss. 2, June 2015. – P. 87–96. – Mode of access: https://www.researchgate.net/pub-lication/-276299889_Corruption_Classification_and_analysis. – Date of access: 29.09.2019.

3. Commissione per la vigilanza ed il controllo sul doping e per la tutela della salute nelle attività sportive [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.salute.gov.it/portale/temi/p2_6.jsp?lingua=italiano&id=131&area=antiDoping&menu=commissione. – Date of access: 29.09.2019.

4. Olympic Charter [Electronic resource] / International Olympic Committee. – Mode of access: <https://www.olympic.org/documents/olympic-charter>. – Date of access: 29.09.2019.

5. Tennis Integrity Union [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.tennis-integrityunit.com/>. – Date of access: 29.09.2019.

6. Tennis Anti-Corruption Program (2019) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.tennisintegrityunit.com/storage/app/media/TIU%20Documents/TACP.pdf>. – Date of access: 29.09.2019.

7. CAS 2014/3467 Guillermo Olaso de la Rica v / Tennis Integrity Unit [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.centrostudisport.it/PDF/TAS_CAS_ULTIMO/156.pdf. – Date of access: 29.09.2019.

8. Eighth Amendment to the USA Constitution [Electronic resource]. – Mode of access: <https://constitutioncenter.org/interactive-constitution/amendment/-amendment-viii>. – Date of access: 29.09.2019.

9. Youngjae, L. Why Proportionality Matters [Electronic resource] / L. Youngjae. – Mode of access https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1068&context=penn_law_review. – Date of access: 29.09.2019.

10. Кательников, М. Г. Право на судебную защиту: понятие и сущность / М. Г. Кательников // Вестн. ЮУрГУ. Сер. «Право». – 2006. – № 3. – С. 247–252.

11. Конституция Российской Федерации : проблем. коммент. / редкол.: В. А. Четвернин (отв. ред.) [и др.]. – М., 1997. – С. 414.

12. Syverud v. State, 987 So. 2d 1250, 1251 (Fla. 5th DCA 2008) [Electronic resource] / Supreme Court of Florida. June 26, 1997. – Mode of access: <https://www.courtlistener.com/opinion/1723720/franqui-v-state/>. – Date of access: 29.09.2019.

13. Bassett v. State, 449 So. 2d 803 (Fla. 1984) [Electronic resource] / Supreme Court of Florida. March 8, 1984. – Mode of access: <https://www.courtlistener.com/opinion/1728783/bassett-v-state/>. – Date of access: 29.09.2019.

14. *Frazier v. State*, 107 So. 2d 16 (Fla. 1958) [Electronic resource] / Supreme Court of Florida. November 21, 1958. – Mode of access: <https://www.courtlistener.com/opinion/1740273/frazier-v-state/>. – Date of access: 29.09.2019.

15. Florida Standard Jury Instructions in Civil Cases [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.floridasupremecourt.org/content/download/243071/2143268/entire-Document.pdf>. – Date of access: 29.09.2019.

16. The Federal Rules of Evidence [Electronic resource] : with amendments dated of 2019. – Mode of access: <https://www.rulesofevidence.org/>. – Date of access: 29.09.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.11.2019

Zhurava M. A. Anti-Corruption Mechanism in Tennis

The article deals with the anti-corruption institution in tennis. The main goal of the article is to characterise the legal nature of the anticorruption movement in professional tennis as well as to define the main peculiarities of the anticorruption institution. The article raises the question on the institution compliance with the legal sport principles and legislation.

РЭЦЭНЗП

ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫ ПОГЛЯД НА ЗАХОДНЮЮ БЕЛАРУСЬ У СКЛАДЗЕ МІЖВАЕННАЙ ПОЛЬШЧЫ

Савіч, А. А. Айчынная гістарыяграфія гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гадоў : манаграфія / А. А. Савіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэст. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2019. – 300 с.

Для паўнаватраснага развіцця гістарычнай навукі надзвычай важным з’яўляецца асэнсаванне працэсу і вынікаў навукова-даследчыцкай працы. Гэтая самарэфлексія гісторыі мае значэнне ў дачыненні да паглыблення прадмета даследавання і яго аб’ектывацыі, асабліва па тых праблемах і тэмах, якія на адпаведных гістарыяграфічных адрэзках асвятляліся недастаткова, павярхоўна, тэндэнцыйна. Пры гэтым аб’ектыўнасць і навуковасць даследаванняў не былі асноватворнай падставай стварэння гістарычных твораў, а залежалі ад дзяржаўных ідэйна-палітычных патрэб. У выніку паўставала вялікая колькасць штампаў, стэрэатыпаў і недакладнасцей, якія працягваюць сваё жыццё, значна скажаючы гістарычнае мінулае народаў і дзяржаў.

Такога кшталту разважанні пацвярджаюць актуальнасць манаграфіі А. А. Савіча, прадметна скіраванай на асэнсаванне беларускай гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі ў складзе міжваеннай Польшчы ў 1921–1939 гг. Даследчык акцэнтуюе ўвагу на грамадска-палітычных, інстытуцыянальна-арганізацыйных, кадравых, праблемна-тэматычных паказчыках беларускай гістарыяграфіі праблемы і абумоўленай імі навуковай гістарычнай літаратуры БССР і Рэспублікі Беларусь на працягу 1920-х – 2000-х гг.

У якасці асноўных гістарыяграфічных крыніц, якія акрэслілі прадметнае поле манаграфіі, сталі навуковыя працы па гісторыі краю, падрыхтаваныя і апублікаваныя ў савецкі час і ў перыяд Рэспублікі Беларусь: манаграфіі, кандыдацкія і доктарскія дысертацыі, аўтарэфераты, навуковыя артыкулы ў часопісах, зборніках і матэрыялах навуковых канферэнцый, а таксама зборнікі дакументаў і матэрыялаў, якія непасрэдна і ўскосна раскрываюць і адлюстроўваюць скіраванасць гістарыяграфіі праблемы на адпаведных этапах яе развіцця, эгадакументальныя матэрыялы ў выглядзе перапіскі, мемуараў, успамінаў, справаздач – як апублікаваных, так і тых, якія знаходзяцца на архіўным захаванні. Пры гэтым аўтар улічваў і замежныя навуковыя даследаванні, у першую чаргу і ў значным аб’ёме працы польскіх гісторыкаў, а таксама некаторыя публікацыі літоўскіх і ўкраінскіх аўтараў.

Дадзенае гістарыяграфічнае даследаванне вызначаецца сярод іншых аналагічных наяўнасцю шматлікіх архіўных матэрыялаў, на падставе якіх аўтар раскрывае і прэзентуе арганізацыйна-метадалагічныя, арганізацыйна-кадравыя, ідэйна-палітычныя прыярытэты беларускай афіцыйнай гістарыяграфіі і эмпірычныя паказчыкі гістарыяграфічнага працэсу. Цікавыя сваёй змястоўнасцю матэрыялы архіваў Беларусі, Польшчы і Расіі дазволілі аўтару правесці, удакладніць і скарэктываваць многія аспекты даследуемых гістарычных з’яў, выявіць перспектывы развіцця гістарыяграфіі заходнебеларускай праблематыкі.

Звяртаючы ўвагу на структуру манаграфіі, адзначым, з аднаго боку, яе лагічнасць і прадуманасць, з другога боку, абумоўленасць прыярытэтамі і скіраванасцю савецкай і постсавецкай гістарыяграфічнай традыцыі адлюстравання гісторыі Заходняй Беларусі. Кніга мае ўводзіны, шэсць глаў, заключэнне і спіс выкарыстанай літаратуры. Уводзіны разам з першай главай «Гістарыяграфія, крыніцы і метадалогія даследавання» выяўляюць актуальнасць даследавання, яе мэты і задачы, прэзентуюць наяўны ўзровень распрацоўкі прадмета даследавання, навукова-метадалагічныя і крыніцазнаўчыя пазіцыі

аўтара. Пры гэтым выразна выяўляецца павага да вялікай колькасці даследчыкаў і іх публікацый, прысвечаных пастаноўцы і даследаванню заходнебеларускай праблематыкі ў гістарыяграфічным рэчышчы. Адпаведныя напрацоўкі справядліва кваліфікаваны як навукова-тэарэтычны і эмпірычна-крыніцазнаўчы грунт комплекснай распрацоўкі гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг., пацвярджаючы імкненне аўтара да аб'ектыўнасці, якая забяспечваецца, апрача іншага, улікам разнастайных поглядаў і меркаванняў адносна гістарыяграфічных паказчыкаў міжваеннай гісторыі Заходняй Беларусі.

Другая глава прысвечана высвятленню арганізацыйна-навуковых і крыніцазнаўчых падстаў станаўлення і развіцця беларускай гістарыяграфіі праблемы. Аўтар выяўляе савецкія палітыка-прапагандысцкія і ваенна-палітычныя памкненні па інфармацыйна-аналітычным забеспячэнні антыпольскіх настрояў і магчымага ваеннага канфлікту паміж СССР і Польшчай. Па меркаванні аўтара, да такога кшталту функцый далучаліся і створаныя навуковыя цэнтры па вывучэнні Заходняй Беларусі, звязаныя з КПЗБ, КПП і КПБ. Выданне паказвае эвалюцыю ідэйна-палітычных пазіцый гістарыяграфіі праблемы, адлюстроўвае канкурэнцыю поглядаў і падыходаў да яе адлюстравання, складаныя гісторыка-антрапалагічныя ўмовы навукова-даследчыцкай дзейнасці, у тым ліку рэпрэсіі 1930-х гг. Значная ўвага нададзена навукова-метадалагічным аспектам гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі, якая з 1920-х гг. пачала моцна залежыць ад марксісцка-ленінскіх пастулатаў, атрымліваючы жорсткае ўздзеянне сталінскай традыцыі і канцэптualaнае зьядненне ў 1930-я гг. – першай палове 1950-х гг., а ў наступным дэманструючы класічныя савецкія ідэйна-навуковыя пазіцыі, з пачатку 1990-х гг. паступова пераходзячы да т. зв. беларускай нацыянальна-дзяржаўнай канцэпцыі. Важным навукова-арганізацыйным аспектам, які атрымаў значнае асэнсаванне, стала фарміраванне і ўмацаванне крыніцазнаўчай базы, адлюстраваныя яе цяжкасці і здабыткі на розных этапах развіцця гістарыяграфіі праблемы.

Ключавым аспектам трэцяй главы «Адміністрацыйна-палітычнае становішча Заходняй Беларусі ў даследаваннях айчынных аўтараў» стала асэнсаванне гістарыяграфіі Рыжскага міру ў кантэксце заходнебеларускай гісторыі, вызначэння тэрыторыі і насельніцтва Заходняй Беларусі і дзяржаўнай палітыкі Польшчы ў краі. Аўтару ўдалося выявіць эвалюцыю поглядаў беларускіх даследчыкаў на абумоўленасць сітуацыі ў краі польскай палітыкай, у прыватнасці, адзначана, што ідэйна-палітычная скіраванасць айчынных публікацый 1920-х гг. зыходзіла з непрыняцця наступстваў Рыжскага міру і акупацыі Заходняй Беларусі Польшчай, выкрыцця і асуджэння яе акупацыйна-захопніцкай каланіяльнай палітыкі, накіраванай на асіміляцыю і паланізацыю, і гераізацыі рэвалюцыйнай барацьбы на чале з кампартыяй. Аўтар адзначае, што ва ўмовах беларусізацыі і рэалізацыі некаторых пазіцый нацыянальна-дзяржаўнага характару ў даследаваннях прысутнічалі аб'ектыўныя звесткі і аб станоўчых праявах і тэндэнцыях у эканамічным, грамадска-палітычным і сацыяльна-культурным жыцці краю, што ва ўмовах істотнага пагаршэння гістарыяграфічнай сітуацыі ў 1930-я гг. стала немагчымым.

Па справядлівым выказванні аўтара, сацыяльна-эканамічныя працэсы паводле марксісцка-ленінскіх традыцый мелі статус асноватворных, базісных, вызначаючы матэрыялістычную сутнасць савецкай гістарыяграфіі праблемы, адпаведныя пытанні якой пададзены аўтарам у чацвёртай главе. Даследчык акцэнтует увагу на тым, што вызначальнай спецыфікай адлюстравання беларускімі савецкімі гісторыкамі прамысловасці, рамяства, гандлёвых адносін, аграрнай гісторыі і польскіх пераўтварэнняў у сельскагаспадарчай сферы Заходняй Беларусі стала мэтанакіраванае падкрэсліванне і перабольшванне цяжкасцей гаспадарча-эканамічнага жыцця як наступстваў «акупацыйна-захопніцкай палітыкі Польшчы». Толькі адзінкавыя згадкі пра станоўчыя «прагрэсіўныя» з'явы эканомікі краю не маглі выправіць аднабаковасці і тэндэнцыйнасці канцэпцыі

сацыяльна-эканамічнай гісторыі, аб'ектывізацыю навейшых беларускіх даследаванняў якой выданне слушна звязвае са зменамі грамадска-палітычнай сітуацыі і неабходнасцю ўдасканалення сацыяльна-эканамічнага жыцця ў Рэспубліцы Беларусь.

Уважлівы гістарыяграфічны аналіз сацыяльна-культурнай праблематыкі гісторыі Заходняй Беларусі і яго вынікі прадстаўлены ў пятай главе «Стан даследавання гісторыі культуры», прадметная скіраванасць якой выяўляецца праз асэнсаванне працэсу навуковай распрацоўкі праблем адукацыі, асветы і мастацтва і канфесійнай гісторыі краю. Аўтар прыходзіць да справядлівай высновы, што сацыяльна-культурная гісторыя Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. на ўсіх этапах беларускай гістарыяграфіі праблемы вызначалася высокай ступенню актуальнасці, але адрознівалася ў арганізацыйна-навуковым плане, маштабамі прэзентацыі і сюжэтна-тэматычным нападзеннем. У прыватнасці, у савецкі перыяд тэма актыўна выкарыстоўвалася ў якасці пацвярджэння цяжкага становішча заходнебеларускага насельніцтва, абмежаванага жорсткім ціскам польскіх улад, і для ілюстрацыі рэвалюцыйнай барацьбы. Сацыяльна-культурная праблематыка развівалася паводле марксісцкаленінскіх сацыяльна-класавых канонаў, накіраваных на нівеліраванне нацыянальных рысаў і выхаванне інтэрнацыяналісцкіх пачуццяў, ігнараванне сацыякультурнай дзейнасці, якая не ўпісвалася ў фармат пралетарскай культуры і стала вынікам духоўнай творчай дзейнасці прадстаўнікоў сацыяльна і нацыянальна «чужых» дзеячаў і суполак.

У адрозненне ад вышэйзгаданых аспектаў гісторыі Заходняй Беларусі, паводле аўтара, палітычная актуальнасць рэлігійна-канфесійнай праблематыкі ў сістэме грамадска-палітычных і міжнародных адносін у 1920–1930 гг. патрабавала ад айчынных аўтараў асцярожнасці і вытрымкі пры падачы адпаведных пытанняў. Можна пагадзіцца з аўтарам, што паглыбленне адпаведнай тэматыкі ў пасляваенны час адбывалася за кошт прадметнай пастаноўкі гісторыі каталіцкай царквы ў Заходняй Беларусі, якая ў даследаваннях атрымала паглыбленне і ярка выражаныя негатыўныя характарыстыкі ў сувязі з непрыняццем і крытыкай Ватыканам савецкай улады. Заслугоўвае ўвагі выснова, што бачны росквіт канфесійнай гісторыі Заходняй Беларусі ва ўмовах існавання Рэспублікі Беларусь спрыяў стварэнню фактычна новай этнаканфесійнай гісторыі краю, у якой стан і праблемы функцыянавання праваслаўя царквы, каталіцтва, уніяцтва, пратэстанцтва і іўдаізму падаюцца як частка духоўнай культуры насельніцтва Заходняй Беларусі ва ўмовах жадання польскай улады садзейнічаць стварэнню і функцыянаванню такой ідэйна-духоўнай сферы, якая забяспечыла б неканфліктнае суіснаванне рэлігійных аб'яднанняў і дзяржаўных дзеянняў.

Шостая глава «Грамадска-палітычная гісторыя ў даследаваннях айчынных аўтараў» з'яўляецца лагічным працягам папярэдняй манаграфіі аўтара «Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гады): гістарыяграфія праблемы» (Брэст, 2012), у якой, у прыватнасці, адлюстраванне праблематыкі дзейнасці польскіх і яўрэйскіх партый і арганізацый падавалася ў назыўным парадку. У рэцэнзаваным жа выданні аўтар выяўляе станаўленне і развіццё названых аспектаў грамадзянскай гісторыі, якое ад назыўнога парадку і негатыўна-скептычных ацэнак дзейнасці ППС, Бунда, праўрадавых партый і іншых палітычных сілаў ва ўмовах сучаснай беларускай навукі перайшло да манаграфічнага асэнсавання з прызнаннем іх важнай стваральнай грамадска-палітычнай і сацыяльна-культурнай ролі. Разам з асэнсаваннем гістарыяграфіі беларускіх грамадска-палітычных групак цікавасцю вызначаецца і падача гістарыяграфіі ўзброенага супраціўлення польскай уладзе, якая, паводле аўтара, дэманстравала зменлівасць падыходаў і фактаграфічнага нападнення, але, нягледзячы на яе актуальнасць, багаты масіў крыніц так і не атрымаў манаграфічнага даследавання.

Дастаткова лагічнымі з'яўляюцца падсумаванні аўтара ў заключэнні, выклікаючы, як і ўся кніга, шмат думак і разважанняў, у тым ліку і адносна пазіцый беларускіх

і польскіх навукоўцаў. Аналіз аўтарам беларускай гістарыяграфіі прывёў да высновы аб яе эмпірычна-фактаграфічнай несупярэчлівасці з польскімі даследаваннямі з істотнай розніцай у інтэрпрэтацыі сутнасных падзей гісторыі Заходняй Беларусі. Што да перспектывы развіцця беларускай гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг., то аўтар іх бачыць у актывізацыі архіўна-пошукавай справы, адкрыцці новых і пашырэнні факталагічнай панарамы вядомых гістарычных фактаў, выкарыстанні актуальных навукова-метадалагічных напрацовак гістарычнай навукі, накіраваных на выяўленне гісторыка-антрапалагічных акалічнасцей мінулага краю ва ўмовах плюралістычнай парадыгмы гісторыі, выкарыстання міждысцыплінарнага падыходу, з пункту гледжання гісторыі паўсядзённасці, мікрагісторыі, псіхагісторыі, гендарнай, лакальнай і вуснай гісторыі.

***Антоній Мірановіч,**
доктар габілітаваны, прафесар,
загадчык кафедры гісторыі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы
Універсітэта ў Беластоку (Польшча)*

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфератах, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А. Г. Хадыева, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 01.06.2020. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 23,48. Ул.-выд. арк. 16,11.

Тыраж 100 экз. Заказ № 151.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,

распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.